

Московский журнал международного права

ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА
НАУК:

- БЛИЩЕНКО И.П.:
КАК ВОСПИТЫВАТЬ
СВОБОДУ МЫСЛИ,
А НЕ ВОЛЬНОДУМСТВО
- ПОХЛЕБКИН В.В.:
МАВЗОЛЕЙ ЛЕНИНА —
ИНСИГНИЯ РОССИИ
- ТАЛАЛАЕВ А.Н.:
УРОКИ ПРОШЛОГО ДЛЯ
ДНЯ СЕГОДНЯШНЕГО
- УИЛЬЯМ ШАБАС
(КАНАДА):
ВЗГЛЯД НА МЕЖДУ-
НАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ
СУД С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЗАПАДА
- ШАМБА С.М.(СУХУМ):
А ТЕПЕРЬ МНЕНИЕ
АБХАЗЦА

Moscow Journal of International Law

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель
Ю. М. КОЛОСОВ (Москва)
Члены Редаксовета:
Н. И. АКУЕВ (Алма-Ата),
Э. Д. БЕЙШЕМБИЕВ (Бишкек),
И. И. БЕРГХОЛЬЦАС (Рига),
В. Г. БУТКЕВИЧ (Киев),
Р. В. ДЕКАНОЗОВ (Тбилиси),
Г. В. ИГНАТЕНКО (Екатеринбург),
А. Л. КОЛОДКИН (Москва),
В. В. КОЧАРЯН (Ереван),
Г. И. КУРДЮКОВ (Казань),
С. А. МАЛИНИН (Санкт-Петербург),
Л. В. ПАВЛОВА (Минск),
В. П. ПАРХИТЬКО (Москва)
А. Х. САИДОВ (Ташкент),
Л. А. СКОТНИКОВ (Москва),
А. В. ТОРКУНОВ (Москва),
А. А. ТРЕБКОВ (Москва),
М. О. ХАЙТОВ (Ашхабад),
Ю. Ю. ШАТАС (Вильнюс),
В. Н. ЯКОВЛЕВ (Ижевск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
В. П. ПАРХИТЬКО
Члены Редакколлегии:
Л. Б. АРХИПОВА,
К. А. БЕКЯШЕВ,
И. П. БЛИЩЕНКО,
А. А. ГРОМЫКО-ПИРАДОВ,
И. И. КОТЛЯРОВ,
В. И. КУЗНЕЦОВ,
Е. Г. ЛЯХОВ,
Ю. Н. МАЛЕЕВ,
А. И. МУРАНОВ,
В. Г. НЕСТЕРЕНКО (заместитель
главного редактора, ответственный
за английское издание),
Т. О. РАМИШВИЛИ,
В. А. РОМАНОВ,
Ю. М. РЫБАКОВ,
Г. П. ТОЛСТОПЯТЕНКО,
Б. Р. ТУЗМУХАМЕДОВ (первый
заместитель Главного редактора),
И. Г. ФОМИНОВ,
О. Н. ХЛЕСТОВ

Издание "Московского журнала международного права" осуществляется при финансовой поддержке международной юридической фирмы "ММЦП и К^о".
Контактные телефоны: 290-42-22; 290-27-57.

Адрес в INTERNET: <http://mice.ym-com.net>

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
"СОЮЗ ЮРИСТОВ"**

Адрес редакции: 117454, Москва, проспект Вернадского, 76

телефон: 434-94-13/телефакс: 434-94-52

Адрес английской редакции: 121019, Москва Г-19, а/я 32

НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.

телефон 915-62-22; телефакс 915-16-38.

Московский журнал международного права

Moscow
Journal
of International
Law

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается
с 1991 года на русском языке
и с 1995 года — на английском,
с 1997 года введен
на обоих языках
в систему INTERNET:
www.diplomat.ru/mjilaw/

Выходит один раз
в три месяца

№ 4/99/36
октябрь-декабрь

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории

- Блищенко И.П. Проблема ограничения академических свобод 3
Уильям А. Шабас (Канада). Международный уголовный суд: исторический
шаг в деле борьбы с безнаказанностью 14
Беляев А.Е. Международно-правовое регулирование объединений по алмазам:
возможности и перспективы 34

Международное налоговое право

- Борисов К.Г. К вопросу о формировании международного налогового права в
международном общении государств 42

Международное семейное право

- Рыжкова Е.А. Смешанные браки немусульман с мусульманами. 48

Космическое право

- Рождение "Альфы" и смерть "Мира" 66

Экология и право

- Кукушкина А.В. История разработки Конвенции о запрещении военного или
любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду
1977 года (к 20-летию подписания Конвенции ENMOD) 68

Права человека

- Горшкова С.А. Дерогация по европейской конвенции и Россия. 83
Гусейнов Л.Г. (Баку). Оговорки: необходимость установления особого режима
для международных договоров о правах человека 98
Лихошерстов С.Е. Об обращении в Европейский суд по правам человека. 106

Международное уголовное право

- Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро. (Сан-Томе и Принсипи).
Международная уголовная ответственность физических лиц за преступления гено-
цида, преступления против человечности и военные преступления 113

Страницы истории

- Талалаев А.Н. Ничтожность тайн (к 10-летию объявления недействительными
Съездом народных депутатов СССР секретных договоров с Германией) 119

Вопросы территории

- Клеченов В.Е. Перу—Эквадор: пограничный спор. 127

Информация

- Зарубежный орден — российскому профессору 140

Мирное урегулирование споров

- Яснокирский Ю.А. Стокгольмский "пакет" СБСЕ/ОБСЕ по мирному
урегулированию споров (декабрь 1992 г.). 142

Книжная полка

Масаев М.В., Масаев В.М. (Симферополь). Латынь для юристов.	151
Свинарев В. Формирование парламентского контроля над военной сферой.	153
Ганюшкин Б.В. От культуры войны к культуре мира.	158
Лобанов С.А., Зубарева О.В. В помощь студентам.	163
Алешин В.В. Ассоциированный суверенитет.	166
Свинарев В.В. Проблемы мирового океана и деятельность международного комитета "Мир океанам".	168

Трибуна преподавателя и студента

Артамонов А., Игнатов А., Сагателян Р., Смирнов В. Модель ООН. ...	171
--	-----

Хроника

Иванов Д.В., Линников А.С. Права человека в России: декларации и жизнь.	175
Жукова О., Зимин М. Правозащита.	184
Иванов Д.В., Линников А.С., Трушковский П. Правовой, политический, социологический и философский аспекты прав человека.	189
Нигматуллин Р.В., Хабилов Р.Ф. Идеалы декларации и мир.	193
Никифоров Д., Романов А. Конференция по рассмотрению вопроса о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта в соответствии с положениями Гаагской конференции 1954 года.	201
Плаунова Ю., Беккин Р.И. Думал ли Гуго Гроций?	203
Герасимчук И.В. Мартенсиды продолжают.	208

Ближайшая ретроспектива (страницы обозревателя)

Бабин А. Что происходит с нашей страной?	217
--	-----

Международные организации

Гасымов И.Г. (Баку). Международная организация уголовной полиции и зарождение практики международного розыска.	221
Впервые ООН обратила внимание на вред курения.	233

Мнения из регионов

Толстых В.Л. (Новосибирск). Проблемы нормативного регулирования международной деятельности муниципальных образований.	234
Пархитко В.П. В исполнении РАМП.	240

Кто есть кто в нашей науке и практике

Безганс З.Я. (Красноярск), Козлов А.П. (Санкт-Петербург), Муранов А.И. (Москва), Номоконова Е.Н. (Владивосток), Присекина Н.Г. (Владивосток)	244
---	-----

Полемика

Шамба С.М. (Сухум). К вопросу о правовом, историческом и моральном обосновании прав Абхазии на независимость (наш ответ Л.А. Алексидзе).	253
---	-----

Наши справки

Похлебкин В.В. Что такое инсигния или что делать с мавзолеем?	267
Как распознавать документы ООН	274

Документы

Участникам и гостям Мельбурнской конференции по празднованию столетия Первой международной конференции мира (состоялась 18-20 февраля 1999 г. в Мельбурне, Австралия). Приветствие И.С. Иванова.	276
Соглашение о поставках Россией высокообогащенного урана для германского исследовательского ядерного реактора. Комментарий Е.С. Молодцовой.	277
Римский статут международного уголовного суда	284

Международная частноправовая практика юридической фирмы "ММЦП и К"

Монастырский Ю.Э. Об успешном завершении судебного дела ОАО "Морской порт Санкт-Петербурга" (некоторые аспекты применения законодательства о монополиях и недобросовестной конкуренции к отношениям с участием иностранных лиц)	352
---	-----

Информация

Герасимчук И.В. Международная конференция в Москве и Обнинске.	362
Герасимчук И.В. "Безопасный мир в XXI веке в руках молодых".	369

* * *

Предметный указатель статей и материалов, опубликованных в "Московском журнале международного права" в 1999 г.	371
Премии "Московского журнала международного права" за 1999 год.	380

Вопросы теории

ПРОБЛЕМА ОГРАНИЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ СВОБОД

И.П. Блищенко*

Проблема ограничения академических свобод - это не новая проблема, но всегда очень актуальная, так как стремление человека к знаниям не знает ограничений, с другой стороны, знания должны даваться так, чтобы и отвечать потребностям тех, кто в них нуждается, и в то же время препятствовать употреблению знаниями во вред и человеку, и народам, и международному сообществу в целом. Такая постановка вопроса, конечно, связана сегодня с новыми реальностями взаимозависимого и взаимосвязанного мира, когда преподавание знаний и их использование должно быть направлено на обеспечение благоприятных условий развития человека, его прав и свобод, человеческой цивилизации. Надо отметить, что в существующих международно-правовых документах в области прав и свобод человека нет прямого указания на академическую свободу, хотя очевидна ее связь со всеми другими правами и свободами человека и поэтому может быть отнесена к гражданским свободам человека, находящегося прежде всего под защитой международных пактов о социальных, экономических и культурных правах, о политических и гражданских правах человека 1966 г. Хотя академическая свобода связана с экономическими, социальными и культурными правами, она занимает все же особое место и, видимо, должна найти отражение в специальной международной конвенции ЮНЕСКО.

Проблема академической свободы и ее ограничений может быть понята только в контексте общепризнанных принципов и норм современного международного права как выражения развития человеческой цивилизации сегодня.

Надо отметить, что в различных государствах понятие академической свободы разное, на это накладывает свой отпечаток исторические, национальные и религиозные традиции и вместе с тем можно говорить, что ряд элементов должен присутствовать обязательно. За прошедшие

* Профессор, д-р юрид. наук, ректор Института международного права (Москва), эксперт ООН по международному праву. Подробнее об авторе см. № 1 нашего журнала за 1993 г.

два десятилетия человечество обращало внимание на тревожную тенденцию произвольного ограничения или даже ликвидации академической свободы в том или ином научном центре, что не могло заставить попытаться разработать общепризнанное определение.

Организация "Мировая университетская служба" на своем заседании в Лиме приняла Декларацию об академических свободах и автономии институтов высшего образования.

Этому предшествовали заседания комиссии, которая была создана на совещании в Нанте в 1984 г. и которая начала разработку программы "Мировой университетской службы".

Академическая солидарность и сотрудничество. Комиссия после организации обсуждения в сентябре 1981 г. в Мадриде обратилась с просьбой к г-ну Манфреду Новаку, директору Нидерландского института прав человека, разработать проект Декларации, исходя при этом из того, что, хотя и существует большое количество международных документов в области прав человека, однако в области высшего образования, что покрывало бы академическую свободу и автономию, ничего нет. Первый проект Декларации был подготовлен в январе 1987 г., обсужден комиссией, получил замечание от национальных комитетов "Мировой университетской службы", специализированных учреждений. Проект пересматривался три раза, прежде чем он был принят на Генеральной Ассамблее "Мировой университетской службы" в сентябре 1988 г.

В том же 1988 г. в Болонье была принята Декларация европейских университетов, одобренная ректорами этих университетов; в 1990 г. Ассоциация сотрудников институтов в области высшего образования в Дар-Эс-Саламе приняли Декларацию, а в ноябре была принята в Кампале Декларация на симпозиуме.

В 1991 г. в Лунде (Швеция) — в Институте им. Р. Валенберга была проведена конференция, где эксперты широко обсуждали этот вопрос. В основе Декларации лежит концепция права на образование, что тесно связано с правом на свободу мнений и выражение мнений. Декларанты исходят из того, что автономия Института - это форма академической свободы и необходимое предварительное условие для того, чтобы Институты высшего образования выполнили свои задачи. Автономия должна быть защищена как от давления государства, так и от давления частного бизнеса.

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, можно рассматривать декларации, принятые на этих встречах, как основу для дальнейшего обсуждения и совершенствования при том понимании, что эти декларации - документы неправительственной организации и наиболее эффективным средством утверждения и развития академической свободы в конечном итоге должна быть международная конвенция, принятая под эгидой ЮНЕСКО.

Прежде всего следует ответить на вопрос — что такое академическая свобода? Как ее понимать?

Хотя академическая свобода как право человека не признана на международном уровне, однако все исходят из того понимания, что

академическая свобода является основным принципом исследований и преподавания.

Выбор предмета исследования, метода исследования, теоретического анализа и распространения знаний о результатах исследования в письменной или устной форме — все это относится к области академической свободы. Представляется, что под академической свободой следует понимать два компонента, составляющие вместе одно определение: академическая свобода — это свобода членов академического сообщества индивидуально или коллективно осуществлять развитие и передачу знаний, ведение занятий в форме исследований, изучения дискуссий, составления документов, творчества, преподавания, чтения лекций и написания работ.

Очевидно, что академическое сообщество должно включать в себя всех тех, кто преподает, ведет исследования, изучает и работает в любых институтах образования, как бы они ни назывались.

Поэтому первая статья будущей конвенции ЮНЕСКО должна содержать определения академической свободы, а затем мы должны скорректировать каждую академическую свободу в контексте всех других прав человека, что позволит нам выйти на перечень определенных ограничений, которые однако должны базироваться целиком на общепризнанных принципах и нормах международного права.

При этом мы исходим из того, что ограничения, о которых пойдет речь, касаются всех других прав человека, т.е. академическая свобода не должна никоим образом ограничивать права и свободы человека и, наоборот, все права и свободы человека, их уважение, должны быть рамками, определенными ограничителями академической свободы. Это означает, что государство обязано уважать и обеспечивать соблюдение членами академического сообщества всех гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав, признанных Пактами о правах человека. Другими словами, каждый член академического сообщества должен пользоваться, в частности, правом на свободу мысли, совести, религиозных убеждений, правом на выражение мнений, на свободу собраний и ассоциаций, а также правом на безопасность и свободу передвижения. Академическая свобода, будучи одним из существенных предварительных условий права на образование, предполагает научные исследования, осуществление административных функций в области образования. Она предусматривает, что каждый член академического сообщества имеет право осуществлять все эти функции без какой-либо дискриминации и без боязни помех или репрессивных мер со стороны государства или каких-либо других кругов.

Каждое государство в соответствии с международным правом обязано уважать и гарантировать каждому члену академического сообщества те гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права, которые предусмотрены в Пактах о правах человека. В частности, каждый член академического сообщества должен пользоваться свободой мысли, свободой совести, свободой выражать свои мысли, правом на свободу ассоциаций и собраний, а также правом на свободу передвижения.

Принцип недискриминации должен применяться в отношении каж-

дого члена академического сообщества. Членом этого сообщества может быть любой человек в качестве студента, преподавателя, исследователя или сотрудника администрации. При этом фактическое неравенство членов академического сообщества не может рассматриваться как дискриминация.

Государство и любое академическое учреждение должны гарантировать стабильную и постоянную занятость преподавателям и исследователям, и никто из них не может быть отстранен от своих обязанностей без справедливого разбирательства демократически избранным органом академического сообщества.

Все члены сообщества, которые осуществляют научные исследования без вмешательства извне, свободны в своем выборе работ и преподавания за исключением тех случаев, когда это не диктуется общими принципами и методами научных исследований, общепринятыми стандартами, а также общепринятыми принципами и методами преподавания.

Необходимо подчеркнуть, что все члены академического сообщества имеют право информировать о результатах своих исследований и их публиковать и в этих целях поддерживать контакты со своими коллегами в любой части земного шара, а также в целях повышения своей квалификации.

Если говорить об отдельных членах академического сообщества, то каждый из них обладает всеми правами, предусмотренными во Всеобщей Декларации прав человека и международных Пактах, кроме того, например, студент пользуется правом свободного изучения тех предметов, которые он избрал, правом получения сведений из всех доступных ему источников и правом на официальное признание его знаний и опыта. Со своей стороны государство или частный институт, где обучается студент, должны обеспечить студентов соответствующими источниками для достижения целей обучения. Учреждения образования должны гарантировать студентам участие в руководящих органах учреждения, их возможность индивидуально или коллективно высказывать свое мнение по конкретным национальным или международным вопросам.

Государство должно принять все соответствующие меры с тем, чтобы планировать, организовать и осуществить систему образования, которая может быть и государственной и частной. Все члены академического сообщества имеют право на свободу объединений, включая право на создание своих профсоюзов для защиты своих интересов. Профсоюзы должны принимать участие в определении принципов данной профессии. Все вышеприведенные права должны осуществляться с полным пониманием ответственности и своего долга и могут быть объектом определенных ограничений, в случае необходимости, в целях защиты прав других.

Преподавание и научные исследования должны осуществляться в соответствии с общепринятыми принципами, характерными для данной профессии, и отвечать требованиям проблем, стоящих перед обществом.

Таким образом, первое ограничение академической свободы состоит в том, что последняя не может нарушить права и свободы человека,

зафиксированные во Всеобщей Декларации прав и свобод человека 1948 г. и Пактах о правах и свободах человека 1966 г.

Это означает, что академическая свобода каждого члена академического сообщества и его институтов кончается там, где начинаются права и свободы других людей.

В этой связи следует сослаться на ст. 5 Пакта о политических и гражданских правах, которая гласит: “Ничто в настоящем Пакте не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или на ограничения их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте”.

С этой точки зрения, на мой взгляд, возможны ограничения академической свободы на этом основании, однако они должны быть четко определены внутренним законом как необходимые.

Представляется, что возможно ограничение академической свободы если это необходимо для поддержания общественного порядка, здоровья и нравственности населения, охраны государственной безопасности, однако и в этом случае эти ограничения должны быть четко предусмотрены законом.

Рассмотрим в качестве примера принятый 10 июля 1992 г. Закон Российской Федерации “Об образовании”. Закон, прежде всего, провозглашая право на получение образования, являющегося одним из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан России, говорит, что образование в Российской Федерации осуществляется в соответствии с международным правом и законодательством Российской Федерации. Это ограничение академической свободы носит общепризнанный характер и, как правило, не вызывает возражения.

Закон говорит, что физические и юридические лица, нарушившие законодательство Российской Федерации в области образования, несут ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ст. 3 п. 4 Закона).

В ст. 5 Закона прямо перечисляются ограничения прав граждан на профессиональное образование (признаки пола, возраст, состояние здоровья, наличие судимости), которые могут быть только установлены Законом, хотя в принципе гражданам Российской Федерации на ее территории гарантируется возможность получения образования независимо от расы, национальности, языка, возраста, пола, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, социального происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, партийной принадлежности, наличия судимости. В законе говорится, что для всех форм получения образования в рамках конкретной основной общеобразовательной программы действует единый государственный образовательный стандарт. Вместе с тем, в закон внесены также ограничения, как “перечень профессий и специальностей, получение которых без отрыва от производства и в форме экстерна не допускается”. Этот перечень относится к федеральной компетенции и

устанавливаются Правительством Российской Федерации и утверждаются Верховным Советом.

Определенным ограничением академической свободы является требование ст. 14 п. 4 — “Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, различными расовыми, национальными, этническими, религиозными и социальными группами; учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации прав обучающихся на свободный выбор взглядов и убеждений”.

Ведению Российской Федерации, в частности, подлежит установление Федеральных требований к образовательным учреждениям в части строительных норм и правил, охраны здоровья обучающихся и воспитанников, минимальной оснащенности учебного процесса и оборудования учебных помещений. То есть здесь идет речь о соблюдении определенных ограничений образовательными учреждениями.

В Законе предусмотрено рассмотрение каждой заявки на создание образовательных учреждений Специальной экспертной комиссией. Эта комиссия создается органом государственного управления или уполномоченными им местным органом управления по заявлению учредителя и проводит всю работу в месячный срок. В эту экспертную комиссию входят на паритетных началах представители государственного органа представительной власти или местного органа управления, действующих образовательных структур, общественности.

Предметом и содержанием экспертизы является установление соответствия условий осуществления образовательного процесса предлагаемых образовательных учреждений государственным и местным требованиям в части строительных норм охраны здоровья обучающихся, воспитанников и работников образовательных учреждений, оборудования учебных помещений, оснащенности учебного процесса; образовательного центра педагогических работников и укомплектованности штатов. Содержание, организация и методики образовательного процесса предметом экспертизы не являются.

Другими словами, эта следующая группа ограничений хотя и носит технический характер, в целом может считаться направленной на повышение эффективности образования.

В этом же плане Закон предусматривает периодическую аттестацию образовательных учреждений (1 раз в 5 лет), и она ставит своей целью подтвердить или не подтвердить качество и эффективность образования, осуществляемого данным учреждением.

Закон в общих чертах определяет порядок и формы управления государственным, муниципальным образовательным учреждением, и специальная статья говорит об управлении негосударственными образовательными учреждениями. Очевидно, что указанные формы ограничений академической свободы направлены также на лучшую организацию учебного процесса и на его эффективность. Вместе с тем Закон предоставляет возможность выбора самим образовательным учреждением формы управления, наиболее адекватным образом соответствующей данному учреждению.

Следует специально подчеркнуть, что Раздел IV Закона специально

посвящен экономике системы образования, предоставляя самые широкие возможности в области прав собственности, освобождения от налогов, предпринимательской деятельности. Говоря о предпринимательской деятельности образовательного учреждения, Закон вводит определенные ограничения, подчеркивая, что она освобождается от налогов, если получаемый от нее доход полностью идет на возмещение затрат по обеспечению образовательного процесса (в том числе и на заработную плату), на его развитие и совершенствование в данном образовательном учреждении (ст. 46).

Предусматривая специально в ст. 55 права, социальные гарантии и льготы работников образовательных учреждений, Закон вместе с тем налагает на них определенные обязанности — ограничения, направленные на достижение целей образования.

Так, например, Закон запрещает применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника; появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсичного опьянения; повторное в течение года грубое нарушение Устава образовательного учреждения.

Все вышеперечисленное, помимо других положений трудового законодательства России, является основанием для увольнения педагогического работника по инициативе администрации до истечения срока контракта.

Таким образом, мы можем определить ограничения академической свободы как общепризнанные, определенные прежде всего в международном праве, и индивидуальные, определенные прежде всего во внутреннем законодательстве, которые со своей стороны носят общий характер (например, трудовое законодательство) и специальный характер (например, определенные методы преподавания, связанные с насилием).

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляют ограничения, предусмотренные в международном праве, поскольку они носят общепризнанный характер.

Об одном таком ограничении я уже писал выше — речь идет об ограничении использовать академическую свободу в ущерб правам и свободам других лиц, так как они предусмотрены во Всеобщей Декларации прав и свобод человека 1948 г. и Пактах о гражданских, политических, экономических, социальных и культурных правах 1966 г. При этом мы должны ясно представлять, что в ряде государств эти права и свободы человека отражены и во внутреннем законодательстве. Однако даже если они не нашли отражения во внутреннем законодательстве, они в силу ратификации данным государством подлежат неукоснительному соблюдению на всей его территории. При этом мы должны исходить и из тех ограничений, которые предусмотрены и в самих пактах, например, когда речь идет о требовании четкого определения в законодательстве таких ограничений, как охрана государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения.

Кроме того, когда речь идет прямо о признании права каждого

человека на образование, Пакт обязывает государство обеспечить, чтобы образование давало возможность всем быть полезными работниками свободного общества, чтобы оно способствовало взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расами, этническими и религиозными группами и содействовать работе ООН по поддержанию мира (ст. 13 Пакта об экономических, социальных и культурных правах).

Другими словами, если государство этого не обеспечивает или члены академического сообщества в своем преподавании или научном исследовании этому не следуют, то возникает вопрос о международной ответственности государства и, на мой взгляд, о международной уголовной ответственности лиц, непосредственно виновных в этом.

В этом же контексте следует рассматривать и такое международное соглашение, как Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г., которая налагает на государство, в частности, следующие обязательства: каждое государство-участник обязуется не поощрять, не защищать и не поддерживать расовую дискриминацию, осуществляемую какими бы то ни было лицами и организациями (ст. 2 п. б), а в ст. 4 говорится, что государство осуждает всякую пропаганду и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения.

Государство в соответствии с Конвенцией обязано объявить караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование.

В этой связи возникает вопрос, может ли, обязан ли преподаватель, исследователь, преподающий современные политические науки, не рассказывать ничего о расизме, фашизме и других теориях, основанных на расовой или этнической исключительности или ненависти? Если он об этом рассказывает, можно ли это квалифицировать как пропаганду, или он не должен об этом рассказывать и не должен проводить исследования. Ответ на этот вопрос сложен, поскольку мы имеем дело с разными людьми, ряд из которых может, злоупотребляя академической свободой, по существу вести пропаганду этих идей. С другой стороны, отказ от рассказа об этих идеях нарушает принцип целостности знаний, свободу и плюрализм в преподавании. Следовательно, ответ тут заключается в методике преподавания и в объективном характере исследования, что позволит члену академического сообщества выйти и на соблюдение ограничений, предусмотренных в международном праве, и, с другой стороны, представить данную идею в ее объективном содержании, тем более если она реализуется на практике. При этом мы должны исходить из этих ограничений, что обуславливает гуманистический характер преподавания, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитания гражд-

данственности и любви к Родине. Эти ограничения обуславливают также защиту системой образования национальных культур и региональных культурных традиций в условиях многонационального государства, свободу и плюрализм образования.

В этой связи мы сошлемся на дело профессора права Стокгольмского университета Якоба Сандберга (Jacob W.F. Sundberg) — см. *Minerva* — a review of science, learning and policy. — V. XXIX. — №3. — Autumn 1991.

Суть дела такова: проф. Я. Сандберг (с 1970 г. профессор Стокгольмского университета) выступал в своих лекциях против позитивистской концепции школы Университета Упсала, а также против Европейской конвенции прав человека, официальной позиции Швеции в области правовой философии и практики. Его критика касалась тех или иных ситуаций в Швеции и советского тоталитаризма. В документах говорится, что он, хотя и критиковался за односторонний подход, но никогда раньше до 1988 г. его ни в чем не обвиняли, а в 1988 г. двое студентов обвинили его в том, что его система экзаменов неправильна, а в своем преподавании он ведет “правозкстремистскую фашистскую пропаганду”, а также что он ведет “антисоциалистическую пропаганду, граничащую с фашистской”. Эти заявления стали предметом разбирательства специальной комиссии факультета (Board of line). Дело приобрело известность в печати. Обе стороны обвиняют друг друга в личной неприязни. Оказалось, что другие студенты не разделяют точку зрения этих двух студентов, которые предъявили обвинения.

Можно предположить, что в личном плане проф. Сандберг вызывает какие-то негативные эмоции, но он имеет право на свою точку зрения, может быть в методике изложения своей точки зрения он не всегда опирался на факты или давал им одностороннюю интерпретацию, что могло создать впечатление пропаганды определенной доктрины, но не занимать никакой позиции и не высказывать свое мнение, пусть и не разделяемое некоторыми слушателями, он не мог, более того, он был обязан высказать свое мнение. Это дело еще раз подтверждает мою мысль, что при свободе и плюрализме в преподавании, учитывая ограничения, которые носят общепризнанный характер, основной вопрос — это методика преподнесения материала, от которой зависит, является ли это пропагандой идей, запрещенных международным правом или речь идет о представлении разных идей и концепций как определенного уровня конкретных знаний.

Современная цивилизация в лице международного права знает ряд международных договоров и соглашений, направленных на ограничение вооружений, разоружение и запрещение конкретных видов оружия, запрещение и ограничение определенных методов применения оружия (например, запрет применения химического и бактериологического оружия, запрет бомбардировок мирных объектов, гражданского населения).

Означает ли академическая свобода, в частности, свободу исследования видов оружия и методов и средств применения этого оружия? Ответ на этот вопрос дает, в частности, ст. 36 Дополнительного протокола о международном вооруженном конфликте 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. — при изучении, разработке,

приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны каждая сторона должна определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо нормах международного права, применяемых к данной стороне.

Можно сделать вывод, что разработка таких видов оружия запрещена, и это общепризнанное ограничение академической свободы.

В соответствии с Дополнительным протоколом 1977 г. ряд действий во время вооруженного конфликта запрещен. Так, ст. 53 запрещает какие-либо враждебные акты против культурных ценностей и мест отправления культа, использовать такие объекты для поддержки военных усилий, распространять на них репрессалии. Ст. 54 ставит под защиту объекты, необходимые для выживания гражданского населения, такие как запасы продуктов питания, производящие продовольствие сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и ее запасы, ирригационные сооружения, содержащие опасные силы, в частности, плотины, дамбы и атомные электростанции (причем запрет какого-либо нападения на них имеет место и в том случае, когда такие объекты являются военными объектами, если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжелые потери среди гражданского населения). Ст. 55 запрещает использовать методы и средства ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде.

Вышеприведенное говорит о том, что исследования, имеющие вышеназванные цели, должны быть исключены, так же как должны быть исключены все исследования в области оружия массового уничтожения, т.к. их возможное применение делает не только бессмысленными какие-либо результаты такого применения для стороны, которая их применит, но и направлено на уничтожение всего живого, т.е. составляет международное преступление, что ставит вопрос о международной ответственности государства и лиц, непосредственно виновных в применении и, на мой взгляд, в исследованиях.

Все вышесказанное позволяет нам сделать ряд выводов и сформулировать ряд рекомендаций.

Прежде всего следует сказать, что академическая свобода невозможна без определенных ограничений.

Можно разделить эти ограничения на две группы: ограничения объективные и ограничения субъективные, хотя в принципе академическая свобода предусматривает исследования или преподавание в любой области на основе приемлемых методов и приемлемыми средствами, которые поддерживаются международным сообществом.

Представляется, что к объективным ограничениям следует отнести следующие: 1) ограничения исследований, которые могут нанести ущерб окружающей среде или человеческой жизни; 2) ограничения исследований, которые касаются уже запрещенной деятельности или объектов как, например, определенных видов оружия; 3) ограничения исследований, которые ведут к нарушению запрещения применения

силы в противоречие с принятыми принципами и нормами современного международного права; 4) можно также отнести к объективным ограничениям распространение идей, основанных на расовой и этнической ненависти, исключительности и нетерпимости.

К субъективным ограничениям следует отнести ответственность самого члена академического сообщества, его самоограничение.

С другой стороны, существует подход, и он высказывался на ряде семинаров, — это утверждение неограниченной академической свободы, — который, однако, встречал возражения, и в этом случае утверждалось, что лучше всего составить ограниченный список ограничений академической свободы. Однако очевидно, что этот список никогда не может быть исчерпывающим и все время могут появляться исключения, поэтому лучше всего объявить академическую свободу в принципе без каких-либо ограничений, а рамки ее как таковые ограничить только ответственностью исследователя или преподавателя. При этом предлагалось, чтобы область фундаментальных исследований никак не была ограничена.

Необходимо учитывать, что существуют другие объективные ограничения — это финансовые ресурсы академического сообщества. И основной вопрос — это вопрос о том, кто должен решать, что данный проект является необходимым для развития общества и поэтому именно на него должна быть выделена определенная сумма и является ли данная ситуация вмешательством в академическую свободу. Представляется, что в этом случае такое вмешательство и ограничения оправданы, т.к. государство и члены общества, оплачивающие исследования, имеют право определять основные направления исследований и получать определенную выгоду от этих исследований и тем самым способствовать прогрессу общества.

Очевидно, что академическая свобода ограничена внутригосударственным законодательством общего порядка (например, трудовое право).

При этом следует особо подчеркнуть, что академический проект исследований должен оцениваться только с научной точки зрения, а не с какой-либо идеологической.

Очевидно, что если университеты получают финансирование не от государства, а из других источников, то государство не может определять направление исследований, но все же может контролировать их с учетом интересов всего общества вместе со специальным контрольным органом, куда входят и представители кругов, финансирующих проекты исследований.

Представляется, что определенным арбитром в случае спора с государством мог бы быть международный специальный орган, который мог бы и решать споры и определять необходимые ограничения академической свободы.

В этом случае его структура и функции должны быть определены в специальной международной конвенции под эгидой ЮНЕСКО об академической свободе.

Другими словами, необходимость международного сотрудничества в области обеспечения академической свободы очевидна, и в этой связи

необходимостью должна быть разработка специальной международной конвенции.

В этом случае структура международной конвенции могла бы выглядеть следующим образом:

1) преамбула, где можно было бы изложить положения ст. 13 -15 Пакта об экономических, социальных и культурных правах человека, в частности, право каждого человека на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса и их практического применения, пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является, право на образование, на свободу исследований и творческой деятельности, право на международные контакты и сотрудничество;

2) определение академической свободы, состоящее из ряда выше-перечисленных элементов;

3) роль и место научных институтов и университетов в обеспечении академической свободы;

4) роль и место государства в обеспечении академической свободы;

5) международный орган по контролю за обеспечением академической свободы, выполняющий в том числе и функции арбитра;

6) ответственность государства, научных центров и членов академического сообщества за нарушения и злоупотребления академической свободой.

Статья поступила в редакцию в январе 1999 г.

■

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ИСТОРИЧЕСКИЙ ШАГ В ДЕЛЕ БОРЬБЫ С БЕЗНАКАЗАННОСТЬЮ

Уильям А. Ш а б а с *

Через 50 лет после того, как это было обещано в статье IV Конвенции о геноциде, Международный уголовный суд наконец увидел свет. Он был создан на Римской конференции, которая проходила с 15 по 17 июля 1998 г. после четырех лет напряженных переговоров. В настоящей статье мы кратко рассмотрим Римский статут Международного уголовного суда и обсудим вопросы, касающиеся вступления в силу этого договора.

Документ, который отныне будет известен под названием "Римский статут Международного уголовного суда", был принят 17 июля 1998 г. при завершении работы Дипломатической конференции полномочных представителей государств под эгидой Организации Объединенных Наций по

* Магистр гуманитарных наук, доктор права, профессор отделения юридических наук Университета Квебека в Монреале, Канада.

учреждению международного уголовного суда. Статут, который является международным договором, предусматривает, что Международный уголовный суд будет учрежден после того, как 60 государств ратифицируют Статут или присоединятся к нему, на что может потребоваться несколько лет. Когда договор вступит в силу, Суд сможет судить отдельных лиц за совершение международных преступлений четырех категорий: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия. Существуют важные предварительные условия для того, чтобы Суд мог осуществлять свою юрисдикцию. Во-первых, должны оказаться несовершенными национальные системы правосудия; действительно, Суд является лишь “дополнительным” по отношению к существующим национальным судебным механизмам и может действовать, только если они не сработали по ряду причин, перечисленных в Статуте. Во-вторых, Суд может судить только лиц, являющихся гражданами государств—участников договора, или лиц, которые обвиняются в совершении преступлений на территории государств-участников. Если Суд сочтет обвиняемых виновными, они могут быть приговорены к пожизненному тюремному заключению.

Принятие Римского статута завершает усилия, направленные на учреждение международного судебного органа, которые начали предприниматься уже в конце первой мировой войны. Но примеры действия международной уголовной юстиции в отношении серьезных преступлений ограничиваются специальными (*ad hoc*) судами, созданными для того, чтобы рассмотреть конкретные ситуации и уже после того, как они имели место — нацистская Германия, Япония, бывшая Югославия и Руанда. Новый Суд будет рассматривать только преступления, совершенные после его учреждения. В качестве постоянно действующего международного учреждения он будет работать в тесном сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, формально являясь независимым.

В данной статье предлагается краткое рассмотрение Римского статута и характерных особенностей Международного уголовного суда. Текст Статута приведен в этом номере журнала в разделе “Документы”.

Немного истории

Историки международного уголовного права часто начинают со средневекового суда над сиром Петером фон Хагенбахом, которого судили и казнили за его жестокое правление в Брайсбахе¹. Но Версальский договор является первым экспериментом по установлению международного правосудия в современных условиях. Статья 227 предусматривала возможность судебного процесса над кайзером, осуществляемого международным трибуналом, но этот процесс так и не состоялся, поскольку Нидерланды отказались его выдать². Версальским договором также предусматривались процессы военных трибуналов союзников в отношении лиц, обвиняемых в нарушениях законов и обычаев войны³. Впоследствии Германия отказалась выдать тех, кого союзники решили судить, аргументируя это тем, что суд над многими ее главными военачальниками будет угрожать самому существованию правительства. Был достигнут компромисс, который, как казалось, не противоречил статье 228 Версальского договора. Верховный суд импе-

рии должен был судить в Лейпциге тех, кому союзники предъявили обвинение. Были подготовлены списки, в которых значились имена 896 немцев, но лишь некоторые из них действительно подверглись судебному преследованию по обвинениям в соответствии с Военным уголовным кодексом Германии и ее Имперским уголовным кодексом⁴.

С того времени неоднократно делались попытки создать постоянный международный уголовный суд, и в 1937 г. соответствующий договор был подписан тринадцатью государствами, но он так и не вступил в действие⁵. Когда вторая мировая война завершилась, Комиссия по военным преступлениям Организации Объединенных Наций также подготовила проект Устава Международного уголовного суда⁶.

Огромным достижением в этой области явилось принятие 8 августа 1945 г. в Лондоне Устава Международного Военного Трибунала⁷. Реально Устав был использован только для одного судебного процесса — суда над двадцатью тремя “главными военными преступниками” нацистского режима, который начался в ноябре 1945 г. и закончился 1 октября 1946 г. Трибунал имел полномочия осудить за совершение военных преступлений, понятие уже вполне установившееся в международном праве, но также за совершение преступлений против мира и преступлений против человечности, признание которых было не столь однозначным. Приговор Международного Военного Трибунала относительно злодеяний нацистов является новаторским историческим документом⁸. Тогда же Токийский Военный Трибунал рассматривал дела японских военных преступников в соответствии с уставом, который был составлен по образцу Нюрнбергского Устава⁹. Большинство нацистских и японских военных преступников, а также их пособники предстали перед национальными судами государств, где преступления были совершены, или перед военными трибуналами, учрежденными победившими союзниками. В Германии самыми важными из них были те, которые состоялись в Нюрнберге и проходили с 1946 по 1948 гг. Судебные рассмотрения осуществлялись американскими военными судами в соответствии с Законом № 10 Контрольного Совета¹⁰.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая 9 декабря 1948 г.¹¹, предусматривает возможность создания международного уголовного суда¹². В 1950 г. в результате работы, проведенной Комиссией международного права по вопросу об установлении международной уголовной юрисдикции, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций решила учредить комитет, которому будет поручено подготовить проект договора¹³. Однако после того, как работа откладывалась дважды на Генеральной Ассамблее¹⁴, проект создания международного уголовного суда был положен в “долгий ящик” и забыт более чем на тридцать лет. По поручению Ассамблеи Комиссия международного права наконец вернулась к этому вопросу¹⁵. Комиссия представила своей доклад Генеральной Ассамблее в 1994 г.¹⁶ Но события опередили действия Ассамблеи. В мае 1993 г. Совет Безопасности своим решением, которое можно назвать новаторским и которое опиралось на положения Главы VII Устава Организации Объединенных Наций, создал международный трибунал *ad hoc* для рассмотрения преступлений, совершенных в бывшей Югославии, начиная с

1991 г.¹⁷ В ноябре 1994 г. аналогичный шаг был предпринят в отношении Руанды¹⁸.

Генеральная Ассамблея приняла решение продолжить работу в этом направлении и создала специальный Комитет для рассмотрения проекта, подготовленного Комиссией международного права¹⁹. Комитет собрался в 1995 г. и представил Ассамблее доклад²⁰. Было совершенно очевидно, что необходимо проделать еще достаточно много работы, а Ассамблея создала Подготовительный комитет для того, чтобы он подготовил почву для созыва дипломатической конференции²¹. Подготовленный комитет собирался на свои сессии, которые продолжались несколько недель, в 1996, 1997 и 1998 гг. Его Заключительный доклад был представлен Дипломатической конференции, которая состоялась в Риме в штаб-квартире Продовольственной и сельскохозяйственной организации и продолжалась более месяца, начиная с 15 июня 1998 г.²² На Конференции, в соответствии с принятой в наше время практикой, старались избегать голосований по различным предложениям и принимать решения по спорным вопросам путем достижения консенсуса. В результате такого процесса принимаются положения, которые никого полностью не удовлетворяют, но с которыми все могут смириться. К 16 июля большинство вопросов по Статуту, включая огромное число технических подробностей, касающихся сравнительного уголовного права, были решены, хотя для нескольких очень важных и значимых с политической точки зрения вопросов решение еще только предстояло найти. Рано утром 17 июля, в последний день работы римского форума, Бюро Конференции под председательством канадского дипломата Филиппа Кирша представило вниманию собравшихся делегатов компромиссный пакет документов, составленных на основании текстов, принятых на основании консенсуса в течение предыдущих пяти недель и предлагающий решение большинства трудных проблем. Предложение получило общее одобрение, хотя некоторые делегаты, в частности из Индии и Соединенных Штатов, выступили против него. На заключительном пленарном заседании Соединенные Штаты настаивали на том, чтобы Статут был поставлен на голосование, несмотря на почти единогласную очевидную поддержку, которую он получил. Делегаты проголосовали за принятие Статута, при 120 голосах “за”, 7 — “против” и 21 воздержавшемся²³.

Дополнительность

Основной предпосылкой существования Суда является принцип “дополнительности”. Статут предоставляет возможность судить нарушителей в первую очередь в рамках национальных правовых систем. И только когда правосудие страны отказывается действовать, Международный уголовный суд может осуществлять свою юрисдикцию. Некоторым образом этот принцип совпадает с подходом, принятым в договорах по правам человека, которые разрешают международным судебным органам принимать заявления от отдельных граждан, только если все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны²⁴. Во многих случаях национальные суды не будут испытывать желания осуществлять судебное преследование своих собственных граждан, ко-

торые могут занимать важные посты в структуре политической власти. Тогда у Суда будут полномочия действовать. Могут быть и такие ситуации, когда национальная правовая система развалилась и просто не в состоянии функционировать. Ожидается также, что такая ситуация дополнительности возникнет, когда национальные судебные разбирательства просто окажутся фиктивными процессами, организованными с целью освободить некоторых лиц от ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда. Кроме того, Суд может осуществлять свою юрисдикцию, когда судебные процессы, проводимые на национальном уровне, не являются независимыми и беспристрастными в соответствии с нормами, требующими проведения надлежащей процедуры и признанными международным правом, или проводятся таким образом, что это, в сложившихся обстоятельствах, не соответствует намерению предать правосудию соответствующее лицо²⁵.

Принцип дополнительности как бы возвращает ответственность государствам, которые должны обеспечить наличие эффективного механизма для суда над международными преступниками. Государства имеют право в соответствии с международным правом судить не только военных преступников из числа своих собственных граждан, чего они часто делать не желают, но также и тех, кто никак не связан с самим государством, но по каким-то причинам находится на его территории. Это понятие известно как “универсальная юрисдикция”, и все большее число государств вносят поправки в свое уголовное законодательство для того, чтобы дать возможность национальным судам осуществлять такие процессы²⁶. Если принцип дополнительности будет действовать, Международному уголовному суду придется рассматривать небольшое число случаев. Проблема безнаказанности будет решена за счет того, что право и обязанность действовать будут возвращены тем, кто изначально несет ответственность за осуществление судебного преследования, т.е. национальным судам.

Режим дополнительности противоположен режиму “приоритета” (преимущественного права), который предусматривается для специальных трибуналов²⁷. Если Обвинитель Трибуналов для Югославии или Руанды хочет осуществить разбирательство какого-либо дела силами специального трибунала, то не встает вопрос о том, были ли недостаточными попытки осуществить правосудие на национальном уровне. В деле Талича Трибунал для Югославии считал, что под его юрисдикцию подпадают преступления, совершенные лицом, в отношении которого уже начато судебное расследование в Германии²⁸. Совсем не ставился вопрос о том, что правосудие не свершится судами Германии. Но Трибунал по Руанде в деле, над которым он сначала пытался установить свою юрисдикцию в отношении лица, которое уже обвинялось национальными судами Руанды, решил отозвать свое требование и дать возможность руандийским судам осуществить правосудие²⁹.

Предметная подсудность

Международный уголовный суд обладает юрисдикцией в отношении четырех категорий преступлений: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия³⁰. По общему признанию

они являются основными для международного уголовного права. Именно в связи с этими преступлениями осуществлялось судебное преследование трибуналами в Нюрнберге, Токио, Гааге и Аруше, и считается, что такое преследование можно проводить на основе обычного права даже в отсутствии точных текстов. Суть этих четырех преступлений заключается в том, что они в основном соответствуют серьезным нарушениям прав человека, хотя некоторые ставят по сомнению тот факт, что Суд и Статут находятся в сфере действия права прав человека. При работе над проектом Римского статута делались попытки включить в него преступления, известные как “преступления международного характера”, т.е. нарушения конкретных конвенций, в которых рассматриваются такие вопросы, как захват транспортных средств, терроризм, торговля наркотиками и пытки. Но делегаты Международной конференции не смогли достичь консенсуса относительно механизмов включения этих до некоторой степени второстепенных вопросов в юрисдикцию Суда, поэтому в конечном итоге они были исключены.

Преступление геноцида является первым из перечисленных в Статуте Суда³¹. Оно было первым, получившим определение в резолюции Генеральной Ассамблеи в 1946 г. и затем в *Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* 1948 г.³² В соответствии с Конвенцией геноцидом являются убийство или другие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу. Определение Конвенции 1948 г. часто критиковалось за то, что в нем не упоминаются политические, социальные, экономические и другие группы³³, но делегаты Дипломатической конференции разумно решили не изменять текст, получивший широкое признание. В любом случае, несмотря на пробелы в определении, данном в Конвенции, не существует опасности, что преступники останутся безнаказанными, поскольку не охватываемые этим определением преступления можно отнести к преступлениям против человечности.

Понятие преступлений против человечности представляет собой важный шаг в развитии права, потому что исключается условие, что таковыми являются только преступления, совершенные во время вооруженного конфликта. А именно так обстояло дело в Нюрнберге³⁴, и Совет Безопасности закрепил это положение, сделав обязательным подобное требование и для бывшей Югославии³⁵. Тем не менее Международный трибунал для бывшей Югославии заявил, что обычное право не требует установления такой связи между вооруженным конфликтом и преступлениями против человечности³⁶, и Римский статут совершенно определенно утверждает этот принцип. Преступления против человечности определяются как действия, совершаемые “в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно”³⁷. Сами деяния перечисляются в тексте и включают убийство, истребление, порабощение, депортацию или насильственное перемещение населения, тюремное заключение или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основных норм международного права, пытки, насильственные исчезновения, апартеид, преследование и другие бесчеловечные дейст-

вия. Особенно значимым является внимание, которое уделяется преступлениям, связанным с половой принадлежностью. К ним относятся “изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести.” Упоминание “принудительной беременности” вызвало сильные споры, поскольку некоторые государства считали его косвенным признанием права на аборт. Использование термина “гендерный” в положении, где говорится о преследовании, также вызвало серьезные разногласия. В качестве компромисса было принято дополнительное определение: “термин ”гендерный“ в контексте общества относится к обоим полам, мужскому и женскому”³⁸.

На шкале тяжести преступлений военные преступления обычно находятся несколько ниже того порога, которым определяется геноцид или преступления против человечности, хотя бы потому, что они подлежат наказанию в качестве отдельных деяний и не требуют наличия элемента преднамеренности или свидетельства того, что они являются широкомасштабными или систематическими. Однако из Римского статута те, кто подвергаются судебному преследованию в соответствии с положениями о военных преступлениях, узнают, что “Суд обладает юрисдикцией в отношении военных преступлений, в частности, когда они совершены в рамках плана или политики или при широкомасштабном совершении таких преступлений”³⁹. Положения о военных преступлениях составлены в высшей степени подробно и являются выражением одержимости кодификацией, что может привести к излишне узкому толкованию их Судом. Военные преступления подразделяются на четыре категории: первые две касаются международных вооруженных конфликтов, а вторые две — внутренних вооруженных конфликтов. Они соответствуют тем нарушениям, которые известны как “серьезные нарушения” Женевских конвенций от 12 августа 1949 г.⁴⁰ и Дополнительного протокола I⁴¹, серьезные нарушения законов и обычаев войны и, в частности, Гаагского положения, нарушения общей статьи 3 Женевских конвенций и определенные нарушения Дополнительного протокола II⁴². Несмотря на то, что подробные положения в значительной мере отражают нормы обычного права, существуют и некоторые новшества, например, в запрете на набор и вербовку детей в вооруженные силы⁴³. Включение еще одного нового нарушения (“перемещение, прямо или косвенно, оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию, или депортация или перемещение части населения оккупируемой территории в пределах границ или за пределы этой территории”⁴⁴) вызвало резкое осуждение со стороны Израиля, который считает это циничным политическим маневром своих противников, что явилось причиной его голосования против Статута. Одним из главных недостатков перечня преступлений является отсутствие там общего запрета на оружие, которое вызывает излишние страдания. Статут запрещает применение отравляющего газа⁴⁵ и пуль дум-дум⁴⁶, но не химического, бактериологического и ядерного оружия⁴⁷.

Самым трудным для определения преступлением была агрессия, хотя

резолюция Генеральной Ассамблеи дает все элементы, необходимые для составления удовлетворительного текста⁴⁸. Суть проблемы заключалась в том, чтобы разъяснить роль Совета Безопасности, который, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, имеет полномочия определить наличие агрессии⁴⁹. Несмотря на усилия, предпринятые Движением неприсоединившихся стран, достижение консенсуса оказалось невозможным. Таким образом, агрессия является частью предметной юрисдикции Суда, но при условии, что в дальнейшем Ассамблеей государств-участников будет принято положение, дающее определение этому преступлению и устанавливающее условия, при которых Суд будет осуществлять юрисдикцию в отношении этого преступления⁵⁰.

Четыре преступления составляют “автоматическую юрисдикцию” Суда в том смысле, что любое государство, ратифицируя Статут, принимает его юрисдикцию в отношении этих преступлений. Компромисс, достигнутый в последнюю минуту с тем, чтобы Франция могла присоединиться к общему мнению, необходимому для достижения консенсуса, дает возможность избежать признания юрисдикции Суда в отношении военных преступлений. В соответствии со статьей 124, государство, став участником Статута, может заявить о том, что в течение семи лет после вступления для него в силу этого Статута оно не признает юрисдикции Суда в отношении военных преступлений. Эта “сделка” подвергалась резкой критике на завершающем заседании конференции со стороны некоторых неправительственных организаций. На практике, однако, это достаточно небольшая уступка. История трибуналов, занимающихся рассмотрением военных преступлений в Нюрнберге, Токио, Гааге и Аруше, свидетельствует о том, что если военные преступления и рассматриваются отдельно от преступлений против человечности, то это бывает крайне редко. Другими словами, если военное преступление достаточно серьезно для того, чтобы заслуживать внимания международного обвинителя, значит, оно достигло того уровня тяжести, который необходим для его классификации в качестве преступления против человечности. Действительно, маловероятной представляется возможность того, что кому-то удастся избежать международной уголовной ответственности в результате решения некоторых государств применить статью 124, и ее нельзя считать серьезным недостатком Статута.

Юрисдикция в отношении нарушителя

Международный уголовный суд может устанавливать юрисдикцию в отношении отдельных лиц на двух основаниях. Они могут быть привлечены к ответственности, если являются гражданами государства-участника Статута или если преступление было совершено на территории государства-участника Статута⁵¹. Такое положение является следствием компромисса, достигнутого между двумя крайними точками зрения, которые решительно отстаивали на Дипломатической конференции Германия и США. Германия хотела, чтобы Суд осуществлял универсальную юрисдикцию, поскольку все государства-участники полномочны, согласно международному праву, осуществлять универсальную юрисдикцию и, следовательно, могут передать или делегировать это

право международному трибуналу. США выступали за то, чтобы сфера полномочий Суда была значительно более ограниченной и его юрисдикция распространялась только на граждан государства-участника. Таким образом, до тех пор, пока США оставались бы за пределами договорного режима, Международный суд никогда не смог бы привлечь к судебной ответственности ни одного американского гражданина. США утверждали, что предложение Германии уничтожило бы всякое различие между государствами, которые ратифицировали Статут, и государствами, его не ратифицировавшими. На это Германия отвечала, что, если будет принято предложение США, то определенные лица, которые явно должны подпадать под юрисдикцию Суда, избегали бы правосудия, поскольку вероятность ратификации Статута их собственным государством была бы очень невелика.

У обоих предложений были свои слабые стороны. По мере того, как разворачивалась дискуссия по предложению, выдвинутому Германией, стало ясно: большое число государств не согласно с мнением о том, что универсальная юрисдикция существует для основных преступлений в соответствии с обычным правом, хотя данный взгляд отстаивали многие ученые. Таким образом, возможно, Конференция отбросила назад развитие права по данному вопросу, показав, вопреки суждению ученых комментаторов, что утверждения о широком признании универсальной юрисдикции обычного права, возможно, преувеличены. Настаивая на чрезмерно оптимистическом представлении о современном состоянии права, Германия могла достигнуть результата, обратного желаемому. При обсуждении данного вопроса США напомнили о своих неудачных попытках добиться осуждения Пол Пота такими государствами, как Канада, Испания и Израиль, согласно положениям их законодательства об универсальной юрисдикции. На самом деле универсальной юрисдикции не существует, утверждали США. Однако при этом они, по-видимому, опровергли собственное заявление о том, что Суду не может быть предоставлена универсальная юрисдикция. Если США согласны преследовать Пол Пота в соответствии с универсальной юрисдикцией, почему они принципиально выступают против того, чтобы то же самое делал Международный Суд? Как можно предположить, они считали универсальную юрисдикцию приемлемой для камбоджийцев, но не для американцев, приемлемой для Пол Пота, но не для Уильяма Кэлли или Роберта Макнамары.

Положение, которое в результате было принято, означает, что в обозримом будущем многие международные преступники смогут избежать юрисдикции Международного уголовного суда. Но это не должно вызывать удивления у кого бы то ни было, поскольку Суд создан в силу международного договора, т.е. на основании согласия государств. Тот довод, что “государства-отщепенцы” не ратифицируют договор, имеет свои недостатки, так как государство, сегодня являющееся демократическим, завтра может превратиться в “отщепенца”, о чем свидетельствуют опыты в области договоров по правам человека. Два случая геноцида, имевшие место за последние десятилетия — в Камбодже и Руанде, произошли в государствах—участниках Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него⁵². Кроме того,

многие государства могут счесть ратификацию Статута целесообразной, надеясь на то, что он послужит им защитой от иностранного военного вмешательства, даже при том, что агрессия, как таковая, еще не определена. Если бы Статут существовал несколько десятилетий тому назад, Гренада, Панама, Камбоджа и Вьетнам были бы в силу осуществленной ими ратификации защищены от военных преступлений, совершенных иностранными солдатами на их территории. В заключение следует отметить: юрисдикция в отношении лиц, установленная в Римском статуте, является неполной, однако достаточной для того, чтобы можно было надеяться на создание такого Суда, который внесет заметный вклад в борьбу с безнаказанностью.

Отношения с Советом Безопасности

Оба специальных трибунала были созданы по решению Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии с Главой VII Устава ООН. Их действенность и эффективность проистекают из обязательного характера решений Совета Безопасности и того обстоятельства, что он может принимать дальнейшие меры по выполнению своих решений. Однако какую бы роль ни играл Совет Безопасности, всегда существует опасность, что его действия сочтут политическим вмешательством. Недемократичность Совета Безопасности с его пятью постоянными членами, каждый из которых пользуется правом вето, отражает устаревшую концепцию баланса сил в мире, что еще более усиливает отрицательную реакцию в случае какого бы то ни было вмешательства с его стороны. В своем проекте Статута, подготовленном в 1994 г., Комиссия международного права сочла, что политическая реальность требует того, чтобы для Совета Безопасности была предусмотрена возможность налагать в той или иной форме вето на любое судебное преследование со стороны Суда⁵³. Это предложение многими толковалось как означающее, что Суд не сможет рассматривать какую-либо ситуацию, если ее рассмотрение стоит на повестке дня Совета. Компромиссное предложение, с которым выступил Сингапур на совещании Подготовительного комитета в августе 1997 г., признает возможное право Совета потребовать приостановления судопроизводства, однако согласно этому предложению Совет должен действовать посредством принятия резолюций, позволяя, таким образом, одному из его постоянных членов или любым семи членам заблокировать такую меру. Окончательный текст Римского статута (статья 16) делает еще один шаг в этом направлении, требуя от Совета Безопасности ежегодного возобновления любой такой резолюции.

При использовании таких чрезвычайных полномочий Совет Безопасности должен действовать в соответствии с Главой VII Устава, т.е. реагировать на угрозу миру, нарушения мира и акты агрессии. В последние несколько лет Совет стал трактовать это понятие очень широко, значительно углубляясь в сферу прав человека, причем таким образом, как это вряд ли входило в намерения авторов Устава. Закрепляя требование соответствия Главе VII в качестве критерия для вмешательства Совета Безопасности в работу Суда, Римский статут, по всей видимости, дает Суду возможность судебного пересмотра решений

Совета Безопасности. Таких полномочий до сих пор не имели даже органы, созданные на основании самого Устава.

Можно с достаточным основанием утверждать, что в статье 16 Римского статута нет совершенно никакой необходимости. Если Совет Безопасности является верховным законодательным органом Организации Объединенных Наций согласно статье 25 Устава Организации Объединенных Наций и если обязательства по Уставу имеют преимущественную силу по сравнению с любыми несовместимыми с ними обязательствами, вытекающими из какого-либо другого международно-го соглашения, то, по-видимому, Совет Безопасности может потребовать приостановления судопроизводства по любому делу, рассматриваемому в Суде, на основании статьи 103 Устава. Хотелось бы надеяться, что оба органа будут с уважением относиться к миссии друг друга — что Совет Безопасности будет применять свои полномочия на вмешательство осторожно и только в редчайших случаях, а Суд будет действовать в высшей степени осмотрительно в вопросах, стоящих на повестке дня Совета Безопасности и связанных с острыми проблемами международного мира и безопасности.

“Общая часть” Римского статута

Существенное отличие Римского статута от юридических документов, лежавших в основе международного судебного преследования в тех случаях, когда оно имело место в прошлом, состоит в том, что он содержит смелый новый почин в области сравнительного уголовного правоправедения в истинном смысле этого термина. Статут содержит то, что в уголовных кодексах англо-саксонского права называется “общей частью”, а в романо-германских кодексах определяется как “материальные нормы уголовного права”. Это основные нормы, регулирующие такие вопросы, как отсутствие обратной силы у правонарушений и наказаний, соучастие и участие в преступномговоре, а также допустимость таких оснований для освобождения от уголовной ответственности, как принуждение к действию, самооборона, фактическая ошибка не по вине субъекта и выполнение приказов вышестоящего начальства. Значительная часть таких норм носит узкоспециальный характер и, по сути, представляет собой квинтэссенцию принципов, общих для большинства, если не для всех национальных систем.

Областью, в которой международное уголовное право идет дальше большей части внутригосударственных законов, является его отношение к командирам или вышестоящему начальству. Согласно принципу ответственности командования, который был выработан в ходе процессов, проводившихся по окончании второй мировой войны, на военных командиров может быть возложена ответственность за деяния их подчиненных, даже когда отсутствуют доказательства того, что соответствующий приказ был отдан, или даже того, что командир знал о деяниях, совершаемых его подчиненными. В самой крайней форме в данном случае имеет место уголовная ответственность, аналогичная ответственности за небрежность. Когда об этом принципе впервые зашла речь в 1945 г., он вызвал горячие споры⁵⁴, однако впоследствии он получил более широкое признание. В настоящее время принцип ответственности

командования признается Дополнительным протоколом I⁵⁵ и уставами специальных трибуналов⁵⁶. Римский статут делает еще один шаг в этом направлении, предусматривая ответственность не только военных командиров, но и гражданского начальства. Однако ответственности гражданских начальников придается меньше значения и уголовное преследование против них на этом основании возможно лишь в том случае, если они намеренно не обращали внимания на действия лиц, находящихся у них в подчинении⁵⁷.

Цель кодификации общих принципов может заключаться в том, чтобы ограничить свободу действия Суда. Как представляется, это справедливо для случаев освобождения от уголовной ответственности при действиях по принуждению к действию или ином принуждении. Международный трибунал по бывшей Югославии, не имеющий подробной "общей части" в своем Уставе, был вынужден вынести собственные постановления относительно допустимости различных оснований для освобождения от уголовной ответственности. В том, что касается принуждения к действию, он решил, что на это основание нельзя ссылаться в случае преступлений против человечества⁵⁸. Но Римский статут отменяет решение Трибунала, разрешает ссылку на принуждение к действию при рассмотрении любого обвинения в Суде⁵⁹. Римский статут отступает от существующего международного уголовного права в том, что касается такого основания для освобождения от уголовной ответственности, как приказ вышестоящего начальства. В Уставе Международного Нюрнбергского Трибунала оно прямо исключается. Там указывается, что данный довод можно приводить для смягчения приговора, но не для оспаривания вины⁶⁰. Аналогичные положения имеются в Уставах обоих специальных Трибуналов. Но Римский статут допускает это основание для освобождения от уголовной ответственности при условии, что приказ не был "явно незаконным"⁶¹. Хотя он и не исключает полностью данное основание в случаях геноцида и преступлений против человечности, он все же утверждает, что приказы о совершении этих преступлений по определению относятся к явно незаконным. Закрепляя нормы, регламентирующие основания для освобождения от уголовной ответственности, Статут не мешает Суду принять иные основания для освобождения от ответственности⁶², и согласно данному положению, он может принять такие основания, как военная необходимость и репрессалии.

Процедура

Дело в Суде может быть возбуждено любым из государств-участников, Советом Безопасности, действующим на основании Главы VII Устава Организации Объединенных Наций, или Прокурором, действующим по собственной инициативе⁶³. В последнем случае Прокурор не может проводить расследование, не получив санкции Палаты предварительного производства. В тех случаях, когда уголовное преследование возбуждается по инициативе государств-участников или Совета Безопасности, Прокурор по своему усмотрению может вынести решение не предпринимать действий, однако при этом он должен обосновать данное решение перед Палатой предварительного производства⁶⁴.

Канцелярия Прокурора является отдельным и независимым органом Суда. Его возглавляет Прокурор, которому помогают один или несколько заместителей Прокурора⁶⁵. Прокурор и заместители Прокурора избираются путем тайного голосования абсолютным большинством голосов членов Ассамблеи государств-участников. Все заместители Прокурора избираются одинаково из списка кандидатур, представленного Прокурором. Вопрос о независимости Прокурора принадлежал к числу важнейших при подготовительной работе над Статутом. Некоторые государства указывали на маловероятную возможность того, что пост Прокурора будет занят человеком с нежелательными политическими взглядами и его действия будут невозможно контролировать. Судебный контроль над деятельностью Прокурора со стороны Палаты предварительного производства стал той компромиссной формулой, которая позволила расширить независимые полномочия Прокурора.

Судей должно быть восемнадцать, они избираются путем тайного голосования двумя третями голосов Ассамблеи государств-участников. Кандидатуры судей должны выдвигаться государствами-участниками либо из числа специалистов в области уголовного права, либо специалистов в области международного права. Предполагается, что они будут представлять основные юридические системы. В Статуте конкретно оговаривается необходимость "справедливого представительства в составе Суда судей женского и мужского пола"⁶⁶. Данная норма не вполне отвечает требованию установить полное равновесие между представителями обоих полов, однако она, несомненно, помешает Суду последовать примеру Международного суда, членом которого женщина впервые стала только в 1996 г. После избрания судьи в свою очередь избирают из своего числа Председателя и двух вице-председателей, которые вместе образуют Президиум. Президиум несет ответственность за управление делами Суда и выполнение других функций, предусмотренных Статутом⁶⁷. Члены Президиума постоянно работают в Суде, местом пребывания которого является Гаага, а остальных пятнадцать судей вызывают на заседания по мере поступления дел. Председатель заседает в Апелляционном отделении вместе с четырьмя другими судьями. В Суде имеются также Судебное отделение и Отделение предварительного производства, каждое состоит менее, чем из шести судей. В Статуте предполагается, что специалисты по международному праву будут в основном заседать в Апелляционном отделении, в то время как специалисты по уголовному праву, особенно имеющие значительный опыт участия в судебных процессах, будут направлены прежде всего в Судебное отделение и Отделение предварительного следствия. Каждое дело в Суде заслушивается тремя судьями, которые выносят решения большинством голосов. Палаты предварительного производства состоят из трех судей либо одного судьи, в зависимости от того, какой вопрос рассматривается Судом.

Секретариат, возглавляемый Секретарем, "отвечает за несудебные аспекты управления делами и обслуживания Суда"⁶⁸. Секретаря избирают судьи абсолютным большинством голосов, однако они принимают во внимание любые рекомендации Ассамблеи государств-участников.

И расследование, и судебный процесс регулируются процедурными

нормами, сочетающими обвинительный и инквизиционный юридические подходы, т.е. англо-саксонскую и романо-германскую системы. Например, функционирование Палаты предварительного производства во многом аналогично работе обвинительной палаты во французской системе⁶⁹. Подобно следователю в инквизиционной системе, Прокурор должен расследовать “обстоятельства, свидетельствующие как о виновности, так и о невиновности”⁷⁰. Положения, регулирующие проведение судебного процесса, не регламентируют многих подробностей, предоставляя сделать это Правилам, которые еще только предстоит принять, и не позволяют определить того, элементы какой системы преобладают — обвинительной или инквизиционной. Практика в специальных трибуналах показала, что процедуры сильно различаются в зависимости от того, чему отдает предпочтение председательствующий судья, и что в рамках общих положений такого рода, какие мы находим в Статуте, остается достаточно большой простор для проявления гибкости в том, что касается ориентации процедурного режима. В любом случае, к тому времени, когда вопрос начинает рассматриваться в суде, даже инквизиционная система приобретает все более и более обвинительный характер. Однако совершенно исключается один аспект инквизиционной системы — заочный процесс. Хотя процедура, действующая в случае признания вины, известная системам англо-саксонского права, допускается, ее осуществление регулируется подробно расписанной нормой⁷¹.

Подробные положения описывают права подозреваемых и обвиняемых, как во время расследования, так и во время процесса. Они основываются на международных договорах о правах человека и прежде всего на статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах⁷². Однако в некоторых случаях Статут выходит в этом отношении за рамки существующих документов. Например, как подозреваемый на стадии расследования, так и обвиняемый на стадии судебного процесса имеют право ничего не говорить, причем Прокурор никоим образом не может использовать их молчание для построения предположения об их виновности⁷³. Хотя это право и признается в некоторых юридических системах, в других оно отсутствует, и на международном уровне не существует никаких авторитетных указаний на то, что оно может быть отнесено к числу фундаментальных прав. Обвиняемый имеет право “быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который обвиняемый понимает в полной мере и на котором он говорит, о характере, основании и содержании предъявленного ему обвинения”⁷⁴. Это несколько шире, чем норма Международного пакта, гласящая, что обвиняемый имеет право “быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему обвинения”⁷⁵. Обвиняемому предоставляются и другие “новые” права: без принятии присяги выступать с устными и письменными заявлениями в свою защиту⁷⁶ и быть свободным от бремени доказывания обратного или обязанности опровержения⁷⁷. В определениях преступлений нет ссылок на “обязанность опровержения”, поэтому значение последнего права не вполне ясно. Но судьи могут дать ему широкое истолкование и решить, что ряд доказательственных презумпций, представляющих собой не более чем основанные

на здравом смысле выводы из доказательства, не соответствуют данному положению. Также не ясно пока, будут ли суды по правам человека, как международные, так и внутригосударственные, обращаться к новым элементам, вводимым Статутом, и по-новому истолковывать терминологию устаревających положений, которыми они руководствуются.

По осуждении, Суд может приговорить преступника к пожизненно-му лишению свободы или к лишению свободы на определенный срок, не превышающий тридцати лет⁷⁸. Суд может назначить пожизненное заключение лишь “когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении”. Наказание в виде лишения свободы отбывается в тюремных учреждениях государств—участников Статута в соответствии с соглашениями, достигнутыми Судом⁷⁹. Во всех случаях приговор пересматривается по отбытии осужденным двух третей срока наказания или, если он был осужден к пожизненному заключению, по отбытии им 25 лет⁸⁰. Положения о вынесении приговора являются результатом очень непростого компромисса. В нескольких государствах Латинской Америки пожизненное заключение запрещено конституцией. В ряде европейских государств тот же принцип закреплен на основе решений их конституционных судов. Однако были и противоположные крайние взгляды, в особенности у многих арабских и исламских государств, а также государств Британского Содружества, расположенных в Карибском море, желавших, чтобы Статут признал смертную казнь. О смертной казни не могло быть и речи, и даже США, которые с готовностью применяют ее в рамках своей внутренней юрисдикции, высказались против использования ее на международном уровне. Если бы Римский статут разрешил смертную казнь, многие государства отказались бы сотрудничать с Судом в вопросах, связанных с выдачей преступников. Исключив смертную казнь и допустив пожизненное заключение лишь в исключительных случаях, причем всегда с обязательным пересмотром, Статут показывает пример человеколюбия, что, как можно надеяться, будет способствовать успеху усилий реформаторов внутригосударственных систем уголовного права⁸¹.

Растущая озабоченность положением жертв нарушений прав человека, которую можно заметить в документах международного права прав человека, нашла свое отражение и в нескольких положениях Статута⁸². Наиболее важной является статья 75, которая позволяет Суду обеспечить возмещение ущерба жертвам преступлений, которые он рассматривает. Суд должен “установить принципы”, касающиеся возмещения ущерба, включая реституцию, компенсацию и реабилитацию. В ответ на поступившую просьбу или, в исключительных случаях, по своей собственной инициативе, Суд может “определить ... масштабы и размер любого ущерба, убытков и вреда, причиненных потерпевшим...”. Суд уполномочен постановить, чтобы осужденный возместил ущерб. Согласно Статуту создается Целевой фонд, в который передаются денежные репарации и из которого они выплачиваются⁸³. Выполнение этих постановлений будет зависеть от сотрудничества государств-участников и

может потребовать от них внесения изменений в их собственное законодательство.

Одним из главных обязательств, принимаемых государствами-участниками, является обязанность сотрудничать с Судом на различных этапах расследования и судебного процесса⁸⁴. Получив от Прокурора ордер на арест, государство-участник должно арестовать соответствующее лицо⁸⁵. Статут говорит о “передаче”, а не об “экстрадиции”, опасаясь того, что государства станут ссылаться на положения своего внутреннего права, запрещающие “экстрадицию” их граждан⁸⁶. Любое толкование Статута, которое позволило бы государствам отказаться от экстрадиции своих граждан, имело бы катастрофические последствия для эффективности работы Суда.

Заключение

Статут вступит в силу после того, как будет ратифицирован шестьюдесятью государствами. Высказываются очень разные предположения относительно того, сколько на это потребуется времени — от нескольких лет до десятилетия и больше. Существует мнение, что до тех пор, пока крупные государства, такие как Индия, Китай и Соединенные Штаты Америки остаются за пределами системы, Суд не сможет работать по-настоящему эффективно. Однако имеются достаточные основания надеяться, что Статут в скором времени вступит в силу и что Суд будет играть активную роль, даже если значительные страны и даже континенты будут держаться несколько в стороне.

При окончательном голосовании по Статуту в его пользу высказались 120 делегаций. Эта цифра впечатляет. Среди этих государств много небольших и недостаточно высоко развитых, поэтому для них создание Суда является важным событием. Например, за небольшим исключением, африканские страны, расположенные южнее Сахары, решительно проголосовали за Статут и поддержали работу Дипломатической конференции. Вооруженные конфликты стали настоящим проклятием для этого региона, и многие государства там отчаянно пытаются найти какие-то способы, которые позволили бы обуздать их разгул и остановить сползание к анархии. Международный уголовный суд предлагает им возможность сделать шаг на пути решения некоторых проблем. Государства, испытавшие на себе вооруженные конфликты с участием иностранных вооруженных сил, также должны быть заинтересованы в учреждении Суда. В результате ратификации Статута появится международное учреждение, которое будет рассматривать все злодеяния, совершаемые на их территории, в том числе иностранными войсками.

В конечном итоге большинство государств ратифицирует Статут по тем же причинам, по которым они ратифицировали международные документы по правам человека. Число участников, ратифицировавших каждый из основных договоров по правам человека, значительно превышает 100. Женевские конвенции ратифицированы практически всеми государствами мира. Почему же ратификация Статута не должна пройти с таким же энтузиазмом? История документов по правам человека и международному гуманитарному праву показывает, что узкоэгоистические интересы не оказали серьезного влияния на государства, когда они

принимали решение стать участниками таких договоров, а не оставаться от них в стороне. Следовательно, можно рассчитывать на то, что шестьдесят ратификаций — вполне достижимая цель и что на это потребуется не так много времени.

Есть основания надеяться, что Суд будет способствовать уменьшению количества нарушений прав человека, ибо, как полагают многие, он будет оказывать общее сдерживающее влияние. Считается, что когда будет положен конец безнаказанности и будет существовать угроза наказания, люди будут опасаться совершать правонарушения, за которые другие уже понесли наказание. Эту мысль трудно как доказать, так и опровергнуть, но, конечно, она вызывает сомнения. Реалистично ли думать, что Гитлера, Геринга, Эйхмана, Пол Пота, Карджича или Багосору остановила бы угроза наказания? Хотя фактор сдерживания действительно существует, находясь где-то на периферии международного правосудия, все же в первую очередь Международному уголовному суду, возможно, придется заниматься установлением истины по фактам чудовищных злодеяний в тех случаях, когда внутригосударственные суды не могут или не желают действовать. Например, наиболее важным результатом Нюрнбергского процесса, возможно, стало установление фактов нацистских зверств. Нюрнберг ставит факт нацистского геноцида в отношении евреев вне всякого сомнения, хотя некоторые “историки” до сих пор оказываются неспособны это понять. То же самое делает Гаагский трибунал в отношении Боснии, а трибунал в Аруше — в отношении Руанды. Римский статут закрепляет важные достижения Трибуналов в Нюрнберге, Токио, Гааге и Аруше и обеспечивает сохранение их наследия. Это исторический шаг на пути защиты прав человека на международном уровне.

¹ Robert K. Woetzel. *The Nuremberg Trials in International Law*, London: Stevens & Sons, 1962, at pp. 19—20.

² *Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Germany* (“Treaty of Versailles”), 1919 T.S. 4.

³ *Ibid.*, art. 228.

⁴ Хотя большинство этих процессов были довольно формальными, два случая, на которые продолжают ссылаться и по сей день, касались вопроса защиты со ссылкой на приказ вышестоящего начальника: *Empire v. Dithmar and Boldt* (Hospital Ship “Llandovery Castle”), (1921) 21 I.L.R. 437, 16 A.J.I.L. 708, *German War Trials, Report of Proceedings before the Supreme Court in Leipzig*, Cmd. 1450, London: H.M.S.O., 1921, pp. 56—57; *Empire v. Neumann* (Hospital Ship “Dover Castle”), (1921) 21 I.L.R. 430, 16 A.J.I.L. 704 *German War Trials, Report of Proceedings before the Supreme Court in Leipzig*, Cmd. 1450, London: H.M.S.O., 1921, pp. 12—13. Оба решения рассматриваются Верховным судом Канады в деле *R. v. Finta*, (1994) 1 S.C.R. 701, 88 C.C.C. (3d) 417, 112 D.L.R. (4th) 513, 150 N.R. 370.

⁵ *Convention for the Creation of an International Penal Court*, Geneva, November 16, 1937, in Benjamin Ferencz, *An International Criminal Court: A Step Towards World Peace — A Documentary History and Analysis*, Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana, 1980.

⁶ “Draft Convention for the Establishment of a United Nations War Crimes Court”, United Nations War Crimes Commission, Doc. C. 50(1), September 30, 1944, in

Benjamin Ferencz. *An International Criminal Court: A Step Toward World Peace — A Documentary History and Analysis*, Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana, 1980.

⁷ *Agreement for the Prosecution and Punishment of Major War Criminals of the European Axis, and Establishing the Charter of the International Military Tribunal (I.M.T.)*, (1951) 82 U.N.T.S. 279.

⁸ France et al. v. Goering et al., (1946) 23 *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal*, 13 I.L.R. 203, 41 A.J.I.L. 172.

⁹ *Special Proclamation by the Supreme Commander for the Allied Powers at Tokyo*, 4 Bevans 20, as amended, 4 Bevans 27 ("Charter of the Tokyo Tribunal").

¹⁰ Закон №10 Контрольного совета. Наказание лиц, виновных в совершении военных преступлений, преступлений против мира и против человечности, 20 декабря 1945 г., Official Gazette Control Council for Germany. В Канаде состоялось лишь небольшое число таких судов, что говорит о нежелании, вплоть до настоящего момента, преследовать в судебном порядке тех, кто совершил военные преступления: Patrick Brode, *Casual Slaughters and Accidental Judgements, Canadian War Crimes Prosecutions, 1944—1948*, Toronto: University of Toronto Press, 1997.

¹¹ *Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*, (1951) 78 U.N.T.S. 277, (1949) C.T.S.27.

¹² "Establishment of a Permanent International Criminal Court for the Punishment of Acts of Genocide", U.N. Doc.A/362, Annex.

¹³ G.A. Res. 489 (V).

¹⁴ G.A. Res. 898(IX); G.A. Res. 1187(XII).

¹⁵ G.A. Res. 44/39.

¹⁶ "Draft Statute for an International Criminal Court", "Official Records of the General Assembly, Forty-ninth Session, Supplement No. 10 (A/49/10), chap. II.B.1.5; and U.N. Doc. A/49/335. See: James Crawford, "The I.L. C's Draft Statute of an International Tribunal", (1994) 88 A.J.I.L., 140.

¹⁷ *Statute of the international Criminal Court for the former Yugoslavia*, S.C. Res. 827, Annex

¹⁸ *Statute of the international Criminal Tribunal for Rwanda*, S.A. Res. 955, Annex.

¹⁹ G.A. Res. 49/53.

²⁰ "Report of the *Ad Hoc* Committee on the Establishment of an International Criminal Court", Official Records of the General Assembly, Fiftieth Session, Supplement No.22 (A/50/22).

²¹ G.A. Res. 50/46.

²² U.N. Doc. A/CONF.183/2/Add/1/ See: Christopher Keith Hall, "The First Two Sessions of the UN Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court", (1997) 91 A.J.I.L. 177; Christopher Keith Hall, "The Third and Fourth Sessions of the UN Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court", (1997) 92 A.J.I.L. 124.

²³ Римский статут Международного уголовного суда, A/CONF.183/9.

²⁴ Например: *Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights* (Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах), (1976) 999 U.N.T.S. 171, [1976] C.T.S. 47, art. 5(1) b).

²⁵ Римский статут, см. выше сноску 23, ст. 20.

²⁶ For example, Criminal Code, R.S.C. (1985), c. C-46, art. 7 (3.71). See: Charles B. Wagner "The Passing of legislation allowing for trial of those accused of war crimes and crimes against humanity", (1984) 4 *Windsor Yearbook of Access to Justice* 143.

²⁷ See: Adolphys G. Karibi-Whyte, "The Twin *ad hoc* Tribunals and Primacy Over National Courts", (1998) 9 *Criminal Law Forum* (forthcoming).

²⁸ *Prosecutor v. Dusko Tadic aka Dule* (IT-94-1-AR 72), August 10, 1995.

²⁹ See: William A. Shabas, "Justice, Democracy and Impunity in Post-Genocide Rwanda: Searching for Solutions to Impossible Problems", (1997) 7 *Criminal Law Forum* 523.

³⁰ Римский статут, см. выше сноску 23, ст. 5.

³¹ Там же, ст. 6.

³² См. выше сноску 11 ст. 11.

³³ Frank Chalk, "Toward a Generic Definition of Genocide", in George J. Andreopoulos, ed., *Genocide: Conceptual and Historical Dimensions* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994).

³⁴ См. выше сноску 7, Annex, art. 6(C).

³⁵ См. выше сноску 17, art. 5.

³⁶ *Prosecutor v. Tadic* (Case No.IT-94-1-AR72), Judgment of the Appeals Chamber, October 2, 1995.

³⁷ Римский статут, см. выше сноску 23, ст. 7. See: David Donat-Cattin, "Crimes against Humanity", in Lattanzi, Flavia, ed., *The International Criminal Court, Comments on the Draft Statute*, Naples: Editorial Scieintifica, 1998, pp. 49—78.

³⁸ Там же, ст. 7(3).

³⁹ Там же, ст. 8(1).

⁴⁰ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; Женевская конвенция об обращении с военнопленными; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны; в сборнике "Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним", МККК, М., 1994 г.

⁴¹ Там же, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I).

⁴² Там же, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II).

⁴³ Римский статут, см. выше сноску 23, ст. 8(2) (b) (xxvi).

⁴⁴ Там же, ст. 8(2) (b) (viii).

⁴⁵ Там же, ст. 8(2) (b) (xviii).

⁴⁶ Там же, ст. 8(2) (b) (xix).

⁴⁷ Там же, ст. 8(2) (b) (xx). См. Roger S. Clark, "Methods of Warfare that Cause Unnecessary Suffering are Inherently Indiscriminate", (1998) 28 *California Western Int'l L.J.* 379.

⁴⁸ G.A. Res. 3314 (XXIX).

⁴⁹ Устав Организации Объединенных Наций, [1945] 7 ст. 39.

⁵⁰ Римский статут, см. выше сноску 23, ст. 5(2).

⁵¹ Ibid., ст. 12(2).

⁵² Камбоджа присоединилась к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 14 октября 1950 г., Руанда — 16 апреля 1975 г. Другие государства, которых часто предлагают подвергнуть международному правосудию, также давно являются участниками данной Конвенции — Югославия (29 августа 1950 г.), Ирак (20 января 1959 г.), Конго (31 мая 1962 г.), Иран (14 августа 1956 г.), Афганистан (22 марта 1956 г.), Алжир (31 октября 1963 г.), и т.д.

⁵³ См. выше примечание 12, ст. 23(3).

⁵⁴ *United States of America v. Yamashita* (1948) 4 L.R.T.W.C. 1, 36—37; *In re Yamashita*, 327 U.S. 1 (1945); *Canada v. Meyer* ("Abbaye Ardenne Case"), (1948) 4 L.R.T.W.C. 97, 109. По делу Ямасита см. M. Prevost, "Race and War Crimes: The 1945 War Crimes Trial of General Nomoyaki Yamashita", (1992) 14 *H.R.Q.* 303; B. Landrum, "The Yamashita War Crime Trial: Command Responsibility Then and Now", (1995) 149 *Mil. L. Rev.* 293. По делу Майера см. Patrick Brode, *Casual Slaughters and accidental Judgments*, Toronto: University of Toronto Press, 1997.

- ⁵⁵ См. выше примечание 23, ст. 86(2).
- ⁵⁶ Статья 7(3) Устава МУТЮ, см. выше прим. 17; ст. 6(3) Устава МУТР, см. выше прим. 18.
- ⁵⁷ *Римский статут*, см. выше прим. 23, ст. 28.
- ⁵⁸ *Prosecutor v. Erdemovic* (Case No. IT-96-ZZ-T), Judgment of the Appeals Chamber, October 7, 1997.
- ⁵⁹ *Римский статут*, см. выше прим. 23, ст. 31(1)(d).
- ⁶⁰ См. выше примечание 7, ст. 8.
- ⁶¹ *Римский статут*, см. выше прим. 23, ст. 33.
- ⁶² *Ibid*, ст. 31(3)ю
- ⁶² *Ibid*, ст. 13.
- ⁶⁴ *Ibid*, ст. 53.
- ⁶⁵ *Ibid*, ст. 42.
- ⁶⁶ *Ibid*, ст. 36(8)(a) (iii).
- ⁶⁷ *Ibid*, ст. 38.
- ⁶⁸ *Ibid*, ст. 43.
- ⁶⁹ *Ibid*, ст. 57—58.
- ⁷⁰ *Ibid*, ст. 54(1)(a).
- ⁷¹ *Ibid*, ст. 65.
- ⁷² Международный пакт о гражданских и политических правах, Права человека. Сборник международных договоров. Том I, часть I. ООН, Нью-Йорк и Женева, 1994, С. 22.
- ⁷³ *Ibid*, ст. 55(2)(b), 67(1)(g).
- ⁷⁴ *Ibid*, ст. 67(1)(a).
- ⁷⁵ См. выше прим. 72, ст. 14(3)(a).
- ⁷⁶ *Римский статут*, см. выше прим. 23, ст. 67(1)(h).
- ⁷⁷ *Ibid*, ст. 67(1)(i).
- ⁷⁸ *Ibid*, ст. 77.
- ⁷⁹ *Ibid*, ст. 103.
- ⁸⁰ *Ibid*, ст. 110.
- ⁸¹ William A. Schabas, "Sentencing and the International Tribunals: For a Human Rights Approach", (1997) 7 *Duke Journal of Comparative and International Law* 461—517.
- ⁸² David Donat-Cattin, "The Role of Victims in the ICC Proceedings", in Lattanzio Flavia, ed., *The International Criminal Court, Comments on the Draft Statute*, Naples: Editoriale Scientifica, 1998, pp. 251—72.
- ⁸³ *Ibid*, ст. 79.
- ⁸⁴ *Ibid*, ст. 86.
- ⁸⁵ *Ibid*, ст. 59(1).
- ⁸⁶ *Ibid*, ст. 89, 102.

Статья поступила в редакцию в феврале 1999 г.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПО АЛМАЗАМ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.Е. Б е л я е в*

Мировой рынок сырьевых товаров до Второй мировой войны находился под господством международных картелей. В 1934 году была создана Центральная сбытовая организация (ЦСО), которую называют международным алмазным картелем. Если говорить точнее, сама ЦСО полностью находится под контролем одной частной компании — “Де Бирс”, которая ведет переговоры и заключает договоры о реализации алмазов через ЦСО с государствами и частными компаниями. Основу ЦСО составляет *Diamond Trading Company* (DTC). Эта компания осуществляет продажу алмазов сайтхолдерам (клиентам “Де Бирс”) через шестерых алмазных брокеров. Сейчас примерно 160 компаний десять раз в году получают приглашения участвовать в алмазных торгах в Лондоне, Люцерне или Йоханнесбурге, где им предлагаются боксы (ящики) алмазов стоимостью от 10 миллионов долларов США каждый.

Картель первоначально объединил алмазодобывающие компании Южной Африки, Анголы и Конго. Механизм алмазного картеля называется единым каналом сбыта (single channel). Разразившийся в 1930-х годах мировой экономический кризис привел к “обвалу” алмазного рынка. “Де Бирс” закрыла все свои рудники и на протяжении почти 20 лет ЦСО снабжала рынок продукцией из ангольских и конголезских источников. В годы Второй мировой войны международный алмазный картель отверг заявку правительства США на покупку крупной партии технических алмазов для военных нужд. Все попытки американской дипломатии оказать давление на “Де Бирс” через правительство в Лондоне провалились. “Де Бирс” заявила, что она не в состоянии обеспечить требуемый объем поставок, и предложила встречные условия, которые оказались неприемлемы для США¹. Против “Де Бирс” было начато судебное преследование в связи с нарушением антимонопольного законодательства, и деятельность компании в США была запрещена. Так как антимонопольное законодательство США не задевало зарубежные операции “Де Бирс”, в целях обеспечения Соединенных Штатов техническими алмазами были ускорены исследования по производству синтетических алмазов, и в 1950-х годах “Дженэрал Электрик” начала их производство². После Второй мировой войны в США был создан также Оборонный национальный резервный центр (Defense National Stockpile Center), создавший резерв и природных технических алмазов.

В 1950 году алмазный картель объявил эмбарго на поставку алмазов Советскому Союзу. Поставщики алмазов социалистическим странам

*Аспирант кафедры международного права МГИМО(У) МИД РФ.

лишались доступа к новым алмазам или вынуждены были покупать алмазное сырье в два раза дороже³.

В 1954 году были обнаружены первые экономически перспективные месторождения алмазов в СССР, в 1957 году началась промышленная добыча советских алмазов. В авторитетном *Pick's World Currency Report* в марте 1956 года о советской торговле алмазами писали: "We believe that they will handle them the same as they do gold — sell at the best world market prices"⁴. Обнаруженные в Сибири алмазы были хорошего ювелирного качества, но не годились для оборонной промышленности из-за большого содержания пузырьков газа в них. "Де Бирс" предложила сделку: продажа Советским Союзом алмазов через ЦСО и снятие эмбарго на поставку алмазного инструмента в социалистические страны. В 1960—1963 годах ВТО "Союзпромэкспорт" заключает первые контракты с "Де Бирс" о продаже алмазов.

До 1990-х годов ЦСО осуществляет продажу до 95 % всех добываемых алмазов в мире. Первый серьезный удар по картелю был нанесен другой ТНК — "Рио Тинто", контролирующей крупнейший в мире алмазный рудник "Аргайл", добывающий 1/3 алмазов. В 1996 году "Аргайл" начал самостоятельный маркетинг своих алмазов после 11% снижения ЦСО цен на его продукцию в рамках картеля⁵. В настоящее время международный алмазный картель контролирует продажу примерно 70% всех алмазов⁶.

Литература по картелям едина в том, что мировой алмазный рынок способствует созданию картеля и деятельность его нуждается в поддержке со стороны государств⁷. Таким образом, алмазный картель может существовать только как международный, и только с участием государств. В своем исследовании по международно-правовому и антимонопольному регулированию международных соглашений по сырьевым товарам Т. Веберпалс (Weberpals) дает определение сырьевому картелю как "добровольное объединение частных предприятий с целью совместного контроля одного сырьевого товара посредством планомерного воздействия на предложение или производство этого сырьевого товара. Если объединенные предприятия находятся в разных странах, речь идет о международном сырьевом картеле"⁸. В нашем случае алмазный картель — это добровольное объединение частных предприятий и государств с целью совместного контроля алмазного рынка.

Отношения в алмазном картеле предусматривают:

- систему квот (в процентах от годовых продаж ЦСО);
- фиксацию цены, увязанную с квотой и ситуацией на рынке;
- обязанность продаж алмазов только через единый канал сбыта;
- положение о преимущественном праве ЦСО на покупку производимых сверх квот алмазов.

Сейчас в международный алмазный картель входят правительства и/или компании Ботсваны, Намибии, Танзании, России, Гвинеи, ДРК (бывшего Заира), Зимбабве, Китая, Анголы, Австралии, Канады.

Ключевыми факторами функционирования этой системы в настоящее время, как отмечает сама "Де Бирс", являются:

- взаимозависимость, существующая между "Де Бирс" и крупнейшими производителями, связанными единым каналом сбыта для сохранения их доходов от алмазов;

- сотрудничество “Де Бирс” с правительствами Ботсваны и Намибии, которые вместе являются крупнейшим в мире производителем алмазов с возможностью дальнейшей экспансии;

- инвестиции группы “Де Бирс” в анализ и исследования, что сохраняет ее лидерство в добыче и торговле алмазами;

- финансовая сила “Де Бирс”, которая позволяет как образовывать буферный запас алмазов, так и активно скупать их на открытом рынке с целью балансирования спроса и предложения;

- эффективный сбыт с прибылью для всех производителей через сеть международных клиентов “Де Бирс”, состоящую из крупнейших в мире огранщиков; и

- успех всемирной рекламной компании “Де Бирс” по рекламе бриллиантовых украшений в 34 странах с бюджетом 200 миллионов долларов США в год⁹.

Реалией современного рынка алмазов является то, что публикуемые ЦСО монопольные цены на алмазы служат основой для установления нижней границы цен на алмазы во всем мире. В то же время организация международного алмазного рынка противоречит основным принципам международной торговой системы — недискриминации, свободе торговле и конкуренции. Анализ данной ситуации остается за пределами нашего рассмотрения.

В середине 1990-х годов Россия выступила с инициативой создания объединения государств-производителей алмазов, поддержанной правительствами ЮАР, Ботсваны и Намибии. С российской стороны в переговорах участвовал председатель Комитета РФ по драгоценным металлам и драгоценным камням, который провел переговоры с президентами Ботсваны и Намибии и вице-президентом ЮАР. В дальнейшем к переговорному процессу присоединилась Ангола. В 1998 году между Россией и Намибией и Анголой соответственно были заключены соглашения о сотрудничестве в области развития алмазных комплексов, в которых содержатся положения о том, чего нет: стороны договариваются проводить консультации по вопросам участия в межгосударственных и международных организациях и объединенных стран — производителей драгоценных камней. Учитывая, что эти соглашения официально не публиковались, остается только сожалеть, что мы не имеем возможности обходиться без информации “Де Бирс” и других немногих компаний, при том, что во всей сфере алмазов работает 2 миллиона человек, и, как говорится, шила в мешке не утаишь. К тому же эти соглашения на затрагивают права и обязанности государств обеспечивать в соответствии со своим законодательством защиту информации, имеющей отношение к интересам национальной безопасности. Более раннее соглашение России с Китаем о сотрудничестве в развитии алмазо-бриллиантовых комплексов двух стран также выпадает из нашего рассмотрения. Оставляя практику за пределами дальнейшего рассмотрения, обратимся к теории объединений государств — производителей сырьевых товаров.

Все государства имеют право объединяться в организации производителей товаров для развития своей национальной экономики и достижения стабильного финансирования своего развития. Данное положение содержится в статье 5 Хартии экономических прав и обязан-

ностей государств 1974 года. Все государства обязаны уважать это право, воздерживаясь при этом от применения таких экономических или политических мер, которые ограничивали бы это право. То же самое относится к транснациональным корпорациям. Деятельность ТНК не должна создавать условия, которые противоречат интересам принимающего государства. Хотя международно-правовое регулирование деятельности ТНК осуществляется нормами так называемого “мягкого права”, так как они не являются субъектами МП, можно говорить о признании данного регулирования государствами в результате неоднократного его подтверждения в документах ООН. Наиболее ранним из таких документов, действующим до сих пор, является резолюция ГА ООН А/1803 (XVIII) “О суверенитете над природными ресурсами” от 14 декабря 1962 г.

После Второй мировой войны было подписано около 20 соглашений стран—производителей сырьевых товаров, в том числе заключенных на региональной основе¹⁰. Среди них — Совет стран—экспортеров меди (Council of Copper Exporting Countries), Конференция стран—производителей бокситов (Conference of Bauxite Producing Countries), а также объединения по ртути, урану, железу, железной руде и т.д. Хотя межгосударственные объединения производителей сырьевых товаров могут называться “Конференцией”, “Советом”, “Ассоциацией” и т.д., их структура и функции во многом схожи. Наиболее известным и наиболее успешным объединением государств—производителей сырьевых товаров является Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК). Несмотря на то, что рассматриваемые объединения производителей сырьевых товаров являются объединением государств, для обозначения этих соглашений многими, в том числе учеными, стал неправомерно использоваться термин “картель”. Использование этого термина имело, вольно или невольно, целью “подвести” объединения государств-производителей под действие антимонопольного законодательства. В 1978 г. в США Международная ассоциация пилотов и работников аэропортов (International Association of Machinists and Aerospace Workers) обратилась в суд с требованием признать установление ОПЕК цен на нефть нарушающим антимонопольное законодательство США. Суд отказался рассматривать иск, применив доктрину “the act of state”. Как уже отмечалось, картель представляет собой частноправовое образование, объединяющее компании (и государства) с целью совместного контроля рынка одного сырьевого товара. “Экспортный картель, — как пишет Миклаши в исследовании, посвященном ОПЕК, — не только должен включать жесткие соглашения по ценам, но также соответствующие соглашения в таких ключевых областях, как контроль производства и раздел рынка. Экспортный картель должен также выполнять мониторинг деятельности своих членов с целью предотвращать нарушения и наказывать нарушителей. Государства—члены ОПЕК не выполняют ни одну из этих функций. Их соглашения по экспортным ценам на нефть строго добровольны... Более того, соглашения оставляют на усмотрение каждого государства установление и изменение цен в диапазоне, определяемом как разумный, членами ОПЕК”¹¹. ОПЕК устанавливает своим членам квоты дневной добычи нефти, соблюдение которых также добровольно.

ОПЕК была создана в 1959 г. пятью государствами. В 1964 г. уже

ОПЕК заключила соглашения с крупнейшими нефтяными компаниями¹². Но данные компании в ОПЕК не вошли. Таким образом, наличие международно-правовая природа самого межгосударственного объединения производителей, в данном случае ОПЕК.

Главными целями межгосударственных объединений производителей сырьевых товаров являются обеспечение приемлемых цен на их продукты и получение справедливых доходов от инвестиций в соответствующие отрасли сырьевых товаров. Целями также могут быть охрана окружающей среды, обеспечение стабильности цен на соответствующие сырьевые товары, повышение эффективности сырьевых отраслей и оптимизации ресурсов, повышение квалификации в соответствующих отраслях путем обмена специалистами и т.д.

В рамках межгосударственных объединений производителей сырьевых товаров проводятся:

- совместный фиксинг цен;
- совместный маркетинг;
- рыночные ассигнования;
- обмен информацией;
- согласование мер по национальному контролю за компаниями-производителями (роялти, цен и минимальных ставок налогообложения);
- согласование производственных квот и экспортных лимитов.

Для осуществления контроля за мировым рынком алмазов достаточно соглашения семи основных государств-производителей: Австралии, Анголы, Ботсваны, ДРК, Намибии, России и ЮАР. В этом особое значение такого объединения для России, которая производит 20% мировой добычи алмазов в стоимостном выражении. Ни по одному другому сырьевому товару у России нет такого выгодного положения в межгосударственных экономических отношениях.

Основной целью объединения стран — производителей алмазов, таким образом, является достижение и поддержание справедливых и выгодных цен. Механизмом для достижения этой цели, учитывая международный опыт, может быть система квот. В настоящее время существует определенная угроза перепроизводства алмазов: к 2001 году Ботсвана должна увеличить свое производство на 1/3, рост добычи ожидается также в России, Анголе, Канаде. В случае с алмазами существует еще особенность квотирования. Необработанные алмазы (сырье) классифицируются как *industrial diamonds*, так называемые “индийские алмазы” (*near-gems*) и драгоценные камни ювелирного качества (*gems*)¹³. Австралия добыла в 1996 г. 42 миллиона карат алмазов, Россия — 13 миллионов карат. В то же время алмазный экспорт Австралии был оценен в 600 миллионов долларов США, а российский экспорт — в два раза больше. Российские алмазы — более высокого качества. Девяносто процентов намибийских алмазов — это алмазы ювелирного качества. В Анголе 70% алмазов оцениваются как ювелирного качества, 20 % — как “индийские алмазы” и только 10% — как технические. В целом мировая добыча алмазов включает 80% технических и “индийских” алмазов и 20% — ювелирного качества, в то же время эти 20% образуют 80% стоимости всей алмазодобычи¹⁴. Не учитывая различия в качестве добываемых алмазов, государства могут оказаться втянутыми в беспредметные переговоры.

Третьей, и может быть самой сложной проблемой для возможного объединения государств—производителей алмазов станет создание буферного алмазного резерва. Частноправовое регулирование алмазного рынка привело к образованию международным картелем многомиллиардного резерва алмазов. Создание буферных резервов предусматривается также и некоторыми межгосударственными соглашениями по сырьевым товарам. В финансировании создания алмазного резерва государств смог бы оказать содействие ряд международных организаций, в том числе МВФ. Фонд уже предложил содействии Ботсване для уменьшения ее зависимости от алмазной промышленности.

Усиление международно-правового регулирования рынка сырьевых товаров привело к тому, что многие бывшие сырьевые картели заменены межгосударственными соглашениями по сырьевым товарам¹⁵. Учитывая то, что данное регулирование считается основным для международных рынков сырьевых товаров, наше рассмотрение без него было бы неполным.

Международные соглашения по сырьевым товарам являются многосторонними международно-правовыми договорами между государствами—экспортерами сырьевых товаров и государствами—импортерами этих товаров. Предметом регулирования международных соглашений по сырьевым товарам являются оборот первичных сырьевых товаров, то есть товаров, поставляемых без дальнейшей обработки на мировые рынки.

Общая цель международных соглашений по сырьевым товарам — обеспечение всеобщей стабилизации на рынках сырьевых товаров. Среди конкретных целей: достижение справедливых и выгодных цен на сырьевые товары для государств-производителей и государств-потребителей; стабилизация доходов от экспорта развивающихся стран¹⁶; содействие улучшению положения с сохранением окружающей среды в странах добычи, улучшению условий жизни, сохранению невосполнимых ресурсов; сокращение времени реагирования на изменения на рынке и т.д. Проблемность целей международных соглашений по сырьевым товарам заключается с одной стороны в концепции “стабилизации”, с другой — в определении “справедливых и выгодных цен на сырьевые товары”. В отношении “стабилизации” можно привести цитату Мейера: “Стабилизация может относиться к международной цене экспортируемого сырьевого товара, к валютным или реальным доходам производителей, к доходам от экспорта, или к покупательной способности экспорта сырья по отношению к импорту. Неизбежная трудность схемы контроля сырья состоит в том, что при стабилизации одной из этих переменных величин (например, цены) она может в то же самое время дестабилизировать другую переменную величину (например, доходы от экспорта)”¹⁷. Справедливые и выгодные цены после Второй мировой войны понимались как цены, которые будут обеспечивать “меры для расширения мирового потребления сырьевых товаров”¹⁸. ЮНКТАД поставила задачу стабилизации цен на “высоком уровне”, но увязала рост цен на сырьевые товары с индексацией цен на сырьевые товары в соответствии с развитием цен на товары, импортируемые развивающимися странами. Таким образом, международные соглашения по сырьевым товарам в зависимости от международной практики могут

быть оценены как механизм регулирования и компенсации колебаний цен на сырьевые товары вокруг усредненной цены или как форма помощи развивающимся странам¹⁹.

Все международные соглашения по сырьевым товарам имеют идентичную организацию. Инструментарием их являются:

- системы экспортных квот;
- буферные резервы²⁰;
- многосторонний долгосрочный контракт, фиксирующий минимальную цену, по которой страны-импортеры согласны покупать определенные объемы, и максимальную цену, по которой страны-производители согласны экспортировать установленный объем;
- ежегодные консультации, анализы рынка, статистика.

На четвертой конференции ЮНКТАД в 1976 г. в Найроби (ЮНКТАД-IV) была принята резолюция 93 об интегрированной программе по сырьевым товарам. Критерием включения сырьевого товара в Интегрированную программу являлось наличие "экспортного интереса развивающихся стран". Интегрированная программа предусматривала создание Совместного фонда для финансирования регулирования сырьевых товаров с первоначальным капиталом от 10 млрд. до 13 млрд. долларов США. Соглашение о создании Совместного Фонда было подписано в июне 1980 г., в июне 1989 г. оно вступило в силу²¹. Согласно Соглашению о Фонде его средства предоставляются для мер по улучшению структурных условий на рынках и долгосрочный конкурентоспособности отдельных сырьевых товаров, в том числе мер по вертикальной диверсификации (ст. 18.3 а Соглашения).

Таково рамочное международно-правовое регулирование оборота сырьевых товаров. Практика международных отношений доказывает, что в целом эффективное регулирование рынков минеральных сырьевых товаров посредством соглашений по сырьевым товарам трудно осуществимо, несмотря на существование Совместного фонда и поддержку МВФ. Это можно объяснить во многом общей тенденцией на снижение мировых цен на сырьевые товары. В то же время заинтересованность в подобном регулировании остается. В целом межгосударственные объединения производителей сырьевых товаров показали себя более эффективными, чем международные соглашения по сырьевым товарам.

Продолжая сравнение, можно с уверенностью сказать, что международный алмазный картель остается сейчас наиболее эффективным механизмом обеспечения стабильности мирового алмазного рынка. В то же время данный аргумент — плохой ориентир для международно-правового регулирования. Цель государств — социально-экономическое развитие национальных обществ в целом, и международное право отражает интересы наций, которые включают все аспекты, в том числе и международного оборота алмазов. Для примера, эффективное картельное регулирование в Африке осуществляется на фоне войн во всех странах—производителях алмазов, кроме Ботсваны, Намибии и ЮАР. Несомненно, что международный картель не может иметь задач, противоречащих национальной политике государств, но он и не может действовать экономически неэффективно. Международное объединение государств—производителей алмазов может себе позволить мень-

шую экономическую эффективность, в том числе для достижения большей политической стабильности.

¹ В то же время рудник De Beers "Formini" еге" в бельгийском Конго предположительно продавал технические алмазы нацистам. См. *Kanfer S. The last empire: De Beers, diamonds, and the World.* — N.Y., 1993, p. 239. Для справки: тогдашний глава "Де Бирс" сэр Э. Оппенгеймер родился на территории Германии в г. Фридберге, где еврейская община была почти полностью уничтожена в годы войны. В существующем ныне музее, который посетил автор, есть маленький памятник Э. Оппенгеймеру.

² Синтетические алмазы составляют сейчас 90 % предложения на рынке технических алмазов.

³ См. *Gregory T. Ernest Oppenheimer and the Economic Development of Southern Africa.* — London, 1962, p. 324.

⁴ "Мы думаем, что они будут торговать ими так же, как они торгуют золотом — продавать по лучшим мировым ценам". *Pick's World Currency Report*, 1956, March, p. 13.

⁵ "Де Бирс" выразила после этого сожаление по поводу ряда банкротств, прошедших в Индии, куда поставляется большая часть продукции "Аргайл". *De Beers. Annual Report 1996*, p. 11.

⁶ Вне картеля осуществляют маркетинг своих алмазов Австралия, Бразилия, Венесуэла, Гана, Гвинея, Сьерра-Леоне.

⁷ *Kempton D.R./Levine R.M. Soviet and Russian Relations with Foreign Corporations: The Case of Gold and Diamonds. American Slavic Review.* 1997, Summer.

⁸ *Weberpals T. Internationale Rohstoffabkommen im Volker — und Kartellrecht.* — Munchen, 1989, S. 19.

⁹ См. *De Beers. 1996 Annual report*, p. 3.

¹⁰ См. *Вельяминов Г.М. Основы международного экономического права.* — М., 1994. — С. 29.

¹¹ *Mikdashi. The OPEC Process*, 104 *Deadalus* No., 207—208 (Fall 1975). Цит. по *Henkin L./Pugh R.G./Schachter O./Smit H. International law. Cases and materials.* — St. Paul, Minn, 1987, pp. 343—344.

¹² См. *Ashworth F.G. International commodity control: a contemporary history and appraisal.* Цит. по *Henkin*, pp. 982—986.

¹³ В России и других государствах СНГ для обозначения *industrial diamonds* используется термин "технические алмазы".

¹⁴ См. *Buschgen H.E. Das kleine Borsenlexikon.* — Dusseldorf, 1998, p. 233.

¹⁵ См. *Weberpals S. S.* 19.

¹⁶ С конца 1970-х годов эта цель рассматривается в контексте внешней задолженности развивающихся стран. См. *IMF Survey*, 1984, Dec. 10, p. 370.

¹⁷ *Meier. UNCTAD proposals for international economic reform.* Цит. по *Jackson J.H./Davey W.J. Legal problems of international economic relations. Cases, materials and text on the national and international regulations of transnational economic relations.* — St. Paul, Minn, 1986, p. 973.

¹⁸ Ст. 63(а) Гаванской Хартии 1948 г.

¹⁹ *Meier.* Там же. — С. 974.

²⁰ Буферные резервы надо отличать от "железных резервов", величина которых неизменна.

²¹ Соглашение ратифицировали 104 государства.

Статья поступила в редакцию в январе 1999 г.

Международное налоговое право

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБЩЕНИИ ГОСУДАРСТВ

К. Г. Б о р и с о в *

Международное общение государств мирового сообщества развивается как административными распоряжениями, так и законодательными постановлениями и в особенности международными соглашениями.

Как отмечал профессор Ф. Мартенс, “международное общение возникло вследствие создания государствами необходимости взаимной помощи и содействия для достижения общими силами полного развития своих сил и удовлетворения разумных потребностей. Цель государства — всестороннее развитие сил и способностей своих подданных — заставляет его искать в области международных отношений средства для удовлетворения духовных и материальных интересов своего народа, не находясь внутри его территории”¹. Для достижения этой цели государство действует не только в пределах международного общения, но даже за его пределами. Одной из главных функций государства является формирование государственного бюджета страны за счет внутреннего и внешнего налогообложения. После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., провозгласившей равенство всех форм собственности, при главенствующей частной собственности, возросло значение налогообложения для формирования бюджета государства. Отсюда возросла роль и значение международного партнерства и сотрудничества в области международного налогового планирования.

Таким образом, международное общение представляет *свободную деятельность государств в области международных связей* для достижения ими жизненных своих целей в пределах, подвластных международному праву². Как отмечает П.Н. Бирюков в своем курсе международного права, одним из важных направлений международного

*Профессор МГИМО (У) МИД РФ. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за 1994 г.

сотрудничества в сфере экономического развития является взаимоотношение государств по вопросам налогообложения³. Сейчас в мире действует уже свыше тысячи международных соглашений, регулирующих вопросы налогообложения. Налоговое обложение является одной из главных проблем *гармонизации* экономических позиций интеграционных процессов мирового сообщества. Так, действие Римского договора 1967 года направлено на *унификацию* налоговых систем стран—членов Союза с точки зрения методики и механизма взимания налогов, размеров налогообложения и др.⁴

К числу международных налоговых соглашений относятся договоры об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов, договоры об устранении двойного налогообложения доходов, договоры об обмене информацией и сотрудничестве в борьбе с нарушениями налогового законодательства, договоры о налогообложении доходов от международных перевозок, договоры, содержащие “налоговые” нормы (о поощрении и защите капиталовложений; о защите авторских и смежных прав; о дипломатических, консульских и иных представительствах) и ряд других. Отсюда в международном праве сложилась *система норм и принципов сотрудничества и партнерства в области международного налогообложения, а также защиты интересов хозяйствующих субъектов, ведущих внешнеэкономическую деятельность в других государствах*⁵.

Международной сферой действия налогового права являются межгосударственные взаимоотношения и внешнеэкономические контракты. К числу источников международного налогового права относятся национальное законодательство страны, а также международные налоговые соглашения, заключенные между государствами, международными организациями и прецедент.

Практикой международного общения выделяются три группы международных договоров по налоговому вопросу:

а) *Акты, устанавливающие общие принципы налогового обложения*, которые не подлежат непосредственному применению, но содержащиеся в них принципы регулируются во внутреннем законодательстве. Сюда относятся: Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, Европейская социальная хартия 1961 года и др.;

б) *собственно налоговые соглашения*. Это общие, специальные, по оказанию административной помощи по налоговым вопросам;

в) *соглашения по вопросам межгосударственным взаимоотношений* в различных сферах экономики и политики, которые, помимо прочего, рассматривают налоговые проблемы (соглашения о дружбе и сотрудничестве государств, торговые соглашения, соглашения о правовой помощи и др.)⁶.

В международном налоговом праве сложились определенные стандарты и специальные принципы международных налоговых правоотношений. К ним относятся:

- *налоговый суверенитет* — право любого государства устанавливать любые налоги на любые источники доходов, так или иначе связанные с этим государством, проводить любую налоговую политику в своих национальных границах;

- *налоговая юрисдикция* — территория, внутри которой действуют соответствующие налоговые законы⁷;

- *резидентство* — резиденты данной юрисдикции облагаются налогами на все свои доходы из всех источников, включая и зарубежные источники доходов;

- *налоговый домициль* — совокупность определенных признаков, необходимых для признания лица налогоплательщиком; в случае отсутствия налогового домициля лицо признается нерезидентом. Следует отметить, что при наличии признаков налогового домициля лицо становится резидентом данной юрисдикции;

- *постоянное представительство* — по отношению к нерезидентам, имеющим на территории иностранного государства постоянное представительство, применяется такой же порядок обложения всех доходов, полученных в данном государстве, как и порядок, действующий для резидентов, место деятельности которых расположено в одном государстве, через которое осуществляются коммерческие операции, а получение доходов находится в другом государстве;

- *принцип территориальности* — налогообложению подлежат все доходы лиц, возникшие в данной юрисдикции вне зависимости от национальной принадлежности и резидентства лица. Налогообложение на основе резидентства на условиях принципа территориальности приводит к двойному юридическому налогообложению;

- *двойное юридическое* (международное) *налогообложение* возникает в тех случаях, когда один и тот же налогоплательщик облагается сопоставимыми налогами в отношении одного и того же объекта обложения в двух или более юрисдикциях за один и тот же период времени;

- налогообложение доходов от внешнеэкономических операций на международных рынках в глобальной электронной экономике.

Развитие интеграционных процессов глобализации хозяйственной жизни повышает мобильность субъектов прав собственности в выборе юрисдикций своего местопребывания. Не случайно одним из главных факторов при принятии инвестиционных решений все в большей степени является налоговый климат страны⁸. Интеграция трех основных факторов производства — труд, земля и капитал, которые соответственно приносят доходы в трех основных формах заработной платы, ренты и прибыли — приводит к тому, что большая часть прибыли совместных предприятий образуется за пределами ее юрисдикции основного местонахождения. Одновременно с этим расширяется и совершенствуется система международных налоговых соглашений, ведется сотрудничество и партнерство между национальными налоговыми службами, предусматривается взаимный обмен информацией.

Таким образом происходит ужесточение не только национального законодательства, но и международных налоговых правил и стандартов, совершенствуется юридическая база, увеличиваются возможности отслеживания сделок хозяйствующих субъектов собственности, предусматривается взаимная выдача налоговых преступников, арест банковских счетов, подозреваемых в сокрытии налогов и др.

Отсюда главными целями международных налоговых соглашений является урегулирование двойного налогообложения, защита интересов

отечественных хозяйственных субъектов собственности, ведущих внешнеэкономическую деятельность в другом государстве, борьба каждой страны с различными способами уклонения от налогообложения и выработка процедуры урегулирования спорных вопросов. Сейчас в мире существует свыше тысячи международных соглашений, регулирующих вопросы налогообложения⁹. Существуют *общие и специальные* международные налоговые конвенции. **Общие** соглашения регулируют вопросы избежания двойного налогообложения доходов и капитала во всех сферах деятельности за рубежом. Модель международного налогового соглашения содержит статьи, регулирующие различные виды доходов, подлежащих налогообложению. Это в основном три вида доходов: доход от предпринимательской или коммерческой деятельности, доход от индивидуальной деятельности и доход от инвестиций¹⁰. **Специальные** соглашения действуют в конкретных областях предпринимательской деятельности (в сфере международных транспортных перевозок). Налоговые соглашения заключаются как правило на двусторонней договорной основе, но имеются примеры многосторонних налоговых соглашений. Такие соглашения действуют между странами Северной Европы, Бенилюкса, Британского Содружества Наций.

В мировой практике сформировались две основные модели *общих налоговых соглашений*: модель Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) и модель Организации Объединенных Наций (ООН), служащие основой для заключения двусторонних международных налоговых соглашений.

Типовая модель ОЭСР 1977, 1979, 1984, 1995, 1996 годов рекомендуется для заключения двусторонних налоговых соглашений между странами с развитой экономикой. В основу налогообложения эта модель ставит принцип *резидентства*¹¹.

Для гарантии развивающимся странам доходов от налогообложения ООН разработала альтернативную модель типового налогового соглашения 1980 года.

Типовая модель ООН использует принцип *территориальности*, позволяющий облагать все доходы, образующиеся на территории развивающихся стран, а также применять более высокие, чем модели ОЭСР, ставки налогов на репатриацию прибыли¹².

Одновременно в рамках ООН подготовлены "Основы мирового налогового кодекса" 1993 года в рамках международного налогового планирования в мировой экономике. В нем определяются конкретные ставки налогов и акцизов, необлагаемого минимума, размера льгот и др. Основы состоят из 300 страниц, включают 591 статью и комментарии к ним. Кодекс имеет пять разделов: подоходный налог; акцизный налог; налог на добавочную стоимость; налог на недвижимость и статус налоговой администрации¹³.

Следует обратить внимание на то, что налоговое законодательство является одним из сложных по сравнению с другими институтами права. Как считал профессор В.И. Лисовский, "оно характеризуется неясностью и во многих случаях двусмысленным содержанием отдельных норм, имеет большое число дополнительных нормативных актов, правил, изъятий, что выгодно государственным органам фиска"¹⁴. В связи с этим

созданы корпорации адвокатов, специализирующиеся в налоговом законодательстве под углом интересов налогоплательщиков. Одновременно созданы международные организации по вопросам международного налогового права и системы налогообложения.

Международная налоговая ассоциация создана в 1933 году по инициативе финансовых, промышленных и торговых компаний. Учредителями этой ассоциации были налоговые и финансовые эксперты компаний, осуществляющих активные инвестиции в экономику мирового хозяйства. В 1974 году эта Ассоциация насчитывала более 2300 индивидуальных членов из 50 стран, в том числе из США, ФРГ, Италии, Нидерландов, Бельгии, Франции, Канады, Финляндии, Швейцарии, Швеции, Австралии, Японии и др.¹⁵

В 20 странах созданы национальные группы Ассоциации (почти во всех промышленно развитых государствах). Ассоциация имеет Устав, согласно которому членами могут быть частные лица, а также компании, корпорации, учреждения (включая и правительственные).

Международная налоговая ассоциация имеет консультативный статус (Б) при Экономическом и Социальном Совете Организации Объединенных Наций. Органы Ассоциации: общие собрания, созываемые ежегодно; Совет, избираемый на общих собраниях в количестве 30 членов и работающий в период между общими собраниями, во главе его стоит президент; Исполнительный комитет, работающий постоянно (в составе 6 членов); Секретариат, во главе которого стоит назначаемый Советом Генеральный секретарь, ведающий текущими делами Ассоциации. В тех странах, где имеются национальные группы, должен быть секретарь этой группы. Штаб-квартира Ассоциации и ее органов находится в Амстердаме. Официальные языки Ассоциации: английский, французский и немецкий. С 1938 по 1978 год Ассоциация провела около 160 международных конференций по налогам и налоговому праву, в том числе по проблемам налогообложения, доходов от инвестиций, от использования патентов, а также по вопросам налогового законодательства, затрагивающего международные экономические отношения. Особое внимание в работе Ассоциации уделяется вопросам двойного налогового обложения, а также уменьшению размера налогов на иностранные инвестиции. Ассоциация поддерживает регулярные связи с Международным институтом государственных финансов и Международной торговой палатой.

Международное бюро налоговой документации учреждено в 1939 году в составе Международной налоговой ассоциации и является ее автономной организацией. Бюро ведет работу по информации о национальных законах в области налогов и налогообложения в различных странах. Членами Бюро могут быть государственные учреждения, университеты, учебные институты, библиотеки, промышленные и финансовые компании.

Органы Бюро: директор-распорядитель, советник, пять секретарей, Консультативный комитет в составе крупных специалистов в области налогового права (10 членов). Средства Бюро складываются из членских взносов и доходов от изданий. Штаб-квартира Бюро находится в Амстердаме¹⁶.

Бюро издает: "Бюллетень международной налоговой документации"

— официальный орган Международной налоговой ассоциации. Бюллетень выходит 6 раз в год на английском, французском, немецком, итальянском и испанском языках.

В Бюллетене помещается информация о налоговой практике государств мира, о финансовом законодательстве, международных соглашениях по налоговым вопросам, рецензии на книги по этим проблемам; “Труды по международному налоговому праву” — ежегодник, издается на пяти языках; “Новости международной налоговой ассоциации” — издается ежемесячно, на английском языке; “Бюллетень по налоговой документации” — издается на английском языке, выходит два раза в месяц¹⁷.

Следует обратить внимание на Международный союз по налогообложению земельной собственности, основанный в 1926 году в Копенгагене. Этот союз в настоящее время имеет статус “Б” в Экономическом и Социальном Совете Организации Объединенных Наций.

¹ Мартенс Ф. Международное право цивилизованных народов. Т. II. — Санкт-Петербург, 1883. — С. 2.

² Там же.

³ Бирюков П.Н. Международное право. — М., 1998. — С. 335.

⁴ Налоговые системы зарубежных стран. — М., 1997. — С. 163.

⁵ Корецкий В.М. Международное хозяйственное право и “право иностранцев” (Fremden Redit). Избранные труды в двух книгах. Книга I. — Киев, 1989, с. 195; Лисовский В.И. Правовое регулирование международных экономических отношений. — М., 1984. — С. 184; Фомина О. Международное налоговое право: Понятие и основные принципы. — “Хозяйство и право”, 1995, № 5.

⁶ Сутырин С.Ф., Погорельский А.И. Налоги и налоговое планирование в мировой экономике. — Санкт-Петербург, 1998. — С. 44.

⁷ ДERNBERG Р.Л. Международное налогообложение. — М., 1997. — С. 25.

⁸ Богатырев А.Г. Инвестиционное право. — М., 1990. — С. 29.

⁹ U.N. Treaty Series. Cumulative index. No 23, 24. 1999.

¹⁰ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки от 17 июня 1992 года об избежании двойного налогообложения и предотвращения от уклонения налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал. — См. “Московский журнал международного права. № 1, 1993. — С. 177—201.

¹¹ Schaumburg. Internationales Steuerrecht. — Köln, 1998.

¹² Тостояненко Г.П., Федотова И.Г. Налоговое право США. Терминология. — М., 1996. — С. 31.

¹³ Бутаков Д.Д. Основы мирового налогового кодекса. — “Финансы”, 1996, № 8. — С. 23.

¹⁴ Лисовский В.И. Правовое регулирование международных экономических отношений. — М., 1984. — С. 184.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Uandbuch der Verrechnungreise. С.Н. Beck. 1997.

¹⁷ “Steuerrecht”. Recht-Praxis. Nomos Textausgaben. — Baden-Baden. 1998.

Международное семейное право

СМЕШАННЫЕ БРАКИ НЕМУСУЛЬМАН С МУСУЛЬМАНАМИ

Е. А. Рыжкова*

Падение “железного занавеса” и последовавшая за этим демократизация отношений между гражданами различных государств естественно вызвали значительное увеличение количества браков, заключаемых лицами, принадлежащими к различным культурам и вероисповеданиям, имеющими порой весьма разнящуюся юридическую защиту со стороны своих национальных законодательств и веками создававшихся в обществе обычаев и традиций. Как показывает анализ таких браков и заметно увеличившееся в последний период количество обращений лиц, заключивших их, в российские консульства и другие официальные загранпредставительства РФ за юридической помощью и порой просто за человеческой поддержкой, наиболее болезненными для личности подчас оказываются проблемы, возникающие на религиозной основе в семьях из-за различного вероисповедания супругов.

В большинстве своем российские граждане знают о мусульманском праве лишь понаслышке. Поэтому при заключении смешанных браков они чаще всего не готовы к его последствиям, которые в корне могут изменить не только их жизнь, но и жизнь их детей.

В данной публикации мы постараемся подробно рассмотреть некоторые вопросы, связанные с заключением лицами так называемых смешанных браков, в частности, между мусульманами и немусульманами. Актуальность этих вопросов в определенной степени продиктована объективными причинами и, в первую очередь, возрастанием религиозного фактора в ряде регионов и государств, преимущественного положения там мусульманского права.

Цель этой публикации — дать некоторые юридические основы мусульманского права, связав их с российским законодательством, оказать

* Аспирантка Московской государственной юридической академии

посильную помощь сотрудникам консульских учреждений, ЗАГС и юристам, не являющимся специалистами в области мусульманского права, в их разъяснительных беседах с лицами, собирающимися заключить или уже заключившими указанный выше смешанный брак и обращающимися за консультацией или помощью. В последний период указанная проблематика становится более актуальной при заключении российскими гражданами указанных выше смешанных браков не только с представителями иностранных мусульманских государств, но и с членами мусульманских общин ряда регионов Российской Федерации.

Ислам и семейное право

Независимо от того, является немусульманин атеистом или исповедующим другую религию, практикующим свои религиозные обряды или нет, в соответствии с мусульманским правом он рассматривается как немусульманин и к нему применяются соответствующие юридические положения.

В отличие от российского законодательства мусульманское право различает людей по религиозному фактору. Нормы семейного права также отличаются в религиозных понятиях христианства и ислама. В соответствии с нормами классического мусульманского права брак не может быть заключен в случае, если жених не является мусульманином, ибо женщина не принадлежит к одной из монотеистических религий (ислам, христианство и иудаизм) или же является вероотступницей. С точки зрения исламского закона эти обстоятельства являются временными препятствиями, которые могут исчезнуть с принятием Ислама. Так в Коране говорится: “Не женитесь на многобожниках, пока они не уверуют И не выдавайте замуж за многобожников, пока они не уверуют” (2: 220(221))), “верующие женщины не дозволены неверующим, и неверующие не дозволяются верующим женщинам” (60:10). Даже в Тунисе, самой либеральной из всех мусульманских стран, несмотря на то, что принадлежность супругов к разным религиям Кодексом о личном статусе не перечислена среди обстоятельств, препятствующих для заключения брака, и подтвердить действительность такого запрета не может даже Конституция Туниса (с одной стороны, в преамбуле провозглашается воля народа четко следовать учениям Ислама, и в статье первой что Ислам является государственной религией Туниса, с другой стороны, в этой же статье говорится, что Тунис государство свободное, независимое и суверенное, т. е. в Конституции уже содержатся два противоречивых принципа: первый утверждает главенство Шариата, как высшего закона, над действующим правовым порядком, второй провозглашает суверенитет)¹, на практике брак между мусульманкой и немусульманином не может быть заключен. Органы записи гражданского состояния отказывают в заключении брака, ссылаясь на соответствующие циркуляры министерства юстиции (R.J.L., ноябрь 1973 г.). Однако с обращением мужчиной в Ислам запрет на заключение брака с мусульманкой снимается.

В российском законодательстве отсутствуют какие-либо запреты в вопросах заключения брака между лицами различных религиозных конфессий. Как мужчина, так и женщина могут заключить брак с любым

лицом, вне зависимости от его религиозной принадлежности. Это гарантируется Конституцией РФ.

Но во всех этих странах существуют определенные дискриминационные положения в области семейного права по отношению к немусульманам.

В современных условиях в мусульманском мире нет ни одной страны, где действовали бы только нормы мусульманского права, но также нет ни единой страны, где бы они ни оказывали своего влияния на образ жизни и действующее законодательство. В зависимости от роли мусульманского права в системе действующего законодательства исламские государства можно условно разделить на следующие группы:

1) страны, где стержнем правовой системы является мусульманское право (Саудовская Аравия, Судан, страны Персидского залива), и любой законодательный акт приобретает юридическую силу лишь в случае непротиворечия нормам Шариата.

2) страны, где мусульманское право имеет приоритетное значение лишь в области личного статуса, уголовного права и гражданского оборота (Кувейт, Ливия, Иордания, Марокко). В остальных областях законодательства действует светское право.

3) государства, где мусульманское право в целом сохранило свои позиции лишь в области личного статуса и вакуфного имущества* (Египет, Сирия, Ирак). В других отраслях действует законодательство, основой которого является законодательство развитых европейских стран, с отдельными включениями норм Шариата.

4) в правовой науке принято выделять Тунис, как государство с самой либеральной и прогрессивной правовой системой, где влияние мусульманского права сведено к минимуму. Даже в такой приоритетной для мусульманского права области как личный статус нормы Шариата используются для того, чтобы оправдать прогрессивные нововведения, часто противоречащие традиционным взглядам.

Для разрешения споров, возникающих в сфере личного статуса, в ряде мусульманских государств каждая религиозная община имеет свои суды (как, например, Ирак, Иордания, Йемен, Ливия). В других странах (например, в Египте) религиозные суды упразднены и преобразованы в государственные, правомочные для всех, но они сохраняют законодательную базу своих религиозных общин. А такие страны, как Алжир и Тунис вовсе отменили религиозные суды и объединили законодательство, предусмотрев в нем применение общих норм и для немусульман.

Как уже говорилось выше, в мусульманских странах мусульманин может жениться на женщине-немусульманке при условии, что она принадлежит к монотеистической религии (Христианство или иудаизм), категорически запрещено жениться на женщинах иных религиозных конфессий и вероотступниках от Ислама. Женщина монотеистической религии, немусульманка, может сохранить свою веру, но обычно она подвергается давлению со стороны своих новых родственников или мусульманского окружения с целью принятия ею мусульманства. Но

* Вакуфное имущество — имущество, изъятое из оборота и предназначенное на благотворительные цели, как правило, в пользу бедных мусульман.

даже в отсутствие такого давления, она на практике оказывается вынужденной принять мусульманство, если не хочет быть поставленной в невыгодное положение (например, в вопросах наследования, прав на своих детей и др.).

Что же касается женщины-мусульманки, то она может выйти замуж только за мусульманина. По действующему законодательству всех мусульманских государств ни светские, ни религиозные органы власти никогда не зарегистрируют брак мусульманки с немусульманином.

Эти исламские нормы не применяются в России, что позволяет у нас мусульманке выйти замуж за немусульманина на немусульманской территории. В мусульманских же регионах России традиционно придерживаются норм Шариата, а в некоторых случаях и закрепляют их законодательным путем (в Чечне, Ингушетии). Проблематичным становится и ее возвращение на родину в такой ситуации, где ее могут разлучить с мужем, так как их отношения будут рассматриваться как прелюбодеяние. Чтобы избежать этого, немусульманину остается только принять Ислам, что происходит довольно часто.

Понимание свободы вероисповедания

Рассмотренная выше религиозная конверсия может быть чисто формальной. Однако российские граждане, привыкшие к светскому характеру своего государства и законодательства, не могут в полной мере оценить и учесть последствия принятия Ислама.

В России граждане свободны в выборе вероисповедания, в переходе из одной религии в другую или в отказе от нее, а также в решении вопроса о том, давать ли своим детям религиозное образование. Дети же по достижению совершеннолетия сами могут выбрать себе религию, которая больше им соответствует. Эти свободы гарантированы Конституцией РФ (ст. 28).

Религиозная свобода, как она существует в России, отсутствует в мусульманских государствах. Согласно норм Шариата, рожденный мусульманином и должен умереть им, он ни при каких обстоятельствах не может отказаться от своей религии. В соответствии с законодательством Судана, например, вероотступник от Ислама может быть казнен, в Египте и странах Магриба не предусмотрены столь жестокие санкции, но и последствия этого поступка также не одобряются законодательством. В этих странах вероотступники рассматриваются как немусульмане с наступлением соответствующих юридических последствий: мужчине запрещается вступать в брак с мусульманкой, а если он уже женат на мусульманке, то его брак признается недействительным, при наследовании его рассматривают как мертвую личность, т. е. он не может участвовать в процедуре наследования. Однако помимо юридических последствий вероотступник постоянно живет в страхе смерти, так как по Шариату любой мусульманин может его убить без опасения быть за это наказанным.

Обычно при заключении смешанных браков родственники мусульманина настаивают на принятии Ислама немусульманским супругом. Процедура принятия довольно проста. Для этого достаточно произнести фразу: "Я подтверждаю, что не существует другого Бога, кроме Аллаха,

и Магомет посланник Аллаха". Мужчине надлежит пройти еще и процедуру обрезания.

Каковы же последствия принятия Ислама?

Во-первых, запрещено повторное изменение религии под страхом наступления указанных выше последствий.

Во-вторых, при принятии Ислама женщиной, в случае, если муж остается немусульманином, такой брак признается недействительным до обращения мужа в Ислам.

В-третьих, дети, рожденные в браке с мусульманами, будут только мусульманами, и на них также распространяется запрет вероотступничества.

Если же супруг-немусульманин отказывается от принятия Ислама он должен в брачном контракте оговорить по возможности все вопросы, подпадающие под действие не только мусульманского права (о чем подробнее будет рассказано далее), но и мусульманской морали (например, возможность свободно осуществлять свои религиозные обряды).

Ислам и женщина

Семейный кодекс РФ устанавливает, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (статья 1 Семейного кодекса РФ). Каждый из супругов свободен в выборе рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства. Вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно исходя из принципа равенства супругов (статья 31 Семейного кодекса РФ).

Нормы же мусульманского права полностью противоречат данной статье. Мужчина всегда является главой семьи, его практически неограниченная власть распространяется не только на жену, но и на детей. Так, вся жизнь незамужней дочери зависит от мнения отца, он вправе выдать ее замуж по своему усмотрению, не принимая во внимание пожелания невесты, дочь же не может заключить брак без согласия отца или мужчины-опекуна. К первому доказательству подчиненности женщины можно отнести тот факт, что для заключения брака не требовалось согласия женщины. Брак считался заключенным с момента достижения согласия между женихом и отцом девушки. За сироту брак заключал наиболее близкий агнат*.

Брак вдовы или разведенной женщины мог заключаться только с ее согласия, однако одного желания женщины было все равно не достаточно: необходимо было получить одобрение отца (или наиболее близкого агната).

Конечно, отец был обязан проконсультироваться с дочерью до того,

* Агнат — лицо, которое по мужской линии подчинено одному лицу *paterfamilias* (главе семьи — *там.*).

как выдать ее замуж. Однако отцы не всегда следовали этой чисто теоретической обязанности, учитывая еще и тот факт, что за ее несоблюдение не было предусмотрено никакой ответственности.

Коран следующим образом определяет власть мужчины над женщиной: "Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества" (4:38*34)). За неподчинение муж вправе ее наказать согласно Корану: "А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них". (4:38(34)).

Жена имеет право на уважительное к себе отношение со стороны мужа, однако, она обязана подчиняться ему как главе семьи. Совместное проживание супругов является окончательной фазой заключения брака, результатом которой является наступление соответствующих последствий.

В семейном плане глава семьи (отец, а в его отсутствие старший сын) обычно требует со стороны жен и дочерей строгого соблюдения традиционных норм исламской морали. В частности, он может им запретить посещать кинотеатры, дискотеки, пляжи, специальные учебные курсы, а девочкам заниматься физической культурой или посещать учебные классы вместе с мальчиками. Он может записать детей в частные школы, где обучение ведется в большем соответствии с религиозными нормами.

В соответствии с традиционными мусульманскими взглядами отдельные части человеческого тела запрещено выставлять на показ, с целью предотвращения искушения. Главным объектом искушения является женщина, ибо Аллах сказал: "Я не оставил после меня более сильного искушения для мужчины, чем женщина". Поэтому в арабском мире существуют строгие нормы одежды для женщины, а их поведение в обществе мужчин сопряжено с обязательным выполнением мусульманских традиций. Так, в зависимости от глубины религиозных обычаев в той или иной стране, женщины выходя на улицу должны надевать традиционную одежду (покрывало), которая варьируется от простого платка, скрывающего волосы, до чадры, полностью закрывающей лицо женщины, которая надевается вместе с верхним платьем длиной до пола, перчатками и обувью соответствующего платья цвета (обычно используются черный, а также темно-синий и темно-коричневый цвета). Цвет покрывала зависит от традиций, так, например, в Алжире, где принято носить белое покрывало, закрывающее лицо (за исключением глаз), грудь, плечи и руки женщины, в городе Константина женщины носят только черное покрывало в знак траура по мужчинам этого города, расстрелянным в период борьбы за независимость страны. Обычно девочки начинают носить платок, скрывающей их волосы с четырех лет. При вступлении в период половой зрелости (обычно с одиннадцати лет) девочки должны носить покрывало, скрывающее лицо, плечи и грудь. Аллах велел: "О пророк, скажи твоим женам, дочерям и женщинам верующих, пусть они сближают на себе покрывала. Это лучше, чем их узнают; и не испытывают они оскорбления" (33:59). Такова, в частности, ситуация в Саудовской Аравии и странах Персидского залива.

В мусульманском мире женщин, вне зависимости от их вероисповедания никогда не представляют мужчинам, и процедура принятия пищи между мужчинами происходит без присутствия женщин. Мужчинам в этих странах запрещено дотрагиваться до рук женщин, приветствовать их рукопожатием.

Наиболее строгие ограничительные нормы предусматриваются мусульманским правом и отношении работающей женщины. Есть лишь отдельные страны, где женщина работает наравне с мужчиной. В других же наоборот, ей запрещается работать в общественных местах или в присутствии мужчины.

В связи с тем, что жена обязана повсюду следовать за мужем, женщина не может переехать одна или с детьми в другой город, а тем более выехать из страны без письменного разрешения мужа (особенно строгие правила существуют в Иране).

Принимая во внимание перечисленные выше факты, российская женщина, выходящая замуж за мусульманина должна обсудить все интересующие ее моменты со своим будущим супругом с учетом мусульманских традиций и настоять на внесении в брачный договор всех достигнутых договоренностей. При этом следует учесть тот факт, что в случае противоречия какой-либо оговорки, содержащейся в брачном договоре, нормам действующего законодательства и мусульманского права, брак будет признан недействительным.

Условия и порядок заключения брака

В соответствии со ст. 1. п. 2 Семейного кодекса РФ в России признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Такая форма брака применяется как для браков между российскими гражданами, так и для смешанных браков между российскими и иностранными гражданами. Также признаются браки между гражданами РФ, между гражданами РФ и иностранными гражданами и лицами без гражданства, заключенные за пределами России с соблюдением законодательства того государства, на территории которого они заключены и при отсутствии обстоятельств, препятствующих заключению брака (ст. 158 Семейного кодекса РФ). Граждане Российской Федерации, находящиеся за рубежом могут также заключить брак в дипломатических представительствах или в консульских учреждениях РФ (ст. 157 Семейного кодекса РФ). После заключения гражданского брака в органах ЗАГС супруги могут совершить религиозный обряд бракосочетания в присутствии религиозных представителей. Подобный религиозный брак является, согласно российскому законодательству, факультативным и не имеет юридической силы. Необходимо отметить, что в России запрещается бракосочетание в консульских учреждениях аккредитованных мусульманских стран до совершения бракосочетания в органах записи гражданского состояния.

Мусульмане могут, после заключения гражданского брака, обратиться к имаму одной из мечетей для совершения мусульманского ритуала по их желанию. Возможно также оформление религиозного смешанного брака и перед представителями православной церкви или двух религий

(православной и мусульманской), если один из супругов православный, а другой мусульманин.

Религиозные бракосочетания без его предварительного гражданского оформления в России признаются недействительными с момента их заключения.

Бракосочетание в мусульманской стране обычно сопровождается либо отдельной религиозной процедурой, либо совершается в официальном государственном учреждении (в мэрии, ЗАГС, у нотариуса и т. п.), имеющем религиозные полномочия и соответствующего представителя культа. При обращении супругов для оформления брака к религиозным или консульским мусульманским представителям те обычно требуют от мужа принятия исламской веры или предлагают женщине стать мусульманкой. Женщина-немусульманка монотеистка может при этом сохранить свое вероисповедание, выйдя замуж за мусульманина. Однако, учитывая сложившуюся практику заключения смешанных браков, женщине-немусульманке не следует спешить с религиозным оформлением брака до тех пор, пока муж-мусульманин в брачном контракте не подтвердит действительность достигнутых между супругами договоренностей.

Необходимо отметить, что в большинстве мусульманских стран мужчине-мусульманину разрешается брать себе в жены до четырех женщин, будь они мусульманки, христианки или еврейки, при условии справедливого отношения к ним. Коран провозглашает по этому вопросу: “женитесь на тех, что приятны вам, женщинах и двух, и трех, и четырех (4:№).” Обычно для заключения каждого последующего брака необходимо получить разрешение от суда, который может учитывать интересы первой жены: если повторный брак наносит ей вред, то в ряде стран она вправе расторгнуть свой брак даже тогда, когда возможность развода не предусмотрена брачным договором.

Только в Тунисе полигамия запрещена статьей 18 Кодекса о личном статусе. По мнению тунисского законодателя этот запрет не противоречит нормам Шариата, поскольку в соответствии с Кораном полигам не может относиться ко всем своим женам одинаково: “И никогда вы не в состоянии быть справедливыми между женами, хотя бы и хотели этого” (4:128(129)). Кроме того, а полигамия в Тунисе предусмотрена и уголовная ответственность, которая возлагается как на мужчину, так и на его сообщницу. Так, заключение нового брака, без расторжения предыдущего наказывается лишением свободы сроком на один год или штрафом в размере 240.000 франков, даже в том случае, если новый брак не был оформлен в соответствии с законом (ч. 2 ст. 18). В Йемене допускается лишь бигамия: мужчина вправе состоять в браке не более чем с двумя женщинами одновременно, при этом второй брак разрешается судом только в случае бесплодия или тяжелой неизлечимой болезни первой жены (ст. II Семейного закона 1974 г.).

В странах шиитского толка мужчина также может помимо четырех жен, брак с которыми заключен в соответствии с мусульманским законодательством, иметь и неограниченное количество женщин на период от одного часа до нескольких лет, т.е. вступать в так называемые “временные” браки “никах уль-мут а” или просто “му ф”. Поэтому

при появлении конфликтной ситуации между супругами брака, заключенные в России, могут в этих странах рассматриваться именно как временные, в связи с тем, что они не были оформлены в соответствии с исламской традицией. Временная форма брака в суннитских странах категорически запрещена.

В России же полигамия запрещена как между российскими, так и между иностранными гражданами. Но все же имеют место случаи, когда женщина вдруг узнает, что у ее мужа-мусульманина уже есть другая жена или он, выехав к себе на родину, женится еще раз там. Если такой факт происходит в России, то женщина вправе требовать развода или признания брака недействительным.

Иначе обстоят дела, если супруги находятся в мусульманской стране, где женщина не всегда может по этой причине расторгнуть брак. Во избежание возможного осложнения семейных отношений при повторной женитьбе супруга-мусульманина в периоды его даже краткосрочной поездки на родину или въезда всей семьи туда на каникулы, свидания с родственниками и т. п. рекомендуется предусмотреть такие моменты в брачном контракте и указать на возможность развода в случае, если супруг-мусульманин женится вторично. Такая мера предосторожности позволит жене использовать положения брачного контракта для развода или недопущения ее супругом заключения вторичного брака и ее желательно предусмотреть, даже если супружеская пара намерена остаться жить в России.

Наиболее важным условием действительности брака является отсутствие обстоятельств, препятствующих заключению брака, которые делятся на постоянные (родство, свойство, кормление грудью, а в Тунисе еще и тройной развод и заключение бигамского брака) и временные (тройной развод, за исключением Туниса, принадлежность мужа к немусульманской конфессии).

Запрещены браки между родственниками по восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушки, бабушки, прадедушки, прабабушки, внуки и правнуки и т. д.), между сестрами и братьями, браки с потомками сестер и братьев.

Запрещены браки между мужчиной и родственницами жены по восходящей линии с момента заключения брака, по нисходящей линии с момента вступления супругов в интимные отношения, как последствия вступления в брак, с супругами родственников жены по восходящей и нисходящей линии вне зависимости от степени родства с момента заключения брака.

Молочное родство, как обстоятельство, препятствующее заключению брака, исходит из мусульманского права² и является препятствием для заключения брака в той же степени, что и кровное родство и свойство. Вскормленный ребенок рассматривается как ребенок, родившийся в законном браке, но запрет не распространяется на его братьев и сестер. Для того, чтобы молочное родство стало препятствием для заключения брака, совместное кормление должно происходить во время двух первых лет жизни младенца.

Тройной развод является чисто мусульманским препятствием для заключения брака. Муж вправе трижды дать развод жене. "Развод

двукратно: после него либо удержать, согласно обычаю, либо отпустить с благодеянием” (3:229(229)), т. е. первый и второй разводы не прекращают брачных отношений между супругами, и в течение определенного срока “идда” муж может вернуть жену³. Но “если же он дал развод (ей в третий раз), то не разрешается она ему после, пока не выйдет она за другого мужа, а если тот дал развод, то нет греха над ними, что они вернутся” (3:230(230)) таково общее правило для всех мусульманских стран, т. е. тройной развод является временным препятствием для заключения повторного брака между супругами. С тех пор как правило о тройном разводе утвердилось в мусульманском праве, обычно использовались две основные уловки для заключения повторного брака так, чтобы это не противоречило Корану: либо женщина вступала в фиктивный брак со специально выбранным для этого ее мужем мужчиной⁴, либо муж, не желающий воспользоваться услугами третьего лица, ссылаясь на то, что развод был дан им в состоянии невменяемости, что является основанием для признания развода ничтожным. В Тунисе, однако, тройной развод является постоянным обстоятельством, препятствующим заключению повторного брака. Так, с введением судебной процедуры развода для вступления этого правила в силу необходимо, чтобы супруги три раза заключили и расторгли брак (что должно быть оформлено юридически) и лишь тогда они ни при каких условиях не смогут юридически оформить свой четвертый брак.

Женщина не может вступить в брак до окончания вдовьего срока. В соответствии с мусульманским правом такой срок “идда” устанавливается в случае прекращения брака путем развода или смерти супруга. Для разведенной небеременной женщины этот срок составляет три месяца, для вдовы четыре месяца и десять дней. Если женщина беременна (как вдова, так и разведенная), то этот срок заканчивается родами. Максимальная продолжительность беременности установлена в один год с момента смерти или развода. Для женщины, чьей муж признан безвестно отсутствующим, сроки устанавливаются те же, что и для вдовы. Разведенная женщина может заключить повторный брак со своим бывшим мужем до истечения вдовьего срока.

В странах, разрешающих полигамию, нельзя вступить в брак с пятой женой, пока не прекращен брак с одной из четырех имеющихся.

Невозможен брак мусульманки с немусульманином, до его обращения в Ислам, о чем было подробно рассказано выше.

Несовершеннолетние дети

Обычно проблемы связанные с заключением брака между лицами, принадлежащими к различным религиозным конфессиям, усугубляются при рождении ребенка, так как возникают споры, связанные с выбором имени ребенку, его вероисповеданием, религиозными обрядами, воспитанием и обучением.

В России граждане свободны в выборе вероисповедания, в переходе из одной религии в другую или в отказе от нее, а также в решении вопроса о том, давать ли своим детям религиозное образование. Дети же по достижении совершеннолетия сами могут выбрать себе религию,

которая больше им соответствует. Эти свободы гарантированы Конституцией РФ (ст. 28).

В мусульманском праве такая свобода веры отсутствует. В соответствии с нормами Шариата во всех мусульманских странах ребенок, у которого хотя бы один из родителей является мусульманином, автоматически и обязательно становится мусульманином. Ему не предоставляется право выбора другой религии даже по достижении совершеннолетия, ибо тогда он будет рассматриваться как вероотступник со всеми вытекающими отсюда последствиями. Увы, даже если в брачном контракте оговорить принадлежность ребенка к немусульманской религии, то все равно при переезде на постоянное жительство в мусульманскую страну эти договоренности не будут иметь юридической силы, т. к. они противоречат мусульманскому законодательству. Поэтому вероисповедание ребенка будет зависеть лишь от отношения мужа и взглядов его семьи на эту проблему.

При обращении в Ислам мальчикам в обязательном порядке делают обрезание. Во многих странах обрезание совершается и в отношении девочек (например, в Сомали, в Судане), что связано с климатическими условиями, уровнем гигиены.

В мусульманских странах запрещено усыновление. Этот запрет базируется на положении Корана (33:4-5): “Не устроил Аллах для человека двух сердец внутри и не сделал ваших приемышей вашими детьми. Возведите их к их отцам, это более справедливо у Аллаха, а если не знаете их отцов, то это ваши братья в вере и ваши близкие”. Единственным мусульманским государством, где существует и функционирует институт усыновления, является Тунис (книга 7 Кодекса Туниса о личном статусе 1956 г., и Закон № 58-27 от 4 марта 1958 г. с последующими изменениями). В других же странах существует институт “приема” или “убежища”, согласно которого супруги обязуются принять ребенка и дать ему необходимую помощь, но ребенок не может ни носить фамилию своей новой семьи, ни рассчитывать на часть имущества или на наследство. В случае, если в семье нет детей, то обычно в этом обвиняется жена, и муж имеет право на заключение второго брака или на развод.

Поэтому в вопросе родственных связей мусульманским правом признаются только дети, рожденные в браке. Это считается нормальным, т. к. наличие внебрачных детей предполагает общение женщины с одним и тем же мужчиной в течение некоторого времени, что можно рассматривать как временный брак, который покрывает собой возможность такого общения.

В России мужчина и женщина живут в так называемом гражданском браке, если хотя бы один из них уже состоит в законном браке с другим лицом, или же если они еще не готовы заключить брак. Длительная и довольно сложная в большинстве случаев процедура развода толкает их на вступление во временные отношения. Однако в результате таких отношений иногда рождаются внебрачные дети. Но в мусульманском мире это случается намного реже.

Процедура заключения и расторжения брака в мусульманском мире довольно проста. Даже если мужчина и женщина не уверены в продол-

жительности совместной жизни, они могут заключить брак и впоследствии расторгнуть его. Официальный брак мужчины не является препятствием для заключения нового. Наконец, если мужчина богат, то помимо четырех официальных жен он может иметь столько наложниц, сколько ему позволяет его финансовое положение. Дети, рожденные наложницами в результате регулярных отношений, признаются законными детьми. Таким образом, дети, которых мы обычно называем внебрачными, мусульманским правом признаются как законные.

Некоторые из них стали известными людьми в истории Исламской империи. Например, Ель Маамун один из виднейших калифов династии Аббасидов, был рожден рабыней от Харуна Ер-Рашида. В настоящее время сказали бы, что он родился в результате отношений, которые имел его отец со служанкой (или любовницей), и его называли бы ребенком, родившимся от внебрачной связи лица, состоящего в браке. Но по мусульманскому праву, на момент, когда его мать была рабыней его отца, его статус законного ребенка не подлежал сомнению.

Прекращение брака и его юридические последствия

Что же собой представляет развод в мусульманском обществе? Каковы его последствия в случае смешанных браков?

В России помимо смерти одного из супругов брак может быть прекращен в, соответствии со ст. 16 Семейного кодекса РФ, путем его расторжения по заявлению одного или обоих супругов.

В мусульманском праве развод осуществляется:

- по инициативе мужа;
- по взаимному согласию супругов;
- по решению суда.

Основной формой является развод по одностороннему решению мужа (“талак”), при котором муж вправе трижды дать развод жене. Причем первый и второй разводы могут и не прекратить брачных отношений, а только третий развод окончательно прекращает брак. Троекратный развод является, в зависимости от страны, либо временным, либо постоянным препятствием для заключения нового брака этими супругами.

Особенностью расторжения брака по взаимному согласию супругов является его форма (договор, обратный договору о заключении брака), и материальное возмещение, равное брачному дару (“махру”, “калым”), женой мужу, уплаченных мужем при заключении брака средств.

К третьей форме развода (по решению суда) чаще всего прибегают женщины, т. к. мужчина и без суда может расторгнуть брак. В Египте, Ливане и странах Юго-Восточной Азии это право предоставлено только жене. Основания для обращения в суд практически одинаковы во всех странах, к ним относятся:

- болезнь или физические недостатки мужа (как правило, психические болезни, импотенция);
- длительное (12 лет) отсутствие мужа без достаточных оснований, наносящее моральный ущерб женщине;
- отношение мужа, ставящее в униженное положение жену (физический и моральный ущерб);

— пьянство мужа.

После прекращения брака муж обязан содержать бывшую жену в течение года, если она не вступила в новый брак, дочь до замужества, а сына пока последний не сможет сам зарабатывать на жизнь или не получит возможность содержать себя (как правило, до 15—16 лет).

Когда супруги живут в России, они должны соблюдать российское законодательство в вопросах развода. Односторонний отказ от жены в России не признается и не имеет юридической силы.

Необходимо также отметить, что законодательство ряда мусульманских стран позволяет включить в брачный договор положение о праве женщины на развод, что позволяет избежать юридической волокиты и оговорить вопрос о выплате компенсации мужу.

Когда супруги проживают в мусульманской стране, где законодательством предусмотрены односторонние отказы от жены, российской гражданке при возникновении подобной ситуации следует возвратиться в Россию и здесь начать бракоразводный процесс. При этом ей предстоит сложная процедура получения добровольного согласия на вывоз ребенка, так как узнав о ее намерении получить официальный развод, он вряд ли разрешит ей сделать это. При этом следует помнить, что вывоз ребенка матерью из мусульманской страны возможен только при предъявлении письменного разрешения мужа (или опекуна ребенка в случае смерти мужа) жене и ребенку покинуть страну, которое, однако, может быть в любое время отменено. Без такого разрешения мать и ребенок не могут пройти пограничный контроль и выехать из страны. Поэтому женщины-немусульманки вынуждены проживать в мусульманской стране даже после развода и смерти мужа до совершеннолетия детей, когда они свободно могут выехать из страны.

Вопрос о несовершеннолетних детях в случае развода родителей, в соответствии с Семейным кодексом РФ решается в судебном порядке. Иначе обстоит дело в мусульманском праве.

Так, согласно мусульманского права, мать имеет преимущество в вопросе сохранения прав на ребенка, однако права на детей варьируются в зависимости от пола ребенка. По истечении срока прав матери на ребенка, многие мусульманские законодатели передают эти права отцу, другие позволяют ребенку самому выбрать место проживания (у отца, у матери или у другого близкого родственника). В большинстве мусульманских стран мать-немусульманка лишается прав на ребенка по достижении им пяти лет (в Тунисе, мать-немусульманка не лишается родительских прав на ребенка старше пяти лет). Однако немусульманское вероисповедание матери является основанием лишения ее всяческих прав на вероисповедание матери, является основанием лишения ее всяческих прав на ребенка, что и толкает женщину на обращение в Ислам. Учитывая тот факт, что мусульманское право не признает института усыновления (за исключением Туниса) ребенок всегда будет зависеть от воли отца или его родственников (в случае его смерти). Женщина может потерять права на ребенка, даже если ребенок родился после расторжения брака. Именно для установления отцовства мусульманским правом и был установлен срок “идда”. Женщина лишается прав на ребенка в случае, если она вновь выходит замуж не за отца

ребенка, если она меняет местожительства и тем самым создает препятствия для общения с отцом, который должен заниматься обучением ребенка и формировать его жизненные позиции.

Это необходимо помнить при заключении смешанного брака, так как если супруги находятся на момент развода или смерти одного из них в мусульманской стране, вопросы о правах на ребенка будут решаться только в соответствии с мусульманским законодательством. И даже в Тунисе, самой либеральной и прогрессивной стране в области семейного права, не существует иных норм в решении этой проблемы.

Наследственные права

В практике смешанных браков особенно остро на супруге-немусульманине отражаются последствия смерти супруга-мусульманина не только морального, но и юридического характера.

Во-первых, в России любой гражданин имеет право быть похороненным или кремированным в соответствии с его волеизъявлением или религиозными обычаями, а кладбища входят в сферу деятельности органов государства, которые занимаются их содержанием и регулированием порядка захоронения. Наряду с наличием чисто религиозных кладбищ (например, еврейских, мусульманских), на одних и тех же кладбищах могут быть захоронены атеисты, представители различных религиозных конфессий.

В мусульманских странах такая свобода захоронения отсутствует. Так, каждая религиозная община хоронит своих умерших единоверцев на собственных кладбищах. Поэтому захоронение супругов, если смерть настигла их в мусульманской стране обязательно будет произведено на разных кладбищах, если они принадлежат к различным религиозным конфессиям. Кремация покойных мусульман запрещена.

Во-вторых, дискриминационные положения для немусульманина существуют в мусульманском праве и в вопросах наследования. Так, немусульманам не разрешается наследовать имущество мусульман, но супруг-мусульманин вправе предусмотреть в завещании или брачном контракте выплату пожизненного содержания своей жене, если она более не выйдет замуж. Это является правом, но не обязанностью супруга, поэтому при составлении брачного контракта в случае заключения смешанного брака следует оговорить такую возможность. Однако завещание расточителя, слабоумного или несовершеннолетнего действительно лишь при его утверждении судьей. Кроме того, если при составлении завещания завещатель был невменяем, и его состояние не изменилось вплоть до его смерти, то такое завещание не имеет юридической силы. Наследниками по завещанию могут быть и юридические лица, к ним относятся места отправления культа и законно образованные ассоциации. Кодекс о личном статусе Туниса предусматривает возможность завещания части имущества мусульманина лицам, принадлежащим к иной конфессии (статья 174), а также иностранцам (статья 175)⁵. В соответствии с нормами мусульманского права завещательный отказ не может быть направлен на одно лицо, а также не может превышать в сумме трети завещаемого имущества.

Шариат в соответствии с Кораном (4:12(11)-16) устанавливает следующие наследственные доли: сыну долю, подобную доле двух дочерей,

если дочерей несколько, то им положено две трети имущества, родителям одна шестая имущества, мужу половину имущества жены, если нет детей, если есть дети, то четверть. Жены получают вдвое меньше.

В любом случае, дети, родившиеся от брака с мусульманином, в соответствии с нормами Шариата всегда являются мусульманами и, следовательно, будут участвовать в разделе наследства мусульманина. Если жена немусульманка, то после смерти мужа ее финансовое положение будет зависеть от морально-этических взглядов родственников мужа. Поэтому, при заключении брака необходимо оговорить в брачном контракте процедуру наследования имущества и определить доли.

Брачный контракт

Хотя мусульмане бывают либеральными и толерантными (терпимыми), но как только взаимоотношения между мужем и женой в смешанных браках становятся конфликтными, мусульмане не колеблясь начинают использовать в своих интересах брачный контракт, в котором сторонам необходимо предусмотреть решение проблем, связанных с их принадлежностью к различным религиозным конфессиям, учитывая как нормы светского законодательства, так и религиозное право.

Когда супруги принадлежат к двум различным культурам, а тем более подпадают под разные национальные законодательства, невозможно предусмотреть имеющиеся в различных странах юридической практики и обычаев, а также все имеющегося там особенности национального, религиозного, культурного плана. Положение супругов осложняется также и отсутствием у Российской Федерации с рядом государств двусторонних соглашений в области семейного права.

Когда заключается брак между двумя гражданами РФ, то они знают, что в случае возникновения в будущем споров, последние будут решаться на основании норм Семейного и Гражданского кодексов РФ и принимаемых в соответствии с ними других федеральных законов и нормативных актов, предусмотренных ст. 3 Семейного кодекса РФ. Нормативные документы ряда областей предусматривают различные пути решения споров по имущественным правам и обязанностям супругов, наиболее надежным из которых является их письменное определение именуемое “брачным договором” или “контрактом”. При отсутствии же такого письменного документа, супружеская пара подпадает при разрешении споров под так называемый законный (легальный) режим, который определяется национальным законодательством, и в этом случае супруги полагаются на его справедливость.

По этим причинам, для лиц, намеревающихся заключить смешанный брак с иностранным гражданином, крайне важно письменно оформить рамки семейных прав и обязательств.

Как и всякий договор, брачный контракт должен отвечать определенным требованиям, чтобы создать те юридические последствия, на которые он направлен. Первое требование достижение брачного возраста, которое определяется национальным законодательством и варьируется в разных государствах от 16 лет до 21 года. В некоторых странах брачный возраст не устанавливается. Так, например, в Йемене брачный договор может быть заключен в любом возрасте, но реально супруги

могут вступить в половые отношения лишь при достижении половой зрелости⁶.

Второе. Брачный контракт должен быть подписан супругами в специальных государственных учреждениях в присутствии необходимого числа компетентных свидетелей, которыми, как правило, в мусульманском мире являются двое взрослых мужчин. Некоторые школы суннитского толка допускают в качестве свидетелей двух женщин, но при непременном участии одного мужчины. Иногда вместо супругов или невесты брачный договор может быть подписан опекуном (т. е. законным представителем), которым могут быть отец, старший брат, дядя или суд.

Основными целями заключения брачного договора является установление брачного равенства, включающего в себя имущественные и личные условия. Чаще всего условие о брачном равенстве трактуется как имущественные гарантии, позволяющие мужчине содержать жену на таком уровне потребления, какой конкретизируют это правило, сводя понятие брачного равенства к требованию уплаты мужем брачного выкупа, содержания жены и ее семьи.

И, наконец, наиболее важный момент в составлении брачного контракта для немусульман, вступающих в брак с мусульманами, — это внесение оговорок, содержащих положения о правах и обязанностях супругов, о свободе вероисповедания немусульманина, о свободе выбора вероисповедания детьми, о воспитании и обучении детей, о возможности поездок немусульманки на родину и т. д.

Если брачный договор не был заключен по различным причинам (незнание, неготовность супругов и т. п.), то он может быть подписан и позже, что не ограничивает его юридическую силу. Такой контракт будет разрешать оговоренными в нем условиями все последующие споры между супругами, детьми и другими членами семьи.

В то же время немусульмане должны отдавать себе отчет, что подобный контракт имеет ограниченное действие, если супруги переезжают в мусульманскую страну, поскольку законодательство там стоит на защите мусульманина, особенно, когда речь идет о детях. В этом случае, выполнение контрактных обязательств будет зависеть, в основном, от степени взаимных чувств супругов и от морально-этических норм супруга-мусульманина и его родственников.

В случае, если супруги принимают решение заключить мусульманский религиозный брак или консульский брак, необходимо предусмотреть, чтобы брачный контракт был составлен в четком соответствии с установленными как российским, так и мусульманским законодательством условиями действительности и соблюдением форм. Брачный договор должен быть подписан в определенных законом государственных учреждениях, или в присутствии нотариусов при неотъемлемом участии необходимого количества свидетелей. Оговорки о достигнутых договоренностях между супругами в смешанном браке с мусульманами не должны противоречить нормам Шариата, даже его положениям не закреплённым законодательным путем, иначе такой брак будет признан недействительным с момента его заключения. Последствия признания брака недействительным зависят от того, вступили ли супруги в интим-

ные отношения, как следствие заключения брака, или нет. Простое заключение брака не влечет за собой никаких последствий. Если же супруги вступили в интимные отношения, то при признании недействительности их брака:

1) женщина имеет право истребовать в полном размере оговоренный в брачном контракте выкуп, исключение составляет выкуп, определенный судьей;

2) женщина обязана соблюсти вдовий срок, исчисляемый с момента разделения супругов;

3) происхождения ребенка устанавливается с учетом заключенного брака, т.е. муж признается законным отцом ребенка, родившегося или зачатого в этом браке, и женщина не может вывезти своего ребенка из страны без письменного разрешения мужа;

4) вступает в силу запрет на заключение брака в силу свойства.

Имущественные отношения супругов

В России, если супруги не выбирают и не устанавливают соответствующих личными поручениями (завещаниями) или контрактами имущественные отношения, то этот вопрос решается в соответствии с действующим законодательством (при разводе совместно нажитое имущество делится, а имущество, имевшееся у супругов до бракосочетания, остается в собственности каждого из них по его состоянию на момент до бракосочетания). С другой стороны, развод может сопровождаться обязательствами содержания (алиментами) одного из супругов в отношении другого и (или) детей.

В мусульманском праве предусмотрено полное разделение имущества и нажитых богатств, т. е. каждый из супругов сохраняет свою часть имущества, накопленную им как до, так и во время совместной семейной жизни. Такая ситуация ставит в невыгодное положение женщину, которая основное время проводит дома, занимаясь домашним хозяйством и воспитывая детей. Этот неоплачиваемый вид работы вынуждает ее при разводе сохранять только ту часть имущества, которая у нее была до замужества. Муж сохраняет за собой право на все нажитое имущество. Что же касается прав разведенной женщины на пособие по содержанию, то оно обычно действует в течение ограниченного времени. Поэтому еще одним условием, обязательным для вступления брака в законную силу, является оговорка об уплате брачного выкупа (махра, калыма).

Махром может быть любое имущество, пользование которым разрешено законом и имеющее денежную ценность. Закон не ограничивает максимальные пределы махра, однако, он должен быть достаточно серьезен. Махр предназначается для жены, которая может распоряжаться им по своему усмотрению. Муж не вправе принудить жену к половым отношениям до уплаты выкупа. После вступления в интимные отношения, как последствия вступления брака в силу, жена, кредитор выкупа, может лишь настоятельно требовать уплаты махра. Неуплата выкупа не является основанием для развода. При признании брака ничтожным женщина все равно имеет право востребовать уплату выкупа, зафиксированного в брачном договоре или судьей. Однако при заключении брака между иностранцами органы записи гражданского состояния не

требуют обязательной оговорки о выкупе в брачном контракте. Таким образом, обязательным условием для вступления брака в законную силу является не сама уплата выкупа, а упоминание о нем в брачном контракте с точным определением его размеров. Если развод вменяется в вину жене, то она теряет право на выкуп. При других обстоятельствах махр является своеобразным материальным обеспечением жены на случай неблагоприятных материальных обстоятельств. Тяготы махра подчас являются одной из причин, толкающих молодых мусульман на женитьбу с немусульманками, так как их родители чаще всего не знают об этой традиции и не требуют таких сумм до свадьбы.

На практике нередки случаи, когда супруги живут на деньги жены, а муж пересылает свой доход на родину, под предлогом строительства дома, и при разводе этот дом будет рассматриваться как личная собственность мужа.

Если семья намеревается жить за границей, то важно, чтобы финансово-экономическое положение каждого из супругов было оговорено, и, в частности, положение о том, будет ли жена работать или только заниматься домашним хозяйством. Необходимо предусмотреть, чтобы женщина не оказалась на улице в случае развода или смерти мужа и получила еще до замужества от супруга денежную сумму в виде брачного дара, которая будет являться своего рода страховкой на всю ее последующую жизнь.

В заключение хотелось бы еще раз напомнить, что лицам, вступающим в смешанный брак с мусульманином, необходимо детально изучить особенности регулирования семейных отношений в мусульманских странах, с тем, чтобы еще до заключения брака обсудить все возможные спорные вопросы и проблемы, наиболее значительные из которых рассматривались в данной работе, и закрепить их в брачном контракте, призванном наилучшим образом защищать права супругов, принадлежащих к различным религиозным конфессиям, как во время брака, так и после его прекращения.

¹ Y. Ben Achour, Islam et constitution, R.T.D. 1974/1977.

² Так в Коране говорится: "И запрещены вам ваши матери, и вши дочери и ваши сестры, и ваши тетки по отцу и матери, и дочери брата, и дочери сестры, и ваши матери, которые вас вскормили, и ваши сестры по кормлению, и матери ваших жен, и вши воспитанницы, которые под вашим покровительством от ваших жен, к которым вы уже вошли, и жены ваших сыновей, которые от ваших чресел" (4:27(23)).

³ Сюкияйнен Л. Р. "Мусульманское право и семейное законодательство стран Арабского Востока", "Мусульманское право", М., 1984, с. 135.

⁴ В Тунисе эта практика не прижилась, здесь для этого прибегали к услугам мальчиков, почти достигших брачного возраста, что, кстати, противоречило законодательству.

⁵ Завещание, составленное в пользу иностранца, действительно при условии взаимности

⁶ Сюкияйнен Л. Р. "Мусульманское право и семейное законодательство стран Арабского Востока", "Мусульманское право", М., 1984, с. 124125.

Статья поступила в редакцию в марте 1999 г.

Космическое право

РОЖДЕНИЕ “АЛЬФЫ” И СМЕРТЬ “МИРА”

В начале апреля, как раз перед Днем космонавтики (12 апреля), состоялось заседание совета главных конструкторов российской ракетно-космической корпорации “Энергия”, на котором рассматривался ход работ над служебным модулем Международной космической станции — МКС (до недавнего времени ее именовали “Альфа”, сейчас это название в прессе появляется все реже). Модуль принадлежит России.

Строительство “Альфы” было начато в конце прошлого года. С его началом создатели опоздали более чем на год. В ноябре 1998 года с Байконура российская ракета-носитель “Протон-К” вывела на орбиту американский энергетический модуль “Заря”. В декабре к нему был пристыкован другой американский блок Unity — его выводил в космос Шаттл из США.

Существует график строительства МКС. По нему следующий блок — а это должен быть российский служебный модуль — пристыковывающийся к станции в июле 1999 года. Так решили главы космических агентств всех стран—участниц проекта. Этот этап работ очень важен, потому что его осуществление даст возможность посылать в космос команды людей — длительные космические экспедиции и для продолжения стройки, и для научно-исследовательских работ.

Поэтому за работами в России внимательно следит весь мир. Однако здесь работы велись медленно из-за недостаточного финансирования. И тут, чтобы подхлестнуть дела, со своим предложением выступили США. Они изъявили готовность за 60 млн. долл. арендовать на три года 23 м³ (в космосе “жилплощадь” измеряется в кубометрах) объема служебного модуля. Это составляет около трети всего полезного объема модуля. В американских условиях оговаривается возможность обратного выкупа этого объема по остаточной стоимости после истечения срока аренды.

Для России особенно выгодным оказалось условие — деньги вперед. Конечно, Российское космическое агентство (РКА) дало согласие, а деньги были переведены.

Все это произошло в конце 1998 года, а в апреле 1999 года на заседании, о котором идет речь, выяснилось, что запуск может состояться только в конце осени нынешнего года. Перенос сроков запуска,

как ни странно, выгоден для РКА, так как оно может использовать недовольство партнеров по МКС и выбивать все новые средства для строительства станции. Напомним, что всего до 2013 года, когда МКС будет полностью готова, Россия собирается на нее потратить более 6 млрд. долл.

Конструкция МКС такова, что у каждого партнера имеется свой сегмент. Он его создает и обустраивает. Однако все начинается со служебного модуля. Как только он появится, зарубежные партнеры России могут потерять к ней всякий интерес, и она останется один на один со своими заботами о собственном сегменте.

Если и тогда не будет финансирования, Россия затянет надолго сроки космического строительства. Вот почему РКА торопится сейчас с затоплением космической станции "Мир". На ее эксплуатацию денег в госбюджете нет, внебюджетных средств зарубежные инвесторы больше не дают, отечественные инвесторы пока не появились.

Поскольку два таких проекта Россия одновременно финансировать не может, остается ориентироваться на один. Вот почему "Альфа" остается, а "Мир" ждет смерть. Затопление, по прогнозам специалистов станции, которая еще могла бы работать и работать, произойдет в будущем — двухтысячном году.

(Соб. инф.)

"Московский журнал международного права" является правопреемником "Советского журнала международного права", созданного в 1991 году как общесоюзный журнал юристов-международников СССР. После 1992 года, выходя под названием "Московский" (по месту его издания), журнал сохранил в составе своего Редакционного совета ученых из стран, расположенных на территории бывшего СССР, и на его страницах могут находить отражение как точки зрения самих юристов, так и официальные позиции их государств.

Отбор и содержание материалов журнала определяются Редколлегией. Вместе с тем публикация материала в "Московском журнале международного права" не всегда означает, что Редколлегия разделяет точку зрения автора. При перепечатке материала или его части, а также при цитировании ссылка на наш журнал обязательна.

Экология и право

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ КОНВЕНЦИИ О ЗАПРЕЩЕНИИ ВОЕННОГО ИЛИ ЛЮБОГО ИНОГО ВРАЖДЕБНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРИРОДНУЮ СРЕДУ 1977 ГОДА (к 20-летию подписания Конвенции ENMOD)

А.В.К у к у ш к и н а*

На протяжении всей истории человечества ведение войн неизбежно сопровождалось разрушением окружающей среды. Пожары, вытаптывание полей, вырубка лесов, рытье траншей и укрытий, а в более позднее время бомбардировки и артобстрелы — вот далеко не полный перечень всех видов непреднамеренного ущерба, причиняемого природе в ходе войн. Ни один уголок нашей планеты не застрахован от стихийных бедствий и от деятельности человека, наносящей ущерб окружающей среде. Такие опасные явления, как изменение и разрушение среды обитания, исчезновение биологических видов и утрата биологического многообразия, разрушение озонового слоя и климатические изменения, носят, безусловно, трансграничный характер¹.

Однако война США в южной части Индокитайского полуострова, известная как вторая война в Индокитае, была фактически первой в истории человечества, когда сознательное разрушение окружающей среды на территории противника явилось главной частью стратегии и тактики одной из воюющих сторон и осуществлялось планомерно и в широких масштабах на протяжении всего периода активных военных действий. Именно в эти годы в лексикон вошел новый термин “экоцид”, под которым следует понимать преднамеренное действие одного государства, использующего свою экономическую и военную мощь для уничтожения природной среды, населения, культуры другого государства².

В конце 60-х годов американский физик Г.Макдональд писал, что появление возможности управлять природной средой может быть использовано “как фактор силы в арсенале средств достижения национальных целей”³. Разработка технического потенциала геофизической

*Доцент кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ.

войны (США приступили к этому еще с 50-х годов), по его мнению, может дать государству средство изменить соотношение сил в свою пользу даже в условиях паритета в области ядерного оружия.

Использование приемов геофизической войны основано на прямом воздействии на некоторые неустойчивые состояния в природе, что при приложении сравнительно небольшой энергии может вызвать значительные нарушения в окружающей среде и сделать ее неудобной или непригодной для обитания. В 60-70-е годы западные ученые активно работали над методами геофизической войны (образование и рассеивание туманов и облаков, изменение электрических и электромагнитных свойств атмосферы, создание искусственных гроз, бурь, землетрясений, цунами, извержений вулканов, выпадение осадков, локальные изменения климата, изменения состояния ионосферы и озонового слоя в верхних слоях атмосферы, изменение химических и физических параметров океанов и морей, крупномасштабное уничтожение растительности, стимулирование селей, оползней и других геологических процессов). Все эти приемы чреваты непредсказуемыми и, возможно, необратимыми последствиями не только в районе их применения, но и в масштабах планеты.

Весь комплекс средств воздействия на природную среду в военных целях, в том числе и на атмосферу, получил в литературе название “геофизическое оружие”, а применение этих средств — “геофизическая война”⁴. Термин, обозначающий преднамеренное управление природными процессами, которое может вызвать “ураганы, цунами, землетрясения, выпадение осадков в виде дождя или снега”⁵. И в отечественной, и в зарубежной литературе под геофизической войной понимают массовое и комплексное применение средств и способов вооруженной борьбы, которое может вызвать в твердой, жидкой и газообразной сферах Земли изменения, губительно действующие на войска противника или значительно затрудняющие им выполнение боевых задач. Совершенно ясно, что здесь идет речь о качественно новом способе ведения военных действий, отличающихся крайне неизбирательным характером⁶. Основная цель использования такого оружия заключается в причинении значительного и разнообразного ущерба не столько неприятельской армии, сколько гражданскому населению⁷. Воздействие на элементы биосферы (например, искусственные наводнения или засухи на значительных территориях) призвано нанести ущерб в первую очередь экономике враждебного государства, нарушить ее нормальное функционирование, подорвать условия жизнедеятельности населения.

Индокитай стал подлинным полигоном для испытания и применения разнообразных средств и методов экологической войны. Армия США планомерно уничтожала природные ресурсы этого региона, плодородные почвы, леса, животный мир. Это была первая в истории война, в ходе которой, помимо уничтожения живой силы противника, истреблению подверглась природная среда в военных целях.

Американские силы наземного базирования в Индокитае в 1961-1971 гг. были сравнительно невелики и концентрировались в Южном Вьетнаме. Под их контролем находились крупные города и прилегающие к

ним районы с развитым сельским хозяйством и наиболее высокой плотностью населения. В Северном Вьетнаме, Кампучии и Лаосе под контролем американцев находились только столицы.

Этот дефицит живой военной силы Соединенные Штаты стремились восполнить за счет изобилия сложных и дорогостоящих технических средств, новых видов оружия, жестоких карательных операций, так называемых миссий поиск-уничтожение.

Для подавления партизанского движения, объединившего в высоко-маневренные группировки около 600 тысяч человек, США применяли беспрецедентную тактику уничтожения лесов, служивших укрытием партизанам, уничтожения урожаев, продовольственных запасов и других местных ресурсов, уничтожения линий снабжения из трех соседних стран.

Среди всех тактических приемов наиболее разрушительными для окружающей среды явились следующие:

1) массированная, непрерывная бомбардировка и артобстрелы: в течение войны на территорию Индокитае было сброшено более 21 миллиона авиабомб и выпущено 229 млн. снарядов общим весом 15 млн. тонн⁸, что в три раза превышает расход этих средств на фронтах Второй мировой войны;

2) разнообразное использование тяжелой гусеничной техники, так называемых римских плутов;

3) расщипывание гербицидов и других химикатов на территории Вьетнама: за 10 лет войны американцами их было израсходовано 72,4 млн. литров⁹.

Хотя ни один район Индокитае не избежал разрушений от военных действий США, главный удар был направлен на Южный Вьетнам, на долю которого пришлось 71% всех бомбардировок, фактически все гербицидные атаки и вспашка римскими плутами.

Трудно количественно оценить вклад каждого из перечисленных средств в общую картину разрушения природы, поскольку в некоторых районах наиболее активных военных действий (к северу от Сайгона, в так называемой военной зоне III) интенсивно применялись все три способа. Экологические последствия разрушений, вызванных прямыми военными действиями (бомбардировки, артобстрелы), достаточно хорошо изучены для зон умеренного климата. Применение же гербицидов как нового вида биотического оружия было впервые осуществлено США во второй войне в Индокитае. Последствия такого воздействия на природу еще долго будут служить предметом исследования.

Экологическая война в Индокитае была беспрецедентной еще в одном отношении: она велась в тайне. Факт широкого применения химических веществ, особенно для модификации погоды, скрывался: во-первых, потому, что новые методы представлялись перспективными, во-вторых, больше, чем другие применявшиеся виды оружия, они были способны выйти за границы театра боевых действий и затронуть состояние окружающей среды обширных регионов.

Тактика массового уничтожения флоры, а вместе с тем и фауны, осуществленная Соединенными Штатами в этой войне посредством применения гербицидов, римских плутов, бомб контактного действия,

снарядов, выжигания и других приемов, нанесла тяжелый удар по природе Индокитая.

За 8,5 лет наиболее активных военных действий в Индокитае США сбросили более 15 млн. т авиабомб, артснарядов и других взрывных средств. Почти все эти боезаряды были предназначены для слабо определенных целей на сельскохозяйственных землях и лесных массивах как район возможного действия противника. В Южном Вьетнаме ВВС США широко практиковали тактику свободного огня. Этот безличный, неточный обстрел поглотил около половины всех американских боезарядов, предназначенных для Вьетнама.

Бомбардировщики Б-52 совершали полеты на высоте 10 км, сбрасывая бомбы сквозь слой облаков с частотой, регулируемой при помощи бортовой ЭВМ. Неопределенность цели при бомбардировке компенсировалась насыщением взрывов на поверхности земли (так называемый метод коврового бомбометания), что достигалось большим числом налетов в день, участием нескольких самолетов в операции и высокой частотой сбрасывания бомб. Один самолет Б-52 был в состоянии произвести разрушения на площади порядка 65 га. Если в каждой карательной операции участвовали в среднем 4-5 самолетов, то площадь такого ковра от одного налета приблизительно равнялась 296 га. По подсчетам А.Вестинга, за 8,5 лет войны общая площадь разрушений составила 8,1 млн. га. Для Южного Вьетнама это составило 4,5 млн. га¹⁰.

Зона тотального поражения от взрыва 500-фунтовой бомбы (241 кг) — около 10 м в диаметре. На площади более 0,3 га не оставалось буквально ничего живого: люди и животные погибали, деревья валились и гибли. Взрывами было уничтожено около 45 миллионов деревьев.

В том, что касается разрушений, долговременных экологических последствий и гибели людей, методы такого бомбометания приближаются к последствиям применения ядерного оружия (без радиации).

С середины 1971 года США стали применять так называемые косилки маргариток — авиабомбы сверхкрупного калибра (весом около 7 т), предназначенные для расчистки посадочных площадок для вертолетов. Они обладали повышенной силой взрывной волны: разрываясь в 1 м над поверхностью земли, бомбы не создавали воронок, но растительность буквально сдувалась в радиусе 65 м¹¹.

Огромны территории лесов, пострадавших от осколков и шрапнели: в Индокитае эти зоны занимают 13 млн. га, а в Южном Вьетнаме 9 млн. га¹². Ранение деревьев осколками в условиях тропического климата неизбежно приводит к внедрению грибов, гниению и чаще всего гибели деревьев¹³.

За период военных действий (1965-1973 гг.) было израсходовано более 14 млн. т взрывчатых веществ повышенной мощности. В результате образовалось более 250 млн. воронок, объем выброшенного из них грунта составляет 3 млрд. куб.м¹⁴.

Земли, изрытые воронками, непригодны для сельского хозяйства. Как показал опыт еще Первой мировой войны, крупные воронки остаются практически навечно, заполняются водой и превращаются в заболоченные пруды.

По словам сенатора Г. Нельсона, никогда еще земная поверхность не была столь сильно изменена и изуродована так, что огромные площади не смогут быть использованы снова или даже заселены человеком или животными¹⁵.

Еще одним новым методом в военном наступлении США на природу Вьетнама была обширная расчистка земель с применением так называемого римского плуга, представляющего собой 33-тонный бульдозер с навесным ножом, способным уничтожать деревья практически любой величины¹⁶. Всего действовало более двухсот бульдозеров. Сгруппированные по две дюжины, отряды бульдозеров ступенчатым строем буквально выбривали наголо 300-метровые лесные полосы вдоль дорог. Вывороченные деревья свозились в воронки от снарядов и сжигались, уцелевшая растительность уничтожалась гербицидами. Этим же методом прокладывались дороги сквозь леса. К 1971 году римские плуги даже заменили использование гербицидов для уничтожения растительности. По заключению специалистов, посетивших эти районы Вьетнама после войны, здесь наблюдалась ускоренная эрозия почвы, а новая растительность была представлена травами, способными поддержать лишь сильно обедневший животный мир. Отдельные районы Южного Вьетнама стали напоминать лунную поверхность¹⁷.

Первоначально мероприятия такого рода проводились с целью предотвращения внезапного нападения партизан. В дальнейшем масштабы, цели и технические средства подобных операций стали носить характер уничтожения ради уничтожения. Например, каучуковые плантации и молодые лесные насаждения были снесены с помощью тяжелой цепи длиной от 45 до 75 м и весом 60 кг/м, натянутой между двумя тракторами. По такому же принципу действовало приспособление под названием крушитель деревьев, представляющий собой три пары тракторов с натянутой между ними цепью.

В результате этих операций была полностью уничтожена растительность и сведен плодородный слой земли на 325 тыс. га¹⁸.

Сотни квадратных километров лесов и горных склонов, бассейны многих рек и прибрежные воды Индокитая подверглись искусственно вызванным огненным бурями, ливневым дождями и иным географическим катаклизмам.

Одновременно использовались средства, вызывающие стихийные бедствия (стимулирование ливневых и кислотных дождей, разрушение системы дамб, предохранявших от наводнений).

Регулярное засеивание кучевых облаков над территорией Индокитая осуществлялось США в военно-технических целях для разрушения коммуникаций. Наряду с интенсификацией дождей был внедрен уже апробированный во время войны в Корее метод ведения экологической войны — вызывание наводнений путем разрушения плотин и дамб. Для засева облаков использовались кристаллы йодистого серебра и йодистого свинца, вызывающие выпадение обильных осадков¹⁹. Также применялись и специальные химикаты для провоцирования кислотных дождей, которые могли выводить из строя радарную технику, обслуживающую зенитные ракеты. В операции Колд клэй предпринимались

даже попытки распылить специальную эмульсию с целью сделать грунтовые дороги скользкими и непроходимыми.

А. Вестинг отмечает в своей монографии, что применялись и специальные реагенты, до тех пор неизвестные, способные засеивать атмосферу и таким образом выводить из строя зенитные комплексы ПВО противника и осложнить действия его авиации²⁰.

За всю историю ни одно государство не истребляло природу химическими средствами столь широко, как это делали Соединенные Штаты в период войны во Вьетнаме. В проекте доклада о неопубликованных материалах ВВС, касающихся истории войны в Индокитае, по сообщениям "Нью-Йорк таймс" констатировалось, что США тайно опрыскивали химическими дефолиантами территорию Лаоса и открыто применяли их в Южном Вьетнаме. В докладе, который носит название "Операция "Ренч-Хэнд" ВВС и гербициды в Юго-Восточной Азии в период с 1961 по 1971 год"²¹, говорится, что в начале 60-х годов тысячи гагалонов химических дефолиантов военного назначения тайно были доставлены американцами в Южный Вьетнам.

В ходе операции "Ренч Хэнд" в Южном Вьетнаме американцы испытали 15 различных химических веществ и рецептов для уничтожения посевов, плантаций культурных растений и древесно-кустарниковой растительности²².

За годы войны над территорией Индокитая было рассеяно свыше 72 млн. л различных химических рецептов, предназначенных для уничтожения лесов, кустарников и рисовых полей²³. В результате многократной обработки растительного покрова лесной массив Южного Вьетнама был практически полностью сведен на площади порядка 50 тыс. га. Около ста тысяч тонн гербицидов и дефолиантов, в основном "оранжевого вещества", было распылено специальными авиационными подразделениями США над Южным Вьетнамом²⁴.

Химическая атака на природу привела к уничтожению миллионов гектаров тропических лесов, к эрозии и падению урожайности почв, вымиранию животных, к серьезным нарушениям местных экосистем. До вьетнамской войны гербициды практически не применялись в вооруженных конфликтах.

Известно, что все гербициды, использованные США в Индокитае в качестве экологического оружия, обладали выраженным токсическим действием на человека и животных. Особенно высокой токсичностью обладала смесь "Orange", в которой из-за несовершенства технологии производства присутствовала в значительном количестве примесь чрезвычайно ядовитого вещества диоксина.

Применение химикатов в Индокитае вызвало появление многочисленных тяжелых заболеваний среди людей. На международном симпозиуме в Хошимине в 1983 году, посвященном изучению долгосрочных последствий применения гербицидов в войне, был сделан вывод о том, что операция "Ренч хэнд" явилась по существу "химической войной с применением гербицидов в широких масштабах в пространстве и времени, первым таким массированным применением в истории войны"²⁵.

Современное международное право запрещает применение в военных целях отравляющих веществ. Такое запрещение применения отрав-

ляющих веществ установлено в ряде многосторонних международных соглашений. Так, Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. установила, что воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю (ст. 22), и воспретила употреблять яд или отравленное оружие (ст. 23)²⁶.

В Женевском протоколе о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств констатируется, что "применение на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов, равно как и всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов, справедливо было осуждено общественным мнением" и что "запрещение этого применения было сформулировано в договорах, участниками коих является большинство держав мира"²⁷. Женевский протокол 1925 г. не создал новой нормы международного права, а лишь подтверждал уже существующее запрещение химического оружия. Такое применение химического оружия против мирного населения означает и нарушение Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г.

Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции 2603А (XXIV) также объявила противоречащим общепризнанным нормам международного права применение в международных конфликтах любых химических средств, токсично воздействующих на человека, животных или растения²⁸.

Таким образом, применение гербицидов во Вьетнаме в военных целях вызвало серьезные экологические последствия. Использование Соединенными Штатами новых химических отравляющих веществ в войне против небольшого государства, ставшего первым испытательным полигоном геофизического и биотического оружия, явилось, по существу, экологическим преступлением. В ходе военных действий во Вьетнаме американцы совершенствовали широкий спектр антиэкологических приемов ведения войны и довели их до степени, граничащей с тотальной атакой на природу.

Профессор А. Галстон заявил в одной из комиссий американского²⁹ конгресса: "Я убежден, что разрушительные последствия применения химических отравляющих веществ для Вьетнама и окружающей среды этой страны в целом являются непредсказуемыми".

Вопрос о недопущении воздействия на природную среду в военных целях был включен в повестку дня советско-американской встречи на высшем уровне 1974 года.

По итогам встречи было подписано Совместное заявление о мерах, направленных на устранение опасности использования средств воздействия на природную среду в военных целях³⁰. В преамбуле отмечалось желание сторон "ограничить потенциальную опасность для человечества возможных новых средств ведения войны", ввиду того, что последствия использования средств воздействия на природную среду в военных целях могли бы быть широкими, долгосрочными и серьезными и наносить ущерб благосостоянию людей"³¹.

Также правительством нашей страны на имя Генерального секретаря ООН было направлено письмо с предложением включить в повестку дня 29-й сессии Генеральной Ассамблеи вопрос о запрещении воздей-

ствия на природную среду и климат в военных и иных целях, не совместимых с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей.

Была поставлена конкретная задача — разработка и заключение международной конвенции, которая поставила бы воздействие на окружающую среду в военных целях вне закона.

Делегацией нашей страны был распространен проект международной конвенции о запрещении воздействия на природную среду и климат в военных или иных целях, не совместимых с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей. Он предусматривал обязательство государств-участников не проводить разработку метеорологических, геофизических и любых других научно-технических способов воздействия на природную среду в указанных целях, а также обязательство ни при каких обстоятельствах не прибегать к таким способам воздействия на природную среду и климат и не осуществлять подготовку к их использованию. Запрещались следующие формы активного воздействия на поверхность суши, дно морей и океанов, земные недра, водную среду и любые иные элементы окружающей природной среды³²:

- внесение в облачные системы химических реагентов с целью осадения влаги, изменения элементов погоды, климата и гидрологического режима вод суши, воздействие на электрические процессы в атмосфере;

- нарушение элементов энергетического и водного баланса метеорологических объектов (циклоны, антициклоны, фронтальные системы облаков);

- изменение физических и химических параметров вод, дна и побережья морей и океанов, приводящее к изменению гидрологического режима, водообмена и экологии биологической массы морских вод;

- возбуждение любыми методами и средствами сейсмических волн, приводящее к землетрясениям и им сопутствующим процессам, а также к созданию в океане разрушительных морских волн типа цунами;

- воздействие на поверхность акваторий, приводящее к нарушению термического и газового обмена гидросферы и атмосферы;

- создание искусственных устойчивых электромагнитных и акустических полей в океанах и морях;

- изменение естественного состояния рек, озер, болот и других водных объектов суши, приводящее к обмелению, наводнениям, разрушениям гидротехнических сооружений;

- нарушение естественного состояния литосферы, то есть наружной твердой оболочки земного шара, приводящее к эрозии, изменению механической структуры, обезвоживанию, затоплению;

- выжигание растительности и другие действия, приводящие к нарушению экологии растительного и животного мира;

- воздействие на ионизированные слои, слой озона в атмосфере;

- внесение поглотителей тепловой и радиационной энергии в атмосферу и другие действия, которые могут привести к нарушению теплового и радиационного баланса системы "Земля—атмосфера—Солнце".

Проект конвенции был подготовлен дипломатами-экспертами по вопросам разоружения на основе рекомендаций специалистов в области

гидрометеорологии, геофизики, экологии, что обеспечивало его научно обоснованный характер. Он был всеобъемлющим: запрещение охватывало все возможные способы воздействия на природную среду в военных целях. На его широкий охват и конкретность указывалось во время слушаний в конгрессе США. Он очень отличался от проекта договора, предложенного американским сенатом 11 июля 1973 года, в котором предусматривалось запрещение лишь модификации погоды, климата океанов, землетрясений. Кроме того, этот проект запрещал деятельность по модификации окружающей среды лишь в качестве оружия войны. Однако иногда трудно поддающийся обнаружению характер этой деятельности делает возможным ее тайное осуществление, без объявления войны. Государство-жертва может подвергаться враждебному воздействию, не подозревая этого, в течение ряда лет. Поэтому логично расширение объема запрещения в советском проекте для охвата не только военных, но и иных целей, не совместных с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей³³.

Итогом совместной работы стало внесение представителями нашей страны и США согласованного проекта конвенции о запрещении военного и иного враждебного использования средств воздействия на природную среду³⁴.

В п. 1 ст. 1 совместного проекта излагалось главное обязательство: не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику". Таким образом, было введено ограничительное положение: запретить не все виды военного воздействия на природную среду, а лишь те, которые имеют "широкие, долгосрочные или серьезные последствия".

Ограничение объема запрещения было связано со следующим: трудно представить такое положение, когда потенциальный агрессор использовал бы природные силы для нанесения ущерба другому государству таким образом, чтобы он не наносил широких, долгосрочных или серьезных последствий. В таком случае вообще бессмысленно прибегать к воздействию на природную среду в военных целях. Помимо этого, если в конвенции объем запрещения не будет ограничен, то это может привести к потоку обвинений и контробвинений по поводу незначительных погодных явлений, в характере происхождения которых не будет никакой реальной возможности удостовериться. Необходимо также отметить, что слово "или" в данной формулировке несет серьезный смысл, имеющий важное значение для государств, обладающих небольшой территорией. Если последствия определенных действий necessarily могут быть "широкими" либо "серьезными" для крупного государства, то они могут оказаться серьезными для малого государства, и на этом основании они запрещаются.

Принятие согласованной формулировки ст. 1, касающейся объема запрещения, стало возможным благодаря уступке со стороны Советского Союза. Эта договоренность была максимально возможным на тот момент компромиссом между позициями двух государств.

Делегацией Швеции было предложено ограничиться обязательством не прибегать к враждебному использованию средств воздействия на природную среду. Т.е. опустить слова “военному или любому иному” на том основании, что не все виды военного использования являются обязательно враждебными (например, маневры). Это предложение было поддержано представителями Канады, Египта и Великобритании. Представитель Великобритании пояснил, что термин “враждебное” охватывает действия, совершаемые как во время войны, так и скрыто, без объявления войны. Советская делегация разъяснила, что, хотя термин “враждебное” может включать действия, совершенные в ходе вооруженного конфликта, акцент на военном использовании имеет важное политическое значение. Формулировку “военное или любое иное враждебное использование” следует рассматривать в контексте ст. 1, в которой содержится также формула в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда другому государству-участнику. Такое сочетание позволит запретить использование средств воздействия на природную среду, с одной стороны (в чисто военных целях как оружия), а с другой — в любых иных враждебных целях, даже если они применяются не вооруженными силами и при отсутствии каких-либо вооруженных конфликтов. Делегацией США это толкование было поддержано.

Наибольшие разногласия вызвали положения проекта конвенции об объеме запрещения. Ряд стран (Мексика, Аргентина, Югославия, Иран) настаивал на максимальном расширении объема запрещения путем исключения из конвенции положения о том, что запрещение распространяется только на такие средства воздействия на природу, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия. Их возражения сводились к тому, что данное положение может узаконить использование средств воздействия ниже установленного порога.

Делегация США отметила, что указание на такие последствия необходимо для исключения возможности возникновения разногласий по несуществующим вопросам; оно служит для того, чтобы избежать необоснованных обвинений в нарушении Конвенции и предполагает устранение использования всех средств воздействия, которые могут иметь существенные последствия. Советская делегация отметила, в частности, что ограничительный аспект проекта конвенции является результатом согласования взглядов СССР и США, подчеркнув, что формулировки ст. I (объем запрещения) и ст. V (контроль) представляют собой оптимальное решение.

Положения ст. I вместе с согласованным ее толкованием практически перекрывали возможность ведения любым государством экологической войны.

Перечень примеров активного воздействия на природу был дан в ст. II совместного проекта. Он охватывает практически весь возможный диапазон явлений в окружающей среде. В этом смысле он дополняет объем запрещения, установленный в ст. I.

Ряд государств высказал сомнение в целесообразности приведения таких проблематичных примеров, как цунами, землетрясения, изменения состояния озонового слоя ионосферы, океанических течений.

Но если во время разработки конвенции это были теоретические примеры, то в наше время и в Соединенных Штатах Америки, и в нашей стране ведутся исследования по распространению сейсмических волн при ядерных взрывах, и в рамках соответствующих программ — по распространению и влиянию взрыва на землетрясения³⁵.

Результатом таких исследований стало то, что государства вплотную подошли к созданию тектонического оружия, когда с помощью ядерного взрыва можно вызвать искусственное землетрясение за сотни и даже тысячи километров от эпицентра на территории противника. Накопившееся в земной коре напряжение вызывает сейсмические волны, которые ударят по нужному району, например, расположения АЭС.

Необходимо отметить, что создано и озонное оружие тоже из области геофизического оружия, когда над определенным районом разрушается озоновый слой.

В конвенции 1977 г. о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду отсутствует обязательство государств-участников о запрещении разработки новых видов геофизического оружия; нет его и в других международно-правовых актах. Необходимо устранить этот пробел в международно-правовом регулировании либо путем дополнения конвенции, либо путем разработки нового международно-правового соглашения о запрещении разработки новых видов геофизического оружия.

Итогом работы стало сохранение определения средств воздействия, содержавшееся в ст. II. Но перечень примеров стал частью отдельного документа согласованного понимания, в котором отмечается его иллюстративный характер. В нем были перечислены следующие явления: землетрясения, цунами, нарушения в экологическом балансе какого-либо региона, изменения в элементах погоды (облаков, осадков, циклонов различных типов и штормов типа торнадо), изменения в элементах климата, изменения в океанических течениях, изменения состояния озонового слоя и изменения состояния ионосферы. Отсутствие в перечне указания на какие бы то ни было явления никоим образом не означает, что обязательство, содержащееся в ст. I, не будет применяться к таким явлениям, если они соответствуют установленному в этой статье критерию.

Делегацией Швеции было внесено предложение включить в ст. III положение, регулирующее мирную деятельность, поскольку без такого положения, по ее мнению, эта статья может быть неправильно истолкована в том смысле, что все виды использования природных сил, помимо враждебных или военных целей, допустимы, и это было бы опасно с точки зрения возможности нанесения другим государством ущерба в результате осуществления мирных проектов преобразования природы. Делегации СССР и США указали, что рассматриваемая конвенция является разоруженческой по характеру, она запрещает применение природных сил для преднамеренного нанесения ущерба другому государству. За ее пределами остается область мирного применения средств воздействия на природу, которая может быть предметом специального рассмотрения.

Таким образом, Конвенция о запрещении военного или любого

иною враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. стала первым в истории международным соглашением, где природа рассматривается как интегрированная часть системы связей между гонкой вооружений и политикой ее ограничения. Сама конвенция стала первым международно-правовым актом, который прямо направлен на недопущение воздействия на окружающую среду в военных или враждебных целях.

Суть конвенции заключается в положениях статей 1 и 2. Конвенция касается проблемы искусственного антропогенного воздействия на природную среду посредством преднамеренного вмешательства в естественные процессы. Под природной средой в Конвенции понимается Земля, включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, а также космическое пространство.

Согласно ст. 1, государства-участники обязуются не прибегать к использованию средств воздействия на природную среду в военных или иных враждебных целях в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику. При этом объектами вредоносного воздействия путем манипуляции природными процессами, как отмечалось в Комитете по разоружению, могут быть вооруженные силы и гражданское население, города, промышленность, сельское хозяйство, системы транспорта и связи, а также природные ресурсы и другое имущество³⁶. Запрещается, кроме того, помогать, поощрять или побуждать другие государства или международные организации к осуществлению такой деятельности. В Конвенции не затрагивается специально вопрос о запрещении угрозы применения средств воздействия на природную среду по аналогии с соответствующим положением ст. 2 Устава ООН, касающимся угрозы силой или ее применение против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства. Запрещение угрозы применения таких средств вытекает из смысла ст. 1 Конвенции³⁷.

Запрет на использование средств воздействия на природную среду по Конвенции распространяется как на военное (во время вооруженных конфликтов), так и на любое иное враждебное воздействие на природную среду при отсутствии прямого столкновения. При этом основное значение имеет понятие враждебное использование, которое указывает на необходимость наличия определенной враждебной цели при осуществлении таких действий. Именно враждебность является тем критерием, на котором строится Конвенция. Однако не всякое враждебное использование средств воздействия на природную среду подлежит запрету, а только такое, которое имеет широкие, долгосрочные или серьезные последствия (ст. 1).

В «Согласованном понимании» смысл этой формулы раскрывается следующим образом:

- а) «широкие» — охватывающие район в несколько сотен квадратных километров;
- б) «долгосрочные» — продолжительностью в несколько месяцев или примерно сезон;
- в) «серьезные» — приводящие к существенному или значительному

нарушению или причинению вреда человеческой жизни, природным и экономическим ресурсам и иным материальным ценностям³⁸.

В “Согласованном понимании” отмечается, что указанное толкование применимо лишь к положениям данной Конвенции и не должно влиять на толкование аналогичных терминов, используемых в связи с другими международными соглашениями.

Пункт 3 статьи 35 Дополнительного протокола I 1977 г. говорит, что запрещается применять методы или средства ведения боевых действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят широкий, долгосрочный и серьезный ущерб природной среде. А статья 55 конкретизирует положение статьи 35 применительно к вопросу защиты гражданского населения.

При сопоставлении статьи I Конвенции 1977 года и соответствующих положений Протокола не может не возникнуть впечатление их сходства как в отношении содержания, так и используемой терминологии. Однако на самом деле цель и содержание этих двух документов значительно отличаются.

Во-первых, Протокол к Женевским конвенциям запрещает использование во время вооруженного конфликта методов или средств ведения боевых действий, которые могут причинить значительный ущерб окружающей среде, независимо от того, какой вид оружия применяется стороной в конфликте. Цель Протокола — предотвратить ущерб природной среде и, как следствие этого, физическим условиям существования населения. Конвенция же со своей стороны имеет целью предотвратить использование непосредственно сил природы или природных процессов в качестве оружия, средства причинения ущерба.

Во-вторых, согласно Протоколу, запрет распространяется на применение тех или иных видов оружия только в том случае, если ущерб природной среде является “широким, долгосрочным и серьезным”, т.е. необходимо наличие всех трех критериев одновременно, тогда как по Конвенции любого из этих трех критериев достаточно для того, чтобы считать использование тех или иных средств воздействия на природную среду неправомерным.

Можно отметить, что Конвенция и первый Дополнительный протокол являются взаимодополняющими. К сожалению, вопросы толкования затрудняют применение этих документов и необходимо привести их в соответствие друг с другом. Термины “обширный, долговременный и серьезный” не были раскрыты в самих договорах, и представляется возможным прийти к соглашению о толковании этих терминов в соответствии с общими нормами договорного права, в частности, статьями 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года³⁹.

Таким образом, запрещается такое использование средств воздействия на природную среду, которое одновременно является и враждебным, и вызывает разрушения, ущерб или вред, превышающий определенный порог, установленный Конвенцией. Соответственно, вне запрета по смыслу статьи I Конвенции остается использование средств воздействия в “невраждебных” или мирных целях, даже если оно может вызвать вредные последствия, превышающие “порог”. Также допустимо исполь-

зование таких средств в военных или иных враждебных целях при том условии, что результаты такого использования будут ниже установленного "порога".

Значение этой Конвенции состоит не только в ее направленности на ограничение гонки вооружений и разоружение: это была первая попытка глобального решения проблемы охраны природной среды в одном ее аспекте — военном. Помимо природоохранительного значения, Конвенция стимулировала международно-правовое регулирование защиты окружающей среды. Осознание опасности военного использования природных процессов привело к тому, что отношение государств к различного рода проектам изменения отдельных факторов природной среды стало более осторожным: оно стало больше опираться на научную основу и учитывать возможные нежелательные последствия.

Представляя собой баланс интересов многих государств, Конвенция стала результатом и нелегкого компромисса между позициями двух государств, которые тогда единственные реально обладали возможностями воздействия на природную среду. Смысл Конвенции заключается, по существу, в добровольном отказе обоих государств от использования экологических средств в целях войны.

¹ Дос. UN A/46/364. — P. 10.

² Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. — С. 108.

³ Calder N. (ed.) Unless Peace Comes. A Scientific Forecast of New Weapons. N.Y., 1968. — P. 181.

⁴ Мильштейн М.А., Семейко Л.С. США и вопрос о новых видах оружия массового уничтожения. США: экономика, политика, идеология. 1976, № 5. — С. 30-32.

⁵ "Contemporary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Convention of 12 August 1949". Eds. Sandos Y., Swinarski C., Zimmerman B., ICRC Martinus Nijhoff Publishers, Geneva, 1987, pp. 416-417, para. 1452.

⁶ Виноградов С.В. Международное право и охрана атмосферы. М., 1987. — С. 68.

⁷ Йойриш А.И. Научно-технический прогресс и новые проблемы права. — М., 1982. — С. 39.

⁸ Westing A. Ecological Consequences of the Second Indochina War. — Stockholm, SIPRI, 1976. — P. 8.

⁹ Ibid. — P. 8.

¹⁰ Ibid. — P. 16.

¹¹ Вавилов А.М. Экологические последствия гонки вооружений. М., 1988. — С. 142.

¹² Westing A. Op. Cit. — P. 19.

¹³ SIPRI Yearbook, 1982. — P. 371.

¹⁴ Westing A., op.cit.. — Pp. 19,21.

¹⁵ Congressional record, July 28, 1972. — P. S12190.

¹⁶ Buulitin of the Atomic Scientists, may 1976. — P. 43.

¹⁷ Вавилов А.М. Экологические последствия гонки вооружений. — М., 1988. — С. 142.

¹⁸ Westing A., op.cit. — P. 47.

- ¹⁹ *Westing A.*, op.cit. — Pp. 55, 57.
- ²⁰ *Westing A.*, op.cit. — P. 55.
- ²¹ New-York Times, January 25, 1982.
- ²² Doc. UN A/37/233, May 21, 1982.
- ²³ *Westing A.*, op.cit. — Pp. 22-44.
- ²⁴ World Armament and Disarmament. SIPRI Yearbook 1982. — P. 371.
- ²⁵ Herbicides and Defoliants in War. The Longterm Effects on Man and Nature. Nanoi, 1983. — P. 13.
- ²⁶ Международное право в избранных документах. — М., 1957. Т. III. — С. 47.
- ²⁷ Международное право в документах. — М., 1982. — С. 675.
- ²⁸ *Вавилов А.М.* Экологические последствия гонки вооружений. — М., 1988, с. 143.
- ²⁹ Правда, 1982, 4 октября.
- ³⁰ Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне. — М., 1974. — С. 62-63.
- ³¹ Правда, 1974, 9 августа.
- ³² Doc. UN A/C1/L. 675, September 25, 1974.
- ³³ *Вавилов А.М.* Экологические последствия гонки вооружений. — М., 1988. — С. 166.
- ³⁴ Документы Комитета по разоружению CCD/471, CCD/472.
- ³⁵ Метрополис-экспресс, 1991, 25 апреля.
- ³⁶ Conference of the Committee on Disarmament. Doc. CCD/PV, 691. Geneva, 1976.
- ³⁷ *Виноградов С.В.* Международное право и охрана атмосферы. — М., 1987. — С. 72.
- ³⁸ Doc. UN A/AC. 187/68, August 30, 1977. — P. 67.
- ³⁹ *Бувье А.* Защита природной среды во время вооруженного конфликта. Защита окружающей среды в международном гуманитарном праве. МККК. — М., 1995. — С. 14.

Статья поступила в редакцию марте 1999 г.

Права человека

ДЕРОГАЦИЯ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ И РОССИЯ

С.А. Горшкова*

В 90-х годах в ходе проведения правовой реформы в нашей стране произошел определенный прорыв в создании законодательной базы по правам человека, которая в значительной мере была приведена в соответствие с международными нормами и европейскими стандартами в области прав человека.

В процессе реформирования российского законодательства учитывалась правовая практика европейских государств по применению вынужденных ограничительных мер в области прав человека, которая опирается на правовые нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и на толкование этих норм в решениях Европейского Суда по правам человека, а также и в решениях Европейской Комиссии по правам человека, действовавшей до ноября 1998 года. То, как государство относится к вопросу об ограничении прав и свобод своих граждан, в каких пределах, на основе каких обоснований и с какой целью оно может пользоваться признаваемым за ним правом на дерогацию (отступление от взятых обязательств по соблюдению прав), является важным критерием зрелости демократического общества.

Международные договоры о правах человека разрешают государствам-участникам вводить при определенных условиях правовые нормы, ограничивающие применение некоторых прав, а также в случае возникновения на их территории чрезвычайных обстоятельств отступать от выполнения взятых на себя международных обязательств по защите прав человека и основных свобод и приостанавливать действие их национального законодательства в этой области. Дерогационные меры принимаются только в той степени, в какой это необходимо государству в интересах его безопасности, но они не противоречат обязательствам, вытекающим из международного права. Нормы, позволяющие ограничить действие некоторых прав человека, вводятся с целью установить равновесие между правами отдельных лиц и интересами общества и

* Кандидат юридических наук. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за этот год.

государства в целом, а также в том случае, когда между ними могут возникнуть противоречия.

Международные документы подчеркивают, что пользование правами человека не должно ограничиваться, однако в тех случаях, когда это необходимо, они устанавливают четкие обоснования, конкретные пределы введения ограничений прав и цели возможных отступлений от тех прав, которые защищены международными соглашениями. С одной стороны, это позволяет государствам, ссылаясь на действия соответствующих международно-правовых норм, вводить ограничения в пользовании определенными правами, а с другой, защищает граждан от произвольных действий государства по ограничению их прав.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее в тексте — Конвенция) содержит четыре статьи, непосредственно регулирующие ограничение прав человека: отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях (ст. 15); ограничение на политическую деятельность иностранцев (ст. 16); запрещение злоупотреблений правами (ст. 17); пределы использования ограничений в отношении прав (ст. 18), а также основания для введения ограничений в пользовании правами, гарантируемых Конвенцией, во вторых пунктах статей 8, 9, 10 и 11 и в пунктах 3 и 4 статьи 2 Протокола № 4. Обоснованием для введения ограничений служат схожие требования Конвенции, содержащиеся в указанных статьях. Ограничения должны быть “предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественного спокойствия, для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц”¹. Перечисленные требования можно условно обозначить термином “конвенционные ограничительные обоснования”, который используется в статье.

Принципиальное значение имеет признание положения, что ограничение государством прав человека есть мера, применение которой продиктовано исключительно крайней необходимостью. Это отражено и в статьях Конвенции, и в решениях Европейского Суда по конкретным случаям, связанным с ограничением прав человека.

Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях

В соответствии со статьей 15 Конвенции в пользовании правами и основными свободами человека может быть отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях (“во время войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации”). Такие отступления недопустимы только в отношении специально оговоренных прав, перечисленных в пункте 2 этой статьи Конвенции: права на жизнь (ст. 2) (за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий); запрещения подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (ст. 3); запрещения содержать в рабстве или подневольном состоянии (п. 1 ст. 4) и наказания исключительно на основании закона (ст. 7). Это

указывает на вполне конкретные пределы возможного ограничения прав человека. “Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, информирует исчерпывающим образом Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит его в известность о прекращении действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме”².

Статья 15 позволяет государствам ограничить осуществление некоторых прав, предусмотренных Конвенцией, но только при наличии ряда строго определенных и чрезвычайных обстоятельств и при условии, что такие меры не противоречат обязательствам по международному праву. Так, в деле Греция против Великобритании (1969 года) Европейская Комиссия уточнила, что термин “чрезвычайное положение” содержит в себе понятие серьезной опасности, и потому для применения статьи 15 Конвенции необходимо наличие следующих условий: 1. Опасность должна быть реальной или неминуемой. 2. Ее последствия должны угрожать всей нации. 3. Под угрозой должно находиться продолжение организованной жизни обществ. 4. Кризис или опасность должны носить исключительный характер в том смысле, что обычные меры или ограничения, допускаемые Конвенцией для сохранения безопасности, здоровья и порядка, являются недостаточными.³ Таким образом, для установления “чрезвычайного положения” должны быть в соответствии с конвенционными нормами достаточные доказательства того, что такие условия действительно существуют.

Конституция Российской Федерации в пункте 1 статьи 56 также указывает, что “в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и сроков их действия”. В пункте 3 этой же статьи перечисляют 18 конституционных статей (право на жизнь, неумаление достоинства личности, неприкосновенность частной жизни, свобода совести и вероисповедания, право на жилище, гарантии судебной защиты прав и свобод граждан и другие), в которых содержащиеся права и свободы не подлежат ограничению⁴. Этот перечень прав во многом совпадает с названным выше аналогичным перечнем прав статьи 15 Конвенции, не подлежащих ограничению.

Некоторые страны—члены Совета Европы — Великобритания, Ирландия, Греция, Турция и другие, вынужденные воспользоваться правом на дерогацию, ссылались в своих действиях именно на 15 статью Конвенции.

Так, Правительство Великобритании, учитывая сохранявшуюся угрозу терроризма и сложившуюся ситуация в Северной Ирландии, пришло к мнению о необходимости продолжения практики проведения особых арестов и задержания лиц, обусловленной чрезвычайными обстоятельствами. Используя возможность применения статьи 15 Конвенции, оно информировало в полном объеме Генерального секретаря Совета Европы о мерах, ведущих к отступлению от своих обязательств по Конвенции в соответствии с ее пунктом 3 статьи 5 с 23 декабря 1988 года по 23 марта 1989 года (Резолюция Комитета министров Совета Европы (90)23 от 24 сентября 1990 года). Правительство Великобрита-

нии пошло на такой шаг вскоре после принятия Европейским Судом в Страсбурге решения по делу БРОГАН и другие против Великобритании (1988 года), в котором указывалось на недопустимость в период расследования задержания на длительные сроки без доставки к судье лиц, даже по подозрению их в причастности к террористической деятельности. Европейский Суд признал в своем решении от 29 ноября 1988 года, что задержание соответствующими органами Великобритании названных заявителей на длительный срок без доставки к судье является нарушением пункта 3 статьи 5 Конвенции⁵.

Для России опыт ряда европейских стран по применению статьи 15 Конвенции может быть востребован в случае возникновения напряженной ситуации в некоторых регионах страны и особенно на Северном Кавказе.

Действующий в настоящее время Закон РСФСР "О чрезвычайном положении" (1991 года) устанавливает условия, основания и порядок введения чрезвычайного положения, формы государственного управления на его период, содержит перечень возможных мер и ограничений прав на территории, где вводится чрезвычайное положение⁶. Однако этот Закон в настоящее время во многом не соответствует Конституции Российской Федерации. Кроме того, при своем применении он показал недостаточную эффективность, в частности в ситуации, когда чрезвычайное положение может быть введено без достаточных правовых оснований, а действующий режим чрезвычайного положения не обеспечивает в полной мере реализации целей его введения. Об этом свидетельствует практика существования режима чрезвычайного положения на части территории Республики Северной Осетии и Ингушской Республики, введенного со 2 ноября 1992 года и продленного Указом Президента Российской Федерации до 15 февраля 1995 года. В ходе чрезвычайного положения были допущены массовые нарушения прав человека.

Еще более худшая ситуация сложилась в период военного конфликта в Чечне (с декабря 1994 года по август 1996 года), когда не было введено чрезвычайного положения, но проходили массовые нарушения прав человека. Известна в связи с этим позиция Совета Европы, которая нашла отражение в Резолюции его Парламентской Ассамблеи 1055/1995 "По заявке России на вступление в Совет Европы в свете ситуации в Чечне" (февраль 1995 года), отложившей на год рассмотрение российской заявки на членство в этой организации.

В сегодняшних условиях, в случае вынужденного введения ограничения прав наша страна должна учитывать взятые при вступлении в Совет Европы определенные обязательства по защите прав человека. Поэтому все вопросы, связанные с введением каких-либо ограничений прав человека в любых экстремальных условиях, должны быть в правовом отношении урегулированы, т.е. соответствовать как требованиям Конституции Российской Федерации и действующему российскому законодательству, так и международным обязательствам нашей страны в области прав человека. О принятии таких мер Россия должна проинформировать Генерального секретаря Совета Европы.

Ограничения на политическую деятельность иностранцев

Законодательства европейских стран включают нормы, ограничивающие определенные права иностранных граждан, однако во многом содержащиеся в этих нормах обоснования и пределы ограничения прав не противоречат международному праву. Можно сказать, что вопросы правового статуса иностранцев и лиц без гражданства достаточно регулированы международными документами.

Конвенция, Протоколы 4 и 7 к ней содержат несколько правовых норм, затрагивающих права иностранцев, проживающих на законных основаниях на территории государства—участника Конвенции. Среди них лишь одна норма статьи 16 Конвенции дает возможность вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев, причем ничто в статьях 10 (свобода выражения мнения), 11 (свобода собраний и ассоциаций) и 14 (запрещение дискриминации) не может рассматриваться препятствием в этом для государства-участника⁷.

В Протоколе 4 указаны права, которые предоставляются и иностранцам, законно находящимся на территории какого-либо государства: право на свободное передвижение и свобода выбора места жительства, а также право покидать любую страну (п. 1 и 2 ст. 2). Однако государство в соответствии с этой статьей Протокола 4 может ограничить право иностранцев на свободу передвижения и свободу выбора места жительства, когда это необходимо “в интересах государственной безопасности или общественного спокойствия...” (п. 3 ст. 2)⁸.

В этих же интересах государство может применять ограничения, установленные во вторых пунктах статей 8, 9, 10 и 11 Конвенции в отношении прав как своих граждан, так и иностранцев.

Правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства в России регулируется Конституцией 1993 года, Законом СССР о правовом положении иностранных граждан (1981 года), другими законами, а также международными договорами, подписанными и ратифицированными нашей страной. На иностранных граждан распространяется действие статей Конституции, согласно которым государство признает, гарантирует и защищает права и свободы человека (ст. 2 и 17), все люди, находящиеся под юрисдикцией России, “равны перед законом и судом” (ст. 19)⁹. В пункте 3 статьи 62 Конституции указывается: “Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации”¹⁰.

Однако в отношении прав иностранных граждан и лиц без гражданства в российском законодательстве введены ограничения на участие их в управлении делами государства, в выборах (кроме выборов в органы местного самоуправления) и референдумах, в отправлении правосудия, на доступ к государственной службе (ст. 32), на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33), на несение службы в Российской армии (ст. 59 Конституции) и другие.

Так, в изменениях и дополнениях, внесенных в марте 1999 года в Федеральный закон “Об основных гарантиях прав и права на участие в

референдуме граждан Российской Федерации” (1997 года), указано, что иностранные граждане и лица без гражданства “не вправе осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов (списка кандидатов), избранию зарегистрированных кандидатов”. Вместе с тем другое дополнение, внесенное в указанный Закон, предоставило иностранным гражданам, постоянно проживающим на территории соответствующего муниципального образования, “право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления на тех же условиях, что и граждане Российской Федерации”¹¹.

Многие вопросы, касающиеся правового положения иностранных граждан (запрещение коллективной высылки иностранцев, процедура высылки иностранных граждан и лиц без гражданства и другие), еще не в достаточной мере в российском законодательстве соответствуют европейским стандартам. В проекте нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нашли отражение многие европейские процессуальные права, касающиеся высылки иностранных граждан, находящихся законно на территории России. Соблюдение нашей страной этих норм позволит избежать случаев, когда высылка иностранцев может быть признана как нарушение Конвенции. Эти вопросы с учетом новых внешнеполитических и международно-правовых факторов должны быть отрегулированы с принятием Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, который находится на рассмотрении в российском парламенте.

Запрещение злоупотреблений правами

Конвенция и Европейский Суд по правам человека указывают на недопустимость превышения пределов введения ограничений в пользовании правами и на незаконность злоупотреблений ими.

В статье 17 запрещается государствам, группам или отдельным лицам “заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, направленные на уничтожение любых прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей степени, нежели это предусматривается в Конвенции”¹². То есть речь идет о запрещении злоупотреблений правами на отмену или ограничение прав. Из статьи следует, что предел в ограничении прав может быть нарушен как государством (в этом случае обвинение против него выдвигается лицом или группой лиц), так и группой или отдельным лицом (тогда против них выдвигается обвинение государством). Статья 17 может применяться только в связи с нарушением прав, которые гарантированы другими статьями Конвенции.

Хотя российское законодательство не содержит аналогичного запрета, но положение 17 статьи Конвенции учитывается при разработке и принятии законов, регулирующих пользование правами.

Пределы использования ограничений в отношении прав

Если статья 17 устанавливает как бы возможный “потолок” отступления и изъятия конвенционных прав, то статья 18 Конвенции определяет нормативные рамки использования ограничений в отношении

прав. Ограничения “не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они были предусмотрены”¹³. В российском законодательстве нет общей статьи о пределах ограничения прав. Статья 18, как и статья 17, может рассматриваться только в сочетании с одним из нормативных прав, изложенных в Конвенции.

Во вторых пунктах ряда статей Конвенции прямо предусмотрены пределы пользования правами и свободами и включены конвенционные ограничительные обоснования. Такие ограничительные положения введены при предоставлении права на уважение личной и семейной жизни, на неприкосновенность жилища и тайны переписки (ст. 8), свободы мысли, совести и религии (ст. 9), свободы выражения мнения (ст. 10), свободы собраний и ассоциаций (ст. 11), а также свободы передвижения (п. 3 и 4 ст. 2 Протокола № 4).

Так как при применении этих положений часто возникали определенные трудности: считать ли основания для ограничений, перечисленные в выше названных статьях, исчерпывающими или государство имеет широкие полномочия по ограничению действий отдельных лиц, по крайней мере некоторых групп таких лиц (например, в отношении заключенных, бродяг), — то эти вопросы стали предметом рассмотрения Европейского Суда при принятии решений по ряду дел. Суд признал, что поскольку государство может рассматривать положение данного лица как члена определенной группы, что означает признание данного фактора при ограничении его прав и свобод, оно тем не менее должно действовать законным образом в пределах конкретных ограничительных положений соответствующих статей Конвенции. Это было подтверждено в деле *О БРОДЯЖНИЧЕСТВЕ* против Бельгии (1971 года)¹⁴, а также в деле *ГОЛДЕР* против Великобритании (1975 года).

Чтобы государства не злоупотребляли полномочиями, присущими такому широкому толкованию, Европейская Комиссия установила правило “строгого толкования”. Так, при рассмотрении дела “*САНДИ ТАЙМС*” против Великобритании (1979 года) Комиссия в своем решении констатировала: “Строгое толкование означает, что никакие другие критерии, помимо тех, что упомянуты в положении об оговорке, не могут быть основанием для каких-либо ограничений, и что эти критерии, в свою очередь, должны быть истолкованы таким образом, чтобы смысл слов не был расширен по сравнению с общепринятым смыслом”¹⁵.

Любые отступления от соблюдения прав Конвенции должны быть убедительно мотивированы, сопряжены “с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом”, отвечать конвенционным ограничительным обоснованиям.

В статьях Конвенции, содержащих ограничительные положения (ст. 8, 9, 10, 11), употребляются выражения “предусмотрено законом” и “установлено законом”. Европейский Суд в деле *МЕЛОУН* против Великобритании (1984 года) установил требования, которые должны предъявляться к определению того, была ли соблюдена законность в соответствии с Конвенцией при рассмотрении дел, связанных с нарушениями прав человека. Такими требованиями являются: достаточная доступность закона — любой человека должен иметь возможность

получить все необходимые сведения о применимости соответствующих правовых норм к его делу; достаточная точность изложения норм закона и их предсказуемость — любой человек смог бы соотнести свои действия с нормами закона и осуществление государством своих полномочий в соответствии с законными целями¹⁶.

Уважение личной и семейной жизни

Европейское право защищает право каждого человека на уважение личной и семейной жизни (п. 1 ст. 8 Конвенции), хотя и допускает возможность законного и непроизвольного вмешательства в его жизнь. Конвенция предписывает государственным органам стран-участниц воздерживаться от вмешательства в использование права на уважение частной и семейной жизни, за исключением вмешательства, которое возможно при наличии конвенционных ограничительных обоснований (п. 2 ст. 8)¹⁷.

Европейский Суд рассмотрел ряд дел, связанных с нарушением права на уважение личной жизни, неприкосновенность жилища и тайны корреспонденции, содержащегося в пункте 1 статьи 8 Конвенции. Так, опираясь на эту конвенционную статью, Суд в деле *МАРКС против Бельгии* (1979 года) вынес решение о нарушении права на семейную жизнь. В этом деле мать и ее внебрачный ребенок оспорили положения бельгийского законодательства, обязывающие мать предпринять определенные юридические действия для того, чтобы узаконить правовой статус ребенка в качестве дочери, но который по-прежнему не давал ребенку полноценных, равных прав по отношению к другим членам семьи¹⁸.

В деле *МЕЛОУН против Великобритании* (1984 года) заявитель жаловался на то, что против него во время расследования заведенного на него уголовного дела велось тайное наблюдение — прослушивание телефонных разговоров полицией Великобритании, что нарушало его право на личную жизнь и тайну корреспонденции. Европейский Суд пришел к выводу, что правовые нормы Великобритании, регулирующие прослушивание телефонных разговоров, носят слишком неопределенный характер, чтобы соответствовать закону, и потому заявил: «Нормы, устанавливающие неограниченное поле вмешательства для исполнительной власти, противоречат принципу верховенства права. Для того, чтобы обеспечить отдельным лицам соответствующую защиту от произвольного вмешательства, в законе должны быть достаточно четко определены объем и порядок осуществления возможного вмешательства компетентных властей, с учетом обоснования законности данной меры»¹⁹.

Таким образом, в приведенных примерах решений Европейского Суда толкование применения ограничения права на уважение личной и семейной жизни в целом отвечало интересам заявителей в связи с действиями государственных органов.

В Конституцию и ряд законов Российской Федерации в соответствии с европейскими стандартами в области прав и свобод человека были включены нормы, призванные обеспечить право на уважение частной и семейной жизни человека. Так, статья 23 Конституции содержит

аналогичные статье 8 Конвенции положения о праве человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, о праве на тайну корреспонденции. Ограничение последнего права допускается только на основании судебного решения²⁰.

Статья 25 Конституции, как и положения статьи 8 Конвенции, признает, что жилище человека является неприкосновенным. Никто не вправе проникать в жилище, входить в него, находиться там против воли (без согласия) проживающих в нем лиц. Но в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения, такое проникновение в жилище возможно²¹. В Законе “О милиции” указано, что “о всех случаях проникновения в жилище против воли проживающих в нем граждан милиция уведомляет прокурора в течение 24 часов” (ст. 11)²². Согласно статье 12 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР “обыск, выемка, осмотр помещения у граждан, наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее в почтово-телеграфных учреждениях могут производиться только на основаниях и в порядке, установленных настоящим Кодексом”²³. Содержащиеся в главе 14 Кодекса (ст. 167—177) порядок и основания выемки, обыска и наложения ареста на имущество соответствуют нормам, действующим в европейском праве.

Право на свободу мысли, совести и вероисповедания

Среди прав, которые наиболее рельефно выражают стремление человека к самореализации, особое место принадлежит такому неотъемлемому праву человека, как право на свободу мысли, совести и религии, которое изложено в статье 9 Конвенции. Оно “включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или придерживаться убеждений как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным образом, в богослужении, учении и выполнении религиозных и ритуальных порядков”²⁴.

С учетом конвенционных ограничительных оснований национальные власти могут вводить ограничения лишь на свободу “исповедовать религию или придерживаться убеждений”. Право же на свободу мысли, совести и религии, как таковое, ограничениям не подлежит.

Это право имеет особое значение для Российской Федерации, являющейся традиционно многоконфессиональным государством. Оно гарантировано статьей 28 Конституции Российской Федерации и заключается в праве каждого “исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними”²⁵.

О недопустимости дискриминации в вопросах свободы совести и вероисповедания указывается в ряде российских законодательных актов, касающихся прав человека. Например, Закон “О свободе совести и о религиозных объединениях” подтверждает, что “установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается”²⁶.

Вместе с тем Закон содержит ряд положений, которые находятся в противоречии с нормами Европейской Конвенции. Например, в пункте 2 статьи 3 Закона наряду с основаниями для ограничения прав человека

и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания (“может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина”), аналогичными тем, которые содержит исчерпывающий список законных оснований пункта 2 статьи 9 Европейской Конвенции, включены ограничения свободы религии по мотивам “обеспечения обороны и безопасности государства”²⁷. Такие мотивы не соответствуют конвенционным ограничительным основаниям.

Право на свободу собраний и ассоциаций получило отражение в 11 статье Конвенции: “Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов”.²⁸ Эта конвенционная статья допускает и ограничения этих прав, которые однако должны быть предусмотрены законом и необходимы в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия.

Право на свободу передвижения

Важное значение для соблюдения прав граждан в России имело законодательное закрепление такого общепризнанного права, как свобода передвижения. Хотя это положение и признавалось в бывшем СССР, однако на практике оно не реализовалось должным образом — право на свободу передвижения и проживания было предметом чрезмерных ограничений, что являлось грубым нарушением прав человека.

В европейском праве достаточно подробно обосновываются основания ограничения права на свободу передвижения и свободу выбора местожительства, права покидать любую страну, включая свою собственную. В пункте 1 статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции перечисляются общие конвенционные основания для введения ограничений в пользование этим правом.

Верховный Совет Российской Федерации принял в июне 1993 года Закон “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации”. Закон заменил разрешительный характер прописки регистрационным и установил следующую правовую норму: “Регистрация или отсутствие таковой не могут служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан” (ст. 3). Устанавливалась возможность судебного обжалования действий или бездействия государственных или иных органов, затрагивающих право граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах России. Ограничения граждан в реализации этого права допускаются только на основании Закона (ст. 2). Статья 9 допускает такие ограничения в пограничной полосе, закрытых военных городках, закрытых административно-территориальных образованиях, в зонах экологического бедствия, на территориях, где введены особые условия и режим проживания и хозяйственной деятельности, а также чрезвычайное и военное положение²⁹.

Основные положения Закона нашли отражение в Конституции

Российской Федерации. В статье 27 говорится: “Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства”. Граждане страны могут свободно выезжать за пределы страны и имеют право беспрепятственно возвращаться³⁰. Эти права могут быть ограничены согласно статье 56 Конституции только при объявлении чрезвычайного положения.

Другие вопросы, связанные с правовым регулированием проблемы передвижения граждан, нашли отражение в Законе “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” (1996 года). В нем, в частности, указывается, что “гражданин Российской Федерации не может быть ограничен в праве на выезд из Российской Федерации иначе как по основаниям и в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом. Гражданин Российской Федерации не может быть лишен права на въезд в Российскую Федерацию”³¹. Выезд и эмиграция стали возможны на основе приглашения (необязательно наличия родственных связей) и разрешения на въезд в страну.

С закреплением в Законе и Конституции права граждан на свободу выбора места пребывания и жительства российское законодательство было приведено в соответствие с принятыми на себя Россией международными обязательствами в этой правовой области. Тем не менее отсутствуют гарантии реального осуществления этого Закона и конституционного права граждан на большей части территории России, особенно когда речь идет о праве выбора места жительства применительно к Москве, Санкт-Петербургу и ряду крупных городов, где прописка сохраняется на основе постановлений местных властей³². Такая распространенная практика находится в противоречии с официально признаваемой концепцией создания российского демократического общества, основанного на верховенстве права.

Положение в данной сфере не улучшилось и с вступлением Российской Федерации в Совет Европы, хотя страна обязалась реально обеспечить конституционное право своих граждан на свободу передвижения и выбор места жительства.

Учитывая это, Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 2 февраля 1998 года № 4-П по делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 года № 713, признал указанные пункты Правил не соответствующими Конституции страны, ее статьям 27 (часть 1) и 55 (часть 3)³³. Это означает, что отменена временная регистрация на не принадлежащей гражданину жилплощади (в правительственных правилах пункт 10 она разрешалась не более чем на шестимесячный срок, и этот срок можно было продлить только в исключительных случаях). Теперь гражданин сам решает, на какой срок он желает зарегистрироваться, а соответствующие органы обязаны это сделать. Устранены и другие препятствия, заложенные в пунктах 12 и 21, в которых предусматривались основания для отказа в регистрации (обязанность проверки

предоставляемых гражданином документов, их надлежащего оформления, обоснованность выдачи ордера и другое). Согласно решению Конституционного Суда нормативные акты, принятые в исполнение правительственного постановления, должны быть отменены в установленном порядке. Это касается и правил регистрации в Москве и ряде других крупных городов.

Еще ранее Конституционный Суд Российской Федерации принял постановление и по такому вопросу, как право граждан Российской Федерации, желающих выехать за пределы Российской Федерации, но не имеющих определенного места жительства, на получение заграничного паспорта и других соответствующих документов по месту их фактического проживания. Тем самым Суд признал не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (ч. 1 и 2), 27 (ч. 2), 55 (ч. 3), положения части 1 статьи 8 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в части, по существу препятствующей выдаче гражданину Российской Федерации заграничного паспорта в ином порядке при отсутствии у него регистрации по месту жительства или по месту пребывания, а также положение части 3 той же статьи в части, по существу препятствующей выдаче гражданину Российской Федерации, имеющему место жительства за пределами ее территории, заграничного паспорта в Российской Федерации³⁴.

Законодательное регулирование ограничения прав человека в России

Для современного развития России толкование европейского права на дерогаацию, применяемые в нем основания и пределы ограничения прав имеют большое юридическое и политическое значение. В случае введения в стране или отдельных ее регионах чрезвычайного положения защита прав человека, пусть с некоторыми изъятиями, диктуемыми особыми обстоятельствами, все равно относится к числу международных обязательств государства.

В России ни закон, ни договор не могут ограничивать права и свободы, которые закреплены Конституцией и общепризнанными нормами международного права. Статья 55 Конституции устанавливает, что “не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина” и что “права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства”³⁵.

Согласно Закону “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” (1992 года) принудительное лечение психически больных людей, представляющих опасность для себя и окружающих, относится к законным способам ограничения прав граждан³⁶. К ним также относятся временная изоляция и лечение больных, страдающих инфекционными заболеваниями, направление подростков в специальные учреждения с воспитательным надзором на основании

решения комиссии о несовершеннолетних и другие ограничительные действия, определенные российским законодательством. Такие ограничения соответствуют статье 5 (п. 1) Конвенции³⁷.

Согласно Конституции (ч. 2 ст. 56) временное ограничение прав и свобод граждан, прав юридических лиц и другие чрезвычайные меры должны осуществляться только в условиях введения чрезвычайного положения, которое может вводиться на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местах "при наличии обстоятельств и в порядке, установленных федеральным конституционным законом". Отдельные ограничения прав и свобод устанавливаются "с указанием пределов и срока их действия" (ч. 1 ст. 56)³⁸.

В Государственной Думе находится на рассмотрении проект федерального конституционного закона "О чрезвычайном положении", который с учетом новых реальностей более детально, чем действующий Закон, регламентирует основные аспекты режима чрезвычайного положения, в том числе основания и порядок его введения, а также силы, средства и меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения, степень ответственности граждан и должностных лиц в такой ситуации, что должно способствовать соблюдению прав и основных свобод человека в период введения чрезвычайного положения. Предусматривается создание органов особого управления территорий чрезвычайного положения — механизма, способствующего скорейшей реализации целей введения чрезвычайного положения и сокращения временного ограничения прав и свобод человека и гражданина на данной территории. Предполагается в этом законе представить исчерпывающий список ограничительных мер, которые могут быть введены в зависимости от складывающейся ситуации Президентом Российской Федерации при объявлении Указа о введении чрезвычайного положения.

На рассмотрении в Государственной Думе находится также проект федерального конституционного закона "О военном положении", внесенный Президентом Российской Федерации в июле 1997 года. Проект закона в соответствии с международными обязательствами нашей страны в области прав человека предусматривает в условиях военного положения ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, деятельности организаций и прав их должностных лиц в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства, и возложение на граждан и других лиц, а также на организации и их должностных лиц дополнительных обязанностей (ст. 1).

С принятием названных выше двух федеральных конституционных законов правовое регулирование оснований, порядка введения и осуществления чрезвычайного и военного положения будет в большей степени соответствовать требованиям Конституции Российской Федерации и европейских стандартов в этой области.

* * *

Таким образом, сравнение правовых норм, ограничивающих гражданские права в приведенных выше европейских и российских документах, показывает, что между ними в основном нет принципиальных

различий. Ограничения являются обычными нормами для демократического общества и принимаются в целях защиты государственной и общественной безопасности и порядка, в интересах защиты прав и свобод других граждан на основании, признанных законом. И в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и других документах Совета Европы, как и в Конституции и других законодательных актах Российской Федерации гражданские права находятся в приведенных выше конкретных случаях в подчиненном по отношению к интересам государства положении.

Законодательное регулирование введения при определенных обстоятельствах ограничений прав и свобод человека в России в целом соответствует требованиям Конвенции, однако необходимо европейские конвенционные нормы, связанные с основаниями и пределами ограничения прав, отразить и на уровне российских федеральных конституционных законов о чрезвычайном положении и военном положении, в изменениях и дополнениях в законах о религии и о свободе передвижения. Следует также добиться в правоприменительной практике реализации как на федеральном, так и на региональном уровне законов, не допускающих расширения обоснований и пределов ограничения прав человека и граждан, установленных Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и другими международными договорами и соглашениями, заключенными Российской Федерацией.

¹ Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Об обеспечении некоторых иных прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и Протокол № 1 к ней. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4125.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4105.

³ Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская Конвенция о права человека и Европейская социальная хартия: право и практика. — М., 1998. — С. 482.

⁴ Конституция Российской Федерации. — М.: «Юридическая литература», 1993. — С. 21.

⁵ См.: European Court of Human Rights: Judgments and decisions. — Strasbourg, 29 November 1988 (Brogan and Others/UK). Series A, No. 145-B, p. 33—34, para. 62.

⁶ См.: Закон РСФСР «О чрезвычайном положении». — В кн.: Правовые основы деятельности МВД России. 1 том. Второе издание, уточненное и дополненное. — М., 1996. — С. 67—70.

⁷ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4106.

⁸ См.: Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Об обеспечении некоторых иных прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и Протокол № 1 к ней. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4125.

⁹ Конституция Российской Федерации. — С. 10.

¹⁰ Там же. — С. 22—23.

¹¹ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об основных гарантиях прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"». — Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 14. — С. 3133.

¹² Конвенция о защите прав человека и основных свобод. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4106.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: European Court of Human Rights: Judgments and decisions. — Strasbourg, 10 March 1972 (De Wilde, Ooms & Versyp/Belgium). Series A, No. 12, p. 36, para. 65.

¹⁵ См.: European Court of Human Rights: Judgments and decisions. — Strasbourg, 26 April 1979 (Sunday Times/UK). Series A, No. 30, p. 31, para. 49.

¹⁶ См.: European Court of Human Rights: Judgments and decisions. — Strasbourg, 2 August 1984 (Malone/UK). Series A, No. 82, p. 31, para. 66.

¹⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4104.

¹⁸ См.: European Court of Human Rights: Judgments and decisions. — Strasbourg, 13 June 1979 (Marx/Belgium). Series A, No. 31, p. 15, para. 31.

¹⁹ См.: European Court of Human Rights: Judgments and decisions. — Strasbourg, 2 August 1984 (Malone/UK). Series A, No. 82, p. 32—33, para. 67—68.

²⁰ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4104.

²¹ См.: Конституция Российской Федерации. — С. 11—12.

²² См.: Закон РСФСР “О милиции” (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20 июня 1996 года)//В кн.: Правовые основы деятельности МВД России. — 1 том. Второе издание. — М., 1996. — С. 246.

²³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (Утвержден Законом РСФСР, принятым 27 октября 1960 г. с внесенными изменениями и дополнениями по состоянию на 1.12.1996 г.). — М., 1996. — С. 8.

²⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4104.

²⁵ Конституция Российской Федерации. — С. 12.

²⁶ См. Федеральный закон “О свободе совести и о религиозных объединениях”. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 39. — С. 7667.

²⁷ Там же.

²⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4105.

²⁹ Закон “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации”. — Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 32, ст. 1227.

³⁰ См.: Конституция Российской Федерации. — С. 12.

³¹ Федеральный закон “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 34. — С. 8116.

³² О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации за 1993 год. Доклад Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. — М., 1994. — С. 7.

³³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1998 года № 4-П “По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 года № 713”. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 6. — С. 1542.

³⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 2-П “По делу о проверке конституционности положений части

первой и третьей статьи 8 Федерального закона от 15 августа 1996 года "О Порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина А.Я. Аванова". — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 4. — С. 996.

³⁵ Конституция Российской Федерации. — С. 20—21.

³⁶ См.: Закон Российской Федерации "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании". — Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 33. — С. 2470—2489.

³⁷ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод. — Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 20. — С. 4102.

³⁸ Конституция Российской Федерации. — С. 21.

Статья поступила в редакцию в апреле 1999 г.

ОГОВОРКИ: НЕОБХОДИМОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ ОСОБОГО РЕЖИМА ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Л. Г. Гусейнов*

Тезис о том, что международные договоры о правах человека имеют специфическую природу, не свойственную другим категориям международных соглашений, в настоящее время имеет под собой достаточно прецедентно-правовую и доктринальную основу¹. Специфика договорных обязательств в области прав человека прежде всего проявляется в их объективном характере. Международные "правозащитные" нормы не основаны на принципе взаимности, лежащем в основе традиционного международного права, и не действуют по отношению к "контрагенту" на чисто коррелятивной основе. Эти нормы направлены на защиту общего интереса, универсально признанной ценности — основных прав и свобод человека, порождая в первую очередь и главным образом *объективные обязательства*, т. е. обязательства "каждого и всех перед каждым и всеми", нежели набор субъективных прав и обязанностей между договаривающимися государствами. Объективный характер рассматриваемых обязательств обусловлен также недопустимостью применения к международным договорам в области прав человека принципа *inadimplenti non est adimplendum*; предполагается, что каждое приостановление или прекращение подобного договора могло бы затронуть не только нарушающее его государство, но и также всех остальных участников.

Ниже мы постараемся показать, что особая природа международных

* Кандидат юридических наук. Университет "Азербайджан" (г. Баку). Подробнее об авторе см. № 4 нашего журнала за 1998 г.

договоров в области прав человека проявляется, в частности и в том, что она не полностью увязывается с традиционным режимом оговорок, предусмотренным Венской Конвенцией о праве международных договоров 1969 г. (ст. 1923). В настоящей статье мы предлагаем лишь краткий анализ этой довольно обширной и сложной проблемы, приобретшей в наши дни особую актуальность: только за последние годы она обратила к себе внимание многочисленных исследователей². Примечательно, что в настоящее время эта проблема рассматривается Комиссией международного права ООН в рамках автономной темы “Оговорки к договорам”³.

Существующий международно-правовой режим оговорок заключается в следующем. Государство, пожелавшее исключить или изменить в отношении себя действие какого-либо договорного положения, может приложить к нему оговорку, тем самым освобождая себя, полностью или частично, от выполнения соответствующего обязательства. Это также означает, что другие государства—участники договора не будут применять данное положение по отношению к сделавшему оговорку государству. Согласно Венской Конвенции (ст. 21), оговорка, сделанная в отношении другого участника: а) изменяет для сделавшего оговорку государства в его отношениях с этим другим участником положения договора, к которым относится оговорка и б) изменяет в той же степени эти положения для того другого участника в его отношениях с государством, сделавшим оговорку. Конвенция требует, чтобы оговорка была сделана в соответствии с объектом и целью договора. По вопросу о том, является ли оговорка “несовместимой с объектом и целью договора”, все другие участники договора могут вынести свое собственное решение. Они формально вправе возражать против оговорки, но возражение не устраняет саму оговорку. Также возражение одним договаривающимся государством против оговорки другого государства не препятствует вступлению в силу договора между этими двумя государствами, если возражающее государство четко не заявляет об обратном. Это как раз один из существенных пробелов действующего режима оговорок, что он не предусматривает адекватной реакции на недопустимые оговорки⁴. Нет в нем ответа и на то, каким образом государства могут *эффективно реагировать* на явно неприемлемые оговорки и какими последствиями они могут “пригрозить” государствам, сделавшим подобные оговорки. Иначе говоря, описанный режим основан на принципе взаимности, который, как мы выше отметили, не свойственен обязательствам в области прав человека⁵. Так, в обычном договоре государство А потеряет некоторую прямую выгоду по условиям договора, если государство Б посредством оговорки объявляет, что оно не будет исполнять определенное обязательство. Но в договоре о правах человека для Государства А не имеет столь большого значения, если Государство Б приходит к решению не гарантировать *своим собственным гражданам* определенные права, предусмотренные в договоре. В случае договоров о правах человека не существует контрактного принципа *quid pro quo*, который можно было бы предоставлять или от которого можно было бы отказываться. В этом случае нет взаимных отношений в чистом смысле этого слова. Взаимное неприменение каким-либо другим государствам поло-

жения, к которому сделана оговорка, не только было бы абсурдным, но и юридически недопустимым. Представим, например, что какое-либо государство рассматривает оговорку Франции в отношении ст. 27 Международного Пакта о гражданских и политических правах⁶ как несовместимую с объектом и целью Пакта и желает среагировать на это так, как это предусмотрено ст. 21 Венской Конвенции: ст. 27 Пакта просто не может быть приостановлена или изменена этим реагирующим государством “в его отношениях с другим участником” (Францией); подобная акция необходимо могла бы вызвать нарушение Пакта по отношению ко всем другим государствам-участникам (т. е. всех государств, за исключением Франции), которые имеют право требовать целостного выполнения договора; невозможно “расщепление” договора о правах человека на пары двусторонних договорных отношений, где могла бы действовать предусмотренная Венской Конвенцией возможность взаимного изменения договорного стандарта. Оговорка, сделанная одним государством, поэтому не может иметь взаимного эффекта в плане освобождения другого или всех остальных государств-участников от него или их договорных обязательств. Она только освобождает сделавшее оговорку государство, этим нарушая равенство обязательств государств-участников односторонним актом бенефициария⁷.

Далее, объективный характер обязательств, вытекающих из соглашений о правах человека, логически должен исключать какую-либо субъективную (т. е. со стороны других государств-участников) оценку допустимости и действительности оговорки. Понятно, что установление допустимости оговорки по усмотрению государства на основании самотолкования может быть субъективным и варьироваться от государства к государству, а также от договора к договору⁸. Насколько разумно оставлять эти вопросы полностью на одностороннее решение со стороны государств? Могут ли отдельные государства-участники договора о правах человека надлежащим образом “стоять на страже” коллективного интереса и обеспечить универсальное уважение договора? Перед лицом очевидной инертности и толерантности государств по отношению к явно недопустимым оговоркам, — которых сейчас набралось неисчислимое количество, — не кажется ли более целесообразным упрековачивание третьей стороны иметь последнее слово в вопросе установления совместимости оговорки и определять ее юридические последствия? Правда, споры по поводу оговорок представлялись в Международный суд ООН и другие международные суды. Но намного большее практическое значение имело бы непосредственное участие самих договорных правозащитных органов в применении теста “объект и цель договора” и вынесение ими соответствующего решения. Если соглашение упрековачивает контрольный орган осуществлять мониторинг за соблюдением положений соглашения, в частности через посредство проверки докладов государств и/или вынесения решений по индивидуальным и межгосударственным жалобам, то может ли этот орган адекватно и эффективно выполнять свою миссию, если ему всецело отказать в имплицитной компетенции определять также допустимость и действительность сделанных государствами-участниками оговорок?

Тексты действующих соглашений в области прав человека, как

правило, не предусматривают коллегиальных или институциональных процедур для определения допустимости оговорок¹⁰. Но вместе с тем, практика договорных контрольных органов стала сама корректировать существующие неясности и пробелы. Так, определенная институционализация в вопросе установления допустимости оговорок и решения вытекающих отсюда правовых последствий, можно сказать, уже достигнута на региональном уровне в рамках Страсбургского механизма¹¹. Начало этому процессу было положено еще в 1982 году, в *Temeltash case*. В этом деле Европейская Комиссия по правам человека, вначале установив, что “заявление”, сделанное Швейцарией, является именно оговоркой, затем *проверила* его совместимость со ст. 64 Европейской Конвенции о правах человека¹² и признала оговорку действительной¹³. Спустя шесть лет в *Belilos case* Европейский Суд по правам человека столкнулся с аналогичной ситуацией: однако он не только последовал Комиссии, присвоив себе компетенцию определять допустимость “заявления”, вновь принятого как оговорка, но пошел еще дальше, объявив оговорку недопустимой и, самое главное, посчитав, что Швейцария вновь полностью связана положением, к которому “заявление” было приложено (ст. 6 Европейской Конвенции о правах человека) и в данном случае несет ответственность за его нарушение¹⁴. Таким образом, Суд *отделил* оговорку от договорного положения, “возобновив” тем самым в теории и практику оговорок вошла так называемая “доктрина отделимости” (“severability”), суть которой состоит в следующем. Недействительность оговорки ipso facto не приводит к недействительности акта о ратификации сделавшего оговорку государства. Контрольный орган отделяет оговорку от акта ратификации. *Если недействительная оговорка отделяется от акта ратификации или присоединения, то тогда государство, сделавшее оговорку, остается связанным договором и теми положениями, к которым сделана оговорка. И государство, не снявшее оговорку, нарушает свое международное обязательство*. Несомненно, при этом игнорируется суверенная воля сделавшего оговорку государства, которое находит себя связанным тем договорным положением, которое оно четко отклонило, приложив оговорку. Но данное ограничение оправдано как общим интересом соответствующего договорного сообщества государств (omnes partes), так и интересами индивида — бенефициария предусмотренных в договоре основных прав и свобод.

Несмотря на первоначальное невосприятие этой доктрины как в самой Швейцарии¹⁵, так и в литературе, принципы, развитые *Belilos case*, стали впоследствии обычной юриспруденцией в Страсбурге. В двух довольно известных делах — *Chrysostomos*¹⁶ и *Loizidou*¹⁷ названная доктрина была распространена на “разъяснительные заявления” Турции, суть которых состояла в том, чтобы ограничить территориальную сферу применения ее заявлений о принятии ст. 25 и 46 Европейской Конвенции о правах человека (соответственно, право на подачу индивидуальной жалобы и признание обязательной юрисдикции Суда). Суд, вновь применив принцип “отделимости”, решил рассматривать Турцию связанной своими заявлениями по сказанными статьям без выгоды задуманных территориальных ограничений.

“Страсбургский подход” (т. е. компетенция договорного контроль-

ного органа устанавливать допустимость оговорки плюс отделять эту оговорку в случае ее недопустимости) был тем временем признан не только непосредственными “жертвами”, но и всеми государствами—участниками Европейской Конвенции¹⁸. Именно он послужил непосредственным основанием для появления на свет (2 ноября 1994 года) Общих замечаний Комитета по правам человека № 24(52)¹⁹, в которых Комитет по сути предпринимает попытку трансформировать на универсальный уровень принципы, выработанные Европейскими правозащитными органами. Так, в частности, Комитет сделал следующее заявление: “Установление совместимости конкретной оговорки с объектом и целью Пакта... (Международного Пакта о гражданских и политических правах. Л. Г.) это задача, которую Комитет не может избежать при осуществлении своих функций. Для того, чтобы знать объем своей обязанности по проверке соблюдения государством своих обязательств по Пакту, на основании ст. 40, или по рассмотрению индивидуального сообщения на основании Факультативного Протокола, Комитет обязательно должен высказывать свое мнение по поводу совместимости оговорки с объектом и целью Пакта и с общим международным правом”²⁰. В Общих Замечаниях далее подчеркивалось: “Нормальное последствие недопустимой оговорки не заключается в том, что Пакт вообще не будет иметь силу для сделавшего оговорку государства. Такая оговорка будет, как правило, отделима, в том плане, что Пакт будет действовать для сделавшего оговорку государства без выгоды этой оговорки”²¹.

Таким образом, Общие замечания делают смелый шаг в направлении провозглашения нового и отдельного режима оговорок в отношении договоров о правах человека, явно отходящего от общего режима, предусмотренного ст. 19—23 Венской Конвенции по праву международных договоров²².

Как и предполагалось ожидать, эти далеко идущие, в свете *lex lata*, притязания Комитета по правам человека не встретили одобрения со стороны государств—участников Пакта²³. Специальный докладчик Комиссии международного права А. Пелле также “возразил против чрезмерных притязаний Комитета выступать единственным судьей в деле установления допустимости оговорок. Подобный контроль, по его мнению, не может находиться в монополии контрольных органов”²⁴. А. Пелле отметил, что правозащитные органы могут и должны определять допустимость оговорок, но только тогда, когда это требуется для выполнения их функций. Они однако не могут иметь больше полномочий, чем это необходимо для осуществления их основной ответственности²⁵. Но все же некоторые члены Комиссии международного права принципиально не согласились со Специальным докладчиком, особо выделяя необходимость введения специального режима для договоров о правах человека, как в отношении нормативных, так и институциональных вопросов оговорок²⁶.

Правда, мы должны признать, что, исходя из позитивного международного права, Комитет по правам человека и аналогичные универсальные контрольные органы, не обладающие правомочием принимать юридически обязательные решения, действовали бы, по всей видимости, *ultra vires*, присваивая себе роль окончательной инстанции в уста-

новлении допустимости оговорок (притом порой спустя несколько лет после представления государством оговорок) и соответствующих правовых последствий. Вместе с тем, благодаря авторитету этих органов и принимаемых ими решений можно предположить, что государство-участник должно поступить *bona fide* и, по возможности, пересмотреть — снять или изменить недопустимую оговорку. Все же наиболее оптимальный путь, который в случае с соглашениями в области прав человека, по нашему твердому убеждению, не знает альтернативы, — это централизованная, объективная система установления допустимости и действительности оговорок, чего, впрочем, настоятельно требуют количество и “качество” оговорок, сделанных к настоящему времени к универсальным договорам о правах человека²⁷. В соответствии с *de lege ferenda*, контрольные правозащитные органы ООН должны быть наделены правомочием выносить компетентные решения по совместимости оговорок с объектом и целью соответствующего соглашения и также отделить недопустимые оговорки от тех договорных положений, к которым они приложены. “Страсбургский поход”, заметно отличающийся от Венского режима оговорок, может и должен быть распространен на универсальные контрольные механизмы.

В качестве заключения хотелось бы сказать следующее. Уже один раз в истории именно соглашение о правах человека (это была Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него), вернее, вопрос о возможности представления к нему оговорок потребовал, можно сказать, революции в действовавшем в то время международно-правовом режим оговорок. Как известно, до рассмотрения известного дела Международным судом ООН (в рамках Лиги Наций) существовала норма, согласно которой если одно государство-участник возражало против оговорки, сделанной другим государством, то последнее уже не рассматривалось участником данного договора. Исходя из особой природы Конвенции о геноциде, Международный Суд в своем консультативном заключении от 1951 года полностью отверг старую систему, положив тем самым начало ныне действующему режиму. Но в настоящее время, парадоксально, что опять же договоры о правах человека требуют коренной реформы этого режима оговорок. Итак, последует ли вторая революция? Немалое, на наш взгляд, зависит от Комиссии международного права ООН, которая, к сожалению, предпочтение в данном вопросе пока отдает *кодификации* международного права, нежели его *прогрессивному развитию*²⁸ (не говоря уже о революции).

¹ См. об этом подробно: Гусейнов Л. Г. Международные обязательства государств в области прав человека. — Баку, 1998.

² См., в частности: *Schabas W. Reservations to Human Rights Treaties: Time for Innovation and Reform//Canadian Yearbook of International Law. 1994. vo. XXXII. P. 39—81; Bauer M. Vorbehalte zu Menschenrechtsverträge. München. 1994; Lijnzaad L. Reservations to UN-Human Rights Treaties. Ratify and Ruin? Dordrecht-Boston-London. 1995; Решетов Ю. А. Оговорки к Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и поддержание международного правопорядка в области прав человека. — Московский журнал международного*

npasa. 1995. № 3. — С. 3—16; Giegerich T. Vorbehalte zu Menschenrechtsabkommen: Zulässigkeit, Gültigkeit und Prüfungskompetenzen von Vertragsgremien // *Ein konstitutioneller Ansatz/Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 1995. Band. 55. S. 713—782; Frowein J.A. Reservations and the International Order Public//*Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century. Essays in honour of Krzysztof Skubiszewski*. 1996. P. 403 ff; Schabas W. Reservations to the Convention on the Rights of the Child//*Human Rights Quarterly*. 1996. vol. 18. — P. 472-491; Rama-Montaldo M. Human Rights Conventions and Reservations to Treaties//*Hector Gros Espiell Amicorum Liber*. Bruxelles. 1997. vol. II. P. 1261—1277; *Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt out: Reservations and Objections to Human Rights Conventions* (J. P. Gardner et al. ed). — London. 1997; Redgwell C. J. Reservations to Treaties and Human Rights Committee General Comment № 24(52)//*International and Comparative Law Quarterly*. — 1997. — vo. 46. — P. 390—412; Simma B. Reservations to Human Rights Treaties. Some Recent Developments//*Liber Amicorum. Professor I. Seidl-Hohenveldern — in honour of his 80th birthday* (G. Hafner et al. eds.). The Hague-London-Boston. 1998. P. 659-682.

³ Специальный докладчик по данному вопросу французский профессор А. Пелле представил свой Первый (Предварительный) доклад в 1995 году (см.: Un doc/ A/CN. 4/470) и Второй доклад в 1996 году (Ф/CN. 4/477 and Add. 1). В 1997 году, ввиду существенного изменения состава Комиссии международного права, А. Пелле свой Второй доклад представил снова. См.: *Report of the International Law Commission on the work of its forty-ninth session*, 12 May-18 July 1997, General Assembly. Official Records. Fifty-second Session. Suppl. № 10 (A/52/10). — United Nations. New York. 1997. P. 95—108.

⁴ См. об этом: Redgwell C. Universality or Integrity? Some Reflections on Reservations to General Multilateral Treaties//*British Yearbook of International Law*. 1993. vol. 64. — P. 278.

⁵ Подробно об этом см.: Horn F. Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties. Amsterdam-New York-Oxford-Tokyo., 1988. — P. 145-160; Lijnzaad L. *op. cit.* — P. 399-402, 419-420. Примечательно, что профессор Амстердамского университета Э. В. Вьердаг, оспаривающий специфическую природу договоров о правах человека в целом, признает, что “договоры в области прав человека отличны, покуда речь идет об оговорках”. — См.: Vierdag E. W. Some Remarks about Special Features of Human Rights Treaties//*Netherlands Yearbook of International Law*. 1994. — vol. XXV. — P. 133.

⁶ В соответствии с данной оговоркой, “в свете ст. 2 Конституции (“Франция неделимая... республика) ст. 27 Пакта не применяется в отношении Франции”. На наш взгляд, оговорка (правда, официально это было заявление со стороны Франции) несомнима с объектом и целью указанного Пакта.

Кстати, Комитет по правам человека в своих Общих замечаниях № 24(52) определил объект и цель Пакта как “создание юридически обязательных стандартов прав человека путем определения известного круга гражданских и политических прав и возведения их в рамки обязательств, которые являются юридически обязывающими для ратифицировавших Пакт государств; и обеспечение эффективного механизма по контролю за осуществлением принятых на себя обязательств”. См.: General Comment on issues relating to reservations made upon ratification or accession to the Covenant or the Optional Protocols thereto, or in relation to declarations under Article 41 of the Covenant. CCPR/C/21/Rev.1/Add.16. Para. 7.

⁷ См.: Giegerich T. Vorbehalte zu Menschenrechtsabkommen; Zulässigkeit, Gültigkeit und Prüfungskompetenzen von Vertragsgremien. — S. 754-755.

⁸ См.: Rama-Montaldo M. *Op. cit.* — P. 7-8; Simma B. Reservations to Human Rights Treaties. Some Recent Developments. — P. 699; Higgins R. Introduction//*Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt out*. OP. XXIV.

⁹ Применительно к Европейским контрольным органам Й. А. Фролайн в 1988 году писал: "Если государства приняли юрисдикцию Комиссии и Суда, то именно этим органам должно быть оставлено решать, какие могут быть правовые последствия оговорок или их недействительности". См.: *Frowein J. A. Reservations to the European Convention on Human Rights//Protecting Human Rights: The European Dimension. Studies in honour of Gerard J. Wiarda.* — P. 197—198.

¹⁰ За исключением Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (ст. 20(2)).

¹¹ Подробнее см.: *Cameroon I., Horn F. Reservations to the European Convention on Human Rights: The Belilos case//German Journal of International Law.* 199. vol. 33.— P. 87—92; *Marks S. Three Regional Human Rights treaties and Their Experience of Reservations//Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt out.* — P. 35 ff.,

В Рекомендации 12234, принятой в 1993 году, Парламентская Ассамблея Совета Европы рекомендовала, чтобы "конвенции, которые будут заключаться в будущем, наделяли создаваемые ими контрольные органы правомочием принимать заключения по тем оговоркам, которые Договаривающиеся Государства пожелают сделать". Цит. по: *Zemanek K. The Legal foundations of the International System. General Course on Public International Law//Collected Courses of the Hague Academy of International Law.* 1997. vol. 266. — P. 183.

¹² Статья гласит: "1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче на хранение ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому отдельному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению. В соответствии с настоящей статьей оговорки общего характера не допускаются. 2. Любая оговорка, сделанная в соответствии с данной статьей, должна содержать краткое изложение соответствующего закона".

¹³ См.: *European Human Rights Reports.* 1982. vol. 5. — P. 417 ff. См. также: *Imbert P.-H. Reservations to the European Convention on Human Rights before the Strasbourg Commission: The Temeltasch case//International and Comparative Law Quarterly.* — 1984. vol. 33. P. 558-595.

¹⁴ См.: Publications of the European Court of Human Rights (1988). Ser. A. № 132. P. 24 ff. (далее: ECHR); См. также: *Marks S. Reservations Unhinged: The Belilos case before the European Court of Human Rights//International and Comparative Law Quarterly.* 1990. vol. 39. — P. 300-326; *Wildhaber L. Rund um belilos. Die schweizerischen Vorbehalte und auslegenden Erklärungen zur Europäischen Menschenrechtskonvention im Verlaufe der Zeit und im Lichte der Rechtsprechung//Kleinstaat und Menschenrechte. Festgabe für Gerhard Baltiner zum 65. Geburtstag A.* (Riklin et al. eds.). Basel-Frankfurt am Main. 1993. — S. 325-338.

¹⁵ См.: *Wildhaber L. Op. cit.* — S. 331 ff.

¹⁶ *Chrysostomos and others v. Turkey* (1991). — *Yearbook of the European Convention on Human Rights.* — P. 113 ff.

¹⁷ *Loizidou v. Turkey, предварительные возражения* (1995). ECHR. Ser. A. № 310. Para. 84-97.

¹⁸ См.: *Sinna B. Reservations to Human Rights Treaties — Some Recent Developments.* — P. 671.

¹⁹ Пожалуй, немалый "вклад" в принятие указанного документа "внесли" и сделанные США многочисленные, явно несовместимые с объектом и целью Пакта оговорки (под различными наименованиями "оговорки", "заявления" и "разъяснения" ("understandings")), в особенности касающиеся ст. 6(5) и 7 Пакта. Подробный анализ этих оговорок см.: *Shelton D. Issues Raised by the United States Reservations, Understandings and Declarations//U. S. Ratification of the International Convention on Civil and Political Rights* (H. Hannum and D. Fischer eds.). New York. 1993. P. 269-277; *Schabas W. Invalid Reservations to the International Convention on*

Civil and Political Rights: Is the United States still a Party?//*Brooklyn Journal of International Law*. 1995. vol. XXI. № 2. — P. 277—325; Henkin L. U. S. ratification of Human Rights Conventions: The Ghost of Senator Bricker//*American Journal of International Law*. 1995. vol. 89. — P. 341. См. также: замечания Комитета по правам человека по докладу США на своей 53-й сессии. CCPR/C/79/Add.50. Para. 14.

²⁰ Human Rights Committee, General Comment № 24(52) UN Doc. CCPR/C/21/Rev. 1/Add.6. — Para. 18.

²¹ Ibid.

²² См.: Redgwell C. J. — Op. cit. — P. 390-412.

²³ См.: Simma B. Reservations to Human Rights Treaties — Some Recent Developments. — P. 673-675.

²⁴ См.: Report of the International Law Commission on the work of its forty-ninth session. — P. 107.

²⁵ См.: Ibid. — P. 105-106.

²⁶ См.: Ibid. — P. 117.

²⁷ Б. Зимма правильно подчеркивает, что "... нигде в международном договорном праве оговорки так не популярны и многочисленны, как в многосторонних договорах по защите прав человека". Simma B. International Human Rights and General International Law: A Comparative Analysis//Collected Courses of the Academy of European Law. — 1993. vol. IV. Book. 2. — P. 176.

²⁸ См.: принятые на 49-й сессии Комиссии "предварительные выводы Комиссии международного права по оговоркам к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о правах человека". Report of the International Law Commission of the work of its forty-ninth session. — P. 126-127.

Статья поступила в редакцию в феврале 1999 г.

ОБ ОБРАЩЕНИИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

С.Е. Л и х о ш е р с т о в*

В 1996 г. во Дворце Европы (г. Страсбург) министр иностранных дел России Е.М. Примаков подписал протокол о присоединении Российской Федерации к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В соответствии с подписанным протоколом были взяты на себя обязательства по обеспечению пользования основными гражданскими и политическими правами, закрепленными в Конвенции, российскими гражданами. Кроме того, протокол предусматривал признание абсолютной юрисдикции Европейского суда по правам человека, решения которого будут обязательными для исполнения всеми органами государственной власти в Российской Федерации.

В результате присоединения России к Конвенции возникает острая

*Бакалавр МГИМО (У) МИД РФ.

потребность в освещении вопроса о допустимости и приемлемости дел к рассмотрению. Одним из аспектов данной воистину необъятной проблемы является доктрина свободы усмотрения. Перед тем как кратко остановиться на ее значимости для контрольного механизма, следует вспомнить о том, что задача, которую призван решать Суд, состоит не в том, как ошибочно многие думают в России, чтобы принимать к рассмотрению как можно больше дел, а в том, чтобы лицам, находящимся под юрисдикцией соответствующих государств, не было нужды к ним обращаться, чтобы они могли добиться справедливости на национальном уровне. Понимание такой роли национальных властей предопределяет важность исследования их взаимоотношений с контрольными органами, ибо характер данных отношений оказывает решающее воздействие, как на принятие к рассмотрению, так и на судьбу заявленных жалоб. Таким образом, доктрина свободы усмотрения определяет те случаи, когда Суд осуществляет или, наоборот, воздерживается от вмешательства в решения национальных властей¹.

Доктрина свободы усмотрения отражает общий подход Европейского суда по правам человека (далее — Суд) к деликатной проблеме соотношения суверенитета государства и их обязательств по Конвенции. Дилемма, которая возникает перед Судом, стала явной во многих делах о свободе усмотрения. Проблема состоит в том, что Суд призван, рассматривая поступившие дела, развивать комплекс разумно сложных принципов пересмотра, пригодных для применения в отношении всех норм Конвенции, не забывая в то же время о различиях политических, экономических, культурных и социальных условий жизни населения государств—членов Совета Европы. Данная доктрина вводит элемент относительности в единообразное толкование Конвенции, что проявляется в разнице объема предоставляемой свободы усмотрения, зависящей, в первую очередь, от обстоятельств дела.

Методология Суда в применении им доктрины свободы усмотрения продолжает совершенствоваться. Судебное решение по делу “Хендсайда” (Handyside Case) 1976 г. составляет основу в практике применения Судом данной доктрины. В данном деле заявитель был британским книгоиздателем “Маленькой красной книги для школьников”, руководства, рекомендовавшего подросткам вести альтернативный образ жизни. Содержание книги, рассматривавшее отношение подростков к вопросам секса, стало главной причиной наложения судебного ареста на тираж с его последующей конфискацией, крупным денежным штрафом и издержками для заявителя. Комиссия признала дело допустимым для рассмотрения на том основании, что было нарушено право заявителя на свободное выражение своего мнения, гарантированное статьей 10².

В применении положений доктрины, составляющей предмет рассмотрения данной статьи, Суд ввел в практику термин “двойной критерий”. Во-первых, Суд поставил перед собой вопрос, было ли фактическое вмешательство обоснованным и достаточным. Во-вторых, Суд справился, было ли вмешательство необходимым. При этом презумпция состояла в том, что она была необходимым в свете доктрины о свободе усмотрения, если только заявитель не может доказать обратное.

Прежде всего, Суд проверил, были ли предпринятые меры “предприняты законом”. Результат был положительным, т.к. действия государственных органов основывались на соответствующем законодательстве Великобритании: Законы о непристойных изданиях 1959 г. и 1964 г. Применение последних заявитель критиковал с точки зрения Конвенции, а не внутреннего права.

Критерий обоснованности и достаточности потребовал от Суда рассмотрения вопроса не только о том, обладали ли государственные органы вескими основаниями для отступления, но также и того, было ли их мнение о наличии подобных оснований оправданным. Суд признал, что поддержка большей частью общественности действий, предпринятых против книгоиздателя, делают нравственные основания подобных действий против заявителя обоснованными и достаточными.

После того, как Суд выяснил, что основания вмешательства были правомерными, необходимо было определить, а было ли данное вмешательство необходимым. Правительство Великобритании привело довод в пользу того, что якобы имевшее место нарушение права заявителя на свободу выражения своего мнения подпадало под исключение пункта 2 статьи 10 Конвенции, т.к. арест и конфискация тиража были мерами, необходимыми в демократическом обществе для защиты нравственности.

При вынесении решения по вопросу о том, были ли арест и конфискация тиража необходимыми, Суд заявил, что прилагательное “необходимый” должно быть приравнено к термину “острая общественная потребность”. По мнению Суда, национальный судья обладает лучшим набором судебно-правовых средств защиты по сравнению с международным судьей при оценке наличия острых общественных потребностей, в особенности, когда цель предпринятых отступлений продиктована национальными особенностями. Суд указал еще на то, что “контрольный механизм, учрежденный в соответствии с Конвенцией, носит вспомогательный характер по отношению к национальным системам защиты прав человека... Конвенция возлагает на каждое государство первоочередную обязанность самостоятельного обеспечения перечисленных в ней прав и свобод”³.

В ходе рассмотрения данного дела главным вопросом, с которым столкнулся Суд, оказался вопрос определения норм нравственности. Дело в том, что заявитель вполне резонно ссылаясь на то, что спорная книга неоднократно уже издавалась и в других странах Западной Европы, не вызвав никакого общественного возмущения. Суд ответил на данный аргумент следующим образом: “... Нормы нравственности различны в каждый отдельный момент времени и в каждой отдельной стране, особенно в наше время, которое характеризуется быстрой и далеко идущей эволюцией мнений по данному вопросу. В силу своего непосредственного и постоянного контакта с острыми общественными потребностями и жизненными интересами своих стран внутригосударственные органы и должностные лица находятся в принципиально более выгодном положении, чем международный судья, чтобы давать заключения о содержании конкретных норм нравственности и о наличии

состояния "острой необходимости", которому должны соответствовать нормы нравственности"⁴.

Суд пришел к выводу о том, что, гарантируя национальным органам определенную степень свободы в процессе принятия решений о необходимости осуществления мер в нарушение положений Конвенции, не забывая при этом о поддержке авторитета контрольного механизма, необходимо предоставить им необходимую свободу усмотрения. Только если бы они перешли границу предоставленной им свободы усмотрения, Суд мог бы признать Конвенцию нарушенной.

Суд непрерывно прилагает усилия для развития более строгого применения принципов доктрины. Последствия подобной тенденции ведут к сужению первоначально широкой концепции свободы усмотрения в тех областях применения Конвенции, где подобные ограничения считаются необходимыми. По мнению ряда исследователей, истина состоит в том, что различия в широте усмотрения являются неизбежными. Последнее вызвано, в частности, тем, что Суд рассматривает дела, предметом которых являются различные права; различные притязания; требования в отношении одного и того же права, но заявленные просителями, находящимися в разных правовых ситуациях⁵. Наряду с вышесказанным Суду приходится учитывать различные способы обоснования действий государств в разные периоды времени.

Принципы, регулирующие широту усмотрения, связаны, в частности, с понятием европейских стандартов. Хотя, возможно, границы свободы усмотрения являются шире в случае отсутствия применимых европейских стандартов, у Суда еще не было возможности полностью развить свой метод выявления, признания или отказа в подобном признании минимального европейского стандарта. Отсылки к означенному сравнительному анализу отсутствуют в делах, рассмотренных Судом. Именно поэтому представляется насущной необходимость указаний в отношении того, каким образом подобные стандарты должны выявляться. Данная необходимость становится чрезвычайно важной в свете всех изменений, произошедших в Европе, а также с некоторыми европейскими государствами.

Рассматривая практическую ценность доктрины, следует признать, что она дает Суду необходимую гибкость при рассмотрении ежедневных проблем государства-членов. В силу того, что государства-участники придерживаются различных и зачастую противоположных концепций прав человека из-за разницы в политических, социально-экономических и культурных традициях, задача Суда состоит в достижении необходимой однородности. Последняя внедряется посредством признания и развития единообразных стандартов защиты прав и свобод в рамках юрисдикции каждого из государств-членов. Доктрина, которая была разработана больше для оправдания действий, нежели их толкования, предназначена для того, чтобы Суд проявил надлежащее уважение перед преследуемыми государством целями и балансом интересов, которых оно хочет достичь. В то же время Суд препятствует принятию мер, способных подорвать полноту режима защиты, которую может предоставить Конвенция⁶.

Данная гибкость позволила Суду избежать ненужных споров с госу-

дарствами—членами относительно сферы компетенции Суда и национальных властей. Доктрина помогла также провести разницу между применением Конвенции внутригосударственными органами власти и центральными институтами. Правовые системы государств отличаются высокой степенью различий. Если взять, например, право отдельного государства и подвергнуть его анализу, не принимая во внимание внутригосударственные особенности, оно может быть признано нарушающим Конвенцию. Если же особенности были бы учтены, то никакого нарушения не было бы обнаружено. Намерение разработчиков Конвенции состояло вовсе не в том, чтобы заставить государства-члены принять единообразные законы, а в том, чтобы разработать единые европейские стандарты, которые в случае нарушения дадут потерпевшим лицам основания для начала судебного процесса против государства-нарушителя. Доктрина оказала весьма существенную помощь в воплощении в жизнь этой задачи.

Предоставление государствам свободы усмотрения имеет практическое обоснование. Доктрина свободы усмотрения является полезным инструментом реализации общеевропейской системы защиты прав человека, в рамках которой обеспечивается единая защита. Продвижение в направлении цели должно носить постепенный характер, т.к. вся система создавалась на основе хрупкого согласия государств-членов. Доктрина дает страсбургским органам гибкость, необходимую, чтобы избежать вредной конфронтации между Судом и государствами-участниками по вопросам компетенции, а также предоставляет Суду необходимые средства, чтобы установить равновесие между суверенитетом государств и их обязательствами по Конвенции⁷.

Вследствие такого подхода граница свободы усмотрения будет сужаться по мере признания “общеевропейских стандартов”. Принимая справедливость данного высказывания, постепенное сужение первоначально широкой границы свободы усмотрения означает усиление легитимности конвенционных органов в европейском правовом порядке. Так как данная легитимность возросла, явным способом уменьшения дискреционных полномочий национальных властей является привязка оценки их действий к повсеместно соблюдаемым европейским стандартам.

Во многих своих аспектах свобода усмотрения может рассматриваться как характерный признак наличия соответствующего объема надзорных полномочий. Презюмируется, что Суд осуществляет надзорную юрисдикцию в том случае если Суд придет к выводу, что имело место незаконное нарушение европейских стандартов. Следовательно, его задача состоит в пересмотре судебных решений с целью обеспечения их соответствия определенным стандартам и предоставления средств судебной-правовой защиты. Интенсивность судебного исследования обстоятельств дела определяется в соответствии с доктриной свободы усмотрения в каждом отдельном случае.

Следовательно, неизбежным является то, что в практике Суда имеет место спектр различных степеней интенсивности исследования доказательств, зависящий от контекста и варьирующийся от отказа принимать дело к рассмотрению, с одной стороны, что соответствует невозможнос-

ти пересмотра дела, до применения наиболее жестких методов обоснования своего решения, с другой стороны. Доктрина может оказаться неспособной охватить все разнообразие потенциальных вариантов данного спектра, если ее положения исключают возможность применения оснований для отказа в принятии дела к рассмотрению в каждом отдельном деле. Сама доктрина выступала бы при этом в качестве удобной замены обдуманного и структурированного подхода к всегдашней проблеме предоставления должного объема надзорных полномочий.

Потенциал доктрины в учете тонкости вопросов приемлемости дел к рассмотрению является несомненным. Если Суд, надзорная юрисдикция которого была применена, отказывается предоставить средство судебной защиты, ссылаясь на то основание, что вопрос находится в рамках национальных полномочий или так называемого “национального усмотрения”, он может заявить следующее. Во-первых, Суд может указать на то, что он не имеет права подменять своим судебным решением по конкретному вопросу оспариваемое постановление, вынесенное национальным органом. Или, во-вторых, Суд может заявить, что он пересмотрел оспариваемое решение и нашел его законным. В первом случае Суд отказался реализовать свою надзорную юрисдикцию; во втором случае он применил свою надзорную юрисдикцию и отказался вмешаться только потому, что констатировал отсутствие противоправного нарушения.

Доктрина свободы усмотрения может завуалировать важное различие между возможностью надзора и возможностью оправдания оспариваемых действия государства в том случае, например, если Суд откажется предоставить причины, побудившие его воздержаться от вмешательства. Если Суд в качестве причины невмешательства приводит тот аргумент, что решение принято в рамках полномочий национальных органов, он, в действительности, не раскрывает причины подобного поведения, а просто оглашает свое решение о невмешательстве, оставляя сторонним наблюдателям возможность самим догадываться о реальных причинах, оказавших решающее влияние на Суд.

Большая часть споров по вопросу о границе свободы усмотрения, которые ведут Суд и заинтересованные исследователи, отражает разочаровывающее отсутствие ясности. Как известно, центральным вопросом доктрины является проблема должного объема надзорных полномочий, но при всем этом доктрина страдает отсутствием абстрактного определения, т.к. граница свободы усмотрения зависит в силу своей природы от контекста. Поиск пределов “свободы усмотрения” в их абстрактном преломлении означал бы непонимание сущности доктрины и привел бы только к тавтологии, т.к. это было бы равносильно попыткам определения объема надзорных полномочий. Свобода усмотрения является, в действительности, обратной стороной медали надзорных полномочий; она приравнивается к свободе действий, предоставленной внутригосударственным органам после того, как Суд принял решение по конкретному делу о надлежащем уровне надзора⁸.

Объяснение сущности доктрины свободы усмотрения с абстрактных позиций прояснило бы развитие теоретических взглядов на функции Суда. На настоящий момент развития доктрины возможны только

перечисление факторов, оказывающих влияние на принимаемое судебное решение о надлежащем уровне свободы усмотрения, и демонстрация, посредством ссылок на соответствующую судебную практику, всех потенциальных ситуаций, в рамках которых каждый из данных факторов имеет наибольший вес.

Таким образом, доктрина является весьма эффективным инструментом в урегулировании жалоб, поданных в Суд. Учитывая растущий интерес среди российских граждан к потенциальным возможностям контрольного механизма Совета Европы, представляется необходимым и обязательным изучение основных положений рассматриваемой доктрины. Последнее обстоятельство связано не только с практическим значением рассматриваемой проблемы, но и с повышением общей правовой культуры участвующих в споре сторон. Отношения, основанные на всемерном соблюдении как процедурных правил, так и принципов, привнесенных практикой Суда, лишь способствовали бы улучшению общей ситуации с правами человека в России, ее сближению с общепризнанными европейскими стандартами и изменению восприятия нашей страны в мире.

¹ В связи со вступлением в силу Протокола № 11 "О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией" следует ожидать дальнейшего закономерного усиления роли Суда во взаимоотношениях с национальными властями.

² *Berger*. Vincent Case Law of the European Court of Human Rights. Volume 1: 1960—1987, The Round Hall Press. — Dublin, 1991, p. 82—85, 149—155.

³ *Berger*. Vincent Case Law of the European Court of Human Rights. Volume 1, p. 84, 152.

⁴ The European system for the protection of human rights, p. 87, 88.

⁵ *Frank Shellenberg*. Das Verfahren vor der Europäischen Kommission und dem Europäischen Gerichtshof für Menschenrechte. — Frankfurt. a.M. — 1983, p. 81.

⁶ Активным защитником введения гибкой однородности выступает один из членов Суда Р. Ст. Макдоналд. По его мнению, это позволяет сохранить отношения сотрудничества контрольных органов и государств-членов. Подробнее см. The European system for the protection of human rights/edited by R. St. J. Macdonald, F. Matscher, H. Petzold. — Dordrecht, Boston, London, 1993, p. 122—124.

⁷ Об эволюции доктрины см. Sixth International Colloquy on the European Convention on Human Rights, Final Report, Strasbourg, 1986.

⁸ См., например, The European system for the protection of human rights/edited by R. St. J. Macdonald, F. Matscher, H. Petzold. — Dordrecht, Boston, London, 1993; *John Graham Merrills*. The development of international law by the European Court of Human Rights. — Manchester; NY, 1988; *Van Dijk P., Van Hoof G.J.H.* Theory and practice of the European Convention on Human Rights. Deventer etc.: Kluwer law & taxation publ., 1984.

Статья поступила в редакцию в январе 1999 г.

Международное уголовное право

МЕЖДУНАРОДНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА, ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Альберто Гваделупе Фернандеш де К а с т р о *
(Сан-Томе и Принсипи)

Уже во второй половине XIX века в доктрине международного права широкое признание получили суждения относительно того, что существуют такие преступные действия или бездействия, связанные с нарушением законов и обычаев ведения войны, за совершение которых международное право возлагает на виновных лиц уголовную ответственность. Эти воззрения начали складываться на основе подходов, которые первоначально формировались во внутригосударственном законодательстве¹. Далее были предприняты попытки создания международной системы ответственности за нарушение законов и обычаев войны после окончания Первой мировой войны. Чем все это кончилось, нам всем известно.

Реальное воплощение эти воззрений в нормы международного права об уголовной ответственности отдельных лиц за нарушение законов и обычаев войны произошло в ходе и после Второй мировой войны. Принципы Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов имели большое значение для дальнейшего развития международного права в этой сфере правового регулирования.

Одним из основных юридических последствий совершения международных преступлений, особенно тяжких деликтов, направленных против жизни миллионов людей, их безопасности, а также нарушения норм и принципов международного гуманитарного права в ходе вооруженных конфликтов является наказание физических лиц, виновных в

* Аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

их совершении, и возложение международной правовой ответственности на соответствующие органы государства.

Официальный статус Лица (главы государства или правительства) не освобождает его от уголовной ответственности.

Говоря об утверждении в современном международном праве института международной уголовной ответственности физических лиц, не подлежит сомнению, что одну из главных частей юридических источников этой ответственности составляют международные договоры и соглашения в области международного гуманитарного права. К таким договорам могут быть отнесены прежде всего Устав и Решения Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов, Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны и дополнительные протоколы к ним, международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и другие. Важнейшим событием на пороге XXI века в развитии и закреплении института уголовной ответственности физических лиц явилось создание Советом Безопасности ООН двух трибуналов *ad hoc* — югославского и руандийского и создание постоянного Международного Уголовного Суда². При этом необходимо отметить, что из международных договоров, направленных на защиту жертв вооруженных конфликтов и на ограничение методов и средств войны, однозначно вытекает, что серьезные нарушения подлежат наказанию. Однако сами по себе эти договоры не определяют конкретных мер наказания и не предусматривают непосредственного учреждения трибунала для судебного преследования правонарушителей.

Советом Безопасности ООН было учреждено два трибунала. Один — для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года согласно ст. 1 устава. Другой — для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие побочные нарушения, совершенные на территории соседних государств в период с 1 января по 31 декабря 1994 года (ст. 1 Устава).

Учреждение двух международных уголовных трибуналов представляет собой новацию в международном праве. Как известно, после окончания Второй мировой войны для суда над главными военными преступниками в 1945 году были созданы два международных военных трибунала: в Нюрнберге и Токио. В уставах этих трибуналов была дана юридическая квалификация преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности.

Однако между этими трибуналами и теми, которые учреждены в настоящее время, имеется существенное различие, например, в том, что касается технических трудностей, связанных с выполнением трибуналами возложенных на них задач. Нюрнбергский и Токийский трибуналы явились результатом Второй мировой войны. В руках союзных держав оказался ряд руководящих деятелей Германии и Японии. Было решено предать их суду за развязывание агрессивной войны и совершение тяжчайших преступлений, которые по своему размаху, циничности и

жестокости не знали себе равных. Нюрнбергский и Токийский трибуналы состояли из граждан стран-победителей, а на скамье подсудимых находились граждане побежденных стран.

Что касается Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, то здесь нет ни победителей, ни побежденных. Сами по себе трибуналы созданы не теми или иными государствами, а Советом Безопасности ООН, то есть органом универсальной международной организации, на которую возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Трибуналы учреждены на основе главы VII Устава, в соответствии с которой Совет Безопасности уполномочен принимать меры в случае возникновения угрозы международному миру и безопасности. Именно такая ситуация возникла на территории бывшей Югославии и в Руанде, где массовые и грубейшие нарушения норм международного гуманитарного права создали угрозу миру и безопасности. Круг потенциальных преступников весьма широк, находясь они на территории различных государств, поэтому выявить этих лиц — не легкая задача. Ее можно решить только в том случае, если соответствующие государства будут добросовестно сотрудничать с обвинителем и его сотрудниками. Даже для составления обвинительного заключения возникает необходимость допрашивать подозреваемых, жертв и свидетелей, собирать доказательства и проводить расследование на месте. Осуществление этих и других функций невозможно без помощи властей соответствующих государств.

В этой связи Совет Безопасности в своей резолюции 955 (1994) постановил, что все государства должны в полной мере сотрудничать с Международным Трибуналом и его органами. Кроме того, в Уставе Международного Трибунала по Югославии и по Руанде предусмотрено положение о сотрудничестве и судебной помощи (ст. 29 и ст. 28, соответственно), согласно которому государства сотрудничают с международным Трибуналом в вопросах расследования и судебного преследования лиц, обвиняемых в совершении серьезных нарушений международного гуманитарного права. Более того, государства без каких-либо неоправданных задержек должны выполнять любые просьбы об оказании помощи или приказы Судебной камеры, включая следующие действия, перечень которых не является исчерпывающим: опознание и установление местонахождения лиц; снятие свидетельских показаний и производство действий по сборанию доказательств; вручение документов; арест или задержание лиц; выдача или передача обвиняемых соответствующему международному военному Трибуналу.

Оба трибунала осуществляют свою деятельность в соответствии с уставами, между которыми, на наш взгляд, нет каких-либо существенных различий. В этих документах определяется юрисдикция трибуналов, раскрывается понятие “серьезные нарушения международного гуманитарного права”. В основу этого понятия включены положения Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года, а также Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года.

Надо отметить, что деятельность органов уголовного трибунала по расследованию и преследованию лиц, виновных в совершении преступлений, должна основываться на ряде принципов, среди которых важ-

нейший — *nullum crimen sine lege* (от лат. — нет преступления без указания о том в законе). В этой связи нам бы хотелось остановиться на анализе состава и признаков некоторых международных преступлений, упомянутых в этих документах, а именно:

Геноцид

Согласно этим актам, геноцид — “действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую”, в частности — убийства, причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, предумышленное создание таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение, меры, рассчитанные на предотвращение деторождения, насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. В уставах трибуналов повторяется определение геноцида, которое дается в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года (ст. 2).

Точно так же квалифицируется геноцид в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (ПМБЧ) (ст. 19) и в Статуте Международного уголовного суда (ст. 6). Видимо, такое определение преступления геноцида удачно. Но в то же время это определение геноцида или, скажем, признаки этого преступления были уточнены и дополнены. Например, Уголовный Кодекс РФ (ст. 357), который в целом повторяет данное определение, заменил ряд положений международного права на “свои”, например, в международных актах говорится о “причинении серьезных телесных повреждений или умственного расстройства”, а в УК РФ — о “причинении тяжкого вреда здоровью”. УК РФ ввел также такой новый признак как “насильственное переселение”. По этому поводу поднимается вопрос, противоречат ли новые положения УК РФ международным договорам РФ. У некоторых авторов, замена ряда положений международного права на “свой” в данном случае вызывает озабоченность.

Действительно, вызывает озабоченность. Если внутризаконотворительный акт (закон) противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, то он недействителен. Вспомним положение п. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которому “общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью правовой системы”. И “если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного права”.

Известно, что в СССР имело место насильственное переселение людей, причем разных этнических групп, а также известна их судьба. В данном случае справедливо считать, что насильственное переселение является действием, совершаемым с намерением уничтожить полностью или частично эти этнические группы, т.е. на лицо преступления геноцида. Здесь введение нового признака, на наш взгляд, не искажает определение преступления геноцида. Более того, некоторые российские ученые считают, что в соответствии с новыми тенденциями, необходимо дополнить состав преступления геноцида и политическим признаком,

так как в последнее время особо частыми становятся акты геноцида не только на национальной и религиозной основе, но и по политическим причинам.

В заключении следует отметить, что в уставах международных трибуналов и в Конвенции 1948 года (ст. 3), кроме геноцида, наказуемы и такие деяния, как заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, покушения на совершение геноцида и соучастие в геноциде, а в Статуте Международного уголовного суда такой текст отсутствует. Это на наш взгляд неправильно, так как круг потенциальных преступников сужается и безнаказанными могут остаться многие физические лица, совершившие перечисленные выше деяния.

Преступления против человечности

В данную группу преступлений входят, в частности, такие преступления, как: убийства, истребление, порабощение, депортация, заключение в тюрьму, пытки, изнасилования, преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, и другие бесчеловечные акты.

Соответствующие международные трибуналы уполномочены осуществлять судебные преследования лиц, ответственных за эти преступления только тогда, когда они совершаются в ходе вооруженного конфликта, будь то международного или внутреннего характера, и направлены против любого гражданского населения.

В этих документах не дается определение преступления, например, что следует понимать под порабощением, а лишь при каких обстоятельствах совершения преступления порабощения являются для этих трибуналов обязательными к рассмотрению.

Таким образом, для раскрытия состава или признаков преступлений следует обращаться к другим международным или внутренним (скорее всего) источникам.

Нарушение законов или обычаев войны

К этим нарушениям относятся: применения отравляющих веществ или других видов оружия, предназначенных для причинения излишних страданий, бессмысленное разрушение городов, поселков или деревень или разорение, неоправданное военной необходимостью, нападение на незащищенные города, деревни, жилища или здания, либо их обстрел с применением каких бы то ни было средств, захват, разрушение или умышленное повреждение культовых, благотворительных, учебных, художественных и научных учреждений, исторических памятников и художественных и научных произведений; разграбление общественной или частной собственности. Однако этот перечень, как гласит ст. 3 Устава международного Трибунала по Югославии, не является исчерпывающим.

Здесь необходимо отметить, что в данном Уставе и в Женевских конвенциях 1949 года не употребляется выражение “военные преступления”³, когда говорится о “серьезных нарушениях”, но на наш взгляд не подлежит сомнению, что при этом имеются в виду именно военные преступления и за их совершение предусматривается личная ответствен-

ность, как за нарушение законов и обычаев войны. Вообще-то впервые термин “преступники войны” (war criminals) вошел в употребление после Первой мировой войны. В него вкладывались два значения: в более широком смысле под преступниками войны понимались как виновники военной агрессии, так и лица, ответственные за нарушение законов и обычаев войны, а в более узком смысле — только нарушители законов и обычаев войны. Кроме того, Комиссия ООН по расследованию военных преступлений гитлеровского фашизма, созданная в Лондоне 7 октября 1942 года, рассматривала содержание и характерные признаки разновидностей международных преступлений в уставе Нюрнбергского международного военного Трибунала, выдвинула предложения о том, что “концепция военных преступлений шире по своему значению собственно нарушений законов и обычаев войны. Помимо них, военные преступления включают также преступления против мира и человечности”. По мнению Комиссии, военные преступления представляют собой “любые грубые нарушения закона, совершенные в военное время или связанные с подготовкой и ведением войны, либо совершенные с целью воспрепятствования восстановлению мира, которые преступают основные принципы уголовного права, признаваемые всеми цивилизованными народами”. По всей видимости, такое несколько расширительное толкование военных преступлений соответствовало моменту. Нюрнбергский Трибунал судил не просто военных преступников, а лиц, виновных в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны.

Квалификация военных преступлений, конечно, со времен Нюрнберга подверглась серьезным изменениям. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь что, например, в проекте Кодекса ПМБЧ, принятом Комиссией международного права ООН в первом чтении в 1991 г., имелась ст. 22, озаглавленная “Исключительно серьезные военные преступления”. Однако в следующем варианте проекта Кодекса, представленного на обсуждении 51-й сессии ГА ООН в 1996 г., слова “исключительно серьезные” были сняты, стало просто — “военные преступления” (ст. 20).

С другой стороны, ст. 20 включает положение об ответственности за совершение ряда нарушений международного гуманитарного права, применимого в случае вооруженного конфликта немеждународного характера, что следует считать прогрессивным шагом. И тот факт, что п. 2 ст. 8 Статута Международного уголовного суда содержит такое же положение, мы можем только приветствовать.

¹ Например, в инструкции полевым войскам США от 24 апреля 1863 г., подготовленной известным юристом Фрэнсисом Либером, говорилось о том, что солдаты, виновные в совершении нарушений права войны, должны подвергаться судебному преследованию — независимо от того, принадлежат ли они к вооруженным силам США, или являются военнопленными противника.

² Статут Международного уголовного суда еще не вступил в силу в соответствии с содержанием ст. 126 Статута.

³ По уставу Нюрнбергского трибунала ст. 6 и по Статуту Международного уголовного суда — военные преступления.

Страницы истории

НИЧТОЖНОСТЬ ТАЙН

(к 10-летию объявления недействительными
Съездом народных депутатов СССР секретных
протоколов с Германией).

А.Н. Талалаев*

В истории международных отношений и международного права не так много найдется событий, по своей трагичности и последствиям сравнимых с теми, которые связаны с заключением и действием советско-германских секретных протоколов 1939—1941 гг. Историческому и политическому анализу этих протоколов посвящено много работ как в нашей стране, так и за рубежом. Целью настоящей статьи является рассмотрение их международно-правовых аспектов в связи с завершением в декабре 1989 г. работы созданной Съездом народных депутатов Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г., вынесшей историческое постановление, которым секретные протоколы с Германией 1939—1941 гг. были объявлены юридически несостоятельным и недействительными с момента их подписания¹. В Комиссию входили 25 членов — видные политические деятели бывшего СССР, крупные ученые, историки, юристы, писатели, религиозные деятели, были привлечены эксперты в области международных отношений и международного права. Возглавил Комиссию А.Н. Яковлев, академик, тогда член Политбюро и секретарь ЦК КПСС².

Созданию Комиссии предшествовали бурные обсуждения в обществе и на самом Съезде проблем, связанных с обстоятельствами заключения пакта о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. Одной из таких проблем был вопрос о секретных протоколах, подписанных во время заключения пакта или вскоре после этого, которые предусматривали перекройку карты Европы и установление сфер влияния накануне и в ходе Второй мировой войны. Решение этого вопроса осложняло то обстоятельство, что в то время, вплоть до 90-х годов, подлинники

*Профессор кафедры международного права МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, подробнее об авторе см. № 2 нашего журнала за 1994 год.

секретных протоколов еще не были найдены в архивах бывшего СССР. Имелись только копии с фотокопий и упоминание о них в дипломатической переписке и ссылки на протоколы в прилагаемых к ним картах с обозначением государственной границы между СССР и Германией. Их перечисление было сделано в Акте о передаче подлинников о передаче секретных протоколов и других документов одним из помощников В.М. Молотова другому в апреле 1946 года³. Позже стало известно, что в 1952 году эти протоколы из секретариата Молотова были переданы в архив ЦК КПСС и в 1975 и 1979 гг. давались на ознакомление Громыко и Земскову, некоторым другим лицам, в частности Болдину⁴.

Как известно, на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников советская сторона решительно отклоняла любые попытки упоминания о секретных протоколах с Германией как провокационные и не имеющие отношения к делу. В конце 80-х это делать стало невозможно: слишком много накопилось косвенных доказательств существования этих протоколов, а путь гласности, на который встала наша страна, требовал углубленного изучения тех далеких времен, которые оказали первостепенное влияние на весь ход мирового развития в XX веке.

Теперь, когда подлинники секретных протоколов, подписанных с печальной памяти Германией 60 лет назад, наконец, обнаружены и их существование никем уже не ставится под сомнение, особенно ясно историческое значение постановления Съезда народных депутатов СССР, со времени которого прошло десять бурных лет жизни нашей страны.

Подходя к международно-правовым аспектам указанных документов, нужно было прежде всего разделить, — а Съезд и Комиссия так и поступили, — сам советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. и подписанные одновременно с ним или вскоре после этого секретные протоколы. При этом нужно было при их оценке исходить из действовавших в то время норм международного права. Тогда эти нормы были закреплены в ряде многосторонних договоров, среди которых были прежде всего Статут Лиги Наций и пакт Бриана — Келлога 1928 г. Они ограничивали обращение государств к войне как средству решения международных споров, предписывали им уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность, развивать мирное сотрудничество, следовать гласности при заключении международных договоров, добросовестно их выполнять. Эти нормы уже тогда определяли обязательную силу и юридическую действительность международных договоров.

Под действительностью международного договора в международном праве понимается его международно-правовая полноценность, прежде всего правомерность, в силу которой договор является обязательным для выполнения его участниками и для уважения всеми другими государствами, а также международными организациями. Действительность, включая в себя понятие правомерности, не ограничивается ею. Она шире правомерности. Это юридическая полноценность международного договора не только с точки зрения соответствия его содержания международному праву (правомерность), но и наличия в нем суверенных

государств, их добровольного и равноправного соглашения в этом договоре. Действительность означает, что должны наступить те последствия, к которым стремились стороны, заключая международный договор в соответствии с международным правом. Иначе говоря, действительные международные договоры — это такие договоры, против которых нельзя выставить никаких международно-правовых возражений и юридическая сила которых не может быть оспорена с точки зрения международного права.

Только действительные международные договоры могут порождать правомерные последствия для договаривающихся сторон, и только по таким договорам стороны могут приобретать законные, а не мнимые права и обязанности, на достижение которых была направлена воля участников договора. Это составляет главное в содержании понятия действительности.

В таком понимании действительность нужно отличать от действия международного договора. Действие договора зависит от вступления его в силу, срока прекращения и других условий, определяемых, как правило, соглашением государств — участников данного договора. О действительности договора, который не вступил в силу и еще не действует, говорить беспредметно, ибо такой международный договор необязателен для государств.

С другой стороны, договор может вступить в силу и все же не быть действительным, если он заключен в нарушение международного права. Договор не делается действительным только от того, что участники ввели его в действие, объявили обязательным для себя и поступают в соответствии с его условиями. В данном случае он будет действовать в отношениях между его участниками, но не будет действительным, ибо он противоречит международному праву. Порождаемые им права и обязанности будут мнимыми, незаконными.

В свете изложенного договор о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. был международно правомерным, действительным международным договором. Он был заключен суверенными государствами в ходе дипломатических переговоров министрами иностранных дел, уполномоченными их правительствами, без какого-либо насилия со стороны. По своему содержанию он соответствовал международному праву того периода, в частности, Статуту Лиги Наций и Парижскому договору 27 августа 1928 г. об отказе от войны как орудия национальной политики (пакт Бриана—Келлога).

Подобные договоры о ненападении имели довольно широкое распространение в системе международных политических и правовых отношений в период между двумя мировыми войнами. По ним государства принимали на себя обязательства воздерживаться от всякой агрессии, нападения друг на друга как в отдельности, так и совместно с одним или несколькими другими государствами. Заключались как двусторонние, так и многосторонние договоры о ненападении. В числе последних можно назвать Межамериканский договор о ненападении и согласительной процедуре 1933 г., Саабдский пакт 1937 г. между Турцией, Ираном, Ираком и Афганистаном (Ближневосточная Антанга) и, конечно, пакт Бриана—Келлога 1928 г. К 1939 году Советский Союз имел

двусторонние договоры о ненападении с Францией, Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой и некоторыми другими государствами.

Договор о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. с правовой точки зрения ничем особенным от них не отличался. Это был типичный договор такого рода. В преамбуле договора определялась цель — укрепление мира между СССР и Германией, подтверждался договор о нейтралитете, заключенный между ними в апреле 1925 г. Исходя из этого, обе стороны обязались “воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами” (ст. I); в случае нападения третьей державой на одну из договаривающихся сторон другая сторона не должна была оказывать поддержки нападающей державе (ст. II). Стороны обязались не участвовать в группировках держав, направленных против другой стороны (ст. IV) и разрешать все споры между собой мирным путем (ст. V). Предусматривалось использование института консультаций по вопросам, затрагивающим их общие интересы (ст. III), а в необходимых случаях — создание комиссий по урегулированию конфликтов (ст. V). Договор был заключен сроком на десять лет с возможным автоматическим продлением еще на пять лет. Он вступал в силу немедленно после подписания, то есть 23 августа 1939 г., но подлежал ратификации в возможно короткий срок. В договоре не было ссылок на какие-либо приложения, протоколы и т.д., упоминался только советско-германский договор о нейтралитете 1926 г., юридическая действительность которого не вызывала сомнений.

Таким образом, договор о ненападении 1939 г. не содержал никаких неправомерных с точки зрения международного права статей. Он предусматривал мирное развитие отношений между двумя державами и не затрагивал интересов каких-либо третьих государств.

Он всенародно обсуждался на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г., был ратифицирован им в соответствии с Законом о порядке ратификации и денонсации международных договоров от 20 августа 1938 г. Текст договора о ненападении был опубликован в газетах⁵, он обсуждался на сессии Верховного Совета СССР, отчет о которой был опубликован в специальном издании Верховного Совета СССР⁶. Правда, он не был зарегистрирован в Секретариате Лиги Наций и не был опубликован в сборниках Лиги, как того требовала статья 18 Статута, которая ставила обязательность заключаемых членами Лиги Наций договоров в зависимости от совершения такой регистрации. Однако в то время или вскоре стороны договора перестали быть членами Лиги, и на них не лежало юридической обязанности регистрировать договор в Секретариате.

Договор о ненападении с Германией действовал до 22 июня 1941 года, когда в результате вероломного нападения ее на СССР он автоматически утратил свою юридическую силу (как и все другие двусторонние договоры с Германией), и этот факт, в соответствии с нормами международного права, был правильно констатирован в Постановлении Съезда народных депутатов 24 декабря 1989 г. Объявить ничтожным, то есть недействительным с момента подписания его, было бы неверным, ибо в таком случае вся публичная довоенная внешняя политика СССР, его

борьба за предотвращение агрессии, за коллективную безопасность, мирное сосуществование и сотрудничество должны были бы считаться неправомерными, незаконными, что является абсурдом. Конечно, договор о ненападении не был идеальным документом, в нем отразились противоречия между соперничающими державами и сложности тогдашней международной обстановки. Но с точки зрения международного права это был действительный международный договор. Вплоть до 22 июня 1941 г. он порождал законные права и обязанности у его участников.

Обнаружение подписанных оригиналов секретных протоколов 1939—1941 гг. ни в коей мере не затрагивает юридической действительности договора, его юридическая сила не может оспариваться ссылкой на эти протоколы. Их анализ показывает, что они, в том числе дополнительный секретный протокол от 23 августа 1939 г., должны рассматриваться как самостоятельные документы, несмотря даже на то, что последний протокол был подписан в один день с договором о ненападении: 23 августа 1939 г. Как мы видели в преамбуле договора, как и во всем его тексте, дополнительный протокол не упоминается, что вполне понятно: он носил строго секретный характер. В самом протоколе также нет указаний на то, что он составляет неотъемлемую часть договора о ненападении. Простое же упоминание в протоколе договора также недостаточно, чтобы считать их одним документом. С точки зрения международного права договорные акты составляют одно целое только в том случае, если это предусмотрено хотя бы в одном из них. В противном случае, как в рассматриваемом, применим принцип делимости, то есть мы имеем два юридически самостоятельных, не связанных между собой соглашения. Это не значит, конечно, что договор и протоколы не были связаны фактически и политически. Были, но это другой вопрос, мы же рассматриваем здесь юридические связи и их международно-правовые последствия, и не случайно предложение об органическом единстве договора и протокола не получило поддержки во время переговоров в августе 1939 г.⁷

Таким образом, дополнительный протокол 23 августа, несмотря на свое название, нельзя считать приложением к договору о ненападении, а договор, в свою очередь, не может толковаться в свете этого и других последовавших за ним секретных протоколов.

Здесь можно увидеть существенную разницу между этим протоколом и дополнительным протоколом от 4 октября 1939 г. к договору о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. Статья 1 последнего прямо предусматривала заключение дополнительного протокола с описанием границы, и в самом этом протоколе говорилось, что он составлен “во исполнение статьи I” упомянутого договора. Как и сам договор о границе, протокол от 4 октября 1939 года подлежал ратификации, был ратифицирован и опубликован⁸.

Таким образом, в данном случае протокол составляет неотъемлемую часть указанного договора. Это юридически целостный документ, чего нельзя сказать о секретных протоколах. Они не проходили процедуру ратификации, предусмотренную Законом от 20 августа 1938 г., не обсуждались и не были опубликованы. Они жили своей, отдельной от

договоров жизнью. Стороны не считали протокол от 23 августа строго юридическим документом. Его положения менялись и последующими протоколами двух стран, например секретными протоколами от 28 сентября 1939 г. и 10 января 1940 г. касательно территории Литвы. Также в своих практических действиях по осуществлению протоколов стороны не всегда следовали им и даже сильно отклонялись от них, что отмечалось, в частности, на советско-германских переговорах в Берлине в ноябре 1940 г. С точки зрения формы эти протоколы можно рассматривать как неформальную договоренность, которая не имела своего международно-правового обоснования. Однако главной причиной этого была не их форма и не их секретность, а содержание протоколов.

Как видно из содержания, протокол от 23 августа 1939 г. предусматривал в случае “территориально-политических преобразований” в Прибалтике и Польше раздел “сфер интересов” между Германией и СССР в этих регионах⁹. Хотя в протоколе не указывалось, каким способом должны осуществляться эти преобразования, сам факт установления сфер интересов в областях, где находились суверенные государства, выходил за рамки международного права того времени, в частности, нарушал статью 10 Статута Лиги Наций, по которой члены Лиги обязались уважать территориальную целостность и политическую независимость ее членов. Хотя установление сфер влияния и тем более сфер интересов¹⁰ само по себе не порождало территориальных прав, в практике империализма и колониализма таковые были часто этапом на пути к полной аннексии.

Протокол находился в грубом противоречии и с двусторонними договорами, которые к 1939 г. его участники имели с прибалтийскими государствами и с Польшей.

Объявление протоколом от 23 августа 1939 г. территории третьих, не участвующих в нем суверенных государств без их ведома и согласия сферой чужих интересов нарушало общепризнанный уже тогда принцип международного права, что договор не создает прав и обязательств для третьих государств (*pacta tertiis nec nocent nec prosunt*). К тому же секретный протокол от 10 января 1941 г. о Литве возрождал средневековую практику купли-продажи чужих территорий без ведома и согласия проживающего на них населения.

Все это определяло юридическую недействительность секретных протоколов 1939—1941 гг. с точки зрения международного права, уже тогда существовавшего, включая Статут Лиги Наций.

Однако при оценке роли и значения этих протоколов нельзя упрощать вопрос и считать, что раз протоколы были юридически недействительными, значит они не действовали и не порождали никаких последствий, а были пустой бумажкой.

Недействительные договоры — это не просто международные правонарушения, они могут обладать рядом формальных признаков международного договора (государства-участники, их согласованное волеизъявление, определенный объект и цель), вследствие чего они порождают определенные международно-правовые отношения, но эти отношения не имеют обоснования в международном праве и потому не

имеют права на существование. Порождаемые ими права и обязательства являются мнимыми и подлежат отмене.

Последствия недействительных международных договоров зависят от оснований, которые определяют вид недействительности.

Различаются два вида недействительности международных договоров: абсолютная (ничтожность) и относительная (оспоримость).

Абсолютная недействительность носит объективный характер, она не зависит от желаний участников договора и определяется нормами международного права. Она всегда имеет обратную силу, т.е. возникает с самого начала заключения международного договора (*ab initio*). Государства — как участники, так и третьи государства — могут рассматривать такие договоры как не действовавшие вовсе, т.е. не порождавшие никаких правовых последствий, на которые была направлена воля их участников. В этом смысле они юридически ничтожны.

Относительная недействительность зависит от оспаривания договора одной из его сторон. В этом смысле договор юридически оспорим; обратная сила оспоримости зависит от участников договора: они могут признать такой договор недействительным не только с момента подписания, но и с момента признания его недействительным или с момента оспаривания.

К абсолютно недействительным (ничтожным) договорам относятся наиболее противоправные с точки зрения международного права договоры: агрессивные, колониалистские, навязанные силой, закрепляющие территориальные захваты и другие подобные договоры, нарушающие основные принципы международного права, которые носят императивный характер (*jus cogens*). К относительно недействительным относятся договоры, заключенные под влиянием ошибок, в нарушение полномочий представителей договаривающихся государств, в нарушение норм внутригосударственного права и некоторые другие.

Секретные протоколы 1939—1941 гг. по своему содержанию относятся к абсолютно недействительным (ничтожным) договорам, то есть недействительным с момента их подписания, ибо они находились в грубом противоречии с основами международного права, которое существовало в то время, и это было констатировано в Постановлении Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года.

Ввиду абсолютного характера недействительности секретных протоколов Постановление съезда имеет обратную силу, и к протоколам применима статья 71 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (вступила в силу для нашей страны 29 мая 1986 г.), которая предусматривает: “Когда договор является недействительным в соответствии со статьей 53 (т.е. когда он в момент заключения противоречит императивной норме международного права. — *A.T.*), участники:

а) устраняют, насколько это возможно, последствия любого действия, совершенного на основании положения, противоречащего императивной норме общего международного права; и

б) приводят свои взаимоотношения в соответствие с императивной нормой общего международного права”.

В статье 69 этой же конвенции указывается, что “положения недействительного договора не имеют никакой юридической силы”. Если же

тем не менее государства уже совершили действия на основе такого договора, то “каждый участник вправе потребовать от любого другого участника создать, насколько это возможно, в их взаимоотношениях положение, которое существовало бы, если бы не были совершены указанные действия”, то есть потребовать произвести реституцию — восстановить положение, которое было прежде (*status quo ante*).

Оценка последствий ничтожности секретных протоколов может производиться на основе этих норм права международных договоров, несмотря на то, что Венская конвенция не имеет обратной силы и не распространяется, строго говоря, на события далекого прошлого. Но эти закреплённые в ней нормы восприняли международно-правовые обычаи, которые существовали до Венской конвенции. К сожалению, они практически не всегда осуществимы. Сейчас, например, возврат к реалиям довоенного прошлого ни фактически, ни юридически невозможен. Возвращение к ним потребовало бы отмены многочисленных договоров, соглашений, договоренностей, коренной ломки политических связей в этом числе границ между многими государствами Европы. Мир изменился коренным образом, возник принцип нерушимости государственных границ.

Принцип нерушимости государственных границ в Европе закреплён во многих двусторонних договорах между европейскими государствами и в Хельсинкском Заключительном акте, который был подписан в 1975 г. В соответствии с ним “государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы. Они будут соответственно воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника”.

Но Постановление Съезда народных депутатов, заклеившее секретные протоколы с Германией, обращено не только в прошлое, но и в будущее: никто не вправе безнаказанно попираť международное право, не считаться с его справедливыми основополагающими нормами, независимо от того, какие благие или злые цели при этом ставятся.

¹ Известия, 1989, 28 дек.

² Известия, 1989, 3 июня.

³ Известия, 1989, 27 декабря.

⁴ См. об этом публикацию в “Труде” за 3 ноября 1992 г. “Найдены секретные протоколы”.

⁵ Известия, 1939, 24 августа.

⁶ Внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. — М., 1939.

⁷ См. об этом “Международная жизнь”, 1989, № 9. — С. 102—104.

⁸ Ведомости Верховного Совета СССР от 29 марта 1940 г.

⁹ Международная жизнь, 1989, № 9.

¹⁰ Сферы влияния относятся скорее к политическим целям, в то время как сферы интересов — к экономическим и торговым (см. подр. Дипломатический словарь, т. III. — М., 1973. — С. 437).

Статья поступила в редакцию в апреле 1999 г.

Вопросы территории

ПЕРУ — ЭКВАДОР: ПОГРАНИЧНЫЙ СПОР

Г.Е. Клеченов*

В наше смутное время, в период перемен общество переживает болезненный, конвульсивный, конфликтный этап своего развития, и проблема изучения закономерностей возникновения конфликтов, анализа и систематизации конфликтообразующих факторов, поиска путей снижения общественной напряженности, к сожалению, перестала быть чисто академической и приобрела практическое значение.

Тот геополитический контекст, который сложился на момент возникновения конфликта между Перу и Эквадором, характеризовался еще достаточной зыбкостью границ, когда молодые латиноамериканские государства продолжали определять свои приоритеты в определении оптимальных пределов национальной территории. Наиболее важным при этом являлся доступ к основным транспортным артериям, необходимым для развития внешнеэкономических связей — морским портам и судоходным рекам, так как современных шоссейных и железных дорог тогда еще было очень мало. Для Латинской Америки важнейшим водным путем, соединяющим большинство стран, является речная система бассейна Амазонки, по которой наиболее экономичным способом можно доставлять грузы к портам атлантического побережья и далее — в Европу. Поэтому борьба за доступ к Амазонке и стала изначальной причиной конфликта между Перу и Эквадором.

Территориальный спор между Перу и Эквадором уходит своими корнями в далекое прошлое. Однако последнее его обострение, которое произошло в 1941 году, протекало в условиях уже разгоравшейся мировой войны. Напуганные перспективой распространения боевых действий непосредственно на американский континент, США поспешили сделать все, чтобы остановить опасное для них развитие событий. Ставилась задача установить мир немедленно и любой ценой. Это не позволяло провести полномасштабную работу по устранению причин войны и подготовке взаимоприемлемых условий мирного договора.

В начале этой долгой и трудной дороги к миру лежит Протокол о мире, дружбе и границах между Перу и Эквадором (более известен как

*Старший научный сотрудник Института Латинской Америки Российской академии наук, кандидат исторических наук.

Протокол Рио-де-Жанейро), подписанный 29 января 1942 года вскоре после перуано-эквадорской войны 1941 года при активном участии Аргентины, Бразилии, Чили и США, ставшими странами-гарантами соблюдения этого Протокола и взявшими на себя в последующем ответственность за установление прочного мира между этими двумя государствами. В этом небольшом по объему (2 страницы), но ключевом по значению документе констатировалась необходимость решения территориальной проблемы, которая в течение долгого времени приводила к раздорам между этими двумя соседними странами. Также определялась роль правительств Аргентины, Бразилии, Чили и США в содействии “скорому и достойному решению этой проблемы”.

В первой статье Протокола выражалась решимость правительств Перу и Эквадора “поддерживать между двумя народами отношения мира и дружбы, взаимопонимания и доброй воли и избегать каких-либо действий, могущих нарушить эти отношения”. Согласно второй статье Протокола правительство Перу обязалось в течение 15 дней со дня его подписания отвести свои войска на линию, определенную в данном Протоколе. То есть речь шла фактически о выводе перуанских войск с оккупированной эквадорской территории, на которой они находились в результате боевых действий в ходе войны 1941 года. В третьей статье речь шла о деятельности военных наблюдателей из представителей стран-гарантов по обеспечению этого отвода войск. Пятая статья определяла роль стран-гарантов в осуществлении демаркации перуано-эквадорской границы, а также их обязательное участие в любых спорах, которые могли возникнуть между сторонами в ходе выполнения положений данного Протокола. Шестая статья закрепляла за Эквадором право на свободное судоходство по Амазонке и ее северным притокам. Однако при этом делалась оговорка, что данное право должно быть впоследствии определено специальным договором. Восьмая статья фиксировала основные географические точки перуано-эквадорской границы, а заключительная девятая статья определяла порядок ее демаркации.

Таким образом, Протокол Рио-де-Жанейро закладывал правовую базу для последующего мирного разрешения пограничной проблемы, осложнявшей отношения между этими государствами на всем протяжении их независимого существования.

Перу считает Протокол Рио-де-Жанейро основополагающим юридическим документом, окончательно решающим пограничную проблему. Позиция же эквадорского правительства по оценке значения Протокола Рио-де-Жанейро отличалась коренным образом. Согласно официальному заявлению Министерства иностранных дел Эквадора¹, Протокол Рио-де-Жанейро от 29 января 1942 года был подписан после “агрессивной войны 1941 года, в ходе которой Эквадор лишился значительной части своей территории в зоне Амазонки и на побережье”, когда Эквадор еще был оккупирован перуанскими войсками. В соответствии с основными принципами международного права, считает эквадорская сторона, не допускается силовое решение территориальных споров, и поэтому любые территориальные приобретения, достигнутые путем захвата или оккупации с помощью военной силы, признаются не имеющими силы, таким образом, если Перу считает Протокол Рио-де-

Жанейро основополагающим юридическим документом, определяющим границу с Эквадором, то эквадорская сторона считает этот документ не соответствующим нормам международного права, так как он был навязан с помощью военной силы. И пока по этому основному вопросу не будет достигнуто взаимопонимание, инциденты, подобные войне 1941 года, пограничным конфликтам 1981 и 1995 годов, будут повторяться.

Основной недостаток Протокола Рио-де-Жанейро, как представляется, заключается не только в том, что он, как подчеркивала эквадорская сторона, “был навязан при помощи силы”. Проиграв войну, Эквадор вряд ли мог рассчитывать на что-то иное. Корень зла заключался в территориальных амбициях Перу, не удовлетворившегося своими военными приобретениями и стремившегося отрезать Эквадор от верховий Амазонки, лишив тем самым естественного выхода к главной транспортной артерии Южной Америки.

Моральная ущербность договора, если можно применить это понятие к международно-правовому документу, дала свои метастазы десятилетия спустя. Напомним, что другой договор, также заключенный на основе “права силы” в результате военной победы Парагвая над Боливией в 1935 году, смог стать основой для развития нормальных отношений между двумя странами. Парагвай, в отличие от Перу, ограничился отторжением лишь части спорной территории, предоставив Боливии возможность выхода к Атлантике через реку Парагвай и закрепив за соседней страной право пользования свободным портом на этой реке.

За Протоколом Рио-де-Жанейро последовал целый ряд технических документов, связанных с ходом выполнения работ по демаркации границ, а также при решении возникавших при этом разногласий между двумя правительствами. По ним мы можем судить, что уже тогда, в сороковые годы возникли предпосылки для вспыхнувшего в 1995 году вооруженного перуано-эквадорского конфликта. Оставшийся не демаркированным участок границы и стал затем полем боя и острого территориального спора, как явствует из отчетов представителей стран-гарантов, на спорном участке границы так и не был решен вопрос о том, должна ли пограничная линия между двумя закрепленными в Протоколе Рио-де-Жанейро географическими точками проходить по вершинам горной цепи или строго по прямой. Эквадорская сторона настаивала на втором толковании, а перуанская, соответственно, на первом. Принцип демаркации границы по водоразделу является общепринятым. Но в этом случае Эквадор оказывался отрезанным от стратегически важного для него бассейна Амазонки. В случае же проведения границы по прямой линии страна закрепляла за собой это принципиально важное для нее право принадлежности к главной водной системе Южной Америки. В меморандуме представителя США уже в 1948 году² определялся этот спорный и оставшийся не демаркированным участок границы. Одновременно в этом документе утверждалось, что Эквадор никогда, со времен колонизации, не имел доступа к бассейну Амазонки и что Протокол Рио-де-Жанейро является более выгодным именно для эквадорской стороны, так как благодаря его подписанию страна “была спасена от полной оккупации перуанскими войсками”. Но именно этот военный, насильственный с точки зрения эквадорской

стороны характер Протокола Рио-де-Жанейро и стал в дальнейшем главной причиной непризнания его эквадорским правительством.

В январе 1995 года на границе между Перу и Эквадором вспыхнул вооруженный конфликт, унесший десятки жизней и повлекший за собой не только значительные материальные и экономические потери для обеих стран, но также на несколько лет осложнивший всю политическую жизнь в регионе. И если материальные и людские потери были подсчитаны (по оценкам, только Перу потратила свыше 76 млн. долл. лишь на закупки боеприпасов и вооружений и 44,8 млн. долл. на ведение боевых действий)³, то ущерб для безопасности в регионе еще долго будет ощущаться.

События развивались следующим образом: 9 и 11 января 1995 года возникли стихийные перестрелки между перуанскими и эквадорскими пограничными патрулями в районе недермаркированного участка границы у пещеры Тайос вблизи реки Сенепа на восточном склоне Кордильер Кондор, который Перу считает своей территорией в соответствии с Протоколом Рио-де-Жанейро. Сразу же после этого эквадорская армия была приведена в состояние боевой готовности на всем протяжении 1575 км границы с Перу. 26 января эквадорский вертолет бомбардировал перуанскую пограничную заставу, находившуюся в 4 км от границы в глубь перуанской территории, реально возникла угроза перерастания вооруженного конфликта в полномасштабную войну.

Хотя корни пограничного спора уходят в далекое прошлое, однако периодические обострения его вызываются вполне современными причинами. Не случайно поэтому, что одной из первых побудительных причин обострения отношений между двумя соседними государствами была названа внутривнутриполитическая ситуация в Перу накануне выборов 1995 года, и президент А. Фухимори был вынужден давать официальное опровержение. Одновременно было отмечено, что в результате конфликта возрос рейтинг и эквадорского президента, популярность которого перед этим была на очень низком уровне⁴. Но если А. Фухимори в конце концов все же смог добиться своего переизбрания на новый срок, то эквадорского президента Сиксто Дуран-Бальена это не спасло, и после кратковременной эйфории, вызванной массовой пропагандой, оппозиция вновь развернула фронтальное политическое наступление на правительство, и президент стал стремительно терять свою популярность.

Одновременно стало достоянием широкой общественности и то, что в районе конфликта находятся месторождения золота и минералов, которые пока не разрабатываются и на которые претендуют ТНК⁵.

Хотя вовлеченные в конфликт стороны пытались использовать его в своих интересах, тем не менее причины его лежат гораздо глубже и коренятся в принципиальном расхождении в оценке основополагающего документа — Протокола о мире, дружбе и границах, подписанного в Рио-де-Жанейро в 1942 году при участии Аргентины, Бразилии, Чили и США в качестве стран-гарантов и окончательно, по мнению перуанской стороны, закрепившего границы между этими странами и покончившего с длившимся более ста лет пограничным спором. Во исполнение этого договора совместная комиссия по демаркации грани-

цы с 1942 по 1950 год установила пограничные столбы на протяжении 95% общей границы. Разногласия возникли лишь при определении восточного сектора границы, но и они были в основном улажены в 1945 году при посредничестве Бразилии. В 1947 году по просьбе двух стран США провели топографическую аэросъемку, что помогло установить линию границы в районе горной гряды Кондор. Однако полная демаркация границы так и не была завершена из-за возникших разногласий.

То обстоятельство, что этот конфликт возник и развивался вне обычного для второй половины нашего века противостояния двух великих держав, привело к тому, что с исчезновением биполярности не удалось преодолеть этот болезненный нарыв. Причины его носили качественно иной характер, нежели те, которые удалось уладить с установлением практически безраздельной гегемонии США в Западном полушарии, не случайно поэтому и очередное обострение этой старой болезни произошло без какого-либо участия со стороны тогда уже не вступавшей в противоборство с США России.

В результате этого так и не решенного в сороковых годах спора загнанная внутрь болезнь дала неожиданный рецидив в форме пограничного вооруженного конфликта в 1995 году. Хотя после конфликта 1995 года отношения между двумя странами были фактически заморожены и в их средствах массовой информации активно формировался образ врага в лице соседнего народа, тем не менее сразу же заработала и система коллективной безопасности. Первые попытки мирного разрешения конфликта были предприняты сразу после его начала, и их результаты были встречены с оптимизмом правительствами двух вовлеченных в конфликт стран. После достижения соглашения о прекращении огня началась активная посредническая деятельность правительств стран-гарантов договора Рио-де-Жанейро — Бразилии, Аргентины, Чили и США. Велись активные переговоры президентов и членов правительств этих стран с руководителями конфликтующих сторон. Уже в сентябре 1995 года состоялся первый после возникновения конфликта официальный визит президента Перу А. Фухимори в Эквадор для участия в IX Встрече глав государств и правительств “Группы Рио-де-Жанейро”. По прибытии в Кито Фухимори объявил об открытии перуано-эквадорской границы для торговли и свободного передвижения людей на качестве первого шага на пути преодоления возникшей разобщенности между двумя государствами. В знак примирения два президента впервые протокольно пожали друг другу руки. Но от этого рукопожатия до действительного примирения должны были пройти еще годы. Положение на границе оставалось взрывоопасным. Эквадорский президент, вопреки установившейся традиции, отказался присутствовать на церемонии вступления на второй срок своего перуанского коллеги, имели место аресты граждан двух стран по обвинению в шпионаже, а также шовинистическая кампания в прессе.

Мирные переговоры при участии представителей стран-гарантов Протокола Рио-де-Жанейро были начаты сразу же после прекращения боевых действий. Декларация Итамарати⁶ стала отправной точкой на том трудном пути, который и привел в конце 1998 года к подписанию мирного договора. Этот первый и наиболее трудный шаг стороны

смогли сделать уже в феврале 1995 года, что стало возможным благодаря доброй воле правительств и их готовности к конструктивному диалогу. В этой Декларации главы дипломатических ведомств стран-гарантов подтвердили сообщения перуанской и эквадорской сторон о прекращении боевых действий с 14 февраля 1995 года. Для обеспечения соблюдения соглашения о прекращении огня стороны решили принять предложение стран-гарантов о направлении миссии наблюдателей за соблюдением соглашения о прекращении огня, ответственность за личную безопасность членов которой берут на себя обе стороны, а также произвести под контролем наблюдателей из стран-гарантов немедленное разведение войск, участвующих в конфликте, и определить демилитаризованную зону.

Именно благодаря подписанию Декларации Итамарати удалось достичь соглашения о прекращении огня и разведении войск, а также определить демилитаризованные зоны. Только после этого появилась возможность начать мирные переговоры, завершившиеся подписанием 26 октября 1998 года Договора о мире.

За Декларацией Итамарати последовала 28 февраля 1995 года Декларация Монтевидео, в которой министры иностранных дел стран-гарантов Протокола Рио-де-Жанейро, проведя переговоры с министрами иностранных дел Перу и Эквадора, заявили, что вовлеченные в конфликт стороны подтверждают ранее взятые на себя обязательства по прекращению огня и направлению миссии наблюдателей. Страны-гаранты подтверждают свои обязательства, предусмотренные Протоколом Рио-де-Жанейро, и будут содействовать достижению мира между Перу и Эквадором.

В ноябре 1995 года в столице одной из стран-гарантов Протокола Рио-де-Жанейро — Чили был подписан договор о ненападении между Перу и Эквадором, согласно которому производилось разведение войск и брались взаимные обязательства о неприменении оружия при патрулировании границы⁷.

Предпринятые усилия позволили уже 23 февраля 1996 года выйти на подписание Соглашения Кито, в котором правительства Перу и Эквадора договорились передать странам-гарантам полные перечни своих неурегулированных разногласий и признать их основным предметом последующих переговоров. Для реализации этой договоренности стороны решили создать рабочую группу, которой поручается выработать основы мер доверия в военной сфере и содействовать укреплению безопасности и стабильности в отношениях двух стран. Главным разногласием, сформулированным в Соглашении Кито, был вопрос о признании (позиция Перу) или непризнании (позиция Эквадора) статьи VIII Протокола Рио-де-Жанейро о демаркации границы, так как эквадорская сторона считала ее невыполнимой из-за отсутствия водораздела между реками Самора и Сантьяго.

Следующим шагом на пути урегулирования конфликта стало подписание 19 июля 1996 года Соглашения Буэнос-Айреса, в котором министры иностранных дел Перу и Эквадора в присутствии представителей стран-гарантов определили, что местом основных переговоров станет Бразилия и что кроме представительных делегаций двух стран в этих

переговорах примут активное участие также и представители стран-гарантов Протокола Рио-де-Жанейро.

За этим последовало 29 октября 1996 года Соглашение Сантьяго, в котором стороны уже определили время проведения переговоров, а также то, что их правовой базой станут все соглашения, заключенные после известного Протокола Рио-де-Жанейро (Декларация Итамарати, Соглашение Кито и др.).

Двусторонние и многосторонние переговоры сразу оживились. В рамках процесса мирного урегулирования территориального спора президент Аргентины К. Менем провел успешные встречи с президентами Перу и Эквадора, вслед за тем переговоры были продолжены в Чили при посредничестве президента этой страны Э. Фрея. И хотя обе стороны продолжали упорствовать, ориентируясь на настроения своих граждан, и заявляли о решительном несогласии уступить ни одного сантиметра принадлежащей, по их мнению, их странам территории, тем не менее под воздействием отработанных переговорных механизмов мирный процесс успешно развивался. Парламентам и правительствам двух стран было предложено официально передать дело на рассмотрение группы гарантов Протокола Рио-де-Жанейро с тем, чтобы решение этой группы стало обязательным для исполнения каждой из конфликтующих сторон. На гарантов возлагалась обязанность установления пограничной линии в спорном районе, выдачи юридических и технических обоснований и выработки проекта договора на основе достигнутых соглашений. При этом отмечалось, что эти полномочия Перу и Эквадор добровольно возлагают на страны-гаранты, которые при этом не являются судьями или посредниками, но лишь необходимым и официально признанным обеими сторонами механизмом достижения мира и безопасности в регионе. При этом должны соблюдаться ранее заключенные международные договоры, а также основополагающие принципы национального суверенитета, территориальной целостности и нормы международного права.

Система международного посредничества формировалась в Западном полушарии постепенно. Вырабатывались механизмы решения территориальных споров и пограничных конфликтов, которых было особенно много после обретения странами региона независимости, когда административные границы бывших колониальных владений не всегда соответствовали новым политическим и экономическим реальностям, а также историческим границам доколониальных государственных образований. Для избежания хаотического развития ситуации и возникновения перманентной войны "все против всех" и потребовалось создание системы международного посредничества стран-гарантов соблюдения мирных соглашений и разработка механизмов решения пограничных споров. И хотя таким образом удалось избежать тотальной войны в регионе, тем не менее рецидивы нерешенных территориальных споров до сих пор периодически дестабилизируют обстановку, взрывая то там, то здесь все еще достаточно хрупкий мир. Характерно в этом отношении то, что в своем споре Перу и Эквадор предпочли использовать не как казалось бы более совершенный механизм ОАГ, а более специфическую систему стран-гарантов, Протокол Рио-де-Жанейро.

Таким образом, стало очевидно, что ОАГ все еще не является универсальной организацией для урегулирования противоречий на континенте и требует в каждом конкретном случае дополнительных средств.

Надо отметить и тот факт, что в качестве стран-гарантов были выбраны именно Аргентина, Бразилия, Чили и США. Участие США естественно, так как, являясь сверхдержавой, эта страна считает себя абсолютным гарантом всего происходящего на континенте. А вот три других страны-гаранта составляют в настоящее время ядро МЕРКОСУР*, интеграционной организации Южного Конуса, динамично развивающейся и притягивающей в свою орбиту соседние государства. Перу же и Эквадор входят в состав другой региональной группировки — Андского пакта, судьба которой оказалась менее удачливой. То, что интеграционные процессы в Андской группе** заметно пробуксовывают, связано не в последнюю очередь с наличием давних и нерешенных противоречий и конфликтов между странами-участниками. МЕРКОСУР же смог успешно решить аналогичные проблемы, устранив давнее соперничество между традиционными соседями-конкурентами — Аргентиной и Бразилией, решив пограничные споры и мирно разрешив вооруженные конфликты. Не случайно поэтому вся Андская группа постепенно склоняется к более тесному сотрудничеству и возможному объединению с МЕРКОСУР, а отдельные страны уже активно в ней участвуют.

Если бы в качестве стран-гарантов оказались соседи-партнеры по Андской группе, то успех посредничества мог бы оказаться другим. Авторитет же Аргентины, Бразилии и Чили в межамериканских делах достаточно высок, а привлекательность сотрудничества с МЕРКОСУР становится решающим фактором положительного решения проблемы. А участие в мирных переговорах такой региональной сверхдержавы, как Бразилия, чей геополитический, экономический и политический вес в Южной Америке очень велик, оказывает дополнительное стабилизирующее воздействие. И то, что вряд ли бы удалось ОАГ, оказалось по силам странам-гарантам — представителям МЕРКОСУР.

Важная конструктивная роль стран-гарантов заключалась не только в том, что они смогли усадить воюющие государства за стол переговоров, но также и в том, что в новых исторических условиях им удалось продемонстрировать способность к пониманию национальных интересов в региональном и глобальном контексте; именно благодаря этому выходу на качественно новый уровень геополитического мышления и стало возможным преодолеть казавшийся безнадежным тупик противоречий, гармонизировать интересы и открыть пути к плодотворному сотрудничеству.

Неожиданный вариант решения пограничного спора между Перу и Эквадором предложили, казалось бы, далекие от этой проблематики

*МЕРКОСУР (Южноамериканский общий рынок) — региональная организация, созданная в 1991 году, в которую входят Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай, а также на правах наблюдателей — Чили и Боливия.

**Андская группа — региональная организация, созданная в 1969 году и объединяющая Боливию, Венесуэлу, Колумбию, Перу и Эквадор.

экологи. По их мнению, спорная приграничная территория должна быть не просто демилитаризована как это обычно делается в подобных случаях, но и превращена в природный заповедник международного значения. Таким образом не только будет достигнуто разведение войск, но также обеспечено в долгосрочной перспективе безопасное совместное использование этих земель, не затрагивающее экономические и политические интересы ни одной из вовлеченных в конфликт сторон. Превращение поля боя в строго охраняемый природный заповедник будет содействовать изменению самого человеческого сознания, а земля станет уже не спорной территорией, а общечеловеческой природной средой обитания.

Эта идея была в определенной степени использована при достижении окончательного соглашения. Обе стороны согласились с возможностью создания на спорной территории таких парков. Перуанское правительство официально заявило о своем согласии на то, чтобы Эквадор установил в этом месте какой-нибудь памятник, за которым мог бы свободно ухаживать, что помогло бы гражданам этой страны не чувствовать себя побежденными в этом затяжном конфликте.

Уже 26 ноября 1997 года страны-гаранты смогли выйти на подписание Декларации Бразилии, в которой были определены четыре темы переговоров: Договор о торговле и судоходстве, предусмотренный еще в статье 6 Протокола Рио-де-Жанейро; Соглашение о границах; определение на местной пограничной линии и создание Двусторонней комиссии по мерам взаимного доверия и безопасности. Однако потребовался еще год, чтобы реализовать эти намеченные цели.

Страны-гаранты не ограничились лишь подписанием деклараций. Был выработан четкий график выполнения отдельных задач, а также созданы те механизмы, которые и обеспечили успех переговоров. В результате интенсивной работы специальных комиссий уже к маю 1998 года удалось подготовить проекты соглашений по всем спорным вопросам, за исключением главного — о демаркации границы. Однако усилиями экспертных групп стран-гарантов и этот вопрос был, наконец, успешно разрешен. 8 октября 1998 года перуанский и эквадорский президенты согласились с тем, чтобы страны-гаранты по благословению папы и с одобрения парламентов двух государств выработали проект соглашения о границах, и 26 октября 1998 года такой документ был подготовлен и подписан. Именно этот шаг и стал завершающим на долгом пути к миру.

И вот наконец в октябре 1998 года Перу и Эквадор пришли к соглашению о разрешении конфликта, о чем было официально объявлено президентами двух стран, которые согласились с планом, предложенным группой гарантов и позволяющим добиться мира без ущерба национальному суверенитету и территориальной целостности. Согласно этому плану демаркация спорных 78 км границы будет проведена на основе Протокола Рио-де-Жанейро, но при этом в качестве одного из условий мирного договора Перу обязуется передать Эквадору в частную собственность 1 кв. км своей территории, а эквадорская сторона дает согласие на проведение границы в спорном участке по вершинам гор, как того требует перуанская сторона. В соответствии с мирным догово-

ром в зоне конфликта будут созданы экологические парки. Ни одна из сторон не должна устанавливать здесь новые военные посты или увеличивать численность своих войск.

Только в 1998 году, после многочисленных усилий как правительств двух конфликтующих стран, так и посредничавших в ходе переговоров правительств стран-гарантов Протокола Рио-де-Жанейро удалось, наконец, выйти на подписание мирного договора.

Однако этому предшествовал целый ряд трагических событий, поставивших на грань срыва весь мирный процесс. 29 мая 1998 года правительство Перу ратифицировало Международную конвенцию о запрещении противопехотных мин и их уничтожении. До этого к конвенции, принятой в декабре 1997 года в Оттаве, уже присоединились 123 государства, и она стала важным звеном создания международной системы безопасности. Однако практически сразу после этого произошел инцидент на границе между Перу и Эквадором, который поставил обе страны на грань нового вооруженного конфликта: в июле 1998 года здесь на противопехотной mine подорвались два перуанских военнослужащих. Между правительствами сразу же разгорелась острая полемика, в ходе которой раздавались взаимные обвинения, лейтмотивом которых стали подозрения в недавнем по времени минировании спорной территории — то есть речь шла фактически о продолжении Эквадором боевых действий в нарушение заключенного соглашения о прекращении огня. Хотя по информации Красного Креста в ходе боевых действий в 1995 году в этой зоне было установлено около 100 тысяч противопехотных мин, тем не менее перуанская сторона категорически заявила, что ранение двоих перуанских военнослужащих произошло по вине Эквадора, якобы недавно проводившего новое минирование этой территории. В ходе взаимных обвинений говорилось о нарушениях воздушного пространства и других враждебных действиях.

Эквадорские власти поспешили официально опровергнуть эти обвинения и призвали перуанскую сторону вновь сесть за стол переговоров, чтобы совместными усилиями выработать единую позицию по данному вопросу во избежание повторения подобных инцидентов. В официальном заявлении эквадорского министерства обороны говорилось: «Мы сожалеем, что процесс мирного урегулирования между Эквадором и Перу прерывается подобными событиями. Эквадор и Перу не должны допустить раздувания подобных инцидентов, способных серьезно замедлить достижение намеченных целей»⁸. Министерство обороны Эквадора отрицало саму возможность провокаций со своей стороны и обвинило перуанские власти в безответственных заявлениях и в призывах к применению силы для решения спорной проблемы.

Мина оказалась заложницей не просто в спорном районе, но под сам мирный процесс. Ее взрыв высветил многие слабые стороны этого процесса, продемонстрировал всю хрупкость достигнутых уже соглашений. Но вместе с тем этот инцидент еще раз показал насущную необходимость неотложного решения спора во избежание новых опасных происшествий, способных еще более затруднить мирное урегулирование. Одновременно это событие стало яркой иллюстрацией своевременности заключения международной конвенции о запрещении и

уничтожении противопехотных мин, подписанной перед этим перуанским правительством. Это событие, вызвавшее широкий общественный резонанс, ускорило мирный процесс, заставив заинтересованные стороны более активно добиваться его успешного завершения.

Успешное завершение этого мирного процесса не означает, что переговоры проходили легко и бесконфликтно. Хотя в историческом плане годы переговоров (1995—1998) представляют собой короткий период, однако он был насыщен интенсивной работой, позволившей перейти от антагонизма во взглядах на Протокол Рио-де-Жанейро к взаимоприемлемому компромиссу и прочному, будем надеяться, миру.

Что же обеспечило конечный успех переговорного процесса? За более чем полувековой период с момента подписания Протокола Рио-де-Жанейро, а также за всю историю независимого развития двух государств удалось выработать достаточно эффективный правовой механизм, который и позволил в конечном итоге успешно провести эти трудные переговоры и выйти на мирный договор 1998 года. Постепенно, шаг за шагом, вовлеченные в конфликт стороны шли от одного соглашения к другому. Непосредственно за Декларацией Итамарати последовала Декларация Монтевидео, подписанная представителями стран-гарантов. Как в ней, так и в последующих документах, нашли отражение различные подходы сторон к проблеме урегулирования конфликта и достижения прочного мира. Именно благодаря тому, что две страны смогли со всей открытостью определить свои основные разногласия, удалось вскрыть, наконец, долго гноившийся нарыв латентного конфликта. Важно также и то, что уже на начальном этапе была достигнута взаимная договоренность избегать деструктивного участия средств массовой информации в этом деликатном деле поиска путей разрешения межгосударственных противоречий, так как ажиотаж вокруг столь болезненной темы мог бы привести к срыву переговоров.

Подписание мирного договора было неоднозначно встречено в этих странах. В Лиме состоялась манифестация в поддержку президента, возвратившегося из Бразилии после подписания договора о мире с Эквадором. Отмечалось, что благодаря этому договору страна сможет сократить свои военные расходы и направить дополнительные средства в социальную сферу. При этом напоминалось, что только за последние два года на обновление военной техники было истрачено 600 млн. долл. Но одновременно представители оппозиции заявили о несогласии с решением передать Эквадору 1 кв.км перуанской территории. В затронутом конфликтом перуанском департаменте Лорето и прежде всего в его административном центре, городе Икитос, несколько дней продолжались массовые беспорядки и акции протеста, в ходе которых противники подписания мирного договора с Эквадором вступили в столкновения с полицией, жертвами которых стали несколько человек, убитых при разгоне демонстрантов, а ущерб составил более 1 млн. долл. Во время беспорядков были подожжены несколько административных зданий, включая Дворец правосудия. Только с прибытием армейских подразделений беспорядки удалось прекратить.

В ходе реализации достигнутых договоренностей предстоит еще много сделать: создать на спорных территориях экологические заповед-

ники, разминировать места боев, изыскать (в том числе и в странах-гарантах) средства для комплексного развития спорного региона.

Важным для Эквадора результатом конфликта 1995 года являлось преодоление синдрома поражения в войне 1941 года. Как заявил министр обороны страны генерал Хосе Гальярдо, отныне его страна будет жить без страха перед возможной агрессией со стороны Перу, так как теперь эквадорцы могут дать достойный отпор⁹. Стойкость эквадорских солдат в ходе вооруженных столкновений, а также широкомасштабная пропагандистская кампания помогли сформировать в общественном мнении убежденность в способности армии защитить национальный суверенитет и территориальную целостность и преодолеть своеобразный комплекс неполноценности, характерный для малой страны, находящейся в окружении более сильных соседей.

Казавшийся неразрешимым территориальный спор удалось успешно преодолеть благодаря тому, что стороны смогли подняться над этой конкретной проблемой и увидеть ее в более широком контексте. Как заявил президент Эквадора Фабиан Аларкон, сейчас уже необходимо говорить не только о возможности вооруженных конфликтов, которые, надо надеяться, никогда не произойдут, а о тех угрозах, которые могут возникнуть в будущем, например, о вспышках организованной преступности. При этом необходимо основываться на главных принципах современности: обеспечении мира и международной безопасности, демократических свобод и гражданских прав, борьбе с бедностью, содействию национальному и международному развитию. В интересах обеспечения эффективной системы безопасности в регионе все страны должны решительно отказаться от гонки вооружений и мирными средствами обеспечить защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Страны-гаранты смогли вновь продемонстрировать действенность миротворческих механизмов, которыми располагает сложившаяся в регионе системе безопасности.

Но можно ли считать этот конфликт окончательно разрешенным? Разумеется, боевые действия удалось остановить. Но где гарантии того, что по прошествии времени борьба за выход к Амазонке не разгорится с новой силой? Без решения же этой ключевой проблемы любое умиротворение в этом регионе, достигнутое с помощью политики "принуждения к миру", будет оставаться достаточно хрупким.

Да, действительно, "президентская дипломатия" и "принуждение к миру" продемонстрировали свою эффективность на данном этапе. Но президенты приходят и уходят, а проблемы остаются. И одной из таких проблем, несомненно, еще долго будет национализм, разжигаемый и эксплуатирующийся различными политическими силами. В любой подходящий момент всегда можно будет вновь вытащить из старых запасов эту проблему и поднять народ на защиту погранных национальных интересов. Мир, который удовлетворял бы как национальные чувства, так и национальные интересы обоих государств, все еще не достигнут, и до его достижения конфликты на перуано-эквадорской границе остаются потенциально возможными.

Разумеется, бесконфликтной история не бывает. Изначальная причина конфликтов заложена в самой неоднородности общества и в

неравномерности его развития. Но такая предопределенность совсем не означает неизбежности перерастания внутренних и межгосударственных противоречий в кризисы и войны. Для такого развития событий необходима определенная критическая масса противоречий и катализатор общественного взрыва, та последняя капля, которая и вызывает извержение. Конфликтология пока еще лишь объясняет уже случившееся, пытаясь в значительной степени на ощупь найти рецепты, тем временем конфликты продолжают возникать хаотично и в достаточной степени непредсказуемо в самых, казалось бы, мирных зонах, а зоны нестабильности все еще трудно поддаются лечению, так как кроме рациональных геополитических причин возникновения конфликтов существуют еще иррациональные, психологические факторы, воздействующие на общественное подсознание и формирующие стойкие стереотипы, образы врага в лице соседнего народа. До сих пор не найдено реальных гарантий, какой-то абсолютной защиты от этого зла. А объяснения ученых служат слабым утешением для жертв таких потрясений. В кабинетах политологов все выглядит несколько иначе, чем в реальности.

¹ Republica del Ecuador. Ministerio de relaciones exteriores. Boletín informativo. — Quito, 12.02.1995.

² Sandoval Aguirre O. Peru — Ecuador: en el camino de la paz y el desarrollo. — Lima, 1998, v.2, p. 103.

³ El Diario, Santiago de Chile. — 14.03.1995.

⁴ El Mercurio, Santiago de Chile. — 01.02.1995.

⁵ Prensa Latina. — 17.01.1995.

⁶ Sandoval Aguirre O. Peru — Ecuador: en el camino de la paz y el desarrollo. — Lima, 1998, v. 1, p. 5

⁷ Prensa Latina. — 10.11.1995.

⁸ Пульс планеты. — М., 03.08.1998.

⁹ Prensa Latina. — 30.03.1995.

Статья поступила в редакцию в январе 1999 г.

Информация

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОРДЕН — РОССИЙСКОМУ ПРОФЕССОРУ

Президент Исландии наградил профессора кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ Юрия Александровича Решетова за работу послом Российской Федерации в этой стране Большим Крестом ордена “Сокола”.

Вручая ему этот орден 6 мая 1999 г. во время церемонии в исландском посольстве в Москве, посол Й.Э. Эгильссон подчеркнул, что достойно отстаивая интересы своей страны в Исландии, Ю.А. Решетов в то же время внес большой вклад в развитие двусторонних отношений.

Показательно, что это — первый случай в истории и Советского Союза и России награждения нашего соотечественника исландским орденом вообще. Что же касается Большого Креста ордена “Сокола”, то как указывала крупнейшая исландская газета “Моргунбладид” 13 мая, сообщая о награждении Ю.А. Решетова, — это самая высокая награда, которой Республика Исландия может удостоить любого человека — своего гражданина или иностранца.

Накануне отъезда на Родину в 1998 году общее собрание Общества культурных связей Исландии и России — МИР избрало Ю.А. Решетова своим Почетным членом. В решении собрания говорилось: “Не бросая тень на предшественников посла, следует сказать, что Юрию Решетову удалось за время его работы в стране установить лучшие и основывающиеся на большем доверии отношения с исландской общественностью. Прекрасное владение исландским языком, глубокое знание жизни исландского народа и его обычаев, добрый нрав и общий кругозор способствовали успеху посла в его работе”.

Отстаивая интересы России как по крупнополитическим вопросам (например, против расширения НАТО), так и по проблемам рыболовства, где у наших стран были разногласия, Ю.А. Решетов не жалея усилий для развития российско-исландских торгово-экономических отношений, в частности между отдельными районами России (такими, как Мурманская область, Татарстан, Камчатка) и Исландией. Другой сферой его постоянного интереса были контакты двух стран в области культуры и науки.

Ю.А. Решетов постоянно выступал по местному телевидению и радио, в газетах и самых разных общественных организациях, вел курс лекций в Рейкьявickском университете. Тематика его выступлений — положение в России, о деятельности ООН, международное и российское право, права человека.

За годы работы в Исландии у него появилось в этой стране много друзей из самых разных общественных слоев: среди них были и юристы, и фермеры, и предприниматели, и летчики.

Популярен он был и в дипломатическом корпусе, дуайеном которого являлся в течение ряда лет.

В Исландии у Ю.А. Решетова выходили не только статьи, но и литературные произведения и в том числе книга "О времени и о себе". Как отмечал один из рецензентов, у исландцев хорошая память, и Ю.А. Решетов надолго остался в ней.

В годы пребывания в Исландии Ю.А. Решетов продолжал одновременно активную работу и в качестве члена Комитета по ликвидации расовой дискриминации и в частности был членом его Миссии добрых услуг по урегулированию положения в Косово.

Читатели журнала знают, что не прекращал он своей активности и как автор "Московского журнала международного права". Ряд статей Ю.А. Решетова появился на страницах журнала в тот период, когда он работал в посольстве в Рейкьявике.

Редакция журнала от имени всей международно-правовой общественности страны горячо поздравляет с высокой зарубежной наградой — высшим исландским орденом профессора кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктора юридических наук Юрия Александровича Решетова.

(Соб. инф.)

Профессор Юрий Александрович Решетов в посольстве Исландии после вручения ему послом высшего ордена этой страны

Мирное урегулирование споров

Американские бомбардировки Югославии по сути попрали основополагающие принципы и нормы современного международного права и в первую очередь принцип мирного разрешения споров. Важно, чтобы российская дипломатия и наши юристы-международники приложили все усилия для того, чтобы переломить такое положение дел. В этом смысле было бы целесообразно обратиться к “хорошо забытым” механизмам мирного урегулирования споров в рамках ОБСЕ, попытаться их активизировать. Это наряду с другими возможностями этой Организации по предотвращению и урегулированию конфликтов могло бы в перспективе содействовать прекращению кровопролития на Балканах и постконфликтному восстановлению в этом уголке мира. Именно одному из этих механизмов и посвящена очередная статья.

СТОКГОЛЬМСКИЙ “ПАКЕТ” СБСЕ/ОБСЕ¹ ПО МИРНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ СПОРОВ (ДЕКАБРЬ 1992 г.).

Ю. А. Я с н о с о к и р с к и й

В декабре 1992 г. Совет министров ОБСЕ собрался в Стокгольме, где принял пакет документов, касающихся общеевропейского режима мирного урегулирования споров: Конвенцию по примирению и арбитражу и примирению в рамках ОБСЕ, Положения о Комиссии ОБСЕ по примирению и Положения о директивном примирении, а также изменения, направленные на улучшение Валлеттской процедуры.

Конвенция по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ

После неудачи с Валлеттской процедурой ОБСЕ предприняла новую попытку в деле создания общеевропейского механизма мирного разре-

шения споров. По инициативе Франции, которая и известна своими оговорками относительно обязательной юрисдикции, был выдвинут проект (получивший впоследствии название “*проект Бадентера*”²) о создании Трибунала по примирению и арбитражу.

Суть “*Проекта Бадентера*” сводилась к тому, что Большая Европа, основанная на ценностях Хельсинкского Заключительного акта и Парижской Хартии, нуждается в установлении в рамках ОБСЕ постоянной юрисдикции, которая призвана предупреждать и урегулировать межгосударственные конфликты гибким способом: путем примирения и арбитража. Такая юрисдикция, как считал Бадентер, могла бы создать благоприятные условия для верховенства международного права в Большой Европе, повысить престиж ОБСЕ и избавить европейский континент от новой трагедии, подобной Югославии³.

По завершении в январе 1992 года Пражской встречи Совет министров “*принял к сведению предложения пригласить группу высокопоставленных экспертов в области права из государств—участников СБСЕ для разработки проекта статута органа СБСЕ по примирению и арбитражу, принимая при этом во внимание работу, проделанную... в рамках СБСЕ*” и “*приветствовал намерение предоставить этот проект Хельсинкской встрече в рамках дальнейших шагов*”⁴.

Выработка Конвенции прошла несколько крупных этапов. В феврале-марте 1992 г. группа из двенадцати международных экспертов была приглашена в личном качестве Робером Бадентером. Она подготовила проект конвенции, предусматривающей обязательную примирительную и факультативную арбитражную процедуры. Внесенный на Конференции по обзору в Хельсинки как франко-немецкий проект, текст был доработан пятнадцатью государствами-участниками, включая и Россию⁵. Вопрос был обсужден в рамках неформальной рабочей группы открытого состава 11—22 мая 1992 г. на Конференции по обзору в Хельсинки⁶. Группе не удалось достичь консенсуса по проекту Конвенции. Ряд государств заявили о своих оговорках относительно придания общеевропейскому механизму мирного разрешения споров обязывающего характера (США, Великобритания, Турция) или высказались о неуместности создания новых институтов (Нидерланды, Норвегия, Швеция, Португалия)⁷. В целях противодействия принятию проекта Конвенции некоторые страны выдвинули альтернативные проекты, высказываясь за факультативные процедуры по примирению (Великобритания) или “*директивное примирение*” (США). На конференции в Хельсинки было окончательно признано, что достигнут “*существенный прогресс по вопросам, которые касаются создания Примирительно-арбитражной палаты в рамках СБСЕ, усиления Валлеттского механизма и принятия процедуры СБСЕ по примирению, включая директивное примирение, и в отношении которых были представлены соответствующие предложения*”⁸. Впоследствии для “*достижения скорейших результатов*” было решено созвать в Женеве совещание первого этапа в октябре 1992 г. для “*проведения переговоров по комплексу всеобъемлющих и последовательных мер*”⁹, которые могли быть вынесены на утверждение Совета министров в Стокгольме в декабре 1992 года и, в случае необходимости, открыть для подписания¹⁰.

В ходе Женевского совещания по мирному урегулированию споров, которое проходило с 12 по 23 октября 1992 г. состоялось обсуждение проекта этой Конвенции¹¹, которая привела к выработке Конвенции по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ¹². 14 декабря 1992 г. она была официально одобрена Советом министров в Стокгольме¹³.

Текст данной Конвенции вызывает ряд замечаний. Во-первых, Стокгольмская конвенция установила *субсидиарный режим по отношению к уже существующим международным инструментам*, как это вытекает из ст. 19, озаглавленной: “Сохранение существующих средств урегулирования”. Как отмечается в ее преамбуле, Конвенция ни в коей мере не направлена против других существующих институтов или механизмов, в том числе Международный Суд, Европейский суд по правам человека, Суд Европейских Сообществ и Постоянную палату третейского суда¹⁴, не говоря о режиме Европейской конвенции о мирном урегулировании споров, заключенной 29 апреля 1957 г. под эгидой Совета Европы.

Во-вторых, установленный Стокгольмской конвенцией режим не имеет *никаких юридических и политических последствий*. В действительности, если примирительная процедура может быть запущена в результате предоставления в одностороннем порядке заявления, то ее результаты не носят обязывающего характера¹⁵. И наоборот, арбитражная процедура завершается принятием решений, имеющих обязательный характер¹⁶, но может быть запущена только в результате соглашения *ad hoc* или на основе одностороннего заявления¹⁷. К этому следует еще добавить, что факультативная декларация об обязательном арбитраже может исключать, как в Валлеттской процедуре, споры, касающиеся вопросов, которые затрагивают территориальную целостность, национальную безопасность, суверенное право на национальную территорию или одновременные притязания на то, что касается юрисдикции на другие районы¹⁸.

В-третьих, Суд по примирению и арбитражу *представляет собой легковесную структуру*. Он больше похож на Постоянную палату третейского суда, чем на Международный суд. В действительности, примирительная процедура осуществляется путем учреждения для каждого спора примирительной комиссии и арбитражная соответственно — Арбитражного трибунала, который также создается для каждого конкретного спора. Таким образом, Суд по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ представляет собой совокупность мировых посредников и арбитров¹⁹.

В-четвертых, юрисдикция, предусмотренная Стокгольмской конвенцией, не является органом ОБСЕ, но *Судом, созданным в “системе” органов ОБСЕ*. При этом под ее действие подпадают лишь те государства, которые взяли на себя вытекающие из нее обязательства²⁰. Далее расходы по деятельности Суда распределяются исключительно между сторонами на основе Финансового протокола²¹. И, наконец, никакое из положений не дает права Палате давать консультативные заключения²². Однако более или менее сохраняется связь с политическими органами ОБСЕ. Секретариат Суда должен представлять через КСДЛ/РС Совету министров свои ежегодные доклады о деятельности, а секретарь Суда обязан информировать Секретариат ОБСЕ о любой просьбе о примире-

нии или арбитраже по системе срочной связи государств ОБСЕ²³. Предложения о поправках, сформулированные государством-участником, были сообщены Швецией как депозитарием данной Конвенции Секретариату ОБСЕ²⁴. Более существенные поправки к Конвенции, а также к Финансовому протоколу должны пройти через процедуру консенсуса в Совете министров ОБСЕ²⁵. Государства ОБСЕ, не участвующие в Конвенции, также могут использовать ее, если нет противоположного мнения²⁶.

Будучи открытой для подписания 15 декабря 1992 г., т. е. в ходе самого заседания Совета министров в Стокгольме, Конвенция по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ вошла в силу 5 декабря 1994 г.²⁷, а в апреле 1995 г. состоялось открытие штаб-квартиры Суда в Женеве.

В отличие от механизма Валлетты, который, по справедливому замечанию Алена Пелле, *“со всей очевидностью был направлен на то, чтобы не быть примененным”*²⁸, режим, предусмотренный Стокгольмской конвенцией, обладает определенной реальной силой и эффективностью. Он образует примирительную процедуру с *более широким толкованием*, с обязательным характером на стадии принятия решения и применим как к *многосторонним*, так и к *двусторонним* спорам²⁹.

Говоря о значении самой Конвенции, важно подчеркнуть, что это, по сути, первый по-настоящему юридический текст, появившийся в рамках политической по характеру организации, которой является ОБСЕ, вступившей в новый этап своей эволюции.

Факультативная и директивная примирительные процедуры

В ходе Конференции по обзору в Хельсинки были выдвинуты две инициативы: британская, которая предусматривала факультативную процедуру примирения, и американская, направленная на выработку *“директивно”* примирительной процедуры. В соответствии с решением Женевского совещания по мирному урегулированию споров (октябрь 1992 г.) эти два предложения были утверждены на заседании Совета министров в Стокгольме в декабре 1992 г.

В результате появилось два документа: *“Положения о Комиссии СБСЕ по примирению”*³⁰, за основу которого было положено английское предложение, и *“Положения о директивном примирении”*³¹, соответственно американского происхождения.

Целью первого документа было дополнить процедуру Валлетты процедурой, в соответствии с которой спор может быть передан на рассмотрение примирительной процедуры, созданной на основе компромисса *ad hoc* или в результате поданной в одностороннем порядке жалобы в том случае, когда стороны в споре сделали соответствующие заявления по признанию процедуры примирения³².

Эта процедура, несомненно, намного проще процедуры Валлетты. Однако она не представляет собой никакого прогресса в отношении последней. Как и процедура Валлетты, *“Положения о Комиссии СБСЕ по примирению”* не предусматривают создание постоянного органа³³. К тому же она не имеет обязательного действия для сторон в споре и не может быть применена к многосторонним спорам. В некотором смысле, эта процедура является определенным отступлением от режима Валлет-

ты: с одной стороны, она действительно не является обязательной на стадии юридического рассмотрения; с другой, одностороннее заявление о согласии на процедуру примирения может иметь бесчисленное количество оговорок. Правда, текст, принятый в Стокгольме содержал два несколько оригинальных положения. Первое указывает на то, что, если в течение некоторого срока доклад Комиссии по примирению не принимается обеими сторонами в споре, то он может быть передан КСДЛ/РС директором ЦПК³⁴ без уточнения возможных последствий такой передачи³⁵. Второе предусматривает (независимо от того, приняла ли Комиссия на рассмотрение данный спор или нет), что *“государство-участник может в любое время, либо до или после того, как спор был передан на рассмотрение Комиссии, заявить либо в общем порядке или в связи с конкретным спором о том, что оно будет считать обязательными, на условиях взаимности, любые условия урегулирования, предложенные Комиссией”*³⁶.

Что же касается *“Положений о директивном примирении”*, то они, будучи разработанными на основе американского предложения, представляют собой довольно оригинальный документ. В соответствии с ним, разрешается Совету министров или КСДЛ/РС *“предписать”* двум любым государствам—участникам ОБСЕ прибегнуть к примирению для того, чтобы это помогло им разрешить спор, который им не удалось урегулировать в разумные сроки³⁷. Здесь присутствует принуждение в том смысле, что *“директивное”* решение по процедуре примирения принимается без двух государств-участников данного спора³⁸. Другими словами, процедура директивного примирения позволяет принимать решения на основе *“консенсус минус два”*. Однако свобода действий Совета министров и КСДЛ/РС не является полной. Ни один из вышеупомянутых органов не может предписывать процедуру примирения в ряде случаев:

- во первых, если спор рассматривается в рамках других процедур мирного урегулирования;

- во-вторых, если принимается способ мирного урегулирования вне ОБСЕ, включая и переговоры;

- и, наконец, в-третьих, что более существенно, если стороны в споре прибегнут к исключениям, предусмотренным режимом Валлетты: *“территориальная целостность, национальная оборона и право на суверенитет над территорией суши или одновременных притязаний на юрисдикцию над другими районами”*³⁹.

По примеру Валлеттской процедуры и процедуры, предложенной Великобританией, механизм, касающийся *“директивного примирения”*, не имеет принудительного действия и не распространяется на многосторонние споры. Кроме того, он не создает новой процедуры: Совет министров и КСДЛ может *“обязать”* в каждом конкретном случае применять либо процедуру, предусмотренную *“Положениями о Комиссии СБСЕ по примирению”*, либо процедуру примирения в соответствии с Стокгольмской конвенцией⁴⁰.

Принимая Стокгольмский *“пакет”*, Совет министров подчеркнул, что он (Имеется в виду Стокгольмский *“пакет”* — Я. Ю.) *“не будет затрагивать целостность принципов СБСЕ или право государств-участ-*

ников поднимать в рамках процесса СБСЕ любые вопросы, касающиеся осуществления любого из обязательств СБСЕ, относящихся к принципу мирного урегулирования споров, или любого другого обязательства или положения СБСЕ⁴¹. Было также уточнено, что процедуры мирного урегулирования споров в рамках ОБСЕ будут пересмотрены на Конференции по обзору в Будапеште в 1994 году и затем, по мере необходимости, будут объектом периодического рассмотрения в дальнейшем⁴².

* *

Сегодня, когда американские бомбардировки по сути поправили основополагающие принципы и нормы современного международного права и в первую очередь принцип мирного разрешения споров, важно, как представляется, чтобы российская дипломатия и наши юристы-международники приложили все усилия для того, чтобы переломить такое положение дел. В этом смысле было бы целесообразно обратиться к “хорошо забытым” механизмам мирного урегулирования споров в рамках ОБСЕ, попытаться их активизировать. Это наряду с другими возможностями этой Организации по предотвращению и урегулированию конфликтов⁴³ могло бы в перспективе содействовать прекращению кровопролития на Балканах и постконфликтному восстановлению в этом уголке мира.

¹ В декабре 1994 г. СБСЕ было переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

² Робер Бадентер — политический деятель, друг ныне покойного Президента Франции Ф. Миттерана. В тот период занимал пост Председателя Консультационного Совета Франции и Председателя арбитражной комиссии Международной конференции по бывшей Югославии под эгидой ЕС.

³ Робер Бадентер изложил свои идеи в двух коротких статьях в “Монд” (“Pour une Cour de la Grande Europe”, *Le Monde* du 21 juin 1991 и “Pour une Cour européenne de conciliation et d'arbitrage”, *Le Monde* du 25 juin 1992), в интервью в “Либерасьон” от 4 октября 1991, а также во время Конференции “Европа права” (см.: *Journal européen de droit international*, vol. 4, p. 1, 1993, pp. 15—23. Более подробно об эволюции “проекта Вадентера” см.: Alain Pellet, “Notes sur la Cour de Conciliation et d'arbitrage de la CSCE”, *La CSCE. Dimension humaine et règlement des différends*, sous la direction d'Emmanuel Decaux et Linos-Alexandre Sicilianos, Paris, Montchrestien, 1993 (“Cahiers du CEDIN”, 8), pp. 189—217.

⁴ Пражское совещание Совета СБСЕ (30—31 января 1992 г.). Резюме выводов, п. 21. Это предложение было выдвинуто Францией и Германией.

⁵ CSCE/HM/WG1/2 du 9 avril 1992 (note d'orientation) et CSCE/HM/6 du 3 juillet 1992 (text de la proposition).

⁶ См.: “Non-Paper” 22 may 1992, “*Informal Open-Ended Working Group on Peaceful Settlement of Disputes: Chairman's Report to WG I*”.

⁷ Другими выводами, высказываемыми против проекта Конвенции, были: искажение природы ОБСЕ, которое может быть вызвано введением чисто юридических механизмов в политические процессы, образование двух категорий членов *de facto* (тех, кто подписали Конвенцию, и тех, кто нет), бесконечное дублирование функций уже существующих юридических органов (Международный Суд или Постоянная Палата Третейского Суда) и, наконец, значительные

расходы на функционирование нового органа (см.: Tanja, *op. cit.*, pp. 27—28 et Pellet, *op. cit.*, pp. 195—198).

⁸ Хельсинкские решения 1992, Глава III, п. 58.

⁹ Там же, п. 61. Также указывалось, что Совет министров и КСДЛ *“могли бы играть важную роль, в частности, поощряя более широкое использование примирения”* (см.: п. 60).

¹⁰ Там же, п. 62.

¹¹ Проект Конвенции в Женеве был предложен той же группой государств, что и раньше в Хельсинки, помимо трех: Испании, Португалии, Армении; *см.: CSCE/RPDG.2/Rev. 1 du 17 octobre 1992 et Add. 1 du 21 octobre 1992 et Add. 1 du 21 octobre 1992).

¹² См.: CSCE/RPDG/Dec. 2 du 23 octobre 1992. На завершающей стадии Совещания Великобритании от имени ЕЭС, как это имело место с Люксембургом на Совещании экспертов в Ла-Валетте (См.: Journal n/ 19 du 8 levier 1991, p. 3), распространила интерпретационное заявление, в котором, в частности, уточняется, что “все споры, которые соответствуют вопросам, относящимся к компетенции Сообщества, остаются вне области применения различных процедур, договоренность о которых достигнута на данном Совещании”. Отстаивая ту точку зрения, что Сообщество не имеет статус государства—участника ОБСЕ, США, с свою очередь, не принимает такую интерпретацию ЕЭС, “которая пытается приуменьшать обязанности и обязательства государств-участников, рассматривая изолировано участвующее в СБСЕ ЕЭС” (см.: Journal n. 10 (23 octobre 1992) de la Reunion de Geneve sur le reglement pacifique des differends, pp. 4—5). Турция заняла ту же позицию, выступила с интерпретационным заявлением аналогичного содержания во время открытия подписания Стокгольмской конвенции (см.: Journal n. 1 (*14 decembre 1992) du Conseil ministeriel de Stockholm, point 7 a.

¹³ См.: le Journal, n. 1 (14 decembre 1992) du Conseil ministeriel de Stockholm, la Section 4 des Decisions du Conseil ministeriel de Stockholm et l'Abbe 2 a ka Decision relative au reglement pacifique des differends (CSCE/3-C/Dec. 1 du 14 decembre 1992). На следующий день действующий Представитель объявил, что Конвенция открыта для подписания. См.: le Journal n. 2 (15 decembre 1992) du Conseil ministeriel e Stockholm, point 7b.

¹⁴ Стокгольмская конвенция, преамбула, п. 4.

¹⁵ Создание комиссии по примирению может быть потребовано в результате подачи односторонней жалобы (ст. 22, п. 1) или в результате разглашения между сторонами (ст. 22, п. 4). В этих двух случаях заключение комиссии не обязательно (ст. 25, пп. 3 и 4).

¹⁶ Слово “арбитражный” является определяющим и не подлежащим обжалованию, но может быть объектом иска по интерпретации или по пересмотру (ст. 31, пп. 3 и 4).

¹⁷ Стокгольмская конвенция, ст. 26, п. 1 и 2.

¹⁸ Там же, ст. 26, п. 2. Это положение было сохранено благодаря изначальным усилиям английской делегации, направленным по возможности на большее сокращение области общего применения Конвенции (см.: Pellet, *op. cit.*, p. 211). По этому поводу было замечено, что Стокгольмская конвенция “не может быть объектом какой-либо оговорки, которая не разрешала бы недвусмысленно” (ст. 34), на что направлены ст. 26 п. 2, упомянутые выше, и ст. 19 п. 4 (положения, разрешающие государствам делать государствам в момент подписания, ратификации или присоединения оговорки относительно обеспечения совместимости механизмов, предусмотренных Конвенцией, с другими механизмами мирного урегулирования споров, которые являются результатом международных обязательств, заключенных вышеуказанными государствами).

¹⁹ Стокгольмская конвенция. — С. 2, п. 3.

²⁰ Предусмотренной ст. 38 Стокгольмской конвенции, принятой под давлением США, подтверждается, что “в соответствии с международным правом, никакое из положений настоящей Конвенции не должно интерпретироваться как создающее какие-то ни было обязательства для государств—участников СБСЕ, которые участвуют в Конвенции, если они точно не предусмотрены и не приняты государствами в письменной форме”. См. ст. 34 Венских конвенций о праве договоров 1969 и 1986 гг.

²¹ Предусмотренный ст. 134 Стокгольмской конвенции протокол по финансовым вопросам, который подготовлен специальным неформальным комитетом открытого состава и утвержден КСДЛ в апреле 1993 г. (См.: le Journal n. 10 (23 octobre 1992) de la Reunion de Geneve sur le reglement pacifique des differends (decision 5 c), le Journal n 2 (6 novembre 1992) de la 17-e Reunion du CHF (decision 5 d) et le Journal n. 3 (28 avril 1993) de la 21-e Reunion du CHF (decision 5 m et Annex 4), а также: CSCE Communication n. 430 (23 decembre 1992), n. 11 (12 janvier 1993), n. 42 (2 fevrier 1993), n. 59 (23 fevrier 1993 et Add. 1) et n. 80 (11 mars 1993). Более подробно о процессе выработки Протокола см.: Pefflet, *op. cit.*, pp. 201—202.

²² В ст. 30 проекта Конвенции, представленного на Совещании в Женеве, разрешалось Палате по просьбе Совета министров и КСДЛ давать консультативные заключения. Против этого решительно выступила делегация США (см.: Caflisch, *op. cit.*, pp. 16—17 и Pellet, *op. cit.*, p. 197). Данное положение было окончательно снято и вопрос был передан на рассмотрение КСДЛ, которое, впрочем, завершилось безрезультатно (см.: le Journal n. 10 (23 octobre 1992) de la Reunion de Geneve sur le reglement pacifique des differends (decision 5a).

²³ См.: ст. 15 Стокгольмской конвенции. Результаты процедуры относительно каждого спора должны быть доведены до сведения ОБСЕ (ст. 25, пп. 5 и 32 Конвенции).

²⁴ См.: ст. 35 п. 2 Стокгольмской конвенции. Уведомления и сообщения депозитария направляются в Секретариат ОБСЕ и в канцелярию Палаты (ст. 37).

²⁵ См.: ст. 35 п. 3 Стокгольмской конвенции и ст. 13 Протокола по финансовым вопросам.

²⁶ Было также оставлено положение о том, что примирение и арбитраж возможны в результате соглашения между одним или несколькими государствами—участниками Конвенции и одним или несколькими государствами, не участвующими в ней (ст. 20, п. 3 и ст. 26 п. 1 Стокгольмской конвенции). См. также ст. 2 п. 3 Протокола по финансовым вопросам.

²⁷ По состоянию на июнь 1996 г. она была подписана 35 государствами, в 21 из которых она была ратифицирована (Россия подписала данную Конвенцию, но не ратифицировала). Четыре государства (Дания, Финляндия, Швеция, Греция), в соответствии со ст. 26, п. 2, выступили с факультативными заявлениями о принятии обязательного арбитража. Шесть государств—участников Конвенции (ФРГ, Дания, Лихтенштейн, Польша, Швейцария и Австрия) в соответствии со ст. 19, п. 4 сделали оговорки, которые подтверждали совместимость механизма, институтируемого Стокгольмской конвенцией, с другими механизмами и процедурами мирного урегулирования споров, вытекающих из других соблюдаемых обязательств вышеназванных государств (См: INF/260/95 24 november 1995).

²⁸ См.: Pellet, *op. cit.*, p. 196.

²⁹ См.: ст. 20, п. 1 и ст. 28, п. 2 Стокгольмской конвенции. По мнению Пелле, это нововведение объясняется тем фактом, что составители Конвенции руководствовались пониманием того, что проблемы, касающиеся правопреемства, в первую очередь, в республиках бывшей Югославии и в государствах СНГ, могут быть решены на многосторонней основе.

³⁰ См.: CSCE/3-C/Dec. 1, Annexe 3, du 14 decembre 1992. Для того, чтобы проследить эволюцию британского предложения, см. также: Приложения 3 и 4

неформальной группы по мирному урегулированию споров, Доклад председателя Рабочей группы 1 ("Non-Paper", 22 may 1992) и CSCE/RPDG 1/Rev. 1, 19 october 1992.

³¹ См.: CSCE/2-C/Dec. 1, Annexe 3, du 14 decembre 1992. См также последующие версии данного документа, включающие основные предложения (CSCE/HM/WG1/11 du 15 juin 1992 et CSCE/PRDG.3/Rev. 3 du 22 octobre 1992).

³² "Положения, касающиеся комиссии по примирению СБСЕ", Разделы I—III.

³³ Комиссия по примирению, секретарем которой является директор ЦПК, является органом *ad hoc*, создаваемым для каждого конкретного спора на основе списка экспертов, которые предусмотрены режимом Валлетты.

³⁴ "Положения, касающиеся комиссии по примирению СБСЕ", Разделы V и XVII.

³⁵ Caflishc, *o. cit.*, p. 31.

³⁶ "Положения, касающиеся комиссии по примирению СБСЕ", Раздел XIV.

³⁷ "Положения относительно обязательного примирения", п. 1.

³⁸ "Стороны в споре могут осуществлять свое право участвовать во всех обсуждениях Совета или КСДЛ, касающихся спора, но они не принимают участие в принятии решения Советом или КСДЛ, предписывающим им примирение (...)" (там же, п. 4).

³⁹ Там же, п. 5. Относительно этого положения Турция выступила с интерпретационным заявлением, в котором уточняется формулировка "юрисдикция над другими районами" как "юрисдикция над морскими районами" (см.: *le Journal* n. 1 (du 14 decembre 1992) du Conseil ministeriel de Stockholm, point 7 b.

⁴⁰ Там же, пп. 2 и 3.

⁴¹ Третья встреча Совета СБСЕ (Стокгольм, 1992 г.). Решение по мирному урегулированию споров, п. 6.

⁴² CSCE/3-C/Dec. 1, paragraphes 6 et 7. На Конференции по обзору в Будапеште 1994 г., позже на Конференции по обзору в Вене 1996 г. не было принято ничего нового в области мирного урегулирования споров. Однако, начиная с 1998 г., работа над механизмами мирного разрешения споров, в частности над "активизацией" Суда по примирению и арбитражу, ведется в рамках Комитета по модели европейской безопасности.

⁴³ Это важно и потому, что бомбардировки Югославии и события в Косово происходят непосредственно в зоне ответственности ОБСЕ. К тому же США и их союзники являются государствами—участниками этой Организации, что позволяет использовать ОБСЕ как канал для продвижения российских мирных инициатив.

Статья поступила в редакцию в апреле 1999 г.

Книжная полка

ЛАТЫНЬ ДЛЯ ЮРИСТОВ

(Ахтерова О. А., Иваненко Т. В. *Латинский язык и основы юридической терминологии.* — М.: Юрид. лит., 1998. — 304 с.)

Изучение латинского языка является неотъемлемой частью овладения специальностью юриста.

Латынь — материальная оболочка римского права, она помогает будущим юристам не только освоить данный учебный предмет, но и проникнуть с его помощью в существо и дух права.

Овладение латынью — это обретение ключа к секретам современных живых языков.

Латынь — открытая дверь к кладовым сокровищ мировой культуры.

Новый учебник предельно оптимален и практичен. В нем, действительно, все, начиная с грамматических примеров и упражнений и кончая фразами и текстами, построено на подлинном материале, взятом из произведений римских юристов.

Об оптимальности структуры учебника свидетельствует и его компактность (всего 31 урок), и выделение разделов “Ad memoriam” (для памяти) и “Ad libitum” (по желанию), и доступность и какая-то “экономичность” в изложении грамматического материала (без излишеств в подробностях), что выгодно отличает данный учебник от подобных предыдущих. Даже грамматические таблицы даны не в таких подробностях и, соответственно, выглядят не так “страшно”, как в рассчитанном на лиц, овладевающих средним образованием, пособии А. В. Подосинова и Н. И. Шавелевой “Lingua latina. Введение в латинский язык и античную культуру”, вышедшем в 1993—1996 гг. в четырех частях, с которым О. А. Ахтерова и Т. В. Иваненко, судя по приводимой ими библиографии, знакомы. Хотя в некоторых случаях, в частности, в приводимой на странице 251 таблице падежных окончаний подробностей можно было бы дать больше, без увеличения объема книги, воспроизведя подобную таблицу вышеупомянутого пособия А. В. Подосинова и Н. И. Шавелевой (часть II, с. 48). Но это будет, пожалуй, единственным замечанием по поводу грамматического содержания учебника. В остальном же учебник являет собой подлинную гармонию духа грамматики и духа права.

Немного настораживает “новшество” авторов, отказавшихся от буквы j. Да, в классическом латинском языке этой буквы не было. Но как-то уж не очень удобно видеть вместо привычного jus пусть и

классическое *ius*. Так можно отказаться произносить *S* перед *e*, *i*, *y*, *ae*, *oe* как “ц”, до чего некоторые модные латинисты на Западе уже дошли. Но студентов, на которых этот учебник рассчитан, все это вряд ли смутит — у них ностальгии по *j* не будет. Да и в древних текстах такой буквы действительно нет.

А вот в текстах авторов и средних веков, и нового, и новейшего времени по международному праву, написанных на самых различных языках, в латинских терминах и выражениях буква *j* встречается довольно-таки часто.

Вообще юристы-международники продолжают оставаться обделенными со стороны авторов учебников по латыни.

В приводимом в рецензируемом учебнике словаре латинских юридических изречений и выражений международное право представлено лишь такими выражениями, как *de facto*, *de iure* (ср. привычное *de jure*), *jus/jus gentium*, *pacta sunt servanda*, *par in parem non habet iurisdictionem* (*iurisdictionem*), *persona non grata*, а *ad referendum* не содержит в переводе того значения, которое придается этому словосочетанию в современном международном публичном праве, а именно “условное подписание”.

Если бы авторы рецензируемого учебника латыни заглянули хотя бы в один из наиболее популярных учебников международного права, а именно: *Международное право: Учебник* /Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М.: Международные отношения, 1995, внимательно посмотрели на страницы 7, 94 и 345, то они смогли бы обогатить свой “словарь латинских юридических изречений и выражений” такими понятиями, как *jus inter gentes*, *jus sanguinis*, *jus solis* и *clausula si omnes*. Это не так много для полноты счастья изучающих международное публичное право.

Прошли времена, когда международное частное право изучалось лишь в МГИМО и ВДШ МИД СССР. Сейчас его изучают не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и по всей России и в ее ближнем зарубежье, даже в таких городах, как Симферополь, Севастополь и Керчь. О дальнем зарубежье не говорим — там международное частное право изучалось еще в эпоху “всемирно-исторического перехода человечества от капитализма к социализму” не менее широко, чем международное публичное право. Международное частное право на просторах СНГ изучают, но с соответствующей латинской терминологией в курсе изучения латинского языка студентов не знакомят.

Одному из авторов настоящей рецензии часто приходилось сталкиваться с абсолютным незнанием изучившими латынь студентами-юристами латинских терминов международного частного права, а ведь терминов этих не так уж много.

Достаточно было бы только взглянуть на страницы 84, 85, 86, 152, 154, 192, 339 и 340 второго издания учебника международного частного права М. М. Богуславского, вышедшего в 1994 г. (Богуславский М. М. *Международное частное право: Учебник*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 1994), и “словарь латинских юридических изречений и выражений” пополнился бы такими терминами, как *lex patriae*, *lex domicilii*, *lex rei sitae*, *lex loci contractus*, *lex loci solutionis*, *lex flagi*, *lex loci delicti commissi*, *lex loci celebrationis*, *lex fori*, *par in parem*

non habet imperium, de jure imperii, de jure gestionis, in rem, lex loci laboris, lex loci delegationis.

И увеличивать объема книги при этом не нужно ни на одну страницу, так как последняя страница “словаря латинских юридических изречений и выражений” осталась почти пустой.

С учетом вышеизложенных замечаний новый учебник латинского языка для юристов был бы идеальным и поистине “золотым” для студентов-юристов не только по цвету букв и орнамента на обложке, но и по внутреннему содержанию.

М. В. М а с а е в,
аспирант Симферопольского государственного университета,
член Российской ассоциации международного права
В. М. М а с а е в,
преподаватель международного права и латыни
Таврического экологического института

г. Симферополь

Рецензия поступила в редакцию в апреле 1999 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ НАД ВОЕННОЙ СФЕРОЙ

(К выходу сборника аналитических докладов “Парламентский контроль над военной сферой в новых независимых государствах”, под общей редакцией А.И.Никитина. — М., 1998. — 301 с.)

Авторы сборника рассматривают одно из актуальных направлений формирования основ демократического общества — организацию парламентского контроля над военной сферой. Трудности, с которыми сталкиваются в своем развитии государства—участники СНГ, не исключают возможности ослабления или даже утраты контроля над Вооруженными силами, снижения гарантий подчинения военной политики более широким национальным интересам, что несет в себе непосредственную угрозу демократии. Способами создания баланса в отношениях военной и гражданских сфер общества, наряду с другими, являются проведение аналитических исследований и обмен накопленным опытом парламентской деятельности. Работу, направленную на реализацию аналитического проекта сопоставления моделей гражданского, в том числе парламентского контроля над военной сферой в разных государствах, возглавили российский Центр политических и международных исследований (ЦПМИ) и Департамент исследований проблем мира Брэдфордского университета (Великобритания). Результаты проделанной работы и представлены в настоящем сборнике.

Рассматривая международную практику развития парламентского надзора и контроля за деятельностью Вооруженных сил и исполнительной власти в военной сфере, профессор Брэдфордского университета

О.Грин и преподаватель того же университета М.Чалмерс обращаются к опыту США, где Конгресс обладает значительной непосредственной властью в определении военной политики и военных расходов (с.11).

На основе обобщения опыта парламентской деятельности ряда стран в области контроля над военной сферой авторы формулируют некоторые основные приоритеты развития парламентского контроля для новых независимых стран, определяющего роль парламента, средств массовой информации, неправительственных организаций в регулировании деятельности Вооруженных сил и исполнительной власти; — выработку механизма парламентского контроля, включающего в себя порядок создания и деятельности парламентских комитетов, публикацию ежегодных официальных докладов об оборонной политике, проведение независимого аудита оборонных расходов и т.п.; — предоставление в рамках мер по укреплению доверия и безопасности информации военного характера международным органам и правительствам других стран; — определение роли парламента в разработке оборонных программ и планов; — осуществление парламентского контроля над государственным регулированием военного экспорта (с. 14-18).

В сборнике публикуются извлечения из Кодекса поведения, касающегося военно-политических аспектов безопасности, принятого ОБСЕ в 1994 году в Будапеште (с. 23-26). Обращение к данному документу представляется весьма своевременным, как к одному из ориентиров, к которому должны стремиться новые независимые государства при формировании эффективной системы гражданского контроля над военной сферой.

Основное место в сборнике отводится освещению проблем и практике формирования основ гражданского контроля над военной сферой в странах Содружества Независимых Государств.

В докладе эксперта по странам СНГ Армянского центра стратегических и национальных исследований Б.Л.Садояна большое внимание уделяется истории военного строительства (с. 27) и анализу военного законодательства республики (с. 28-30). Рассматривая трудности формирования системы парламентского контроля в этой сфере, автор подчеркивает роль контрольной палаты парламента, одной из функций которой является оценка исполнения бюджета (с. 33). В докладе приводятся и примеры таких прогрессивных во всех отношениях форм законодательного воздействия на военную политику, как дебаты по поводу проектов законов, процедуры публичной политики и другие (с. 34).

Рассматривая проблемы демократизации в военной сфере, председатель Комиссии по международным делам и национальной безопасности Национального Собрания Республики Беларусь Н.И.Чергинцев отмечает необходимость принятия пакета военного законодательства военного кодекса (с. 42), а также обращает внимание на желательность разработки модельных законодательных актов в военной сфере (с. 46).

Директор Международного института политических исследований (г.Минск) В.Э.Поздняк в своем докладе дает сравнительную характеристику структуры и практики парламентского контроля в военной сфере в периоды существования различных форм правления в Республике Беларусь. Период парламентской республики 1992-1994 гг. проте-

кал, по мнению автора, при заметном усилении внимания и контроля законодателей над военной сферой (с. 51). Переход в 1994 году к президентской республике связывается с постепенным ослаблением законодательной власти в пользу исполнительной, в том числе и в военной сфере (с. 58). Отмечая серьезные трудности формирования гражданского общества как главной предпосылки существования гражданского контроля, В.Э.Поздняк видит выход из создавшегося положения в расширении прав законодательной власти (с. 52). Аналогичную точку зрения на проблему гражданского контроля над военной сферой высказывает и главный эксперт Национального центра стратегических инициатив Восток-Запад (г. Минск) В.Караблевич (с. 61, 63, 66).

Рассматривая особый характер условий, в которых формируется система гражданского контроля над военной сферой в Республике Беларусь, научный сотрудник Национального центра Восток-Запад С.Агаронова отмечает, что парламент Белоруссии располагает определенными механизмами контроля за деятельностью исполнительной власти в военной сфере (с. 76). Значительную роль в таком механизме автор отводит деятельности политических партий и неправительственных организаций (с. 78-79). Особое внимание в докладе С.Агароновой уделяется проблеме контроля за деятельностью правоохранительных органов и специальных служб, отмечая, что это требует четкого законодательного определения задач и функций силовых структур, порядка и правил их применения, в том числе и в чрезвычайных обстоятельствах (с.85).

Анализируя опыт парламентариев Грузии по контролю над военной сферой, директор Евroatлантического центра Грузии Л.Алапишвили особое внимание обращает на принятый закон "О группе доверия Парламента Грузии". Созданная этим законом группа доверия осуществляет бюджетный контроль над военными и иными ведомствами, деятельность и бюджет которых полностью или частично засекречены (с. 92). Механизм деятельности группы включает, в том числе, и процедуру рассекречивания информации в случае совершения правонарушений в указанных ведомствах.

В докладе консультанта Казахстанского института стратегических исследований Б.Р.Ахметгалиева особое значение уделяется расширению межпарламентских связей в рамках международных организаций СНГ, ОБСЕ, а также двустороннему сотрудничеству парламентариев Казахстана в первую очередь с ближайшими соседями Россией и Китаем (с. 99-101). Другим шагом демократизации военных сфер государственной жизни является расширение практики привлечения гражданских сотрудников к решению вопросов финансово-экономического характера, развития оборонной промышленности, вооружения и т.д. (с. 103). Следует отметить большую роль общественности в создании системы гражданского контроля над военной сферой, и, в частности, создание нового института Совета независимых представителей при министерстве обороны Казахстана (с. 104).

Активное участие в обсуждении проблемы приняли представители Киргизии. Рассматривая практику парламентского контроля над военной сферой в республике, начальник Центрального управления соци-

ально-правовой и воспитательной работы Министерства обороны М.М.Койбулаев отметил такие ее формы, как заслушивание отчета министра обороны на сессии Собрания народных представителей, проведение парламентских слушаний по вопросу реформирования Вооруженных сил, использование права депутатского запроса в адрес руководства министерства обороны и др. (с. 109-110). Выступивший член Комиссии по военным вопросам парламента Киргизии Э.Э.Оролбаев отметил и такую форму парламентской практики в данной области, как инспектирование соединений и частей депутатскими группами (с. 119). Сотрудник Международного института стратегических исследований при Президенте Кыргызской Республики А.К.Абылгазиева в своем докладе отмечает, что формирование системы эффективного гражданского контроля над вооруженными силами преследует ряд целей, как то: создание механизма контроля, исключающего возможность произвольных, незаконных действий со стороны армии; - реализацию законодательства по обеспечению социальных гарантий и правовой защиты военнослужащих и др. Одним из способов достижения названных целей в настоящее время докладчик видит участие парламента в разработке программ и планов военного ведомства и военной политики (с. 126-127).

Проблемы формирования основ демократического контроля над военной сферой стоят и перед Республикой Молдова. Во многом они сходны с теми же трудностями, с которыми столкнулись и другие независимые государства в постсоветском пространстве. В то же время молдавское общество разделяет и надежды своих соседей на успешное завершение демократических преобразований, в том числе и в области военного строительства. Как отмечает в своем выступлении директор Евроатлантического центра Республики Молдова Н.Киртоаке, армия может стать элементом стабильности при условии преодоления ею состояния обособленности от общества (с. 134). Уменьшить разрыв между военными и обществом может лишь эффективно действующий механизм гражданского, и в первую очередь, парламентского контроля над военной сферой. Опыт функционирования молдавского парламента дает такой пример осуществления оперативного контроля за деятельностью армии и структур управления ею, как заслушивание в парламенте руководства силовых структур на так называемом Часе правительства (с. 144). В республике определенную роль в формировании системы гражданского контроля играют общественные движения и организации, например, фонд "Vitorul", Центр национальных и международных исследований "Perspectiva", организация пацифистов Молдовы и др. (с. 148). Особенностью участия Молдовы в СНГ является то, что республика воздержалась от подписания документов, относящихся к военному сотрудничеству и созданию общих структур безопасности в рамках Содружества. В свою очередь это снижает, как подчеркивается в докладе Н.Киртоаке, возможность унификации национального законодательства на основе разрабатываемых Межпарламентской ассамблеей СНГ модельных правовых актов в этой области (с. 152).

Российская Федерация не исключение в ряду государств-участников СНГ, и проблемы в области формирования системы гражданского

контроля над вооруженными силами и силовыми ведомствами в ней столь же очевидны, как и потребность в их разрешении.

В представленном сборнике проекте Федерального Закона О гражданском контроле над военной организацией Российской Федерации (с. 155-170) и комментарии к нему советника Комитета Госдумы по обороне С.Г.Маслюка предпринята попытка убедить широкую общественность в целесообразности такого документа и тех очевидных возможностях, которые представляются в случае его принятия. Приведем, к примеру, хотя бы то положение, что по степени своего влияния на военно-силовые структуры законодательные органы управления уравниены с органами исполнительной власти (ст. 5, 6, 9 проекта Закона). Безусловно, достижение такой цели повысит эффективность гражданского контроля над силовыми ведомствами и создаст дополнительные гарантии стабильности общественных отношений.

Рассматривая положение дел в этой области у нас в стране, профессор МГИМО (У) МИД РФ Ю.Е.Федоров выделяет основные параметры (элементы) гражданского контроля: политический нейтралитет Вооруженных сил и правоохранительных институтов; деятельность военных ведомств и силовых структур только на основе и в рамках закона; приоритет гражданских институтов при принятии решений по военным вопросам; рассмотрение споров и конфликтов непрофессионального характера в рамках гражданских институтов; максимально возможное информирование общественности о положении дел в армии, военной промышленности и т.д.; взаимосвязь армии с гражданским обществом (с. 183-184). Действие названных элементов в совокупности и определяет состояние отношений между обществом и армией.

Анализируя роль законодательной власти в обеспечении гражданского контроля над Вооруженными силами России, Ю.Е.Федоров остро критикует парламент за его позицию, направленную в ряде случаев на лоббирование военных кругов, настаивающих на высоких, непосильных для страны ассигнованиях на оборону. В этой связи автор отмечает необходимость поиска для России таких форм и методов гражданского контроля, которые бы учитывали ее политическую специфику (с. 193).

Характеризуя полномочия Президента по установлению политического контроля над Вооруженными силами, автор в то же время подчеркивает, что это обстоятельство перекрывает перспективы становления эффективного демократического контроля над силовыми структурами (с. 189). Автор анализирует возможности и других структур исполнительной власти по контролю над Вооруженными силами: Администрации президента, Совета Безопасности, военной контрразведки.

Рассматривая механизм парламентского контроля за деятельностью силовых структур в России, профессор Военной Академии Генерального штаба ВС О.А.Бельков отмечает, что причины его несовершенства могут быть объяснены такими обстоятельствами, как несовершенство Конституции, профессиональная непригодность парламентариев, отсутствие общественного согласия по многим принципиальным военно-политическим вопросам (с. 218-219).

Отдельные проблемы обеспечения общественного контроля над военной сферой применительно к конкретному государству были затро-

нуты в докладах заведующего отделом Центра стратегических исследований при президенте Республики Таджикистан В.М.Зайченко, зав. Сектором стран СНГ Института стратегических исследований при президенте Республики Узбекистан М.М.Фазылова и руководителя группы экспертов украинского Центра экономических и политических исследований В.А.Гречининова.

Своими взглядами на рассматриваемую проблему, опытом влияния парламента на военную политику поделились представители развитых европейских демократий: профессор школы европейских и международных исследований Университета Ридинг (Великобритания) К.Блат, член палаты общин парламента Великобритании Д.Брюс, член Риксдага от Христианско-демократической партии (Швеция) Д.Эрикссон.

Собранные в данной книге доклады характеризуют опыт стран СНГ в деле развития гражданского и, в частности, парламентского контроля над военной сферой. С целью ознакомления с мировой практикой в этой области в сборник включены также работы парламентариев ряда западноевропейских стран, которые отмечают как достижения, так и проблемы стран ЕС в развитии отношений между гражданским обществом и военными и силовыми структурами государств. Представленные в докладах точки зрения, взгляды и опыт могут быть использованы как в процессе формирования системы парламентского контроля над военной сферой в новых независимых государствах, так и в научно-исследовательской работе в этой области.

В.С.Винарев,
кандидат юридических наук

Статья поступила в редакцию в марте 1999 года.

ОТ КУЛЬТУРЫ ВОЙНЫ К КУЛЬТУРЕ МИРА

(Год 2000. На пути к культуре мира и ненасилия. Материалы международной научно-практической конференции “От стереотипов войны к идеалам мира через культуру и образование”. Москва, 8— 9 декабря 1997 г. — М. 1998. — 271 с.)

Проведенная в Москве международная конференция по проблемам культуры мира была организована в рамках проекта ЮНЕСКО “На пути к культуре мира”, разработанного этой организацией в 1993 г. Ее организаторами выступили ЮНЕСКО, Министерство Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям и Российский институт культурологии и Министерство культуры России. Рецензируемый сборник состоит из докладов и выступлений участников конференции, ее итоговых документов и материалов ЮНЕСКО по вопросам культуры мира.

Наша страна отнюдь не случайно была избрана местом проведения

конференции. “Идеи мира, дружбы, стремление к взаимопониманию и согласию, — как отметил в приветствии участникам конференции Председатель Государственной Думы Г. Н. Селезнев, всегда находили живой отклик в сердцах народов России” (с. 17). Признавая это, Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор заявил: “Неудивительно, что Российская Федерация является первой из промышленно развитых стран, которая поставила в качестве своей национальной задачи создание культуры мира” (с. 15).

По инициативе государств Африки и Латинской Америки и при поддержке России Генеральная Ассамблея ООН объявила 2000 год Международным Годом культуры мира. Возникающие в связи с этим задачи, как отметил в послании участника Московской конференции Ф. Майор, “заключаются в осуществлении перехода от культуры войны и насилия к культуре мира и отказа от насилия” (с. 15—16). О том, как это сделать, и шла речь на Московской конференции.

Работа конференции проходила в форме заседаний пяти круглых столов по различным аспектам культуры мира. Работа каждого из них начиналась представлением пленарного доклада, который как бы задавал тон дальнейшей дискуссии.

На заседании Круглого стола № 1 “Политическая культура и методы преодоления межэтнической напряженности” с докладом “Концепция культуры мира в условиях современной России” выступил министр Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям В. А. Михайлов.

Раскрыв содержание ряда важных документов по вопросам межнациональных отношений, принятых в России в последние годы и подчеркнув особое значение Концепции государственной национальной политики, утвержденной в 1996 г., докладчик отметил такие качества этой Концепции, как “демократизм, терпимость, признание культурно-политического плюрализма, предоставление каждому народу равных возможностей для развития и проявления национального своеобразия”, которые соответствуют духу культуры мира (с. 21).

Высоко оценивая большую роль этих принципов и в целом национальной политики России в деле предупреждения межнациональных конфликтов и уменьшения межэтнической напряженности, докладчик дал оптимистический прогноз, заявив, что в XXI веке Россия будет “демократическим государством, единой семьей братских народов, сохранивших самобытность и многообразие своих культур, творчество которых будет смягчать и облагораживать сердца людей, удивлять и восхищать мир. Государством, в котором все богатое разнообразие национальных культур, цивилизаций, конфессий будет существовать в атмосфере взаимопонимания, терпимости и солидарности” (с. 28). Такую перспективу развития России, несомненно, можно только приветствовать.

Участники дискуссии основное внимание уделили различным сторонам становления культуры мира и развития межнациональных отношений. Отмечалось, в частности, что важными задачами в этой области должны стать разрушение образа врага, отказ от взаимных обвинений, от противопоставления одних народов другим. Шла речь о повышении

политической культуры, воспитании толерантности, отказе от ксенофобии, от “номенклатурного национализма”, то есть от попыток некоторых политических сил использовать разжигание вражды между народами для достижения своих политических целей. При этом подчеркивалось, что национализм политических элит чреват опасностью дезинтеграции России (С. 54). Высказывалось мнение, что важное значение для предотвращения межнациональных конфликтов имеет выявление их причин, стремление “ликвидировать сами предпосылки обострения межэтнической напряженности” (с. 57). Указывалось на необходимость разработки способов мирного разрешения споров и разногласий, а также широкого распространения знаний о международном гуманитарном праве и строгого соблюдения его норм в случае возникновения межнациональных конфликтов (С. 40—41).

Ряд выступлений касался проблем национальной политики на Северном Кавказе, ситуации в районах со смешанным национальным составом населения, требующих к себе особого внимания (с. 58—59). Было высказано мнение о необходимости установления в нашей стране “подлинного местного самоуправления, без которого невозможно развязать узлы противоречий межнационального характера” (с. 61), и улучшения работы по проблемам национальных меньшинств.

На заседании Круглого стола № 2 “Общее содержание программы ”На пути к культуре мира” с докладом “Историческая традиция и концепция культуры мира” выступил член-корреспондент РАН, директор Института всеобщей истории А. О. Чубряк. Он говорил об исторических корнях культуры мира, о проектах “вечного мира”, выдвигавшихся в разное время в различных странах, об истории европейского пацифизма и т. д. Докладчик подчеркнул необходимость решительно бороться с проявлениями нетерпимости и вражды, устранять предрассудки и ненависть в отношении между государствами, национальными этническими группами, конфессиями и отдельными людьми (с. 69). В докладе было указано на большое значение такой научной дисциплины, как конфликтология, изучающей причины и теорию конфликтов. Важным фактором успешной реализации программы культуры мира, по мнению докладчика, должен стать диалог культур и цивилизаций (с. 70).

Участники дискуссии отмечали глубокие исторические корни приверженности русского народа идеям мира и ненасилия (с. 72—75), подчеркивали необходимость формирования культуры мира на основе принципов взаимоуважения, терпимости, ненасилия и равенства прав всех людей мира (с. 78—79), оказания соответствующего влияния на общественное сознание с помощью политиков, деятелей науки и культуры и средств массовой информации.

Докладчиком на заседании Круглого стола № 3 “Роль культуры и образования в распространении программы ”На пути к культуре мира” выступил ректор Московской консерватории им. П. И. Чайковского профессор М. А. Овчинников.

Лейтмотивом дискуссии на заседании этого Круглого стола была мысль о том, что “академическая элитарная культура, образование, наука, тесно связанные с культурным наследием человечества, есть тот предмет общения наций и государств, социальных слоев и групп, вокруг

которого формируется зона культуры мира, реализуется программа ЮНЕСКО. Из этого вытекает идея ответственности объединенных наций за мировую и примиряющую роль высокого культурного наследия” (с. 88).

Важной особенностью работы этого Круглого стола было то, что доклад и почти каждое выступление завершались конкретными предложениями по реализации программы ЮНЕСКО в данной области. Так, предлагалось определить параметры отнесения наиболее значимых учреждений искусства, образования и науки к числу культурных центров, имеющих планетарный статус (с. 90), разработать для ЮНЕСКО, ООН, мировой общественности, благотворительных организаций, а также государственных органов отдельных стран предложения и рекомендации по поддержке культурных центров планетарного значения (с. 91), выработать критерии селективной поддержки культуры и образования с тем, чтобы скудные средства, отпускаемые на эти цели не расплылись, а направлялись на поддержку наиболее авторитетных и важных образовательных и культурных учреждений, наиболее перспективных творческих проектов и инициатив в области образования и культуры (с. 98—99) и т. д.

Работа Круглого стола № 4 была посвящена обсуждению проблемы “Молодежь и культура мира”. В Докладе ректора Института молодежи И. М. Ильинского и выступлениях участников дискуссии подчеркивалось большое значение воспитания молодежи в духе культуры мира и демократии, которое особенно велико для нашей страны в современных условиях. Вместе с тем, высказывалось опасение, что без надлежащей государственной молодежной политики в России может оказаться потерянным новое поколение людей, которому предстоит вывести страну на путь устойчивого развития. Современная государственная молодежная политика в ряде выступлений подвергалась справедливой критике.

Оценивая современное положение молодежи в российском обществе, участники дискуссии отмечали положительное влияние на молодежь демократических перемен, происходящих в нашей стране, рост экономической активности молодежи, сумевшей адаптироваться к новым условиям, признание молодым поколением в качестве высших ценностей свободы и демократии и т. д. Вместе с тем отмечались и такие негативные тенденции, как уменьшение доли молодежи в составе населения в связи с падением рождаемости, ухудшение состояния здоровья детей и подростков, криминализация значительной части молодежи, рост наркомании, алкоголизма, бродяжничества, количества самоубийств среди молодежи, фетишизм богатства, отсутствие у молодежи духовности и т. д. Баланс положительных и отрицательных факторов в целом неутешителен, и сделанный специалистами еще в 1993 г. вывод о том, что каждое последующее поколение российской молодежи по основным показателям социального положения и развития хуже предыдущего, остается в силе (с. 121).

Касаясь вопроса о том, как изменить ситуацию, докладчик отметил что, “главная задача — положить конец духовному и нравственному кризису, охватившему прежде всего молодежь” (с. 116). В этих целях предлагалось радикально обновить всю работу с молодежью, улучшить образование и воспитание молодежи, шире использовать для этого русскую литературу, которая “должна установить контакт с новыми

поколениями” (с. 132), распространить среди молодежи идеи мира, ненасилия, продуктивного сотрудничества, формировать мировоззрение молодежи и школьников в духе принципов культуры мира воспитывать у молодого поколения патриотизм, готовность служить делу возрождения России.

На заседании Круглого стола № 5 “Массовая культура, СМИ и бизнес” с докладом выступил директор Российского института культуры К. Э. Разлогов, отметивший большое значение массовой культуры и СМИ “в формировании и распространении идей и настроений культуры мира в противовес идеологии войны” (с. 156). Подчеркнув, что “массовая культура и средства массовой информации — необходимые элементы культуры мира”, докладчик отметил, что “массовая культура органически сочетается с культурой мира, демократией в политике и рынком в экономике” (с. 153). Говоря о взаимоотношении культуры и бизнеса, он высказал мнение, что есть формы культуры, которые противопоставлены бизнесу, тогда как другие формы культуры развиваются преимущественно или даже исключительно на коммерческой основе — книгопечатание, телевидение, производство аудио- и видеозаписей и т. д. Формы культуры, предрасположенные к рынку, как правило, и называются массовой культурой. Для нее характерны всеобщность, примат компенсаторно-развлекательной, психотерапевтической функции, опора на новые технологии, позволяющие обеспечить ее широкое распространение (спутниковая и электронная связь и т. п.), коммерческая основа функционирования. Массовая культура, СМИ и бизнес имеют огромные возможности влияния на многомиллионные массы людей всех религий, рас и национальностей. Поэтому нельзя не согласиться с заключительным выводом доклада: “В конечном итоге вопрос о том, станет ли XXI век веком культуры мира и отказа от насилия, будет зависеть от мировоззрения, взглядов и поведения народов. В этой сфере трудно переоценить роль массовой культуры, СМИ и бизнеса” (с. 158).

Среди предложений участников дискуссии на заседании этого Круглого стола можно отметить проект издания книги под условным названием “Враг, отраженный в зеркале культуры, — друг”, имеющей целью содействовать разрушению образа “врага”, преодолению ксенофобии. Очень важным представляется предложение сосредоточиться на поисках возможностей широкого распространения идеи ненасилия как основания мировоззрения каждого отдельного человека, как естественной и биологической основы сохранения и продолжения рода (с. 169). Интересны предложения об использовании в деле становления культуры мира материальной культуры, находящей выражение в сфере производства и потребления, интегрирующего характера дизайна (с. 170) и т. д.

Таким образом, конференция обсудила широкий круг разнообразных проблем формирования культуры мира с учетом специфических условий, существующих сегодня в нашей стране. Все выступления ее участников были пронизаны стремлением содействовать тщательной разработке концепции культуры мира и наполнению ее таким содержанием, которое обеспечило бы самое широкое распространение идей мира, ненасилия, толерантности, уважения прав человека, развитие

демократии, гармонизацию межнациональных и межэтнических отношений. Общим было и убеждение в том, что все формы культуры, образование, наука, средства массовой информации могут и должны внести свой вклад в достижение этих целей.

Оценивая итоги конференции, можно вполне согласиться с мнением, высказанным в опубликованном в сборнике послесловии ответственного секретаря российской Комиссии по делам ЮНЕСКО А. Е. Егошкина о том, что она “заложила серьезную теоретическую и организационную базу для дальнейшего продвижения к вопросам мира и ненасилия в нашей стране” (с. 184). Именно в этом и состоит основное значение конференции.

Сборник завершают приложения, в которых содержатся документы и материалы ЮНЕСКО по различным аспектам культуры мира.

Сборник несомненно привлечет внимание не только специалистов, но и широкий круг читателей, интересующихся проблемами культуры мира, всестороннего развития, взаимопонимания и равноправного сотрудничества всех народов нашей планеты.

Б. В. Г а н ю ш к и н,
доктор юридических наук, профессор,
подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1992 г.

Рецензия поступила в редакцию 25 февраля 1999 г.

В ПОМОЩЬ СТУДЕНТАМ

(Бирюков П. Н. **Международное право: Учебное пособие.** — М.: Юрист, 1998. — 416 с.).

Еще относительно недавно, в начале 90-х годов, преподавание международного права в нашей стране было осложнено отсутствием новой учебной литературы. Добротные, фундаментальные учебники 70-х и 80-х не могли учесть кардинальных изменений международной жизни, потребовавших правовой оценки. Принятие в 1993 г. Конституции РФ с ее новеллой “международное право — часть правовой системы страны” обусловило необходимость выработки новых подходов в подготовке студентов, обучающихся по специальности “юриспруденция”.

По счастью, отечественная наука международного права довольно быстро и вполне адекватно прореагировала на возникший пробел. Уже в 1994 г. свет увидели два учебника, один из которых — под редакцией Г. И. Тункина, был подготовлен авторским коллективом МГУ, в создании другого — под редакцией Ю. М. Колосова и В. И. Кузнецова, принимали участие ученые МГИМО-У и Дипломатической академии МИД РФ. Впоследствии были изданы учебники под редакцией Г. В. Игнатенко (М., 1995), К. А. Бекяшева (М., 1998), вышли Общая часть (М., 1996) и Особенная часть (М., 1997) двухтомного курса международного права И. И. Лукашука. В дополнение к учебникам появились

альбомы схем, словари, сборники документов, различные учебные пособия, в числе которых и рецензируемая работа.

Сам автор указывает во введении (с. 6) на дополнительный характер подготовленного им учебного пособия, что делает честь его скромности. Следует признать, что подготовка в одиночку пособия, охватывающего весь спектр вопросов международного права, представляется делом весьма трудоемким и непростым. От автора потребовалось умение проанализировать и обобщить значительный массив международно-правовых актов, монографий и научных статей, а также учебной литературы. Заслуживает одобрения позиция автора по ряду проблем международного права, прежде всего, понимание его как самостоятельной системы права.

Вместе с тем, отмечая достоинства работы (о которых будет еще сказано ниже), мы не можем обойти вниманием ее недостатки и спорные моменты.

Автор придерживается известной схемы деления международного права на общую и особенную части. В общей части им рассматриваются основные понятия, категории и институты международного права, особенная часть посвящена изучению отдельных его отраслей. Однако наряду с отраслями международного права, в особенной части оказались такие темы, как “Содружество Независимых Государств” (глава 13) и “Международное сотрудничество по специальным вопросам” (глава 25). Темы эти, безусловно, значимы и интересны, но какое они имеют отношение к отраслям международного права?

Среди отраслей международного права автор называет международное атомное право (глава 22). Представляется, что данное название этой отрасли устарело, ей больше соответствовал бы термин “Международное ядерное право”, что, кстати, согласуется с вопросами названной темы (ядерная безопасность и радиационная защита, физическая защита ядерного материала и др.).

Автор справедливо отмечает, что ядро современного международного права, его “конституцию” образуют основные принципы (с. 14). В то же время раскрытию юридического содержания *jus cogens* им уделяется минимальное внимание, что вряд ли можно считать обоснованным.

Спорными представляются отдельные высказывания автора, касающиеся механизма реализации международно-правовых норм. Он пишет об имплементации международного права, причем различает ее международно-правовой и национально-правовой механизмы (с. 36). При этом обходится вниманием термин “трансформация”, широко используемый в науке международного права (как отечественной, так и зарубежной). Этот термин упоминается вскользь в главе 7, посвященной проблеме соотношения международного и внутригосударственного права.

К достоинствам названной главы следует отнести трезвую оценку монистических и дуалистической концепций, а также использование примеров, иллюстрирующих формы и способы реализации в РФ международно-правовых норм.

Вместе с тем, спорной представляется точка зрения о том, что международные договоры всегда имеют большую юридическую силу, чем акты внутригосударственного законодательства любого уровня

(с. 80). Сомнительно, что даже самый важный договор, заключенный Россией, может обладать приоритетом по отношению к Конституции РФ. Или, скажем, межправительственное соглашение будет обладать большей юридической силой, чем Федеральный закон.

В изложении некоторых глав встречаются пробелы. Так, при освещении проблемы ответственности в международном праве (глава 10) автор обходит вниманием вопрос о так называемой абсолютной ответственности (за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом). Правда, в главе 21, посвященной международному космическому праву, указанный пробел восполняется (с. 309—311).

При рассмотрении вопроса о международной уголовной ответственности физических лиц за преступления против мира и человечности не упоминаются два важных документа, действие которых ориентировано в обозримое будущее. Речь идет о разработанных и принятых Комиссией международного права в 1994 г. проектах Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и Статута Международного уголовного суда (последний, как известно, был подписан представителями ряда стран, в том числе РФ, в Риме 17 июля 1998 г.).

Заслуживает внимания глава 15, посвященная праву международной безопасности. В ней, наряду с общетеоретическими вопросами, автор рассматривает региональные системы коллективной безопасности, в том числе, Организацию Североатлантического договора (НАТО). Следует согласиться с оценкой действий блока в Югославии как представляющих серьезное нарушение положений Устава ООН. С учетом нынешних политических событий не вызывает сомнений также вывод о существовании проблем во взаимоотношениях НАТО и России, особенно в связи с предполагаемым расширением НАТО на Восток (с. 191).

К достоинствам работы следует отнести доступный стиль изложения, приведение примеров, иллюстрирующих положения соответствующих глав. К каждой главе прилагается перечень документов и литературы. Практическую пользу при подготовке к экзамену по международному праву могут оказать схемы, прилагаемые к учебному пособию (с. 353—400). К сожалению, схемы даются не ко всем темам, рассматриваемым в пособии; некоторые из схем, на наш взгляд, имеют неточности (например, схемы 23, 38).

В заключение хотелось бы пожелать автору дальнейших творческих успехов, в том числе и в плане доработки и усовершенствования своего учебного пособия, имеющего все шансы перерасти в новый учебник по международному праву.

С. А. Л о б а н о в,
кандидат юридических наук,
подробнее об авторе см. в № 2 нашего журнала за 1998 г.
О. В. З у б а р е в а,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Международной Академии информатизации

Рецензия получена в редакции в апреле 1999 г.

АССОЦИИРОВАННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

(“Путь к суверенитету” (на татарском, русском и английском языках). — Казань: Татарское газетно-журнальное издательство, 1999 г. — 198 с.)

Новый сборник состоит из трех документов — Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан, Конституции Республики Татарстан и Договора Российской Федерации и Республики Татарстан “О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти в Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан”. Вначале эти документы помещены в сборнике на татарском, затем русским и английским языках. Такой подход свидетельствует о стремлении руководства республики шире доводить до мирового сообщества основополагающие начала, определяющие статус Татарстана, его роль и положение в обществе.

Декларация о государственном суверенитете Республики Татарстан и Конституция Республики Татарстан закрепляют тот факт, что Республика Татарстан — это суверенное демократическое государство, выражающее волю и интересы всего многонационального народа республики.

Таким образом, нормативно закреплён многонациональный уклад жизни Республики. Равноправными государственными языками являются татарский и русский. Особо подчеркивается, что суверенитет и полномочия государства исходят от народа.

Экономической системе Республики Татарстан посвящена глава 2 Основного Закона. Ст. 10 утверждает, что основу экономики составляет социальное рыночное хозяйство, в котором в соответствии с законом обеспечивается свобода хозяйственной деятельности и разнообразие форм собственности, равные условия их правовой защиты. Последующие статьи указывают на то, что хозяйственная деятельность осуществляется на основе частной государственной собственности, собственности местного самоуправления и собственности общественных объединений. Конституцией Республики собственность объявляется неприкосновенной. Кроме того определяется, что торгово-экономические отношения Республики Татарстан с другими государствами строятся на договорной основе.

Раздел II Конституции воспринял нормативные положения международных соглашений в области прав человека. Основной Закон регламентирует вопросы гражданства. В частности, Республика Татарстан имеет свое гражданство. Граждане Республики обладают гражданством России. Пункт 3 Ст. 19 закрепляет возможность множественного гражданства, при условии международного договора Республики Татарстан с другими государствами.

Обращает на себя внимание Раздел III Главы 5 “Республика Татарстан — суверенное государство” Конституции. В частности указывается, что Республика Татарстан самостоятельно определяет свой государст-

венно-правовой статус, решает вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства. Территория республики объявляется неприкосновенной, а граница Татарстана с другими государствами устанавливается и изменяется по соглашению сторон.

Статья 61 Конституции закрепляет, что Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией — Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения. Далее закрепляется, что Республика Татарстан вступает в отношении с другими государствами, заключает международные договоры, обменивается дипломатическими, консульскими, торговыми и иными представительствами, участвует в деятельности международных организаций, руководствуясь принципами международного права. Объявляется также, что общепризнанные принципы и нормы международного права имеют приоритет над законами Республики Татарстан.

Отметим, что такой подход к определению государственного статуса Республики представляется достаточно новым, необычным и безусловно требует дальнейшего серьезного научно-практического анализа, прежде всего в вопросе соотношения этих положений со статусом Республики Татарстан как субъекта Федерации.

Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий проводит четкое и с юридической точки зрения обоснованное разграничение полномочий между: 1) органами государственной власти Республики Татарстан; 2) органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан. Статья IV Договора закрепляет 17 вопросов, относящихся к ведению Российской Федерации и ее органов (например, финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, основы ценовой политики, федеральный бюджет, федеральные энергетические системы, ядерная политика, расщепляющиеся материалы, федеральные пути сообщения, информация, связь, оборона, безопасность, оборонное производство, определение статуса и защита государственной границы, федеральное коллизионное право и т.д.).

Рецензируемый сборник будет интересен всем, кто занимается исследованием становления и развития законодательства субъектов Российской Федерации. Кроме того, данное издание может быть использовано при проведении сравнительно-правового анализа законодательства России и ее субъектов, а также при изучении конституционного права России и международного права.

В.В. Алешин,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ОКЕАНА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА “МИР ОКЕАНАМ”

(К выходу в свет бюллетеня “Мир океанам” № 14—15/1998 и № 16—17/1999 Международного комитета за мир, разоружение и экологическую безопасность на морях и океанах)

Бюллетень “Мир океанам” № 14—15/1998 посвящен наиболее важным событиям деятельности Международного комитета “Мир океанам” за 1997 год.

К таким событиями, прежде всего, относятся юбилейные торжества по случаю 10-летия Комитета, а также подготовка и проведение Международной Акции на Черном и Средиземном морях, посвященной 850-летию Москвы.

В этой Акции приняло участие свыше 400 ветеранов войны, Вооруженных Сил и представителей общественных организаций. Как отмечается в сообщении руководителя Международной Акции П.Д. Бараболи, это мероприятие явилось поистине исторической демонстрацией дружбы между народами России и стран Средиземноморского региона.

С приветствием участникам Международной Акции на страницах сборника обращаются Председатель Государственной Думы Г.Н. Селезнев и Мэр Москвы Ю.М. Лужков.

В выступлениях участников Акции — академика Российской Академии естественных наук, доктора исторических наук А.С. Орлова, профессора Н.Г. Агаджанова, заместителя председателя Международного комитета “Мир океанам” Ю.А. Быстрова и ряда других подчеркивается историческая роль столицы в создании и укреплении Российского государства и его Военно-Морского флота, показывается беспредельная доблесть русских моряков, их горячий патриотизм, гуманизм и уважение к народам других стран.

В сборнике помещены материалы о конференциях, в которых участвовали члены Комитета. Член Президиума Международного комитета “Мир океанам” А.В. Сорокин публикует материалы о Первой в России региональной Конференции Ассоциации международного права, состоявшейся 17—20 сентября 1997 в г. Москве. Своими впечатлениями о Российско-американской конференции “Морское законодательство, международное право и миротворческие операции”, которая проводилась с 8 по 11 декабря 1997 года также в Москве, на страницах журнала поделилась главный редактор бюллетеня “Мир океанам” О.И. Кондратьева. Участвовавший в работе этой же конференции член Московской городской коллегии адвокатов А.А. Баев освещает некоторые проблемы борьбы с пиратством и терроризмом на море. Отмечая особую опасность такого рода противоправных актов, А.А. Баев выделяет такие направления повышения безопасности мореплавания, как формирование общественного мнения, осуждающего терроризм; определение правовых основ борьбы с этими явлениями; обеспечение экологической безопас-

ности; совершенствование международно-правовой базы, регламентирующей ответственность за преступления на море и ряд других.

Бюллетень включает специальный раздел по современным проблемам морской экологии, предотвращению радиационного загрязнения морей и океанов. Председатель Комиссии по морской экологии МКМО Э.Р. Черняховский подчеркивает, что защита окружающей природной среды является необходимым условием достижения экономического развития. На проблему влияния глобальных экологических потрясений и их влияния на общество высказывает свою точку зрения зав. лабораторией географического факультета МГУ Т.И. Кондратьева.

В сборнике уделяется значительное внимание подборке и публикации информационных материалов и сообщений. В частности, публикуются сведения о ратификации Россией 26 февраля 1997 года Конвенции ООН по морскому праву, подписанной в 1982 году в г. Монтего-Бей. О составе и полномочиях Международного Трибунала ООН по морскому праву сообщается в публикации судьи этого международного судебного учреждения, доктора юридических наук, профессора А.Л. Колодкина.

В объединенном номере бюллетеня "Мир океанам" №16—17 за 1999 год основное внимание уделяется освещению международной акции по реке Дунай, посвященной международному году океана. В приветственных обращениях руководителей государственных органов и общественных организаций, публикациях многочисленных участников акции подчеркивается настоятельная необходимость безусловного выполнения "Хартии Мирового океана" — Конвенции ООН по морскому праву, в особенности в части предотвращения загрязнений морской среды, пагубного использования морских ресурсов, защиты животного мира. Эти же проблемы активно обсуждались в рамках организованного Международным комитетом "Мир океанам" семинара на тему "Мировой океан — наследие будущего".

Значительное место в сборнике занимает раздел, посвященный состоявшимся семинарам и конференциям. Читатель сможет ознакомиться с основными тезисами выступлений участников Международной конференции по вопросам запрещения биологического и токсичного оружия.

В рамках федеральной целевой программы "Мировой океан" 2—6 ноября 1998 года состоялась международная конференция "Международно-правовые проблемы мирового океана". На конференции своими взглядами на проблему иммунитета государственной собственности от юрисдикции и исполнительных мер иностранных государств поделился профессор Е.Т. Усенко, справедливо утверждающий, что государство в силу принципа *par in parem non habet jurisdictionem* (равный над равным юрисдикции не имеет) не может быть привлечено к ответственности перед судебными органами другого государства и без его согласия иностранные государственные органы не могут принимать обеспечительных мер против его имущества или обращать на его имущество меры принудительного исполнения. Актуальные проблемы претворения в жизнь концепции порта захода в морских портах Дальнего Востока России затронул в своем выступлении на конференции профессор В.В. Ермаков.

Важный раздел бюллетеня посвящен проблемам морской экологии. Вопросы организации работ по предотвращению загрязнения водных объектов нефтью и ликвидации аварийных нефтяных разливов рассматриваются в публикации председателя Комиссии по морской экологии МКМО Э.Р. Черняховского. На IV Конференции министров окружающей среды Европы, рассматривавшей Программы действий по охране окружающей среды, обсуждались в том числе и вопросы оказания дополнительной внешней помощи для улучшения состояния окружающей среды в СНГ. В сборнике публикуются также статьи по проблемам экологического состояния шельфовой зоны Черного моря и природной среды балтийского региона.

Значительное место в бюллетене занимает раздел “Информационные материалы”, в котором приводятся краткие сообщения о наиболее важных событиях в нашей стране и за рубежом: о вступлении в силу Закона РФ “О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне”, о подписании Соглашения “О взаимодействии в интересах Российского флота” (“Морское соглашение”), о новом регламенте судоходства в Черноморских проливах, о проблемах Каспийского моря, о морской Арктической комплексной экспедиции и ряде других.

Весьма интересными в разделе “Страницы истории” представляются материалы, опубликованные профессором М.И. Лазаревым о попытках создания на территории бывшего СССР военно-морских баз США, а также ряд других публикаций.

Оценивая выход в свет этих двух бюллетеней, следует отметить особую роль Международного комитета “Мир океанам” в деле консолидации усилий мирового сообщества, направленных на превращение океана в зону сотрудничества, мира и безопасности, а также подчеркнуть значимость усилий редакционной коллегии по превращению бюллетеня в важное средство решения задач, стоящих перед Комитетом.

В.В. С в и н а р е в,
кандидат юридических наук

Рецензия получена редакцией в мае 1999 года.

Трибуна преподавателя и студента

МОДЕЛЬ ООН

Модель ООН — это студенческая игра. Один или несколько органов ООН намечается к имитации, а дальше все разворачивается так, как в самой Организации Объединенных Наций. В этот раз мы будем моделировать Совет Безопасности: будет 15 членов Совета, пять — постоянные, десять — временные, мы берем тот состав, который сейчас имеется в СБ. Обычно на моделях рассматриваются вопросы, которые являются предметом внимания ООН в текущий момент. Поэтому рассматривалась ситуация вокруг Косово, как в жизни.

США и их партнеры по НАТО нарушили Устав ООН. Дело в том, что по Уставу ООН санкции против государства могут осуществляться только в случае угрозы со стороны этого государства или уже совершившегося нарушения всеобщего мира и безопасности. Санкции могут применяться только по решению Совета Безопасности. По Уставу предполагалось, что эти санкции будут осуществляться именно Организацией Объединенных Наций, для чего государства должны были выделить специальные воинские контингенты в распоряжение ООН, заключив соответствующие соглашения. На практике за 50 с лишним лет существования ООН таких соглашений заключено не было. И поэтому в тех случаях, когда СБ принимал решение о применении санкций, в том числе с использованием вооруженных сил, он был вынужден поручать реализацию санкций какой-то группе государств. Так было в случае агрессии Ирака против Кувейта. В данном случае в ситуации вокруг Косово и вокруг Югославии действия СРЮ нельзя квалифицировать как угрозу всеобщему миру и безопасности. Если можно, то с большой долей условности. В Югославии происходил внутренний конфликт. Когда то же самое происходило у нас в Чечне, то те же самые западные деятели и политики открыто сказали, что это внутреннее дело России. Хотя чеченская ситуация мало чем отличалась от косовской с точки зрения масштабов угрозы для всеобщего мира и безопасности.

Американцы в доктринальном плане развивают концепцию так называемой “гуманитарной интервенции”, которая международным правом не предусмотрена. Согласно этой концепции (хотя далеко не все ее признают даже в США), в случае если политика какого-то государства приводит к грубым и массовым нарушениям прав человека, то у других

государств возникает право на “гуманитарную интервенцию”. На этом основании они вводили свои войска в Гренаду и свергли правительство Биппопа, ссылаясь на то, что проводится политика грубого нарушения прав человека, а там находилось около трех тысяч американских студентов. В случае с Косово американцы полагают, что у них возникло такое же право на гуманитарную интервенцию. Но в международном праве никаких документов, не только договоров, но даже резолюций рекомендательного характера, оправдывающих “гуманитарную интервенцию”, нет. То есть никаких юридических оправданий у стран НАТО нет.

Что касается фактически происходящего конфликта, здесь возникает вопрос международного гуманитарного права, которое состоит из двух разделов. Эти разделы обычно именуются юристами Гаагским правом и Женевским правом. Гаагское право — это та группа конвенций и деклараций, которые ограничивают средства и методы ведения военных действий. Это касается как международных, так и внутренних конфликтов. А Женевское право содержит предписания о защите жертв войны — раненых, военнопленных и гражданского населения. Есть еще Гаагская конвенция 1954 года “О защите культурных ценностей в ходе вооруженного конфликта”. Международное Гаагское право запрещает использовать оружие неизбирательного действия, оно вызывает огромные жертвы среди мирного населения. Поэтому кассетные бомбы, напалм и другие виды оружия так называемого неизбирательного действия запрещены. Поэтому США (а на территории СРЮ уже обнаружены кассетные бомбы), используя запрещенные боеприпасы, нарушают к тому же международное гуманитарное право. Американцы, англичане, немцы и французы — участники Женевских конвенций 1949 года и двух Дополнительных протоколов 1977 года. Следовательно, они нарушают свои международные обязательства и основополагающий международно-правовой акт современности — Устав ООН и нормы международного гуманитарного права. И ни одно действие стран НАТО юридически оправдать невозможно.

За время до начала модели участники игры были ознакомлены с работой ООН и непосредственно СБ. Их ознакомили с процедурами обсуждения вопросов, голосования, принятия резолюций, правом вета и многими другими.

Работа сессии началась с того что представители СБ заслушали весьма компетентных экспертов. Перед нами выступила Гуськова И. Ю., специалист по истории Югославии, которая предложила очень глубокий и интересный взгляд на проблему, что сразу выявило сложность и неоднозначность этого вопроса. После этого И. Ю. Авдеев изложил официальную позицию МИД относительно ситуации в Косово. И безусловно нам было очень приятно познакомиться с легендой советской дипломатии О. А. Трояновским, которой поделился своим опытом представления СССР в СБ ООН.

Затем члены СБ приступили к работе. Были утверждены повестка дня и регламент. Представители стран довольно полно и четко выразили позиции государств, которых они представляли. После чего работа СБ пришла к своему логическому тупику. Произошел неизбежный кризис, который и существует в реальности. Все это результат того, что страны

четко придерживались своих позиций. Первый день был завершен. Ни один пункт резолюции не был принят.

Во второй день делегаты начали искать компромисс. Представители Великобритании и Франции представили совместный проект резолюции, который и стал отправной точкой. Основные дебаты происходили между делегациями США, Китая и России. Результатом двухдневной работы стал проект резолюции (текст прилагается).

А. Артамонов, А. Игнатов,
Р. Сагатов, В. Смирнов

РЕЗОЛЮЦИЯ, КОТОРАЯ БЫЛА ПРИНЯТА НА “МОДЕЛИ ООН”

Организация
Объединенных Наций

S/1999/1221
15 april 1999

Совет Безопасности

RUSSIAN
Original: ENGLISH
and FRENCH.

Резолюция 1221 (1999), принятая Советом Безопасности на его 3940-м заседании 15 апреля 1999 г.

Совет Безопасности,

напоминая о своей главной ответственности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций за поддержание международного мира и безопасности,

ссылаясь на свои резолюции 1160 (1998) от 31 марта 1998 года, 1199 (1998) от 23 сентября 1998 года, 1203 (1998) от 24 октября 1998 года и 1207 (1998) от 17 ноября 1998 года и важность мирного урегулирования проблемы Косово, Союзная Республика Югославия,

будучи глубоко встревожен и обеспокоен сложившейся гуманитарной катастрофой в Косово и прилегающих к нему регионах и странах, глубоко сожалея о жертвах в результате военно-воздушных операций сил НАТО в Югославии,

развивая положения, представленные в докладе Генерального секретаря от 9 апреля 1999 года,

приветствуя усилия членов Контактной группы в поисках совместного

решения для выхода из кризисной ситуации, ссылаясь на готовность стран, участвующих в воздушных операциях НАТО в СРЮ, приостановить эти операции с момента вступления в действие положений резолюции № 1221, ссылаясь на готовность руководства СРЮ отвести свои вооруженные силы и отряды полиции из регионов проживания албанцев в Косово и на создание адекватных условий для безопасного возвращения беженцев на свои места проживания, ссылаясь также на предварительное согласие конфликтующих сторон со всеми пунктами данной резолюции, действуя на основании глав VI и VIII Устава,

1. Требует восстановить политическое урегулирование вопросов, связанных с предоставлением максимальной автономии Косово в рамках СРЮ, на основе уже достигнутых результатов на переговорах в Рамбуйе и Париже.

2. Постановляет создать комиссию для ведения переговоров по мирному урегулированию конфликта и пригласить для участия в ней противоборствующие стороны. В состав комиссии включить также представителей стран — постоянных членов СБ, а также Германии и одной из исламских стран. Предложить Организации Исламской конференции определить страну-делегата для участия в работе этой Комиссии.

3. Постановляет создать под мандатом ООН миротворческий контингент по поддержанию мира в Косово со смешанным многонациональным составом и под совместным политическим контролем со стороны НАТО и ОБСЕ.

4. Постановляет обеспечить ввод миротворческого контингента с одновременным выводом подразделений сил безопасности СРЮ из регионов проживания албанцев в Косово и полным разоружением Освободительной армии Косово.

СБ подчеркивает, что гуманитарная акция, проводимая под мандатом ООН, не является продолжением действий НАТО в Югославии.

5. Постановляет приостановить военно-воздушные операции НАТО с момента вступления в действие вышеуказанных пунктов.

6. Постановляет обеспечить гарантии вывода миротворческого контингента после достижения поставленных целей:

возвращение беженцев на места проживания;

восстановление гражданской инфраструктуры СРЮ;

восстановлении автономии Косово в рамках политических договоренностей, достигнутых в Рамбуйе.

7. Призывает страны, принимающие участие в гуманитарной акции в Югославии, всячески содействовать восстановлению экономики и инфраструктуры этой страны.

8. Постановляет продолжать заниматься этим вопросом.

Статья поступила в редакцию в мае 1999 г.

Хроника

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ДЕКЛАРАЦИИ И ЖИЗНЬ

Под таким названием 17—18 февраля 1999 года в Московском энергетическом институте прошла Международная научная конференция, посвященная 50-летию Всеобщей декларации прав человека. Организаторами конференции были Международный независимый эколого-политологический университет, Институт государства и права Российской академии наук, Московский энергетический институт. Содействие в проведении конференции оказали Государственная Дума Российской Федерации, Госкомэкологии России, Военный университет Минобороны РФ, Независимый экспертно-правовой совет Московской хельсинкской группы.

Конференция предполагала оказать содействие решению научных, образовательных, воспитательных и политико-правовых задач. Среди них:

- сравнительный анализ Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и системы законодательства России;

- оценка обеспеченности и защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации, определение перспектив их развития;

- привлечение внимания средств массовой информации, издательств, учебных заведений, других государственных и некоммерческих организаций к проблеме обеспечения прав человека в России;

- выделение аспектов угрозы национальной безопасности страны, связанных с ущемлением прав и свобод человека и пр.

В работе конференции приняло участие несколько сот человек. Среди них студенты, научные работники, государственные чиновники, а также частные лица. Необходимо отметить, что конференция привлекла большое количество участников благодаря ее высокому уровню организации, актуальности тем, обсуждаемых участниками конференции.

Открыл работу конференции Президент Московского независимого эколого-политологического университета, академик РАН Н.Н.Моисеев. Он приветствовал ее участников, пожелав им плодотворной работы. После этого он же выступил с докладом на тему “Экологическая парадигма развития цивилизации и прав человека”.

Продолжил пленарные доклады Председатель комиссии по правам человека при Президенте РФ профессор В.А.Карташкин. В своем докладе “Россия и Всеобщая декларация прав человека” он отметил, что разработка и принятие Всеобщей декларации прав человека стало важ-

ным этапом в развитии международных отношений. Профессор подробно рассказал о мероприятиях, проводимых возглавляемой им комиссией. В частности, он сказал, что “в связи с 50-летим принятия Декларации Президент Российской Федерации объявил 1998 год Годом прав человека в Российской Федерации и образовал национальный комитет по его проведению”¹. Среди перспектив развития прав человека в России и их защиты докладчик выделил Федеральную концепцию прав человека в России в XXI веке, разработка которой завершается комиссией по правам человека при Президенте РФ.

Следующий доклад был посвящен проблеме беженцев и вынужденных переселенцев в России. С докладом на тему “Правовая защита беженцев и вынужденных переселенцев” выступил начальник Юридического отдела Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев А.Сильвестри. Он подробно рассмотрел современное законодательство России о правовой защите данных категорий лиц, изложил проблемы, с которыми приходится сталкиваться беженцам и вынужденным переселенцам, а также внес свои предложения для решения существующих проблем в области защиты прав беженцев и вынужденных переселенцев.

Доклад члена-корреспондента РАН О.С.Колбасова из Института государства и права РАН на тему “Экологические права человека: декларация и реальность” был посвящен истории развития и формирования данной категории прав, их специфическим особенностям, широкомасштабному нарушению экологических прав. Докладчик отметил, что “государства хотя и признают эти права в многочисленных международно-правовых актах и национальном законодательстве, фактически не способны гарантировать их реализацию”².

Особый интерес вызвал доклад депутата Государственной Думы профессора С.Н.Бабурина на тему “Права и положение беженцев из ближнего и дальнего зарубежья в РФ”. В докладе была приведена неутешительная статистика количества мигрантов, нелегально находящихся на территории России³. Основная проблема этих лиц — политика непредоставления им статуса беженцев или вынужденных переселенцев. Среди проблем, которые не способствуют разрешению данного вопроса, докладчик отметил следующее: неэффективность деятельности Федеральной миграционной службы России, отсутствие материальных средств для обеспечения нормальной жизни беженцев и вынужденных переселенцев, проблемы в законодательстве РФ по данному вопросу и отсутствие реального применения норм, зафиксированных в Законе РФ о беженцах и Законе РФ о вынужденных переселенцах.

Во второй день конференции интересный доклад на тему “Защита прав человека в практике Конституционного суда РФ” сделал судья Конституционного суда А.Л.Кононов. По словам докладчика, почти каждое второе дело, рассмотренное Конституционным судом РФ, связано с защитой основных прав и свобод человека и гражданина. Среди основных положений доклада необходимо отметить следующие: конституционная жалоба — эффективное средство защиты прав человека; практика рассмотрения Конституционным судом жалоб граждан весьма обширна и охватывает весь спектр основных прав человека и граждани-

на. В заключение А.Л.Кононов отметил, что “решающими для всей правоприменительной практики в сфере реализации основных прав и свобод становятся позиции Конституционного суда, выраженные им в своих постановлениях и определениях”⁴.

Доклад директора Центра международного права и гуманитарных проблем Дипломатической академии МИД РФ профессора С.В.Черниченко на тему “ООН и права человека” был посвящен практическим результатам и существующим проблемам в сфере межгосударственного сотрудничества по вопросам защиты прав человека. Среди результатов докладчик выделил следующие: межгосударственное сотрудничество в области защиты прав человека приобрело универсальный характер; в рамках ООН сложилась и развивается концепция этого сотрудничества; создана разветвленная сеть международных механизмов и процедур в области защиты прав человека; активное развитие получило региональное сотрудничество в области прав человека и т.д. Среди проблем современного этапа С.В.Черниченко отметил: несовершенство механизмов защиты прав человека; нерешенность вопроса о критериях, позволяющих определить, совершаются ли в государстве грубые и массовые нарушения прав человека, и ряд других⁵.

Выступление Председателя Московской хельсинкской группы Л.М.Алексеевой было посвящено положению прав человека в России в настоящее время. В самом начале доклада она сказала: “Ситуация с правами человека в России не лучше, чем была в СССР, но в России она плоха по-другому”⁶. Если в СССР в законодательстве был закреплён принцип “человек для государства”, то в России сформулированный принцип “государство для человека” на практике не реализуется. Выступающая отметила, что многие нарушения прав человека в России в настоящее время изжиты, но другие (дедовщина, дискриминация женщин и детей), наоборот, усугубилась. Докладчик также затронула проблемы и задачи, стоящие перед современными правозащитными движениями и организациями.

Помимо вышеуказанных докладов во второй день конференции выступили доктор юридических наук Р.А.Каламкарян с докладом “Всеобщая декларация прав человека: достижения и перспективы”; председатель комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и без вести пропавшим, профессор В.А.Золоторев с докладом “Вооруженный экстремизм и правовое положение жертв вооруженных конфликтов в России”; начальник управления информации МВД России генерал-лейтенант А.Г.Михайлов с докладом “Средства массовой информации и воспитание молодежи”; профессор С.Е.Вицин с докладом “Судебный контроль в уголовном судопроизводстве”; член Московского городского суда, доцент С.А.Пашин с докладом “Право на суд присяжных”; председатель Независимого экспертно-правового совета М.Ф.Полякова.

Помимо пленарных заседаний работа конференции проводилась по секциям⁷ и в форме круглых столов⁸. Представители МГИМО (У) МИД РФ приняли участие в работе третьей и шестой секций конференции.

Работа шестой секции конференции была посвящена правам беженцев в России. В ее работе приняло участие около двадцати человек.

Среди них депутат Государственной Думы С.Н.Бабурин, замминистра по делам национальностей К.М.Цаголов, представители афганской общины в России, представители Таврического экологического института, а также студенты и аспиранты российских и зарубежных высших учебных заведений.

Бахамд Моххаммад Латиф выступил с докладом “Права афганских граждан в РФ и Всеобщая декларация прав человека”. Он отметил, что падение режима Наджибулы и формирование исламского государства стало причиной того, что десятки тысяч афганцев, находившиеся на территории РФ, не смогли вернуться на родину в силу опасений преследований со стороны нового правительства Афганистана. К тому прибавилось неопределенное правовое положение данной категории лиц в России, так как власти не хотят признавать за ними статуса беженцев и решать данную проблему. Докладчик выразил пожелание, что в ближайшем будущем проблема афганских беженцев будет разрешена.

Доклад аспиранта кафедры международного права МГИМО Д.В.Иванова на тему “Правовое положение беженцев по законодательству России и Великобритании и его соответствие международному праву” содержал следующие основные положения и выводы:

1. Оба государства присоединились к основным международным соглашениям в сфере защиты беженцев и внесли соответствующие изменения в свое национальное законодательство (Россия путем принятия специального Закона РФ о беженцах, Англия посредством инкорпорации Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г.), что свидетельствует об общем формальном соответствии законодательства этих стран в этой области международному праву.

Однако внесение изменений в национальное законодательство не обеспечивает беженцам, законно находящимся на территории данных государств, полной правовой защиты и материальной помощи, что прежде всего вызвано политикой этих стран в отношении беженцев, направленной не на долгосрочное решение проблемы беженцев, а, наоборот, на то, чтобы избавиться от них, переложив бремя забот и ответственность за них на другие государства и международные гуманитарные организации.

Очевидно, что проблема такого отношения к беженцам со стороны не только России и Англии, но и остальной части международного сообщества может быть решена в том случае, если право данной категории населения искать и пользоваться убежищем в иностранных государствах будет обеспечено встречным обязательством государств предоставлять такое убежище по обстоятельствам, предусмотренным международными соглашениями. Но самое главное — зафиксировать такую обязанность во внутреннем праве государств.

2. Несоответствие законодательства России и Великобритании международному праву проявляется в том, что лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, может воспользоваться в полном объеме правами, предусмотренными международным и национальным правом, только после закрепления за ним статуса беженца в национальном праве. При этом необходимо учесть и то обстоятельство, что процедура

признания лица беженцем занимает несколько месяцев и его правовое положение в этот период лишь отчасти регулируется международным правом, в основном национальным. Следовательно, необходимо более тщательно контролировать применение положений конституций государств о примате международного права над внутренним, в частности, п. 4 ст. 15 Конституции РФ, который гласит: "Общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора".

3. Отдельную правовую проблему для России составляет концепция вынужденного переселенца, получившая свое правовое оформление в Законе РФ О вынужденных переселенцах и Соглашении стран СНГ о помощи беженцам и вынужденным переселенцам.

4. В последние годы наметилась тенденция предоставления правовой помощи со стороны Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев не только беженцам по определению Конвенции 1951 г., Протокола 1967 г. и Устава УВКБ ООН, но и лицам, нуждающимся в международной помощи в широком смысле (например, сюда включают лиц, ищущих убежища, в ситуациях массового притока).

Однако Россия и Англия не стремятся внести изменения в свое законодательство, которые бы расширили круг лиц и сферу применения Конвенции 1951 г., Протокола 1967 г. и внутренних законодательных актов. Почему так происходит? Очень просто. Предложения Исполнительного комитета УВКБ ООН в форме заключений носят рекомендательный характер. Следовательно, необходимо внесение соответствующих поправок непосредственно в международные соглашения, чтобы они приобрели обязательный характер для государств-участников.

5. В соответствии с международным правом УВКБ ООН имеет право признавать за лицом, ищущим убежища, статус беженца на территории государства-участника Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г., а также принимать участие в национальных процедурах установления такого статуса. Однако, получив статус беженца от УВКБ ООН, беженец получает правовую и материальную помощь не от государства убежища, а от УВКБ ООН непосредственно.

Несмотря на подписанное 6 октября 1992 г. Правительством РФ и УВКБ ООН Соглашение, до сих пор не определен правовой статус беженцев, признанных в качестве таковых на территории России. Что касается Великобритании, то этот вопрос тоже еще не разрешен.

6. Самая главная проблема беженцев в России и Великобритании — это несоответствие их реального правового и материального положения тому положению, которое предусмотрено международными и внутренними правовыми нормами. Государства не выполняют полностью взятые на себя международные обязательства.

7. Однако несмотря на все негативные моменты, необходимо отметить, что проблема защиты беженцев во внутреннем праве России и Англии сдвинулась с мертвой точки, и существует уверенность, что

беженцы, покинув страну своей гражданской принадлежности, найдут на территории России, Англии и других государств не только убежище, но и смогут нормально жить как и граждане этих государств.

Доклад В.А.Морозова был посвящен социальным аспектам жизни детей беженцев в России. Докладчик отметил, что Федеральная целевая программа 1997 г. "Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев" и президентская программа "Дети России" не решили основных задач социальных проблем указанной категории лиц. Многие вопросы, решенные на бумаге, на самом деле остаются не решенными. Из-за слабого бюджета РФ государственные органы власти не решают вопрос о статусе афганских беженцев и их детей. Выступающий предложил провести перепись афганских беженцев и на основании полученных данных разработать программу социальной защиты детей.

Доклад М.Л.Гунаре был посвящен истории миграции в РФ и проблемам, с которыми им приходится сталкиваться.

В целом шла достаточно открытая и бурная дискуссия по данной проблеме по различным ее аспектам — правовым, экономическим, политическим, социально-культурным, этническим и другим. В итоге обсуждения участники секции приняли решение внести соответствующие предложения по проблеме защиты прав беженцев в проект резолюции конференции. В итоговом варианте резолюции было рекомендовано неукоснительно соблюдать международные конвенции и российское законодательство о статусе беженцев, оказывать эффективную поддержку беженцам и вынужденным переселенцам, проживающим в России.

Работа секции "Международное движение за права человека: история и современность" проходила под руководством заведующего кафедрой конституционного и административного права Международного независимого эколого-политологического университета, доцента Ю.И.Мигачева и руководителя Центра содействия международной защите прав человека К.А.Москаленко. В работе секции приняли участие представитель Института государства и права Р.А.Каламкарян, профессор МГИМО (У) МИД РФ О.Н.Зименкова, гость конференции из Швейцарии профессор Ремо Галли, а также преподаватели и студенты Международного независимого эколого-политологического университета (МНЭПУ) и Военного университета.

На заседании был заслушан ряд докладов, посвященных истории принятия Всеобщей декларации прав человека и актуальным проблемам защиты прав человека на современном этапе в России и за рубежом. Участники обсудили широкий круг проблем, связанных с международно-правовым и конституционно-правовым закреплением прав и свобод человека и гражданина в контексте общественных процессов, происходящих в Российской Федерации и в мире. В ходе работы секции возникла оживленная дискуссия по вопросам влияния прав человека на окружающую среду и экологическую безопасность, в которой приняли активное участие преподаватели и студенты МНЭПУ.

Доклад студента МГИМО А.С.Линникова был посвящен вопросам защиты культурных ценностей в контексте охраны экономических и культурных прав человека в России и за рубежом. Доклад содержал краткий обзор истории защиты культурных ценностей и анализ между-

народно-правовых соглашений и актов международных организаций в области охраны культурных ценностей на современном этапе и сформулировал дальнейшие перспективы их международно-правовой охраны.

В результате войн и стихийных бедствий значительная часть культурного наследия человечества была безвозвратно потеряна. Примером тому могут служить ужасающие итоги Второй мировой войны, в ходе которой многие шедевры искусства, науки и литературы были уничтожены, похищены мародерами, целенаправленно перемещены за пределы государств, которым они по праву принадлежали, или отняты у законных владельцев. Именно страшные последствия этой самой разрушительной из войн за всю историю человечества подтолкнули мировое сообщество к принятию решительных мер по обеспечению защиты мирового культурного наследия.

Защита исторического и культурного наследия человечества тесно связана с проблемой обеспечения соблюдения экономических и культурных прав человека. Право на участие в культурной жизни, закрепленное статьей 15 Международного пакта о экономических, социальных и культурных правах, следует трактовать, в частности, и как право иметь доступ к культурным ценностям, а также иметь их в частной собственности. Рекомендация ЮНЕСКО от 19 ноября 1964 года о мерах, направленных на запрещение и принуждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности, определяет культурные ценности как движимое и недвижимое имущество, имеющее большое значение для культурного достояния каждой страны вне зависимости от формы собственности, в которой оно находится. Статья 17 Всеобщей декларации прав человека закрепляет право каждого человека на владение имуществом и устанавливает принцип недопустимости произвольного лишения человека его имущества. Таким образом, право человека на культурные ценности, находящиеся в частной собственности, должно пользоваться международно-правовой защитой. Право человека на владение и распоряжение принадлежащими ему культурными ценностями следует считать защищенным международным правом в той же мере, как и право на труд, социальную защиту, на достойный уровень жизни, образование и иные экономические, социальные и культурные права. Таким образом, право человека на пользование культурными ценностями необходимо включить в комплекс прав человека второго поколения (экономические, социальные и культурные права), для эффективной реализации которых на национальном уровне требуется активное вмешательство со стороны государства и его финансовая поддержка.

В настоящее время охрана культурных ценностей регулируется рядом международных соглашений и актов международных организаций. Следует отметить, что последние (например, рекомендации ЮНЕСКО) могут не носить обязательного характера, хотя и устанавливают единые стандарты в области охраны культурных ценностей для государств—участников организаций. Особую роль в защите культурных ценностей играет ЮНЕСКО и ее Межправительственный комитет по содействию возвращению культурных ценностей в страны их происхож-

дения и реституции культурных ценностей в случае их незаконного присвоения, который действует в рамках Управления ЮНЕСКО по делам культурного наследия. Важный вклад в охрану всемирного наследия вносят неправительственные международные организации (Международный Комитет Красного Креста, Международный совет архивов, Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест ИКОМС, Международный совет музеев ИКОМ и др.) и региональные организации по охране культурных ценностей (Латиноамериканская организация музеев АЛАМ, Организация музеев, памятников и достопримечательных мест Африки ОММСА).

Проблема защиты культурных ценностей особенно остро стоит для России. Ослабление государственного контроля над сохранением и обращением культурных ценностей спровоцировало рост правонарушений, связанных с уничтожением и хищением предметов, представляющих историческую, культурную и научную ценность. В соответствии со ст. 15 Конституции России общепризнанные принципы международного права (императивные принципы *jus cogens*), в том числе и принцип уважения прав человека, и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Однако несмотря на международно-правовое и конституционное закрепление прав граждан РФ на культурные ценности, их права продолжают грубо попирааться. Об этом красноречиво свидетельствуют статистические данные. В 1989 году в СССР было зарегистрировано 375 случаев краж предметов искусства, а в 1993 году в независимой России — 4796 случаев совершения подобных преступлений. При этом 75% краж совершены из частных коллекций, 24% — из культовых учреждений и лишь 1% — из государственных хранилищ. Принимая во внимание эти удручающие данные, можно сделать вывод, что ухудшение социально-экономической обстановки в стране и низкая эффективность работы правоохранительных органов отражаются прежде всего на частных собственниках культурных ценностей — гражданах и культовых учреждениях. Для обеспечения надлежащей охраны культурных ценностей вне зависимости от формы собственности, в которой они находятся, представляется необходимым представить предметам и объектам, имеющим важное значение для культурного наследия Отечества, особый статус, подкрепленный государственной защитой. Речь идет также и о предоставлении владельцам культурных ценностей права требовать от государства гарантий защиты своего имущества.

Во второй день конференции состоялось представление Фонда по защите прав человека им. Э.М.Аметистова. Целями и задачами Фонда является преподавание в качестве дополнительной образовательной дисциплины теории и практики защиты прав человека, привлечение студентов и выпускников к участию в практической работе органов и организаций, занимающихся защитой прав человека. К проведению теоретических и практических занятий приглашены видные российские юристы-ученые, преподаватели и практики.

После подведения итогов работы конференции, сообщений руководителей секций и круглых столов была принята итоговая резолюция конференции. Резолюция содержит пакет рекомендаций в юридичес-

кой, информационной и духовно-нравственной, экологической, экономической, образовательной и научных сферах.

Участники конференции обсудили широкий круг проблем, связанных с законодательным обеспечением и фактическим осуществлением прав и свобод человека и гражданина в современной России, с развитием образования и научных исследований в области прав человека в контексте общественных процессов, происходящих в России и в мире.

Прошедшая конференция имеет важное значение для обмена накопившемся опытом, поиска решений существующих проблем и просто для общения между людьми, которые интересуются проблемой защиты прав и свобод человека.

Д.В.И в а н о в,
кандидат юридических наук кафедры, преподаватель
международного права МГИМО (У) МИД РФ,
А.С.Л и н н и к о в,
студент того же института.

¹ Права человека в России: декларации, нормы и жизнь. — М.: Издательство МНЭПУ. 1999. — С. 92-93.

² Там же. — С. 97.

³ От 6 до 9 млн. человек.

⁴ Права человека в России: декларации, нормы и жизнь. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. — С. 98.

⁵ Подробнее см. выше, ч. 205-207.

⁶ Там же. — С. 19.

⁷ Первая секция — “Права и свободы человека в современной России: от чего ушли, к чему пришли?”, вторая — “Безопасность человека. Проблемы обеспечения экологической безопасности”, третья — “Международное движение за права человека: история и современность”, четвертая — “Молодежь в России: права и бесправие”, пятая — “Правовой статус военнослужащих и его развитие в военной реформе РФ”, шестая — “Права беженцев в России”.

⁸ “Экологическая парадигма развития цивилизации и права человека”, “Права человека, реальная политика и экономика, Философские и духовно-нравственные основы прав и свобод человека”, “Права человека в зеркале СМИ”.

Статья поступила в редакцию в марте 1999 года.

ПРАВООЗАЩИТА

Грубо говоря, история защиты прав и свобод граждан в современной России начинается в 1994 году, когда впервые Комиссия по правам человека при Президенте РФ обнародовала свой доклад "О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1993 году". Впрочем, Советский Союз и затем наследовавшую ему Россию нельзя заподозрить в отсутствии как минимум теоретической и декларативной приверженности идеалам мирового правозащитничества, ибо этого требовали как имидж "мир своего защитника обездоленных" (СССР), так и "новый курс демократической России". Вспомним хотя бы известную сталинскую Конституцию, буква которой без преувеличения отличалась отменными гуманностью и демократизмом. Но только лишь буква.

Прелюбопытнейшее совпадение: свой доклад президентская комиссия обнародует всего лишь через полгода после "всеобъемлющей" процедуры так называемого общественного согласия, которая последовала за расстрелом Белого дома и репрессиями со стороны правоохранительных (!) органов в отношении сотен мирных граждан столицы, выражавших свой протест по поводу действий властей.

Тогда на почти эпическую высоту власти подняли факт гибели троих участников (практически из-за случайности и алкогольного опьянения) событий 1991 года — гуманных, по сравнению с "усмирением" Верховного Совета в 1993-м. Дескать, они и защитники демократии, и жертвы темных сил коммунистической реакции, и прочая и прочая... Между тем именно тогда родился президентский указ, разрешающий задерживать любого подозрительного с точки зрения милиции человека на тридцать суток. Такого нет в законодательстве ни одной страны, подписавшей Хельсинкское соглашение. А в России, которая постоянно кичится участием в Хельсинкской группе, это стало возможным. Так же как расстрелы и избиения сотен людей, несогласных с властями. Впрочем, как говорят, политический момент прошел, выпущены на свободу "преступники, пытавшиеся нарушить целостность нашей государственности", некоторые из них впоследствии даже стали губернаторами. Но вряд ли что-либо изменилось к лучшему в системе защиты прав и свобод граждан в России.

Прошедшая в Москве научно-практическая конференция на тему "Права человека в субъектах Российской Федерации", организованная Комиссией по правам человека при президенте РФ при участии Федерации мира и согласия под эгидой ООН в рамках программы TACIS, вполне показала беспомощность государственной правозащитной системы в России.

Летом 1994 г. президентская комиссия по правам человека в своем первом в истории докладе отмечала: "В стране происходят серьезные, порой широкомасштабные нарушения гражданских, политических и особенно социальных и экономических прав и свобод человека, что создает социальную напряженность в обществе, питает антидемократи-

ческие настроения, создает для России внешнеполитические проблемы...". В числе причин такого положения назывались и правовой нигилизм, правовая безграмотность населения, и стремление (чье?) решать личные проблемы без учета конституционных требований соблюдения прав человека, и безнаказанность за нарушение законов, и бездушное отношение к нуждам и интересам людей, и бездеятельность чиновников по выполнению служебных обязанностей. Судя по докладам и выступлениям на нынешней конференции, в стране, к сожалению, сохраняется и такое же положение в правозащитной сфере, и его причины.

При этом практически все выступавшие апеллировали, и небезосновательно, к новой российской Конституции: дескать, в ней все права человека заложены, но почему-то они никак не реализуются. И действительно, Основной Закон России, отрицая классовый подход к правам и свободам человека и признавая как идеологическое многообразие, так и частную собственность, во многом опирается на опыт развитых стран с рыночной экономикой и вбирает в себя их лучшие законодательные достижения. Более того, в нашей Конституции, что отмечали многие выступавшие, не только закреплены права и свободы, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека, но многие из них имеют более обстоятельный и конкретный смысл. Это касается вопросов собственности, многопартийности, равных и всеобщих выборов и других атрибутов демократии — в западном понимании. Так в чем же дело? Есть, так сказать, фундаментальная база, а дальше, казалось, дело за малым — следовать ей неукоснительно. Но как показали выступления на конференции, Конституция в России пока не более чем декларация. Красивая, правильная, с точки зрения гуманитарной безупречная, но все-таки декларация. В общем, как и большинство законов, принимаемых в стране.

В этой связи достаточно цинично выглядит высказывание одного из участников конференции, члена Комиссии Государственной Думы по делам национальностей Джамальдинова в ответ на многочисленные упреки присутствующих в том, что в России нет подкрепляющего Конституцию законодательства, и в том, что Госдума занимается политиканством вместо законотворчества: "Мы приняли много законов, защищающих права человека. Например, о ветеранах, об индексации, о пенсиях и другие. Они не исполняются". Нападки на Госдуму "в этом зале" г-н Джамальдинов назвал необоснованными и призвал участников к "большей объективности".

Что касается объективности, то достаточно заметить, что заявленный в программе Владимир Зорин, руководитель указанной думской комиссии, даже не счел возможным присутствовать на Конференции и прислал своего подчиненного. Разве это не характеризует отношения депутатов к проблеме прав человека (тире — их избирателя)? К тому же, разве не известна популистская сущность упомянутых представителем Госдумы законов? Все мы помним, как принимался закон о ветеранах и другие ему подобные: депутаты проголосовали, а дальше хоть трава не расти. Денег в бюджете нет? Ну и что! Мы отчитываемся перед избирателями, и мы этот закон примем, несмотря ни на что, — вот примерная

логика нынешних законодателей. И с этой точкой зрения были согласны многие участники конференции. Главное, что страдает механизм обеспечения и защиты прав и свобод человека. Как справедливо заметил начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, кандидат юридических наук Валерий Бутылин, практическое воплощение механизма обеспечения и защиты прав и свобод человека получает в системе нормативных актов, в совокупности образующих действующее законодательство и различные действия органов государства, в процессе осуществления принятых норм. Однако правовая норма, если она не является порождением действительности, не отвечает реалиям времени, условиям конкретного общества, места, — такая норма не может быть реализована. Очевидно, добавляет ученый, что такая правовая норма мало пригодна (если вообще пригодна) для обеспечения прав и свобод человека, для оправдания ожиданий общества.

Организаторы Конференции не могли ударить лицом в грязь, и поэтому основные доклады были посвящены именно “благотворной” роли государства в защите прав и свобод гражданина. Однако на самом деле эта роль не более чем самолюбование. Большие ожидания от выступления тогда еще и.о. министра по делам национальностей Рамазана Абдулатипова окончились для многих участников Конференции разочарованием, что они и не скрывали. Причина была очевидна. Министр, несмотря на свой южный акцент, сумел обойтись в своем выступлении общей риторикой, рассказывал о нарушениях прав национальных меньшинств (“лиц кавказской национальности”) в Москве, в частности, как один дипломат из-за своей внешности вынужден был скрываться на даче, о том, как нужно бороться с национализмом, о проблемах так называемых “южных” народов, которым-де некуда приткнуться, о конфликте между Северной Осетией и Ингушетией (в том смысле, что “все надо решать на федеральном уровне”). В общем, был достаточно красноречив. И достаточно пуст.

Между тем национальный вопрос в России поставил не Абдулатипов и даже не Ленин — он стоял со времени создания государства. И все государственные мужи пытались его решить — такова многонациональная специфика страны, которая касается не только кавказских народов. Тем более, если речь идет о защите прав человека. Почему-то перестало быть модным говорить о сохранении этносов северных народов, как вообще их культуры, так и вообще их самих. В свое время, когда Федерация мира и согласия учреждала “Красную книгу народов”, профессор института этнологии и антропологии РАН В. Васильев говорил: “Проблема возрождения народов Севера может быть сведена, в основном, к следующим двум фактам: восстановлению промысловой и бытовой культуры и реабилитации языка. Как это сделать? Я думаю, что для дисперсно живущих северных народов, а многие народы живут дисперсно в одних поселках с русскими, это можно сделать путем национальных общин. ... Проблемы реабилитации языка нельзя решить без полной перестройки школьной сети в регионах. Надо создавать национальные школы с преподаванием родных языков...”.

Как это ни прискорбно, но мало того, что этой проблеме на Конференции было уделено минимальное время, но и, судя по выступ-

лениям, в некоторых регионах, особенно автономиях и республиках, русское население оказалось в состоянии подопечных профессора Васильева, хотя он произнес цитируемые слова семь лет назад. Достаточно вспомнить Чечню, другие регионы, где местным законодательством введена дискриминация русскоязычного меньшинства (и даже большинства) по языковому признаку, даже по признаку оседлости, что впрямую противоречит так всех устраивающему Основному Закону — Конституции России. Местные законодатели оправдывают такое положение вещей необходимостью защиты прав коренного населения — так называемых титульных национальностей. Обидно, что и.о. министра по делам национальностей страны кроме себя никого так и не услышал. А жаль.

Такая ситуация в правозащитной сфере, по мнению одного из выступавших, является следствием “низкой активности как самого государства, так и большей части российского общества в поддержании усилий государства в этой сфере”. Явная антиномия: государство, по Конституции являясь гарантом и инициатором правозащитнических, своим импотентным отношением к защите прав граждан подвигает последних наплевательски относиться к собственным правам... Верится с трудом. Особенно когда предлагается возложить на президентскую комиссию по правам человека новые полномочия “по разработке и координации исполнения государственными органами федеральных программ основ государственной политики в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, придав ей соответствующий правовой статус”... Такой пассаж, пожалуй, требует перевода, но мы понадемся на расторопность читателя...

В принципе, статус придать можно, тем более есть кому: любо-дорого было смотреть, как председательствующий не только на Конференции, но и в президентской комиссии по правам человека Владимир Алексеевич Карташкин ловко парировал горячие нападки коллег из кавказских республик, беря пример с тогда еще и.о. министра Абдулатипова, и все это в отсутствие представителей ведущих негосударственных правозащитных организаций России, которые были заявлены к участию в Конференции, но не присутствовали. На деле же придание такого статуса означает создание новых рабочих мест для ... чиновников, и заодно много для них работы, а именно (по предложению одного из правительственных функционеров): выработать федеральную концепцию обеспечения и защиты прав человека и гражданина, согласовать развитие средств обеспечения и защиты с потребностями общества, достигнуть общего согласия по вопросам регулирования и применения непопулярных, но необходимых мер для социально-экономического роста и тому подобная казуистика.

Не уставали граждане, отягощенные должностями, повторять тезисы о взаимной ответственности. Государство-де обязано соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, гарантировать ему право на защиту. Но в свою очередь каждый человек и гражданин обязан соблюдать Конституцию и законы и защищать свои права и свободы правомерными способами.

Вот один из правомерных способов на примере столичной области — самой урбанизированной из всех субъектов РФ.

Нас убеждают: решение спорных вопросов в независимом суде — это цивилизованно, это демократично, это в духе времени. Что же делает государство для обеспечения этой самой независимости судов? А практически ничего.

Число тех, кто ищет правды в судах, растет с каждым годом. Так, в районные суды Подмоскovie за прошлый год поступило более 155 тысяч гражданских (на 32 процента больше 1997 года) и почти 34 тысячи уголовных дел. Областной суд за то же время принял к производству 369 дел по первой инстанции и 6611 кассационных жалоб. Общая нагрузка на 486 работающих в Подмоскovie судей, по сведениям Министерства юстиции РФ за 1997 год, превысила среднюю по стране, которая и так почти в два раза больше установленных нормативов.

При этом говорить об адекватности финансово-материального снабжения судебной системы вообще не приходится. В наступившем году федеральный бюджет выделил третьей власти 84 процента от необходимых средств. Здание Московского областного суда требует капремонта, милиция отказывается доставлять на заседания обвиняемых, так как камеры здесь не отвечают элементарным санитарным нормам и порой по несколько раз в день приходится вызывать к подсудимым “скорую”. Обещания построить новое здание меж тем раздаются уже года четыре. Пять лет игнорируются транспортные расходы судов, хотя на эти цели только в месяц тратится 50 тысяч рублей. 27 процентов истцов одного лишь Мособлсуда требуют суда с участием присяжных, а на содержание последних с начала года не поступило ни рубля. На конец отчетного периода нерассмотренным оказывается в Московской области каждое пятое дело, а в срок больше трех месяцев — каждое двадцатое.

По окончании работы Конференция приняла итоговый документ. Отрадно, что в нем хотя бы признается тот факт, что “закрепленные в Конституции Российской Федерации и международных договорах основные права и свободы человека и гражданина продолжают нарушаться практически повсеместно. Кризис, поразивший Россию в августе 1998 года, привел к тому, что миллионы россиян оказались на грани выживания...”.

А может быть, с этого надо было начинать?

Оксана Жукова,
Мария Зимтинга
(наши корр.)

Статья поступила в редакцию в мае 1999 г.

ПРАВОВОЙ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

На эту тему проводилась Всероссийская студенческая научная конференция, которая проходила 10 и 11 декабря 1998 года в столице Республики Татарстан, г. Казани. Конференция была организована юридическим факультетом Казанского государственного университета при участии Комитета по делам детей и молодежи Республики Татарстан и Союза студентов и аспирантов КГУ. В работе конференции принимали участие представители высших учебных заведений из тридцати семи субъектов Российской Федерации, а также граждане Социалистической Республики Вьетнам, Эфиопии и Республики Польша. Кафедра международного права Московского государственного института международных отношений была представлена на конференции авторами этой статьи.

Открытие конференции состоялось 10 декабря 1998 года в актовом зале КГУ. В ходе пленарного заседания с приветствиями к участникам конференции обратились декан юридического факультета КГУ И.А.Тарханов, заведующий кафедрой государственного и международного права юридического факультета КГУ Г.И.Курдюков, аспирант кафедры международного права МГИМО Д.В.Иванов, студент IV курса Ярославского государственного университета А.В.Иванчин и другие.

По завершению официального открытия конференции состоялись заседания секций. Участники конференции были распределены по пяти тематическим секциям: 1 секция — Теоретические, исторические, социологические и политологические аспекты охраны прав человека; 2 секция — Государственно-правовая защита прав человека; 3 секция — Защита прав человека в международном праве; 4 секция — Проблемы охраны прав человека средствами частного права; 5 секция — Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики в обеспечении защиты прав человека. Представители кафедры международного права МГИМО участвовали в работе секции Защита прав человека в международном праве, которая проходила под руководством заведующего кафедрой государственного и международного права КГУ профессора Г.И.Курдюкова и заведующего филиалом кафедры ЮНЕСКО по правам человека и демократии доцента Л.Х.Мингазова. В работе секции принимали участие студенты и аспиранты юридических факультетов КГУ, Татарского института содействия бизнесу, Юридического института ДВГУ (г.Владивосток), Института российского и международного права Саратовской государственной академии права, казанского филиала Международного университета, казанского филиала Юридического института МВД и других высших учебных заведений России.

Аспирант кафедры международного права МГИМО Дмитрий Иванов представил на суд участников конференции доклад на тему "Международно-правовые соглашения в сфере защиты прав беженцев и международная система защиты беженцев". Ниже приводятся основные положения его доклада.

1. Классификация международно-правовых документов, касающихся защиты прав беженцев:

а) универсальные международные соглашения, регулирующие правовое положение беженцев и защиту их прав (Конвенция о статусе беженцев 1951 г., Протокол, касающийся статуса беженцев 1967 г., Устав Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев 1950 г., Конституция Международной организации по миграции 1989 г.);

б) региональные международные договоры и конвенции, регулирующие правовую защиту беженцев в определенном регионе (Конвенция, регулирующая конкретные аспекты проблем беженцев в Африке 1969 г., IV Ломейская конвенция 1989 г., Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам 1993 г., Картахенская декларация о беженцах 1984 г. и др.);

в) международные договоры, регулирующие определенный комплекс вопросов защиты прав беженцев (Гаагское соглашение о моряках-беженцах 1957 г., Соглашение об отмене виз для беженцев 1959 г., Европейское соглашение о передаче ответственности за беженцев 1980 г., Дублинская конвенция, определяющая государство, ответственное за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища, поданных в одном из государств—членов Европейских сообществ 1990 г. и др.);

г) международные договоры, действие которых было распространено на беженцев (Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г., Конвенция МОТ о равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения 1962 г. и др.);

д) международные соглашения, содержащие специальные нормы защиты прав беженцев (Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г., Европейская конвенция о выдаче 1957 г., Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г., Шенгенское соглашение 1985 г., Шенгенская конвенция 1990 г. и др.);

е) международные договоры общего характера, касающиеся беженцев (Конвенция об объявлении безвестно отсутствующих умершими 1950 г., Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Конвенция о поиске и спасании на море 1979 г., Пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и др.);

ж) соглашения и декларации об убежище (Декларация ООН о территориальном убежище 1967 г., Гаванская конвенция об убежище 1928 г., Каракасская конвенция о территориальном убежище 1954 г. и др.);

з) международные договоры, регулирующие правовое положение апатридов (Конвенция о статусе апатридов 1951 г., Конвенция о сокращении безгражданства 1961 г.);

и) двусторонние соглашения, регулирующие правовой статус беженцев (Соглашение между Австрией и Францией о проживании беженцев 1974 г., Договор между Австрией и Венгрией о выдаче преступников 1976 г., Соглашение между Южной Африкой и Мозамбиком о ненападении и добрососедстве 1984 г., Соглашение между Афганистаном и Пакистаном о добровольном возвращении беженцев 1988 г., др.).

2. Международная система защиты беженцев состоит из международных учреждений системы ООН, международных региональных органи-

заций, неправительственных организаций и структур государств, занимающихся вопросами защиты беженцев.

3. УВКБ ООН является центральным звеном в международной системе защиты беженцев.

4. Необходимо принятие и применение единообразного универсального международного соглашения по проблемам беженцев, так как наличие огромного количества международных и региональных документов, отличающихся друг от друга по многим вопросам (например, определение понятия беженец), усложняет оказание эффективной правовой помощи беженцам со стороны УВКБ.

5. В связи с тем, что количество беженцев непрерывно увеличивается, что требует увеличения финансовых затрат, государства—участники Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г. должны пропорционально и справедливо распределить между собой бремя затрат по поддержанию международной системы защиты беженцев.

6. Для более эффективного функционирования системы защиты беженцев УВКБ следует осуществлять более тесное сотрудничество с региональными системами защиты беженцев с целью предотвращения возникновения новых потоков беженцев, непосредственно с государствами, международными организациями, задействованными в решении проблем беженцев, а также неправительственными организациями.

7. Назрела необходимость в создании нового международного органа (с более широкой компетенцией, чем у УВКБ), который не имел бы статус вспомогательного учреждения ООН, а был бы создан самими государствами на основе международного соглашения. Необходимо наделить такую организацию более широкими полномочиями, так как полномочия, которыми обладают Исполком по программе Верховного комиссара, Верховный комиссар, Генеральная Ассамблея и ЭКОСОС, не позволяют им принимать решения, обязательные для всех заинтересованных сторон. Документы, принимаемые этими международными институтами, относятся к так называемому мягкому праву, что порой и сводит на нет усилия многих людей, искренне стремящихся помочь беженцам и переселенным лицам.

Доклад был посвящен актуальным вопросам международно-правовой защиты беженцев в Российской Федерации и за рубежом. В частности, был затронут вопрос определения международно-правового статуса беженца на основании Конвенции о статусе беженца 1951 года и по критериям Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Докладчик особо остановился на перспективах развития международно-правовых актов о защите беженцев и проблеме охраны прав беженцев на территории бывшего СССР. Используя метод сравнительно-правового анализа, Д. Иванов сопоставил опыт российской и зарубежной законодательной практики в области защиты беженцев и сформулировал ряд предложений по совершенствованию отечественного законодательства о защите прав беженцев.

Студент IV курса международно-правового факультета МГИМО Александр Линников выступил с докладом на тему “Межамериканский суд по правам человека и его роль в международно-правовом регулировании защиты прав человека”. Доклад был посвящен вопросам органи-

зации и функциям Межамериканского суда по правам человека и его деятельности по разрешению межгосударственных споров в области прав человека и рассмотрению материалов, предоставляемых Межамериканской комиссией по правам человека. Особое внимание уделялось вопросам компетенции Межамериканского суда по правам человека и порядку принятия дел к рассмотрению судом.

Представитель Польской Республики, студент IV курса международно-правового факультета МГИМО Петр Трушковский выступил с докладом на тему "Механизм защиты прав человека в рамках Совета Европы". Докладчик охарактеризовал международно-правовые основы европейской системы охраны прав человека, а также обозначил основные направления деятельности Совета Европы в области защиты прав человека. По мнению докладчика, особое место в европейском механизме защиты прав человека занимает Европейский Суд по правам человека. П.Трушковский особо остановился на проблеме соотношения внутригосударственных и международных механизмов защиты прав человека и путях решения этой проблемы посредством Европейского суда.

Работа секции прав человека в международном праве была интересной и плодотворной. Был заслушан ряд докладов на актуальные темы. Особо следует отметить доклады аспиранта кафедры государственного и международного права КГУ Ле Ван Биня на тему "Защита прав человека в Социалистической Республике Вьетнам" и доклад студента IV курса юридического факультета КГУ Павла Чикова на тему "Коллективные санкции и международно-правовая защита прав человека". Во время работы секции возникла оживленная дискуссия, в ходе которой обсуждались различные аспекты международно-правовой защиты прав человека.

11 февраля 1998 года в конференц-зале научной библиотеки КГУ имени Н.И.Лобачевского состоялась "круглый стол" на тему "Интеграция студенческой мысли в научную деятельность". Представители различных учебных заведений России выступили с сообщениями о формах и видах студенческой научной работы и способах практического применения разработок молодых ученых. Аспирант Д.Иванов и студент А.Линников рассказали участникам круглого стола об организации учебного процесса на юридическом факультете МГИМО(У) МИД РФ и поделились опытом научной работы, ведущейся на кафедре международного права.

Во второй половине дня состоялось заключительное заседание участников конференции, в ходе которого были подведены итоги ее работы. Во время официального закрытия конференции были приняты обращения ее участников к Президенту и Председателю Правительства Российской Федерации, в которых отмечалась необходимость обеспечения государственной поддержки студенческой научной мысли и поощрения фундаментальных научных исследований в высших учебных заведениях России.

Казань—Москва.

И в а н о в Д.В.,
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ;
Л и н н и к о в А.С., Т р у ш к о в с к и й П.,
студенты того же ВУЗа.

Статья поступила в редакцию в марте 1999 года.

ИДЕАЛЫ ДЕКЛАРАЦИИ И МИР

(Международная научно-практическая конференция, посвященная 50-летию Всеобщей декларации прав человека, Уфа, 16—17 ноября 1998 г.)

16—17 ноября в городе Уфе в рамках мероприятий по празднованию 50-летнего юбилея Всеобщей декларации прав человека, предусмотренных Указами Президента Российской Федерации и Президента Республики Башкортостан, проводилась научная конференция “Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир”.

Конференция была организована Кабинетом Министров Республики Башкортостан и научно-педагогическими коллективами юридического факультета Башкирского государственного университета и Уфимского юридического института МВД РФ.

На конференцию были приглашены представители ряда международных организаций, в частности, советник по информационному обеспечению Информативного центра ООН в Москве Павинский В. С., делегат Международного Комитета Красного Креста (МККК) Лора Олсен, директор Центра информации и документации Совета Европы в Уральском регионе Лазутин Л. А.

В работе конференции приняли активное участие представители Администрации Президента России, Администрация Президента Республики Башкортостан, аппарата Уполномоченного по правам человека РФ, депутаты представительных органов власти Башкортостана и Татарстана, известные ученые России.

Участники конференции на пленарном и трех секционных заседаниях обсудили наиболее актуальные проблемы совершенствования российского законодательства в области обеспечения и защиты прав и свобод человека. Центральными стали сложнейшие проблемы имплементации международно-правовых норм о правах человека в российскую правовую систему, а также проблемы оптимизации федерального и регионального законодательства в области охраны прав и свобод личности.

Ниже вниманию читателей предлагается обзор выступлений некоторых участников конференции. С приветствием и докладом “Идеи прав и свобод человека незыблемы” выступил Президент Республики Башкортостан М. Г. Рахимов, который отметил, что последующие со дня принятия Всеобщей декларации десятилетия подтвердили значительное влияние этого документа на развитие всего человечества. Декларация стала основой для заключения международных договоров, разработки конституций и законов многих стран. Как известно, только под эгидой ООН принято уже более полусотни важнейших документов по правам человека.

Идеи прав и свобод человека и гражданина нашли соответствующее отражение в республиканском законодательстве. В правотворчестве используются нормы международного права, в том числе и в сфере защиты прав и основных свобод человека. Наиболее полное выражение

это получило в законодательных актах последних лет. Достаточно отметить принятие вслед за Россией Декларации о суверенитете Республики Башкортостан в 1990 году, Декларации о правах и свободах человека и гражданина в 1993 году. В Конституции Республики Башкортостан, принятой в 1993 году, эти права и свободы расписаны более полно и всестороннее, чем даже в Конституции России. Мы не только зафиксировали в Основном Законе нашего государства гражданские, политические, социально-экономические и культурные права, но и разработали конституционные гарантии их реализации, а также закрепили конституционные обязанности граждан республики.

В целом в этой области общественных отношений осуществляется большая правотворческая деятельность. Так, 12 октября 1994 г. Верховный Совет Республики Башкортостан принял заявление о соблюдении Республикой Башкортостан международных стандартов в области прав человека, в котором были признаны и гарантированы права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

В 1996 году Государственное Собрание приняло Заявление о соблюдении Республикой Башкортостан Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 года.

В соответствии с вышеупомянутыми заявлениями Республика Башкортостан последовательно обеспечивает осуществление прав и свобод человека и гражданина.

Большое внимание уделяется в Башкортостане реализации социально-экономических и культурных прав и свобод граждан. Они обеспечиваются проведением социально ориентированных рыночных преобразований, дающих каждому возможность собственным трудом искать пути повышения своего благосостояния, самостоятельно выбирать сферу приложения своих сил. В этих целях в республике осуществляется государственное регулирование рыночной экономики, направленное на содействие разрыванию современных экономических механизмов, защиту законных интересов республики и ее граждан.

В таком широком контексте мы подходим к проблеме утверждения прав и свобод человека. Однако мы понимаем, что в сфере обеспечения прав и свобод, их защиты мы еще далеки от стандартов развитых стран. Многие достижения были утеряны в период перехода от социалистической к рыночной экономике.

Была высказана мысль о необходимости более разносторонней помощи ученых-юристов, социологов, историков, экономистов, всех тех, кто в силу своей научной деятельности соприкасается с проблемами защиты прав человека.

Проблемам этико-философского и политико-правового обоснования свободы личности — как высшего блага человечества — был посвящен доклад декана юридического факультета Башкирского государственного университета, доктора юридических наук профессора З. Д. Еникеева. По мнению З. Д. Еникеева, свобода личности, как и сама личность, — чрезвычайно сложное и многоаспектное общественное явление, изучаемое с экономической, политической, философской.

юридической, нравственной, психологической и других точек зрения. В самом общем смысле она представляет собой внутреннее состояние человека, его волю, раскованность, независимость, суверенность, способность располагать собой, распоряжаться своей судьбой, самостоятельно определять свои поступки, действовать по своему усмотрению на основании собственного решения, собственного выбора своей линии поведения среди реальных возможностей. Поскольку свобода — самое высшее достоинство человека, она должна обеспечиваться и защищаться как первостепенная, высшая задача государства и общества.

В тоже время в РФ положение со свободой человека нельзя охарактеризовать, по целому ряду обстоятельств, как благополучное.

Исходя из этого докладчиком был сформулирован ряд предложений по дальнейшему повышению эффективности и совершенствованию механизма правовой защиты прав и свобод человека.

Глубокий анализ развития гуманитарного законодательства республики был проведен в докладе Госсекретаря Башкортостана И. А. Адигамова “Развитие законодательства Республика Башкортостан в свете идей Всеобщей декларации прав человека”. И. А. Адигамов отметил, что в современных конституциях права и свободы человека, его честь и достоинство провозглашаются в качестве высшей ценности общества и государства. Такой подход существенно меняет действующую правовую систему, в которой теперь представлены не только внутрисударственные акты, но и международные. Причем последние обладают известным приоритетом.

В отечественном законодательстве становится заметной позиция “право для человека и общества”, которая начала теснить некогда традиционный подход “вправо для политической власти”, полинявший все и вся “священным государственным интересам”. Тем самым современное общество постепенно отказывается от права, которое преимущественно запрещало и обязывало, в пользу права, прежде всего обеспечивающего реальность прав человека и гражданина.

В политико-правовой же системе Башкортостана институту прав и свобод человека и гражданина отводится достаточное место.

Так, необходимо отметить, что уже основные положения Конституции Республики Башкортостан 1993 года отражают парадигмы современной универсальной концепции прав человека. Конституционные положения требуют, чтобы вся мощь публичной власти, энергия государственного механизма были направлены на реальное обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Реализация этого положения проявляется в принятии комплекса нормативно-правовых актов, определяющих правовые основы деятельности лиц, призванных гарантировать и защищать конституционные права и свободы личности.

С обстоятельным докладом о роли ООН в формировании универсальных стандартов прав человека и в создании глобального институционального механизма защиты прав выступил советник по информационному обеспечению Информационного центра ООН в г. Москве В. С. Павинский. В частности, говоря о роли ООН в обеспечении и реализации прав человека, докладчик отметил, что одним из

величайших достижений ООН явилось создание всеобъемлющего законодательства в области прав человека. Именно ООН впервые в истории создала универсальный свод законов по правам человека. Особое внимание в докладе было акцентировано на анализе роли и масштабе действий ООН в области поощрения и защиты прав человека. Было отмечено, что помимо центральной задачи — гарантировать всем людям и “народам” Объединенных Наций, от чего имени был подписан Устав ООН, полное уважение человеческого достоинства, — ООН через свои международные институты играет значительную роль в таких областях, как: мировая совесть; законодательство; мониторинг и установление фактов; апелляционный форум; “тихая дипломатия”; и т. д. Говоря о будущих приоритетах деятельности В. С. Павинский отметил, что борьба за права человека остается задачей первостепенной важности для международного сообщества ООН будет впредь прилагать все усилия, с тем чтобы однажды права человека действительно стали общим законом человечества.

В докладе “Личность, общество и человечество на пороге ХХI века” главный редактор “Московского журнала международного права” В.П. Пархитко обозначил и подробно проанализировал глобальные проблемы современности: терроризм, беженцы и экология. Помимо этого В.П. Пархитко отметил, что одна из главных задач, стоящих перед человечеством и перед международным правом, состоит в том, чтобы воспитывать или перевоспитывать отдельную личность в плане умения жить в обновленном мире ХХI века.

Свободная, раскрепощенная, уверенная в своих силах и в своем законном и удобном месте на земле личность способна будет сделать очень много во всех сферах деятельности. Несомненно, сотрудничество государств и отдельных личностей на Земле приведет и к развитию ООН и к созданию многих новых международных организаций.

Личность будет играть свою роль и в ХХI веке как ориентир для внутреннего законодательства в направлении демократизации жизни, закрепления в законе уважения прав личности, человеческого достоинства и всех тех основ существования на земле, которые делают человека человеком.

Уполномоченный Республики Башкортостан по правам человека Ч.Б. Газизов в своем докладе “Права человека, демократия и справедливость” дал обстоятельный анализ процесса становления в Республике Башкортостан института уполномоченного по правам человека. При этом было обращено внимание на создание по примеру развитых демократических государств Европы таких государственных институтов, как Конституционный суд Республики Башкортостан и введение должности Уполномоченного по правам человека при сохранении все возрастающей заботы по укреплению судебной системы и таких традиционных правоохранительных структур, как МВД, прокуратура и т. д. Также в докладе было уделено внимание проблемам формирования правовых гарантий прав человека на свободу совести и вероисповедания, эффективное восстановление в правах судами, доступности квалифицированной юридической помощи и ряда социально-экономических прав.

Прокурор РБ Титов Ю.Н. свой доклад посвятил проблемам повышения эффективности деятельности прокуратуры по защите прав и свобод человека. Негативные последствия социально-экономических преобразований российского общества последних лет обострил практическую необходимость для граждан знать и защищать свои права, лучше ориентироваться в функциях и полномочиях различных правоохранительных органов.

Таким образом, перед судебно-правовой реформой начала 90-х годов со всей необходимостью встала задача создания реальных гарантий законности в стране, обеспечения реальной, а не декларированной защиты личности, а также их эффективной охраны от преступных посягательств.

Представляется очевидным, что именно из этих факторов исходили авторы Федерального закона о прокуратуре, положив в ее основу общепризнанные принципы, вытекающие из Всеобщей декларации прав человека 1948 года и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. В названных документах политические, гражданские, трудовые, социальные, культурные и другие права человека рассматриваются как суверенный неотъемлемый атрибут личности.

Поэтому в Законе о прокуратуре оба этих основополагающих документа обусловили приоритетность правозащитной функции прокуратуры, нашли отражение в правовом механизме реализации этих задач, в частности, путем устранения надзора в отношении граждан, сужения предмета общего надзора и т. д.

Ю. Н. Титов также коснулся оценки вопроса об участии прокуратуры в конституционном судопроизводстве, отметив, что часть 2 ст. 125 Конституции России в перечне должностных лиц и органов, по запросам которых возбуждается конституционное судопроизводство, Генерального Прокурора не называет. Представляется, что лишение Генерального Прокурора полномочий обращаться в интересах защиты прав и свобод граждан напрямую в высшую судебную инстанцию страны, не отвечает принципу приоритетности правозащитных функций прокуратуры.

Делегат МККК Лора Олсен в своем докладе привлекла внимание к проблеме взаимодополняемости международного гуманитарного права и права прав человека. Обе отрасли права призваны обеспечить защиту прав человека, тем не менее действуют в различных обстоятельствах и по-разному. В частности, это можно проиллюстрировать на анализе:

материальной сферы применения (МГП применяется только во время вооруженных конфликтов, а международное право прав человека применяется во всех ситуациях);

отношений, которые регулируются этими положениями;

предмета защиты МГП и предмета защиты международного права прав человека;

кодификации (обе отрасли в настоящее время в значительной степени кодифицированы);

механизма имплементации.

Для обеспечения соблюдения МГП в нем предусматриваются механизмы, при помощи которых осуществляется определенного рода постоянный контроль за его имплементацией. МГП уделяется особое

внимание сотрудничеству между сторонами в конфликте и нейтральным посредником, направленным на предотвращение нарушений. Механизмы имплементации прав человека в основном предназначены для исправления уже причиненного вреда.

Механизмы контроля за соблюдением прав человека очень многообразны. Во многих случаях от соответствующих учреждений требуется установить, с помощью квазисудебной процедуры, соблюдает ли государство право.

В заключении Л. Олсен напомнила, что 1999 г. является годом 50-летней годовщины четырех Женевских конвенций 1949 г.

Министр внутренних дел Республики Башкортостан Р. У. Диваев в своем выступлении детально остановился на анализе роли органов внутренних дел в вопросах обеспечения реализации охраны и защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Р. У. Диваев акцентировал внимание участников конференции на том, что почти все службы МВД с помощью разнообразных средств и методов участвуют в решении этой задачи непосредственно на своих участках работы.

Специальную правовую основу для этой деятельности составляет в том числе и ряд международно-правовых актов, таких как: Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г.; Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-либо форме.

В то же время докладчик отметил, что главная задача органов внутренних дел в сфере защиты прав граждан — борьба с преступностью и, в первую очередь, с преступлениями, посягающими на основные права и свободы личности.

Министерство внутренних дел волнует не только цифры, характеризующие результаты работы, но и мнение населения республики о своей безопасности и тех тревожных тенденциях, которые происходят сегодня в качественной характеристике преступности.

С этой целью второй год подряд проводится изучение общественного мнения населения по вопросам деятельности органов внутренних дел республики. Результаты опроса учитываются при планировании работы органов внутренних дел. В заключении Р. У. Диваев заверил, что органы внутренних дел приложат все силы на защиту прав и свобод граждан, на создание благоприятных условий для их реализации.

Главный редактор “Российского юридического журнала” профессор Г. В. Игнатенко обратил внимание на применение международных норм о правах человека как комплексной общеправовой проблемы, характеризующейся как минимум четырьмя аспектами:

- взаимодействие международных и внутригосударственных средств правового регулирования;

- использование международных норм не только в правотворческом процессе, прежде всего в законодательстве, но и в качестве непосредственного регулятора внутригосударственных отношений в связи с обеспечением и защитой прав человека;

- распространение прямого действия международных норм на все

отрасли российского права, на все сферы внутригосударственного правопорядка;

- совмещение реализации международных норм о правах человека на федеральном и региональных уровнях, включая сферу собственного правового регулирования субъектов Российской Федерации.

Директор Центра информации и документации Совета Европы в Уральском регионе, доцент Л. А. Лазутин затронул проблему правопорядка в Российской Федерации и соотношения его с нормами Совета Европы. При этом было отмечено, что различие норм федеральных законов и Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод не является препятствием для нормативного сотрудничества в рамках российской правовой системы как сферы их совместного применения. Вхождение России в круг участников Конвенции влечет за собой усложнение обязательств, относящихся к внутреннему правопорядку и вместе с тем к ее статусу в Европейском правовом пространстве.

В то же время определенные компоненты российского правопорядка соответствуют европейским стандартам и существенно дополняют нормативную базу европейского правового пространства и некоторых институтов Совета Европы.

По мнению министра юстиции республики Ф. М. Сафина, выступившего с докладом "Защита прав человека в деятельности судебных и правоохранительных органов" одним из главных гарантов реализации прав граждан является суд. Именно по этой причине в законодательстве Башкортостана подробно закреплены гарантии прав граждан на обращение в судебные органы.

Так, Конституцией Республики Башкортостан установлены: равенство всех перед законом, право на защиту от обвинения в преступлении, презумпция невиновности, состязательность и равноправие сторон, открытое разбирательство дел в суде, право на защиту прав и свобод от каких бы то ни было посягательств, право граждан обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

При этом Ф. М. Сафин отметил, что к гарантиям прав и свобод относится также юридическая ответственность органов государства и должностных лиц за совершение правонарушений.

Профессор Б. С. Галимов обратил внимание на то, что высшей ценностью является свобода. Все философские учение еще со времен Декарта утверждают свободу как высшую ценность, хотя интерпретировали это по-разному, часто даже в прямо противоположных смыслах.

Понятие свободы неразрывно связано прежде всего с понятиями гражданское общество и правовое государство. Свобода в гражданском обществе предполагает соблюдение определенных, рационально установленных правил, согласование своей свободы со свободой всех и каждого.

Важная проблема предстает в свете рассмотрения проблемы прав человека: власть и права человека. Задача власти состоит в том, чтобы закреплять права человека и бороться с их нарушениями. Выбор стоит

перед самой властью: или власть достаточно сильна, чтобы понимать необходимость и положительность самоограничения, или закрепление в Конституции и иных правовых актах прав человека носит чисто декларативный характер. В первом случае власть будет содействовать становлению и развитию демократических принципов и институтов, развитию общественной свободы и формированию правового государства.

На пленарном заседании с обстоятельным докладом выступили: Председатель Конституционного суда республики профессор И. Ш. Муксинов, Ученый секретарь Российской ассоциации международного права Л. В. Корбут, Председатель Палаты Представителей Государственного Собрания Республики Башкортостан М. М. Ишмура-тов, Председатель Законодательной Палаты Государственного Собрания Республики Башкортостан Р. М. Латыпов, Председатель комиссии по законодательству, законности и депутатской этике Госсовета Татарстана Р. Г. Вагизов, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, профессор И. П. Блищенко, начальник отдела по правам человека Администрации Президента Российской Федерации А. А. Копылов, консультант аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации И. В. Евдокимов и другие.

Участники международной научно-практической конференции приняли рекомендации органам Российской Федерации и ее субъектов по наиболее полному обеспечению прав человека. Эти рекомендации затронули проблемы организационно-правового обеспечения прав человека, воспитания и образования в области прав человека, просвещения населения и распространения информации по правам человека, международного сотрудничества в этой области.

Р. В. Н и г м а т у л л и н,
кандидат юридических наук, доцент,
подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за этот год.
Р. Ф. Х а б и р о в,
кандидат юридических наук.

г. Казань

Материал поступил в редакцию в апреле 1999 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАССМОТРЕНИЮ ВОПРОСА О ЗАЩИТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СЛУЧАЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В СООТВЕТСТВИИ С ПОЛОЖЕНИЯМИ ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1954 ГОДА

25 марта 1999 года на международно-правовом факультете МГИМО прошла студенческая научная конференция по реституции культурных ценностей, захваченных во время войны. Обсуждались как Федеральный закон о культурных ценностях, так и Гаагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей.

Из того, что говорили четыре докладчика и многие выступавшие в прениях, вырисовывается следующая картина.

14 мая 1954 года в Гааге была подписана Конвенция по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Однако основа Гаагской конвенции была заложена значительно раньше.

Еще в 1899 и 1907 годах рассматривались вопросы о защите культурных ценностей в результате вооруженного конфликта, однако в то время еще не было выработано универсальное определение культурным ценностям. На конференциях мира рассматривались в основном такие аспекты, как законы и обычаи ведения сухопутной войны: т.е. эти мероприятия можно рассматривать как попытку отдельных государств нормировать систему защиты имущества государств (так же как имущества культурных учреждений и религиозных общин).

Вторая мировая война, в ходе которой было уничтожено и вывезено огромное количество культурных ценностей, поставила мировое сообщество перед необходимостью скорейшего создания системы защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаагская конвенция установила универсальное определение культурным ценностям (ценности, движимые и недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, произведения искусства, рукописи книг, научные коллекции и т.д.). Под защитой культурных ценностей подразумевалась их охрана и уважение.

После подписания Гаагской конференции ООН издало декларацию, согласно которой имущество стран и граждан должно было подлежать возврату. Согласно этой декларации в понятие государство были включены такие понятия, как: граждане, религиозные общины, организации, музеи и культурные учреждения. Эта декларация была закреплена концепцией ЮНЕСКО 1970 года, согласно которой государства должны содействовать возвращению культурных ценностей и не рассматривать их как военные трофеи.

После подписания Гаагского протокола было создано множество

внеправительственных организаций (Международный Комитет Красного Креста, Комитет по архивам и памятникам, Римский центр и ряд других организаций как в Европе, так и в африканских и латиноамериканских странах). Со времени подписания Гаагского протокола был подписан ряд конвенций странами о правилах ввоза и вывоза культурных ценностей, Гаагской и Испанской регламенты направленные на защиту культурных ценностей.

Режим специальной защиты

Согласно Гаагской конвенции, под специальную защиту может быть взято ограниченное число укрытий, предназначенных для сохранения культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, центров сосредоточения культурных ценностей и других недвижимых культурных ценностей, имеющих очень большое значение. Также государства должны сооружать эти укрытия вдали от стратегически важных объектов: крупных городов, заводов и т.д.

Специальная защита предоставляется культурным ценностям путем внесения их в “Международный реестр культурных ценностей, находящихся под специальной защитой”. Это внесение вносится только в соответствии с положениями Конвенции и при исполнении условий Исполнительного Регламента.

Согласно положению Конвенции о режиме специальной защиты культурные ценности, находящиеся под специальной защитой, обладают иммунитетом.

Иммунитетом также обладает Святейший престол — Ватикан.

Нидерланды, ФРГ и Австрия — страны, не подписавшие положение о режиме специальной защиты культурных ценностей.

СССР подписал с оговоркой о крупных городах. Существует также ряд и других положений этого постановления, не соответствующих реалиям: согласно конституционному праву многих стран, государства не могут забрать культурные ценности у частных владельцев принудительно, а следовательно, и не могут обеспечить защиту этих ценностей.

Также иммунитет может быть снят в случае **неизбежной военной необходимости**, до тех пор пока такая необходимость существует.

Согласно обычаям по международному праву государства имеют право уничтожить культурные ценности, в случае если им угрожает опасность.

Сфера применения Конвенции

Гаагская конвенция применяется в случае объявления войны или какого-либо другого вооруженного конфликта; в случае оккупации, даже если оккупация не встречает военного сопротивления.

При нарушении положений Конвенции стороной, которая обязывалась ее соблюдать, стороны имеют право применить санкции по отношению к нарушителю. Если нарушение было совершено гражданским лицом, то (подтверждено решением СБ ООН в 1992 году) государство должно его подвергнуть дисциплинарным и уголовным санкциям (соблюдение права сатисфакции: принцип универсальности “либо суди, либо выдай”).

Если государство причинило вред культурным ценностям другого государства, то оно должно возместить нанесенный ущерб (субституция), если же культурная ценность была вывезена, то она должна быть возвращена (реституция).

Несмотря на всю универсальность Конвенции, специалисты МП (Нахлик, Бойлан) считают, что некоторые положения Конвенции должны быть пересмотрены для большего соответствия времени.

Д. Никифоров,
А. Романов
(наши корр.)

Статья поступила в редакцию в мае 1999 года.

ДУМАЛ ЛИ ГУГО ГРОЦИЙ?

Думал ли Гуго Гроций в столь далеком от нас XVII веке, что детища разума его — его труды, которые так мало соответствовали жестоким реалиям позднего средневековья, не только не будут забыты, но и лягут в основу нового научного знания, призванного упорядочить хаос на Земле? Что он станет одним из первых, заложивших камень в основу мощного здания, носящего теперь гордое имя системы международного права?

Истинный ученый не может быть пессимистом — иначе его работа потеряет и цель, и смысл. Он должен свято верить, что мысль его пригодится потомкам. В любом случае, лучшие ожидания Гуго Гроция оправдались. Труд его не был напрасным, имя не потерялось в бурном потоке истории, а навсегда вошло в ее анналы, многократным эхом раскатившись по бесконечным учебникам и учебным пособиям по международному праву.

Славная плеяда последователей великого голландца решила почтить его память и еще одним способом — назвав в его честь международную премию, вручаемую лучшим юристам-международникам в шести номинациях. Идея учреждения этой премии возникла, как ни странно, не в Голландии, а у нас, в России, в Москве, при непосредственном участии журнала “Международное право — International law” и поддержке Посольства Королевства Нидерландов в Российской Федерации, а также Информационного центра ООН в Москве.

Первое награждение премиями Гуго Гроция состоялось в 1998 году по итогам 1997 года. Напомним, что тогда этих премий были удостоены заведующий кафедрой международного права МГИМО (У) МИД РФ, профессор Колосов Ю.М.; член-корреспондент Российской Академии наук Старушенко Г.Б.; академик Блищенко И.П.; заведующая кафедрой международного права Красноярского госуниверситета профессор Щербинина О.Е.; кандидат юридических наук Королев М.А. и аспирантка Галяметдинова А.Ю. (Казань).

В 1999 году премии вручались во второй раз — по итогам 1998 года.

Награждение лауреатов прошло 29 апреля в первом зале гуманитарного корпуса Российского университета дружбы народов при большом стечении народа, хотя, наверное, с меньшей помпой, чем в прошлом году.

Церемония вручения премий несколько утратила свою торжественность, чего, впрочем, нельзя сказать о ее значимости. В этот раз праздник получился более “домашним”, о чем свидетельствовала теплая, дружеская, непринужденная атмосфера, в которой он проходил. Присутствовали и именитые юристы-международники, и сотрудники посольства Нидерландов, и представители Международного Комитета Красного Креста, студенты РУДН и МГИМО. Вначале пришлось поволноваться — выяснилось, что в суете забыли в редакции (а она находится в центре Москвы) медали для награждаемых, и главный редактор журнала В.П. Пархитко отправился за ними. Но все закончилось благополучно. Медали, грамоты, премии нашли своих благодарных хозяев.

Звание-награда “Международное признание” досталась в этот раз сотруднику делегации Международного Комитета Красного Креста в России Стефану Хенкинсу. Этот гражданин Великобритании и Франции более трех лет трудился в России и сделал немало для распространения знаний о международном гуманитарном праве. Непосредственным результатом его усилий стало включение международного гуманитарного права в стандарт обучения международному праву по всей стране.

“Заслуженным российским ветераном международного права” был назван Вильям Васильевич Похлебкин, известнейший ученый, чьи справки и статьи по проблемам Чечни, Крыма, Севастополя, обстановки в Таджикистане и по другим вопросам внимательно изучают и используют в дебатах даже депутаты Государственной Думы России. По достоинству оценив смелость и нетривиальность научных суждений, конкретику выводов, содержащихся в этих статьях, они и выдвинули Вильяма Васильевича на соискание премии Гуго Гроция.

Михаил Иванович Клеандров, ученый из Тюмени, стал “Лучшим в России юристом-международником”. Его научные заслуги нельзя назвать скромными: в течение ряда лет он работал в Экономическом Суде СНГ, издал монографию “Разрешение экономических споров в СНГ”, а в 1998 году был единственным юристом-международником, избранным в качестве члена-корреспондента в Российскую Академию наук.

Звание-награда “Лучшая в России юрист-международник” было присвоено Фариде Гарафутдиновне Хайрутдиновой, ректору Поволжского регионального института международных отношений и права. Именно по ее инициативе в 1998 году в Казани был создан этот институт, где на двух факультетах уже обучается 70 студентов со всех концов страны, а также открыты школы молодых дипломатов, лицей юных парламентариев, лицей востоковедов. Сама она — преподаватель международного гуманитарного права.

“Лучшим начинающим юристом-международником” был объявлен Дмитрий Нурумов, студент Казахского государственного национального университета им. Аль-Фараби. Отмечалось сходство судеб Гуго Гроция, смолоду интересовавшегося международным правом, и этого молодого человека (ему всего 22 года), который уже стал автором нескольких

статей, работал в качестве исследователя в Бэйлорском университете (США), активно занимается разработкой новой проблемы — международной уголовной юстиции. Внимание учредителей премии к начинающему международнику привлекла его статья, посвященная исследованию формирования международно-правовой судебной реальности, опубликованная в журнале “Международное право — International Law”, № 2 за 1998 год.

Аналогичную премию получила “начинающая юрист-международник” Анна Бутенко, бакалавр Московского государственного института международных отношений, юрист Международной юридической фирмы “Русин и Векки” — за глубокое проникновение в материю международного права, серьезный и детальный анализ рассматриваемой проблемы (в том же № 2 журнала “Международное право — International Law” за 1998 г. напечатана ее статья “Примат международного права: концепция и реальность”), умелое обоснование своей точки зрения, смелую полемику с авторитетами.

По словам обоих молодых лауреатов, присуждение наград стало для них неожиданностью, безусловно, приятной. Они пообещали оправдать оказанное им доверие и продолжить свою деятельность в области развития международного права. Можно не сомневаться, премия послужит хорошим стимулом для их работы и будет способствовать тому, что свежие силы укрепят ряды юристов-международников. В наше время очевидна необходимость выработки новых взглядов, подходов в отношении международного права с целью усовершенствования его системы и обеспечения ее динамичного развития. Кому как не молодежи придется, основываясь на опыте старших поколений, решать эти проблемы?

29 апреля выдалось исключительно теплым и солнечным, маяя близостью праздников. Но еще более солнечно было на душе у тех, кто уносил с собой из торжественного зала Университета дружбы народов медали и грамоты со строгим портретом Гуго Гроция. Он взирал на победителей с признанием, уважением, почитая их победу из глубины веков.

Ю. П л а в у н о в а
наш корр.

Статья поступила в редакцию 1 мая 1999 г.

* * *

Несмотря на то, что вручение наград началось немного позже запланированного, торжественная встреча (именно так называлось данное мероприятие в пригласительных билетах) прошла интересно и необычно. Как правило, получив грамоты и медали, лауреаты произносят долгую ответную речь, часто скучную (юристы все-таки!).

Но на вручении премии имени Гуго Гроция все было по-другому. Организаторы встречи, да и сами награждаемые предусмотрительно

решили не затягивать официальную часть, и очень скоро торжественное заседание в 1-м зале Российского университета дружбы народов плавно перешло в не менее торжественный фуршет. Вот тут действительно началось неформальное общение лауреатов и гостей процедуры награждения.

Всего лауреатов премии имени Гуго Гроция за 1998 год был шесть и все по разным номинациям.

Звание-награду по номинации “Международное признание” получили гражданин Великобритании и Франции, бывший сотрудник московской делегации Международного Комитета Красного Креста Стефан Хенкинс.

Благодаря стараниям Хенкинса, во многих учебных заведениях России международное гуманитарное право изучается как отдельная дисциплина. Немал сделал Стефан Хенкинс и для распространения знаний о гуманитарном праве в России.

Следующий лауреат — человек, действительно не нуждающийся в долгих представлениях. Ученый-энциклопедист, Вильям Васильевич Похлебкин получил награду по номинации “Заслуженный российский ветеран международного права”. Примечательно, что Похлебкин отнюдь не является живым памятником своим прежним заслугам. Несмотря на свой преклонный возраст, Вильям Васильевич продолжает активно работать над новыми научными трудами. На его справки и статьи ссылались депутаты Госдумы при обсуждении ими проблем Чечни, Крыма и Черноморского флота, гимна России. В номере 2 журнала “Международное право” за 1998 год была опубликована статья Похлебкина о ситуации в Таджикистане.

Вильям Васильевич был выдвинут на премию Гуго Гроция благодарными депутатами Государственной Думы.

В разговоре с Похлебкиным мне невольно подумалось, что он находится еще в самом расцвете сил юриста-международника. Сам же Вильям Васильевич считает, что любая награда отражает отношение общества не к самому деятелю науки, а к той проблематике, которой он занимается.

Звание “Лучший в России юрист-международник” получил Михаил Иванович Клеандров, специалист по праву СНГ, автор монографии “Разрешение экономических споров в СНГ”. Клеандров долгое время работал представителем России в Экономическом Суде СНГ. Михаилу Ивановичу довелось стать единственным юристом-международником, избранным в 1998 году членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Соответственно, лучшей в России юристом-международником стала Хайрутдинова Фарида Гарафутдиновна, ректор и основатель Поволжского Регионального Института международных отношений и права.

Человек поразительной энергии, Фарида Гарафутдиновна явилась одной из тех, благодаря кому Татарстан превратился в оазис международного права. По ее инициативе в республике были открыты школы молодых дипломатов, где сейчас обучается более 120 школьников. Будучи преподавателем международного гуманитарного права, Хайрутдинова немало сделала для пропаганды этого предмета в Татарстане.

Помимо школы молодых дипломатов, стараниями Фарида Гарифутдиновны в Татарстане была открыта школа международного гуманитарного права, лицей юных парламентариев, школа востоковедения.

В своем выступлении при вручении награды Фарида Гарифутдиновна высказала мысль, что им в Казани удалось создать институт, аналогичный МГИМО. Она имела в виду созданный ею Поволжский Региональный Институт международных отношений и права. Что же, в добрый путь!

Следующие два лауреата вызвали у меня наибольший интерес. Гражданин Казахстана Нурумов Дмитрий Игоревич стал “лучшим в России начинающим юристом-международником”, а его коллега из Москвы бакалавр МГИМО Бутенко Анна Викторовна получила звание “лучшая в России начинающая юрист-международник”.

В ходе торжественной встречи неоднократно проводились параллели между Нурумовым и молодым Гуго Гроцием. Получив еще в 16 лет высшее гуманитарное образование, Нурумов уехал в США, где изучал международное право. Там он написал ряд статей. Тема его работ — Международные уголовные трибуналы по Руанде и бывшей Югославии. По возвращении из Америки Нурумов отдал свою статью в журнал “Международное право”.

Как признался Дмитрий в своем выступлении, для него было полной неожиданностью, что его работу опубликуют.

Нурумов подчеркнул значимость международного гуманитарного права в наши дни. По его мнению, эта область будет определять развитие всего международного права.

Что касается Анны Бутенко, то она привлекла внимание юристов-международников своей статьей о примате международного права над внутренним. Как говорилось в проспекте-приложении к приглашению, Анна получила награду “за глубокое проникновение в материю международного права, за умелое обоснование своей точки зрения ссылками на его нормы, за смелую полемику с авторитетами...”.

Глядя на вручение медали и почетной грамоты Анне Бутенко, я обрадовался и вместе с тем призадумался. Как сказала сама Анна, для нее эта награда — дальнейший стимул продолжать научную деятельность в сфере международного права.

А не является ли ее пример, в свою очередь, стимулом для других студентов, изучающих международное право заняться серьезными исследованиями международно-правовых вопросов? К сожалению, я могу насчитать едва ли пять человек среди студентов моего института, кто всерьез занимается изучением проблем и отраслей международного права, не ограничиваясь написанием курсовых и дипломных работ.

В заключении хотелось бы сказать о самой премии. Все лауреаты так или иначе подчеркивали, что Гуго Гроций как раз и есть тот человек, именем которого должна быть названа эта награда.

Стефан Хенкинс напомнил аудитории слова из книги Гроция “О праве войны и мира”: “Во время войны мы всегда должны думать о мире”. А Вильям Васильевич Похлебкин провел аналогию между временами Гуго Гроция (первая половина XVII века) и современной ситуацией по запутанности международного положения.

В начале XVII столетия в Европе полыхали войны. И вот появился ученый, восставший против окружавшей его жестокости.

И нашлись люди, которые поняли необходимость утверждения в жизни того, о чем говорил Гроций.

Суть метода Гроция в том, что он обращался непосредственно к общественности. Похлебкин считает, что и теперь необходимо принять обращение 500 политологов, юристов и историков к ООН с призывом созвать чрезвычайную сессию, но не из представителей государств, а ученых и общественных деятелей, для установления новых норм международного права.

По мнению Похлебкина, только обращение к общественности спасет мир.

Кто знает, может быть, это и в самом деле единственный способ не допустить обратного превращения международного гуманитарного права в *jus belli** или даже *jus ad bellum***?..

* Право войны — лат.

** Право на войну — лат.

Р. И. Б е к к и н,
наш корр.

Статья поступила в редакцию в мае 1999 г.

МАРТЕНСИАДЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

(о 3-ем конкурсе им. Ф. Мартенса по международному гуманитарному праву, применяемому во время вооруженных конфликтов)

С 17 по 21 марта этого года в г. Минске проходил Третий студенческий конкурс им. Ф. Мартенса по международному гуманитарному праву (МГП), применяемому во время вооруженных конфликтов. Конкурс был организован Международным Комитетом Красного Креста (МККК) при участии МВД Республики Беларусь, Белорусского государственного университета и Национального центра по законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь. Все расходы по проведению Конкурса, включая проезд участников до Минска, МККК взял на себя. В Конкурсе приняло участие 15 команд из 10 республик СНГ.

Проведение этого ежегодного конкурса, ставшее уже доброй традицией¹, осуществляется в рамках действующей программы МККК по распространению знаний о международном гуманитарном праве (праве вооруженных конфликтов), осуществляемой МККК в вузах СНГ. По словам организаторов, их целью является выработка у молодых участников (по правилам Конкурса их возраст не должен превышать 30 лет), многие из которых, вполне возможно, в будущем окажутся у руля своих государств, “гуманитарного рефлекса”. Это означает, что в сердцах и

умах нынешних студентов-юристов должны укорениться приверженность нормам гуманитарного права и стремление выполнять их на практике.

Конкурс, носящий имя Федора Федоровича Мартенса, выдающегося российского юриста, основавшего две такие важные отрасли права, как международное гуманитарное право и международное частное право, организуется по аналогии с франкоязычным конкурсом имени Жана Пикте, который проводится в Западной Европе в течение более 10 лет, способствуя развитию научной мысли и совершенствованию знаний в области международного гуманитарного права. Конкурс имени Мартенса проходил на русском языке с синхронным переводом на английский.

Конкурс этого года также оказался увязанным с семинаром для преподавателей СНГ, проводившимся МККК в феврале этого года в Московских Снегирях. Так, здесь были пятеро будущих руководителей студенческих команд, принимавших участие в Конкурсе (Баку, Гомель, Комрат, Минск, Новосибирск). Некоторые впервые узнали о панируемом Конкурсе именно здесь, и с этого момента для их команд началась подготовка.

Каждая команда должна была состоять из трех студентов четвертого курса какого-либо юридического факультета и их преподавателя, которому предстояло выступать в роли руководителя и тренера команды.

В конечном итоге после оформления заявок (команды, оформившие заявку на участие, отбирались для участия в Конкурсе на основе письменного ответа на вопросы, сформулированные МККК, кроме того, студенты должны были прислать свои автобиографии) в Минск съехались следующие 15 команд: “Бектас” (Казахстан, Алма-Атинский государственный университет им. Абая, руководитель — Леонид Кусманович Бакаев), “Лачин” (Туркменистан, Туркменский государственный университет им. Магтымгулы, руководитель — Мурад Овезгельдыевич Хаитов), “Дипломаты Баку” (Азербайджан, Высший дипломатический колледж, руководитель — Матанет Паша Аскерова), “Адилет” (Киргизия, Киргизско-российский славянский университет, руководитель — Бекбосун Ишенбекович Берубашев), “Океан” (Россия, Дальневосточный государственный университет, руководитель — Елена Николаевна Номоконова), “Lex” (Белоруссия, Гомельский государственный университет, руководитель — Наталья Васильевна Копыткова), “Молодежь Гагаузии” (Молдавия, Комратский государственный университет, руководитель — Сергей Константинович Захария), “Законность и честь” (Белоруссия, Академия МВД Республики Беларусь, руководитель — Александр Владиславович Гайдаров), “Дружина Мартенса” (Россия, Нижегородский юридический институт МВД РФ, руководитель — Владимир Алексеевич Лапатников), “Consilium justourm” (Россия, Новосибирский юридический факультет Томского государственного университета, руководитель — Владислав Леонидович Толстых), “Одесская государственная юридическая академия” (Украина, Одесская государственная юридическая академия, руководитель Джейхун Ясинович Гараджаев), “Иверия” (Грузия, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили, руководитель — Зураб Бичикоевич Бурдули), “Ходжент” (Таджикистан, Таджикский государ-

ственный университет права, бизнеса и политики, руководитель — Ислон Мукилович Бакосов).

Особо следует подчеркнуть участие в конкурсе двух вузов МВД — Минского и Нижегородского. Ведь в ходе выступлений официальных лиц и преподавателей, связанных с Конкурсом, неоднократно подчеркивалась важность имплементации международного гуманитарного права на внутригосударственном уровне, а организация подобных конкурсов, равно как и расширение преподавания МГП в вузах, особенно готовящих будущих защитников правопорядка внутри государств, рассматривается МККК как одна из форм такой имплементации. Этой же проблеме было посвящено выступление перед участниками и жюри Виталия Калугина (Национальный центр законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь).

Хотя, как видно из списка, в Конкурсе принимали участие и команды довольно старых вузов бывшего СССР (например, Одесской государственной юридической академии), необходимо отметить, что возраст большинства вузов, представивших свои команды, составляет 5-10 лет. Поэтому в ходе отбора для участников команд были сделаны некоторые отступления, и к участию были допущены студенты не только 4-х, но и 3-х курсов, а в молдавской команде даже один второкурсник. А представители команды “Ходжент”, один из членов которой не смог присутствовать на Конкурсе, решили тем не менее вступить в соревнование, выразив уверенность, что смогут и в сокращенном составе проявить себя не хуже других. Действительно, все вышесказанное не явилось для команд препятствием в ходе выполнения заданий Конкурса. Жюри оценило уровень знаний участников как чрезвычайно высокий.

В свою очередь, за компетентность жюри можно ручаться. В качестве почетных гостей и членов жюри на Конкурс были приглашены такие видные деятели МККК и преподаватели, как Пьер Апраксин (Региональная Делегация МККК, Москва), Александр Матвеевич Барнашев (Томский государственный университет), Билл Боуринг (Университет Эссекса, Великобритания), Франсуа Биньон (Штаб-квартира МККК, Женева), Револь Миргилимович Валеев (Казанский государственный университет), Виталий Семенович Иваненко (Санкт-Петербургский государственный университет), Виталий Юрьевич Калугин (Национальный центр законопроектной деятельности при Президенте РБ, Минск), Антон Камен (Региональная Делегация МККК, Москва), Арчил Шаперович Крюков (Региональная Делегация МККК, Москва), Пьер-Андре Коно (Региональная Делегация МККК, Киев), Людмила Васильевна Павлова (Белорусский государственный университет, Минск), Даниэль Тюрер (Штаб-квартира МККК, Женева), Улдуз Юсубова (Бакинский государственный университет) и, конечно же, Лора Олсон (Региональная Делегация МККК, Москва), главный организатор конкурса, хотя для нее это был первый опыт подобного рода, во всех отношениях увенчавшийся успехом.

Конкурсантам было предложено обсудить юридические аспекты условной ситуации вооруженного конфликта. Поскольку целью ставилось оценить и закрепить не только теоретические знания студентов в области международного гуманитарного права, но и умение применять

их на практике, Конкурс был организован в виде ролевых игр, причем роли, исполняемые как членами жюри, так и самими студентами, постоянно менялись в ходе 4 раундов Конкурса. Впервые участники команд ознакомились с формулировкой вымышленной ситуации вооруженного конфликта, которая послужила основой для всех дальнейших конкурсов и ролевых игр уже на самом Конкурсе.

В первый же день, сразу после торжественного открытия Конкурса им. Мартенса, на факультете международных отношений Белорусского государственного университета, представления и жеребьевки команд участники были ознакомлены со сложившейся конфликтной ситуацией в двух вымышленных государствах — Каликодийском союзе и Тюльпаний². Им был показан репортаж, снятый в тот же день утром в окрестностях места проведения Конкурса — санитарно-оздоровительного комплекса “Юность”, одного из лучших в Белоруссии. Из репортажа стало ясно, что “Юность” расположена не на берегу Минского моря в Белоруссии, а на берегу Сверкающего моря в Мартланде — государстве, непосредственно граничащем с Каликонией и Тюльпанией³. Конфликт между последними был в значительной мере обусловлен спорами государств касательно реки Калико. Как известно, вода, там где ее мало, часто является источником конфликтов, а именно так дело обстояло в регионе. Река Калико играет чрезвычайно важную роль в регионе и до начала военных действий служила границей между Тюльпанией и Каликодой. Однако то ли в результате работ по возведению плотины в Каликоде, то ли как следствие естественных причин река Калико изменяет свое русло. В 1991 году Тюльпания предъявляет претензии по этому поводу Каликодийскому союзу, в феврале 1992 года начинаются военные действия, с обеих сторон страдает мирное население, гибнут люди, населению Каликоды грозит гуманитарный кризис, с военной точки зрения конфликт заходит в тупик...

Вряд ли представляется возможным изложить со всей подробностью последующие детали развития ситуации: в общей сложности текст, описывающий события, на основе которого строились задания командам, составил 35 страниц. 35 страниц тщательно продуманных работниками МККК изложений фактов, выдержек из документов, сообщений СМИ и карт, которые командам раздавали не только во время подготовки к выступлениям (каждой команде очередной комплект выдавался за 3 часа до ответа, но, к примеру, за полчаса до истечения времени на подготовку в комнату мог ворваться гонец с экстренным сообщением), но даже во время обедов и ужинов. Некоторые участники жаловались на избыток “лишних” сведений, затруднявших отбор данных, необходимых для юридически грамотного решения поставленной задачи. Но именно это и приближало вымышленную ситуацию к действительности. Остается только отдать должное компетентности и живому воображению работников МККК.

Конечно, некоторые пассажи были навеяны реально имевшими место событиями в горячих точках. Другое дело, что, к сожалению, в действительности конфликты редко разрешаются столь же справедливо, как на конкурсе им. Мартенса. Ведь умы участников были заняты не только нарушениями МГП в вымышленных Каликоде и Тюльпаний, но

и реальностями войны в Югославии. Да и сама земля Белоруссии является вящим напоминанием об ужасах войны. Вторая мировая унесла из жизни каждого четвертого человека этого прекрасного края, сотни деревень и десятки городов были стерты с лица земли фашистами в ходе военных действий и оккупации. Не случайно в культурную программу конкурса было включено посещение мемориального комплекса “Хатынь” на месте когда-то располагавшейся в нескольких десятках километров от Минска деревни, полностью, вместе с населением, уничтоженной захватчиками.

Военный конфликт между Каликодой и Тюльпанией привлекает все более пристальное внимание мирового сообщества. Издана резолюция ООН. В ходе первого раунда участникам команд было дано задание предстать в качестве юридических советников перед Министром обороны республики Тюльпания (т. е. председателем жюри) и сообщить ему, имели ли место факты нарушения международного гуманитарного права⁴ в ходе проведенного накануне нападения, и если это так, какие доводы с юридической точки зрения можно было бы привести с целью оправдать подобные действия. В первую очередь участники должны были сослаться на Женевские конвенции 1949 года и Первый дополнительный протокол к ним.

На выступление в первых трех раундах командам давалось 30 минут, из которых 15 отводилось на доклад, а 15 — на вопросы. К выступлению студенты готовились вместе с преподавателем, однако держали ответ перед Министром самостоятельно. Необходимо было как можно подробнее ознакомиться с ситуацией, так как в ходе ответа за искажение фактов жюри снимало очки.

...Между тем на берегах Сверкающего моря перевес сил явно на стороне Тюльпании. Ее войска захватывают у каликодийцев все новые и новые территории. Река Калико уже давно стала внутренним водным пространством Тюльпании. В истощенном войной Каликодийском союзе возникают различные военные группировки, в том числе и антиправительственные. Среди последних по масштабу действий особо выделяется “Красный лев”, развивший свою деятельность в кантоне Зилип. О создавшейся ситуации свидетельствует отчет Делегации МККК в Каликоде.

Во втором раунде выясняется, что вышеназванный отчет написали именно участники команд, так как они являются делегатами МККК. Более того, им уже назначена встреча с Министром внутренних дел Каликоды, цель которой проинформировать его о том, какие действия МККК хотел бы предпринять в связи с последними событиями в Зилипе. Необходимо проинформировать Министра о планируемых МККК действиях и юридически обосновать их необходимость. Особо подробно в этой связи рассматривался Второй дополнительный протокол к Женевским конвенциям.

Таким образом, второй раунд требовал от участников помимо теоретических знаний в области МГП еще и знакомства с деятельностью МККК. Как и на других этапах Конкурса, жюри оценивало не только юридическую грамотность ответа (часто прося особо уточнить статью или пункт), но и умение участников убедить собеседника, иногда сыграв

на его человеческих чувствах и выбрав нужный тон беседы. Приятно отметить, что и ребята, и жюри не теряли чувства юмора. Так, забегая вперед, скажем, что в третьем раунде представители Новосибирска предоставили республике Тюльпаниа гуманитарную помощь в виде апельсина. Однако все это не сказывалось на общем серьезном подходе к поставленным проблемам.

Третий раунд для многих команд стал решающим — после него были подведены предварительные итоги и определены две команды-финалистки. Задание третьего раунда, вкратце, заключалось в следующем: участники должны были представить себя в качестве командующих силами ООН в Каликодийском союзе (ЮНОКАЛ), созданных на основе соответствующей резолюции СБ ООН. Проблема заключалась в том, что 13 мая 2006 года рядовой Колби, солдат ЮНОКАЛ, был захвачен тюльпанскими силами, а командир последних передал ультиматум командендному центру ЮНОКАЛ в Калико. Участники должны были встретиться с Министром обороны Тюльпании и объяснить на основании применимых норм права, почему рядового Колби следует освободить немедленно и без каких-либо условий. В случае отказа представители ЮНОКАЛ должны были быть готовы, исходя из соответствующей юридической базы, показать, какое обращение должно было быть гарантировано заложнику. Один из вопросов Министра, на который некоторые участники затруднились ответить, касался юридической обоснованности того, что представители ООН, то есть международной организации, не подписывавшей Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним, тем не менее ссылались на данные документы. Одной из общих ошибок в этом раунде было то, что ребята забыли о так называемой оговорке Мартенса, человека, в честь которого назван и сам Конкурс. “Оговорка Мартенса” заключается в том, что нормы Женевских конвенций, хотя официально и не распространяющиеся на все субъекты МП, тем не менее обязательны для всех, так как стали обычаем. Кроме того, участникам не стоило ограничивать свой инструментарий лишь правом Женевы, необходимо было и обратиться к накопленным ими знаниям в несколько иных областях. В частности, вспомнить о праве Гааги.

Отметив высокий уровень знаний и грамотность ответов всех команд, жюри в тот же вечер определило финалистов. Ими стали команды “Океан” (Владивосток, Дальневосточный государственный университет, руководитель — Елена Николаевна Номоконова, студенты Владимир Масловский, Светлана Ганеева и Наталья Никитина) и команда “Законность и честь” (Минск, Академия МВД Республики Беларусь, руководитель — Александр Владиславович Гайдаров, курсанты Вадим Гриц, Алексей Протопович и Евгений Шпаковский). Руководители обеих команд уже имели опыт участия в Конкурсе в прошлом году, а белорусы под руководством Гайдарова были признаны сильнейшими во Втором конкурсе им. Мартенса. Также приятно отметить, что лишь с небольшим отрывом от вышедших в финал, но также в высшей степени достойно, шли две команды, впервые участвовавшие в Конкурсе: “Lex” (Белоруссия, Гомельский государственный университет, руководитель — Наталья Васильевна Копыткова, студенты Юлия Карташ, Антон

Лихуто и Павел Степанов) и “Адилет” (Бишкек, Киргизско-российский славянский университет, руководитель — Бекбосун Ишенбекович Берубашев, студенты Руслан Бакиев, Айдарбек Жоробеков и Анна Ни).

Финал Конкурса был непосредственно связан с международно-правовой новеллой — подписанием 17 июля 1998 года Римского Статута международного уголовного суда (МУС). Как предполагалось, это орган уже начал функционировать к осени 2008 года, то есть к тому времени, когда Каликода и Тюльпания, подписавшие наконец мирный договор и исполненные решимости привлечь к ответственности виновных в нарушении законов войны, обратились в МУС за помощью.

В частности, МУС предъявил обвинение сержанту Александру Боулдеру из Каликоды. Сразу после этого адвокат защиты подал ходатайство об отклонении обвинения по всем пунктам. Именно это дело должно было стать первым в истории МУС, и поскольку все детали первого судебного разбирательства такого масштаба неизбежно получили бы большую мировую огласку, на участников была возложена задача повышенной трудности. Путем жеребьевки между двумя командами были распределены роли защиты (“Океан”) и обвинения (“Законность и честь”). Роль МУС в этой ситуации исполняло жюри Конкурса.

Командам было дано на подготовку к выступлению четыре часа, при этом преподаватель не мог оказывать студентам никакой помощи. Участникам были розданы выдержки из Римского Статута МУС, однако как и в предыдущих раундах, студенты должны были использовать не только материалы, полученные ими непосредственно перед началом подготовки, но и все уже накопленные ими знания о конфликте.

Слушание дела проходило в следующей последовательности: 20 минут было отведено на выступление прокурора с последующими ответами обвинения на вопросы Суда. Затем, так же на 20 минут, слово предоставлялось защите и еще несколько минут на вопросы Суда адвокатам. Далее 5 минут на ответное выступление прокурора и столько же — на ответное выступление адвокатов защиты.

В одном из лекционных залов центрального корпуса Белорусского государственного университета г. Минска, а по фабуле — в зале МУС в Гааге — собрались участники команд, не вышедшие в финал, преподаватели, представители СМИ. При словах “Встать, суд идет!” в зал вошли члены жюри, за ними финалисты. Началось слушания. Обе команды показали высокую степень владения материалом, умение прибегать к полученному багажу знаний на практике. Кроме того, все финалисты проявили незаурядные ораторские способности и быструю реакцию на вопросы жюри, хотя можно было догадаться, что многие из этих вопросов они просчитали заранее в ходе подготовки. Пожалуй единственной отрицательной чертой их ответов было неумение слушать оппонента. Хотя ребят можно понять — ведь решалась не судьба вымышленного сержанта Боуринга, как это было бы в реальном суде, а их собственная. И вместо приговора представителю Каликодийских вооруженных сил через 15 минут прозвучало решение жюри о присвоении Кубка Ф. Мартенса за победу команде “Океан” Дальневосточного государственного университета.

Поздравления, вручение ценных призов всем участникам и теплые

слова пожеланий дальнейших успехов всем... Ведь, как сказала Лора Олсен еще в день открытия Конкурса, только то, что ребята собрались здесь, уже является свидетельством их победы. “Вы все здесь победители”, — эти слова, по мнению Лоры Олсен, вполне могли бы стать девизом конкурса им. Мартенса. А одна из участниц Новосибирской команды в качестве девиза конкурса предложила фразу Цицерона: “Решать юридически, а не оружием”, что звучит как нельзя более актуально в свете последних событий в Югославии и преддверии 50-летия Женевских конвенций и 100-летия 1-й Гаагской конференции Мира.

Конечно же, и для преподавателей, и для ребят Конкурс стал не просто соревнованием на выбор сильнейшего. Здесь можно было обменяться идеями и опытом по проблемам, как связанным с МГП, так и имеющим к нему весьма отдаленное отношение, можно было пообщаться, найти новых друзей и просто отдохнуть. МККК и белорусская сторона сделали для этого все возможное.

Кроме того, необходимо отметить, что именно такие конкурсы оживляют знания студентов о МГП, и, следовательно, закрепляют их. Конкурс им. Мартенса — это еще и учеба. За эти несколько дней ребята присутствовали на выступлении Ф. Биньона, специально прибывшего в Минск из Штаб-квартиры МККК в Женеве, “Женевские конвенции от 12 августа 1949 года: от Дипломатической конференции 1949 года к порогу нового тысячелетия”, лекции Б. Боуринга, профессора университета Эссекса “История и становление международного гуманитарного права” и выступлении В. Калугина, представителя Национального центра законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь “О деятельности Комиссии по имплементации МГП при Совете Министров Республики Беларусь”.

Конечно же, Конкурс им. Мартенса существенно обогатил опыт участников, что, будем надеяться, еще послужит им в будущем. И даже те ошибки, которые были допущены в ходе Конкурса, — скорее плюсы, чем минусы. Ведь ребята в своей дальнейшей работе, которая, думается, так или иначе будет связана с МГП, их уже не повторяют. А значит пусть лучше эти ошибки будут совершены здесь, применительно к вымышленным конфликтам, нежели на практике, применительно к реальным событиям. Кстати, на вопрос, что же было самым сложным в Конкурсе, некоторые участники ответили: “Работа в команде”. Необходимо было разделить функции при ответе, уметь слаженно работать в команде. Так что Конкурс еще и продемонстрировал, как важно уметь работать в коллективе.

Конечно, истинные результаты таких мероприятий МККК проявят себя лет через двадцать, когда на руководящих постах окажутся те, кто сегодня, будучи студентами, участвуют в таких вот конкурсах. Но начало уже положено. Четвертый конкурс им. Мартенса ждет своих участников весной 2000 года.

г. Минск

И. В. Герасимчук
(наш корр.)

¹ Первый конкурс имени Мартенса проходил с 23 по 27 апреля 1997 г. в Москве, и его победителем была признана команда юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Второй конкурс состоялся с 19 по 23 мая 1998 г. в Санкт-Петербурге, и здесь лучшей себя проявила команда Академии МВД Республики Беларусь.

² Площадь Каликоды: 1,8 млн. кв. км, численность населения: 13 млн. человек, для Тюльпаний соответствующие показатели равны 0,4 млн. кв. км и 4,3 млн. человек, соответственно. Тюльпания, однако, отличается более благоприятными агроклиматическими условиями.

³ События, описывавшиеся в ходе Конкурса, охватывают период с 1991 по 2008 год.

⁴ И Тюльпания, и Каликода являются участниками всех Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним.

Статья поступила в редакцию 24 мая 1999 г.

**Финалисты студенческого конкурса им. Ф.Ф. Мартенса
по международному гуманитарному праву**

(слева направо): стоят — руководитель команды Академии МВД Республики Беларусь: преподаватель А.В. Гайдаров (г. Минск), руководитель команды юридического факультета Дальневосточного государственного университета Е.Н. Номоконова (г. Владивосток), студентки Наталья Никитина и Светлана Ганеева (обе из Владивостока), курсанты Алексей Протопович и Вадим Гриц (оба из Минска); сидят — студент Владимир Масловский (г. Владивосток) и курсант Евгений Шпаковский (г. Минск)

Фото В.Н. Герашенко

Ближайшая ретроспектива (страницы обозревателя)

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШЕЙ СТРАНОЙ?

Политики и так называемые финансовые аналитики в один голос утверждают о неизбежном объявлении “дефолта” России и пугают страну тем, что государственное имущество, находящееся за рубежом, будет непременно обращено в пользу кредиторов. А посему, говорят они, нам просто жизненно необходимо взять дополнительный кредит на Западе (имея ввиду прежде всего МВФ, Международный банк реконструкции и развития и другие связанные с ним финансовые организации, такие как Международная ассоциация развития, Международная финансовая корпорация, Многостороннее агентство инвестиций, Международный Центр урегулирования инвестиционных споров, объединяемые в последнее время под общим названием “Всемирный банк” или “Мировой банк”), чтобы срочно погасить проценты за взятые ранее кредиты.

Что и говорить, для западных кредиторов такое положение вещей очень и очень привлекательно с экономической точки зрения.

Давайте вместе посчитаем. Предположим, что внешний долг России составляет порядка 190 млрд. американских долларов. Предстоящие выплаты процентов за 1999 год составляют порядка 1 млрд. американских долларов. Выдав новый кредит на уплату процентов кредиторам же, Россия останется должна уже 191 млрд. USD (плюс проценты за пользование кредитом с суммы 191 млрд.), а кредитор увеличивает свою дебиторскую задолженность, фактически не тратя ни копейки (хотя правильнее было бы сказать “ни цента”).

Но с другой стороны, долги отдавать надо. И возможность любой страны платить по своим денежным обязательствам является одним из важнейших показателей при получении рейтинга. На что же влияют эти страновые рейтинги? Ну, во-первых, это хорошая “дубина” в руках руководства отдельных государств, с помощью которой они могут манипулировать общественным мнением в своей стране. Смотрите, говорят они, эта страна не платит по своим долгам, а значит и с правами человека у них, очевидно, не все гладко. Во-вторых, эти рейтинги очень сильно влияют на инвестиционную активность в странах. Чем выше рейтинг, тем больше инвестиций привлекается в это государство. И наконец, рейтинговые баллы оказывают существенное значение при определении условий предоставления инвестиций — в страну с большим рейтингом инвестиции идут под меньший процент, и наоборот.

И если мы определились, что отдавать долги все-таки необходимо, то необходимо уяснить, как это делать. Брать ли новые кредиты для того, чтобы расплатиться с процентами за старые долги и тем самым еще туже затягивать финансовую удавку на своей шее, или есть какой-то другой путь.

Я думаю, что варианты возможны.

Если бы наше государство с тем же упорством, с каким оно сейчас добивается предоставления новых займов, поставило вопрос о реструктуризации долгов в ином, нежели сейчас, ключе, то по-моему, положение можно было бы поправить.

Что для этого нужно? Как мне представляется, алгоритм действий должен быть следующий: выплаты процентов за пользование кредитом должны быть заморожены на какое-то время. Все отчисления, которые делает Россия в настоящее время, должны зачитываться в счет погашения основной суммы долга. Проценты же должны учитываться только на бумаге. Реальные выплаты процентов начнутся только после погашения основной суммы кредитов (или подавляющей ее части).

Это уже не “игра в одни ворота”, это разумный выход из экономического тупика. Такая практика существует у большинства финансовых институтов не только в России, но и за рубежом. Не происходит списания с баланса невозвратных долгов и не увеличивается при этом сумма дебиторской задолженности по основному долгу. Оговорюсь, что так поступают банки со своими клиентами — юридическими или физическими лицами. И если только нет другого пути — обращают взыскание на имущество должника. Таким образом, западные кредиторы получают назад основную сумму долга и у них остается право требования (и естественно, получения) сумм начисленных процентов. Да, о сверхприбыли в этом случае не может быть и речи, но и вопрос о сверхубытках становится также не актуальным. Это поступок разумного кредитора в отношении своего должника, стоящего на грани разорения. Так же, видимо, необходимо ставить вопрос и в отношении России.

Теперь поговорим о долгах бывшего СССР, которые должна преимущественно погашать Россия. Почему долги Союза не платят солидарно и другие 14 стран — бывших союзных республик СССР? Ведь часть имущества Советского Союза они получили. А руководство нашей страны смотрит на это “сквозь пальцы”, не предпринимает никаких мер для исправления ситуации. Куда же тратились кредиты, получаемые СССР? В подавляющем большинстве случаев на техническое перевооружение отечественной промышленности. Строились заводы, фабрики, аэродромы, мосты, дороги и т.п. и далеко не всегда на территории России. Почему же именно Россия одна должна отдавать все долги? Это не по справедливости. В гражданском праве есть положение, из которого следует, что наследник принимает наследственное имущество, только обремененное всеми обязательствами. Почему же бывшие республики СССР приняли наследство Советского Союза без обременения? Мне могут возразить, что существует Соглашение между странами — бывшими республиками о долгах СССР. Но почему тогда в последнее время руководители некоторых “самостийных” и не очень государств заявляют о желании получить часть имущества СССР, находящегося на территории государств “дальнего зарубежья”, в свое пользование? И почему нигде не слышно, чтобы говорилось и о разделе долгов? Боюсь, что проблема будет решена опять не в пользу России.

Давайте теперь отложим эту проблему в сторону и посмотрим на фактическое состояние дел с долгами СССР.

По мнению некоторых компетентных источников, собственность СССР за рубежом оценивается в сумму (по разным оценкам) от 200 до 4000 млрд. долларов. Это и имущество, и собственность бывшего СССР за рубежом, и долги разных стран, которые складывались как за счет поставок, так и за счет прямых кредитов. Теперь эти страны отказываются платить по своим долгам России (как правопреемнице СССР) и никто не пугает их “дефолтом” и другими западными “ужасиками”.

Мое мнение в отношении государств-должников России таково: не можешь отдать деньгами — отдай собственность. Кроме того, можно ведь и продать долги (и не всегда это нужно делать с Лондонским или Парижским клубом кредиторов). Другое дело как, кому и за сколько. Российская практика показывает, что ряд коммерческих банков (как правило, это “карманные” банки некоторых руководителей страны) с успехом и, разумеется, не без прибыли для себя совершает подобного рода сделки. Об этом много и без толку писали демократические СМИ. А что бюджет? А ничего. Идут баталии по поводу той или иной статьи, лоббируются чьи-то интересы, а многие десятки и сотни миллионов долларов проплывают под шумок мимо государственной казны.

Говорят, что воровство — это наш национальный менталитет. В корне с этим не согласен. Воруют только тогда, когда это разрешено, или по крайней мере не преследуется всей мощью правоохранительных органов государства. На Западе тоже воруют и не с меньшим размахом, однако там есть свои “священные коровы”, которых касаться нельзя ни в коем случае. Одной из главных неприкасаемых ценностей является государственный бюджет. Красть из него не только нельзя, но и даже думать об этом не допустимо. В России все с точностью до наоборот. Воруют и воруют, преимущественно из бюджета. Но эта проблема уголовного права и в прямую не относится к рассматриваемой мною проблеме.

Теперь возвратимся к “дефолту”.

Что такое “дефолт”? Дефолт (от английского default) — I. Невыполнение обязательств (особенно денежных); II. Упущение, недосмотр, пропуск; III. Правонарушение, провинность, проступок. Дефолт в понимании наших политиков — это невозможность государства платить по своим долгам, что, согласитесь, является довольно вольным переводом. Ну даже и в этом случае непонятно, почему все время говорят об аресте государственного имущества, находящегося за рубежом.

В международном праве существует принцип иммунитета государства и его имущества. Этот принцип был разработан еще в римском классическом праве и выражался в формуле: “*Par in parem non habet jurisdictionem*” (“равный над равным не имеет судебной власти”). Отсюда вытекает ряд начал как международного публичного, так и международного частного права:

- иностранное государство не может быть привлечено против своей воли к суду в качестве ответчика по гражданскому делу (“судебный иммунитет”);
- в отношении иностранного государства не могут предприниматься меры принудительного взыскания (“иммунитет от обращения взыскания”);
- к иностранному государству нельзя применять налоговое обложение без его на то согласия.

Указанные виды иммунитета распространяются на всякое имущество

во иностранного государства: как на служащее дипломатическим целям, так и на то, которое связано с его коммерческими операциями.

Теория иммунитета государства и его имущества полностью признана всеми учеными российской школы права. Многие западные теоретики как международного публичного права, так и международного частного права, также признали эту доктрину. Принцип иммунитета государства и его имущества получил многократное выражение в международных актах и судебной практике различных стран.

Наиболее ярко этот принцип проявился в судебной практике зарубежных стран в двадцатых-тридцатых годах нынешнего столетия. Например, дело 1921 года “Лютер против Сегора”, рассмотренное в британском суде, решение американского федерального суда по южному округу Нью-Йорка, вынесенное в 1931 году по иску Банка Франции к двум американским банкам о выдаче советского золота, вывезенного в США и депонированного в этих двух банках. Хочу отметить, что американский суд признал иммунитет государства и его имущества еще до установления дипломатических отношений США с СССР (эти отношения были установлены только в 1933 году) и признал иммунитет Советского государства как “суверена *de facto*”. Судебная практика Германии и ряда других стран также пошла по этому пути.

Однако, наряду с этой доктриной, в западной юриспруденции есть и сторонники теории “функционального иммунитета” государства, которые доказывают, что поскольку иностранное государство совершает внешнеэкономические сделки, оно тем самым добровольно отказывается от иммунитета в отношении этих сделок и связанного с ним имущества.

Но даже сторонникам функционального иммунитета государства вряд ли придет в голову изымать имущество государства в погашение долгов по кредитам, выданным международными финансовыми организациями России и никак с ними не связанным.

Хотя и не исключаю, что при подписании документов на получение займов, российское руководство закладывало имущество, находящееся за рубежом, в залог под обеспечение кредитов, дало согласие на отказ от иммунитета. Сказать сейчас совершенно точно могут лишь люди, участвовавшие в переговорах и подписании документов, — с самими документами ознакомиться не представляется возможным ввиду отсутствия какой бы то ни было информации по этому вопросу.

Таким образом, как мы видим, поводов для опасений, что имущество государства российского “пойдет с молотка”, нет (при условии, конечно, что само российское руководство не дало на это добро), а понятие “default” необходимо рассматривать не как невыполнение государством своих денежных обязательств, а как ошибку, упущение (см. выше) руководства страны в экономической политики государства. Ошибку, которую еще не поздно исправить, проявив при этом только политическую волю на решение этой проблемы исключительно экономическим и правовым путем.

А. Б а б и н,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
Московской государственной юридической академии,
подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1999 г.

Статья поступила в редакцию в мае 1999 г.

Международные организации

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ И ЗАРОЖДЕНИЕ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО РОЗЫСКА

Н.Г. Г а с ы м о в* (Баку)

Объявление и проведение какого-либо розыска в масштабах одной страны — национального или, как принято называть такой общегосударственный розыск в России, федерального — это дело ее компетентных правоохранительных ведомств, которым чаще всего выступает центральный орган полиции (или милиции). А исполнителями такого розыска являются низовые (местные, территориальные) органы того же ведомства. Мероприятиями национального розыска охватывается (должна охватываться!) территория всего государства. Иначе о каком же общегосударственном розыске может идти речь, если он проводится только на какой-то части территории государства.

С правовой и организационно-тактической точек зрения правоохранительным органам государства и их сотрудникам, задействованным в розыске конкретного лица (или объекта), доступны, открыты все участки территории страны для проведения необходимых поисковых действий. Ведь они предпринимают их в порядке исполнения решения (или приказа), исходящего от вышестоящего для них центрального органа государства, полномочного принимать такие решения и требовать их исполнения от всех подчиненных подразделений ведомства.

Иное дело — розыск, который необходимо провести за пределами территории государства, где было совершено преступление и где виновное лицо должно быть наказано. Решение о его розыске, принятое в этом государстве, само по себе не имеет никакой правовой и административной силы за пределами его государственной территории. Вопрос о таком розыске на территории другой страны должен быть предварительно урегулирован обоими государствами на дипломатическом уровне. Но пока ведутся дипломатические переговоры (а они практически никогда не бывают быстрыми), беглец может покинуть и эту страну. А это значит, что в погоне за ним нужно немедленно начинать новые

*Майор полиции МВД Азербайджана, соискатель Академии управления МВД Российской Федерации.

переговоры о его розыске с внешнеполитическим ведомством еще одного государства. Прежде так было всегда. Так могло бы быть и сейчас, если бы не было Интерпола.

В наши дни каждый любознательный человек наверняка осведомлен, что розыском подозреваемых и преступников в разных странах занимается Интерпол. Но как он это делает, какими возможностями — правовыми, административными, организационными, людскими, техническими располагает и пользуется при этом, вряд ли кто сумеет правильно сказать. Главная ошибка, которая допускается при ответах — это переоценка возможностей Интерпола, идущая чаще всего от незнания того, а что же он собою представляет. Многие считают его полицией, и не просто полицией, а суперполицией. Это глубокое заблуждение и его необходимо развеять, чтобы понять истинное место и роль Интерпола в международном розыске подозреваемых или преступников, которые ныне обнаруживаются с его участием и под его руководством. А начать надо с его названия.

Термин “Интерпол” — это сокращение от словосочетания двух слов — “интернациональная” и “полиция”. Оно с 1956 года стало вторым официальным названием Международной организации уголовной полиции, созданной еще в 1923 году в Вене.

В настоящем исследовании нет необходимости касаться истории создания Интерпола. Она подробно рассмотрена К.С. Родионовым в его работах¹.

Мы коснемся только первых встреч полицейских специалистов ряда стран, где решался вопрос о создании этой полицейской организации, и первых лет ее существования.

Первая встреча состоялась в Монако в 1914 году. Она получила название 1-го Международного конгресса полиции. В его работе приняли участие ученые и практики из 24 стран, в том числе из России². Примечательно, что на этой встрече больше говорилось не о будущей всемирной организации полиции, а о создании международного бюро идентификации преступников. Участники конгресса приняли решение начать с разработки положения, в котором основное внимание предлагалось уделить приемам описания примет преступников “для международного пользования” и системе классификации этих приемов³.

Второй вопрос повестки дня был также связан с задачами розыска — о правовых основаниях и процедуре задержания разыскиваемого преступника на территории другого государства. Участники конгресса много внимания уделили рассмотрению вопроса об упрощении и ускорении техники обмена сведениями о преступниках между службами полиции разных стран⁴.

Следующий конгресс планировалось провести в 1916 году. Начавшаяся мировая война помешала выполнить решения Первого конгресса. По ее окончании в 1923 году в Вене был проведен II-й Международный конгресс уголовной полиции, на котором состоялось создание Международной комиссии уголовной полиции, прообраза будущего Интерпола. В своих решениях Второй конгресс вернулся к решениям Первого, в частности — создать в составе этой первой международной полицейской организации службу учета и идентификации разъезжающих по

свету привычных преступников и преступников, скрывающихся от наказания, а также службу, занимающуюся сбором и ведением их пофамильного учета (картотеки их фотографий и отпечатков пальцев рук).

Самый существенный вклад в создании будущих картотек внесла служба криминальной полиции Австрии. Надо отметить, что после создания международной полицейской организации ее штаб-квартира была размещена в Вене. Для этого МВД Австрии выделило будущему Интерполу необходимые помещения, штат служащих, а также материалы из своих картотек на международных преступников (как их называли тогда, да и долгое время потом). Эти первые материалы в виде соответствующих карточек стали первым фондом Интерпола. Все последующие годы он пополнялся за счет новых поступлений от органов полиции стран-участниц.

Практика международного розыска в деятельности этой организации начиналась с нуля. Чтобы такой розыск провести в мировом масштабе хотя бы один раз, необходимо во всем мире создать опорные пункты для его поддержания. Поэтому создание Международной комиссии уголовной полиции стало лишь первым шагом к установлению международного сотрудничества полиции разных стран. Его предполагалось с самого начала построить по схеме: полицейские органы на местах — национальный центр в каждом из государств — Международная комиссия уголовной полиции, действующая по образцу полицейских центров в государствах, но только в международном масштабе. Такой международный центр полиции был создан в составе комиссии в Вене и получил наименование “Международное полицейское бюро”. Здесь было сосредоточено все сотрудничество полиции разных стран в борьбе с преступностью, которую называли “международной”. Создание национальных центров в странах надолго затянулось.

А вот формирование Международного полицейского бюро было начато сразу. Уже в 1924 году были образованы две службы: одна начала формирование картотеки действующих в разных странах “международных преступников”, другая занялась проблемой международного розыска скрывшихся преступников. Они начали действовать на базе едва ли не самых обширных по тем временам картотек австрийской полиции.

Для обеспечения постоянного притока новой информации о такого рода преступниках в 1924 году было принято решение, в соответствии с которым “члены комиссии обязывались добиваться, чтобы соответствующие полицейские инстанции их стран направляли в Международное полицейское бюро необходимую информацию в случае, если на обслуживаемой территории появился международный преступник, вор, мошенник, фальшивомонетчик или другое подозрительное лицо. Подозрение в преступной деятельности будет правомочным, если полиции известно, что данное лицо не имеет в стране постоянного места жительства, или постоянного места пребывания”⁵.

Служба розыска стала обрабатывать поступающую информацию о скрывшихся за пределы страны преступниках и оповещать о необходимости их розыска другие страны. Такое оповещение проводилось на страницах полицейского бюллетеня “Internationale offentliche Sicherheit” (“Международная общественная безопасность”), специально созданным

го комиссией на заседании в 1924 году. Там же была определена периодичность выпуска бюллетеня — два раза в месяц, начиная с января 1925 года. Изданием бюллетеня преследовались две цели:

1) Он должен быть постоянным печатным органом комиссии, где будут публиковаться все ее официальные сообщения, а также статьи ведущих ученых и практиков в области международной борьбы с преступностью.

2) Служить целям международного розыска преступников. Розыску в комиссии с самого начала решено было придать международный характер по охвату территории его проведения и по вовлеченности в него полиции нескольких стран. С этой целью объявления о розыске стали публиковаться на немецком, английском, итальянском и французском языках⁶.

В январе 1925 года вышел в свет первый номер этого официального бюллетеня. В его разделе “объявления международного розыска” информация о разыскиваемых людях давалась двух видов:

а) в виде очередного списка объявленных в розыск лиц за период, прошедший от публикации предыдущего списка;

б) в дополнение к списку давались индивидуальные объявления о наиболее значимых разыскиваемых преступниках.

В полицейской розыскной практике это был, вероятно, первый бюллетень, специализировавшийся на розыске скрывшихся преступников. Во всяком случае ставшие позднее весьма известными даже в Европе знаменитые крупноформатные газетные листки “Десять разыскиваемых людей” ФБР США начали выпускаться только в 30-е годы.

Получить представление о характере розыскных публикаций в бюллетенях Интерпола можно по объявлению, взятому нами из первого выпуска “Международная общественная безопасность” за январь 1925 года.

“Разыскивается судом за обольщение и торговлю женщинами Отто Полачек (известный также под именем доктор Отто Полачек, Поллачек, Поландс и Полак).

Описание внешности: ниже среднего роста, сильный, брюнет, цвет лица бледный, нос европейского вида, искривлен, глаза темно-карие, над одним глазом шрам длиной 3 см, обычно гладко выбрит, на правой руке носит большое золотое кольцо с печаткой, почти всегда одет в синюю или фиолетовую шелковую рубашку, в шляпе, которую обычно не снимает даже в комнате, свободно говорит по-немецки, французски, испански, путешествует с фальшивыми паспортами, выдает себя за аргентинского генерала.

Манера поведения — весьма дерзкая, многословен, искусен в метании ножей и лассо, ищет знакомства с людьми из низших слоев общества.

По оперативным данным, родился в Праге, по профессии техник-дантист.

Может находиться в компании девушки по имени Фрида Фуш, она средней комплекции, очень привлекательна, со свежим цветом лица, зелеными глазами, тициановым (рыже-коричневым) цветом волос,

родом из простой провинциальной среды, родной язык — немецко-австрийский диалект. Зовет своего соблазнителя Дитто или Фелл. Он выдает ее за свою жену. Необходим арест и выдача.

Розыск объявлен Окружным судом, Уэллс, IV отдел, 10 октября 1924 год”.

Через четыре недели в другом выпуске бюллетеня “Международная общественная безопасность” есть запись, что Отто Полачек взят под стражу⁷.

Служба розыска вела не только учет лиц, в розыске которых она посредничала или оказывала помощь, извещая о нем полицейские службы всех стран-членов Комиссии, но и картотеку преступников, о розыске которых объявлялось в бюллетенях “Международная общественная безопасность”. В начале 30-х годов эта картотека насчитывала более 100 тысяч таких объявлений о розыске⁸.

По решению членов Комиссии в 1926 году в Международном полицейском бюро в Вене была создана еще одна служба — международного учета общественно опасных лиц. К их числу были отнесены:

а) лица, совершившие особо тяжкие преступления, которые причинили или могли причинить большой ущерб жизни или здоровью людей, или собственности;

б) лица, совершившие менее опасные преступления, но большое их количество;

в) лица, совершившие преступления, отличающиеся особой жестокостью, хитростью, или дерзостью.

Появление новой службы, которой в комиссии было вменено вести учет такой категории особо опасных лиц, никак не связанных с международной деятельностью и международной преступностью, вызывает законное недоумение.

Уместно отметить, что деятельность именно этой службы когда-то способствовала формированию в глазах прежних советских партийных функционеров образа Интерпола как опасной силы, враждебной росту профсоюзного и коммунистического движения в мире. Сейчас нет смысла обсуждать или осуждать решение членов Комиссии об учреждении такой службы. Тем не менее нельзя полностью обойти молчанием этот факт. Создание ее означало включение Комиссии в деятельность по преследованию и розыску лиц, участвующих в политических движениях, партиях. Только после Второй мировой войны в уставных документах Интерпола было официально объявлено об отказе его сотрудничать в делах политического характера.

Международное полицейское бюро с 1926 года стало функционировать самостоятельно, а не как подразделение Министерства внутренних дел Австрии. Его работу возглавил Генеральный секретарь — должность, которая была также введена в 1926 году. Хотя он избирался, его кандидатуру предлагало МВД Австрии из аппарата своих служащих.

Секретарь фактически и руководил всей повседневной работой не только Международного полицейского бюро, но и всей Комиссии.

Весь довоенный период существования Комиссии — от ее создания в 1923 году до начала Второй мировой войны в 1939 году исследователи

характеризуют как время поиска ею своего места и в международной борьбе с преступностью, и в целом в сотрудничестве государств в борьбе с той же преступностью.

Международный розыск — фактически единственное направление в работе Комиссии, которое удавалось поддерживать на сносном уровне благодаря ранее упоминавшемуся бюллетеню “Международная общественная безопасность”. Бюллетень издавался ежемесячно, и раздел “Международный розыск” стал в нем постоянным. Поэтому полицейские службы всех стран каждый месяц имели свежую информацию о новых беглецах, объявленных в розыск, а по некоторым уже проводившимся розыскам — информацию об их успешном завершении. Правда, в бюллетенях нет данных о результатах очень многих розысков. Понятно, почему их редакция от себя нередко обращается к полицейским руководителям в странах с просьбой информировать Международное полицейское бюро о результатах розыска, чтобы незамедлительно сообщать в другие страны о его прекращении.

Бюллетень “Международная общественная безопасность” издавался не только все предвоенные годы, но и в годы Второй мировой войны. Английский исследователь Фентон Бреслер в своей книге приводит тексты нескольких таких извещений об объявлении международных розысков. Знакомство с ними указывает на расширение видов розыска. Ранее в них речь шла о розыске лиц, скрывшихся от следствия и суда после совершенного преступления. Теперь среди извещений есть такие, в которых полиция стран-участниц довоенного Интерпола ставилась в известность об отдельных опасных преступниках, которые могут появиться в любой стране. За ними следует установить наблюдение с помощью тех средств, которые имеются в распоряжении полиции.

И еще один вид розыска появился в бюллетенях — розыск без вести пропавших. Обращает на себя внимание факт, что эту работу, проводимую довоенным Интерполом, можно охарактеризовать как “улицу с односторонним движением”: нам известно, что розыск был объявлен, когда это произошло, кто был инициатором его объявления в международном масштабе. Но очень редко есть информация из страны, где это разыскиваемое лицо было установлено и задержано, и было ли. Розыски продолжали объявляться и в годы войны, хотя в тот период само сотрудничество полиции многих стран было прервано. Исследователи отмечают, что как весь довоенный период, так и период Второй мировой войны и долгое время после нее каких-либо заметных успехов, которые прославили бы Международную комиссию уголовной полиции, не было. Не наблюдалось особых успехов и в розыскных действиях организации?

После Второй мировой войны во многих странах мира был отмечен большой рост преступности. Главы полиции ряда европейских стран, а также США приняли решение возродить международную полицейскую организацию. Это произошло на первой послевоенной конференции полиции (получившей название по примеру ООН — Ассамблея) в 1946 году в столице Бельгии — Брюсселе.

Местом постоянного пребывания организации на этот раз был избран Париж, где французское Министерство внутренних дел предоставило для размещения ее штаб-квартиры отдельное здание, выделило

для работы в ее службах сотрудников и приняло на себя большую часть расходов по оплате их труда.

Осенью 1989 года штаб-квартира Интерпола была переведена в Лион — город на юго-востоке Франции.

В послевоенные годы завершилось структурное оформление организации, были окончательно определены ее цели и компетенция, принципы деятельности. Процесс этот реально был начат принятием в 1956 году Устава, заменившего учредительный акт 1923 года, и закончился заключением соглашения с Францией о штаб-квартире организации, в котором было официально подтверждено превращение Интерпола из неправительственной международной организации в полноправную межправительственную.

Уставом 1956 года Комиссия была переименована в Международную организацию уголовной полиции, сокращенно — Интерпол. Оба названия используются как равнозначные в деловых документах и в бытовой лексике.

Все последние годы были временем быстрого роста Интерпола. Первый прилив пришелся на 50-е и 60-е годы, когда в составе организации появилось свыше 70 новых государств, преимущественно в Азии и Африке.

Второй прилив стран в Интерпол придал ему универсальный характер. Он стал следствием краха социалистической системы в мире, ослабления, а затем и полного разрыва прежних идейных и политических связей, на которых держался их союз. В 80-е и на рубеже 90-х годов одна за другой эти страны вступили в Интерпол¹⁰. Из стран прежнего социалистического лагеря в нем нет только Корейской Народно-Демократической Республики, нет ясности в отношениях Интерпола с Кубой.

Совсем недавно завершился третий прилив в Интерпол за счет стран, появившихся вследствие распада Советского Союза, на бывшей территории которого появилось 15 новых суверенных государств.

В 1991—1995 годах в Интерпол приняты Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдова, Узбекистан, Украина, Эстония. Готовы это же сделать и две оставшиеся бывшие советские республики — Таджикистан и Туркмения. В эти же годы произошел распад еще ряда бывших федераций: Чехословакии и Югославии. Сегодня в Интерполе насчитывается 178 стран. По численности своих рядов он уступает только Организации Объединенных Наций.

Все страны влечет в Интерпол стремление включиться в международную борьбу с преступностью и с его помощью приостановить или хотя бы замедлить темпы ее роста.

Прежние документы, регламентировавшие деятельность Интерпола, — учредительный акт 1923 года и Временное положение 1946 года — практически не уделили никакого места его внутреннему устройству. Составители Устава 1956 года закрепили структурную организацию, которая формировалась под воздействием выполняемых Интерполом задач, но придали этой схеме типовую структуру ряда международных организаций, особенно специализированных учреждений ООН.

Краткий рассказ об истории и о структуре единственной в мире международной полицейской организации здесь просто необходим,

чтобы всякий читатель мог убедиться в том, что с самых первых дней своего создания Интерпол не был не только суперполицией (а такие предположения были на учредительном конгрессе в Вене в 1923 году), но и вообще полицией. Он создавался и действовал тогда и сейчас только как международная организация, не более того.

В соответствии со ст. 5 Устава структура Интерпола включает Генеральную Ассамблею; Исполнительный комитет; Генеральный секретариат; Национальные центральные бюро (НЦБ); консультантов.

Генеральная ассамблея — высший орган Интерпола, сессии которого проводятся ежегодно. В ее функции входит выработка принципов деятельности организации, разработка общих мер, способствующих выполнению поставленных перед Интерполом в ст. 2 Устава задач, утверждение ежегодных планов работы, принятие решений и рекомендаций членам организации, а также решений о сотрудничестве с другими организациями.

Исполнительный комитет — исполнительный орган Интерпола с более узкими полномочиями и более узким составом участников: президент, три вице-президента и девять представителей от стран. Исполнительный комитет формируется “с учетом географии”, то есть представительства в нем стран всех регионов мира. Заседания этого органа проводятся два раза в год. Исполнительный комитет осуществляет контроль за выполнением решений Генеральной Ассамблеи и за деятельностью Генерального секретаря.

Постоянно действующим рабочим аппаратом организации стал Генеральный секретариат во главе с Генеральным секретарем. Институт советников в Интерполе создан для научной проработки отдельных проблем, решение по которым предстоит принять на сессии его Генеральной Ассамблеи. В качестве советников приглашаются ученые и практики, хорошо зарекомендовавшие себя в какой-либо области борьбы с преступностью.

Среди названных в ст. 5 Устава есть орган, аналога которому нет в структуре других международных организаций: это Национальные центральные бюро — НЦБ, прообразом которых были центральные бюро, создаваемые в европейских странах в 20-е годы после создания в 1923 году довоенного Интерпола. И теперь каждая страна при вступлении в Интерпол обязана создать в своей полицейской структуре собственное НЦБ.

Вместе с Секретариатом, который в ст. 26 Устава назван “международным центром борьбы с преступностью” и “специализированным и информационным центром”, НЦБ всех стран составили единый механизм сотрудничества полиции в борьбе с преступностью как в неотложных, срочных, так и повседневных ситуациях.

Секретариат Интерпола в этом механизме выполняет функцию международного центра сосредоточения различных оперативно-розыскных картотек и криминалистических учетов, где собраны и постоянно пополняются персональные сведения о преступных группах и объединениях, действующих в межнациональных масштабах, и о совершаемых ими противоправных деяниях. Накопление такой информации в штаб-квартире Интерпола ведется с целью предоставления ее органам поли-

ции стран-участниц по их просьбам. Информация, содержание которой должны знать во всех странах, в обязательном порядке и незамедлительно рассылается им.

Для этого у Интерпола имеются собственные средства связи — видеосвязь, телекс и телетекст; обеспечивающие оперативные контакты и взаимодействие с полицией разных стран в совместной работе по раскрытию конкретных преступлений, розыску или преследованию “по горячим следам” преступников.

Партнерами Секретариата в механизме борьбы с преступностью транснационального характера и являются НЦБ всех стран. Принятая в 1965 году в дополнение к Уставу 1956 года Доктрина НЦБ называет их “опорными пунктами Интерпола на местах”, то есть в странах. А для полицейских органов своей страны НЦБ стали “национальными центрами по вопросам международного сотрудничества полиции в системе Интерпола”. Доктриной на последние была возложена важная и ответственная задача — представлять Интерпол в своей стране, отстаивать его интересы, добиваться от его имени активного участия полиции страны во всех начинаниях Интерпола и предпринимаемых мероприятиях, быть инициатором и проводником решений его Генеральной Ассамблеи.

И все же главное назначение НЦБ — вовлекать полицейские силы страны в международную борьбу с преступностью, налаживать и поддерживать их контакты с другими НЦБ и со штаб-квартирой Интерпола, путем обеспечения постоянной готовности оперативно пропускать их “через себя”, свои средства связи, как в страну, так и из нее, добиваться быстрого и качественного выполнения всех поступающих запросов.

В настоящем исследовании мы коснемся именно этой стороны деятельности ЦНБ России применительно к их участию в объявлении розыска скрывшегося из страны преступника или организации исполнения аналогичной просьбы, полученной из-за рубежа.

В ряде стран—участниц Интерпола (Австрии, Германии, России, Франции и др.) полицейскими органами строго предписывается вступать в рабочие контакты с зарубежными органами полиции только через ЦНБ. Еще в 1971 году в специальной резолюции Генеральной Ассамблеи Интерпола странам рекомендовалось в двусторонних контактах пользоваться средствами коммуникаций Интерпола напрямую: НЦБ—НЦБ. Однако в делах о международном розыске этот путь возможен только на стадии выполнения операций розыска, его координации, запроса дополнительной информации.

Надо отметить, что пропускаемые ежедневно по каналам связи Интерпола потоки запросов и другой информации о преступлениях и преступниках, оперативное реагирование или исполнение их странами-участниками представляет собой повседневную неброскую часть его работы. Но именно она формирует устойчивый его авторитет, определяет его место и роль в кооперации государств и их органов полиции в международной борьбе с преступностью, в успешном проведении совместного розыска особо опасных преступников.

В ст. 2 Устава Интерпола указаны цели его деятельности:

а) обеспечивать и развивать широкое взаимное сотрудничество всех

органов уголовной полиции в рамках действующего в их странах законодательства и в духе Всеобщей Декларации прав человека;

б) создавать и развивать учреждения, которые могут успешно способствовать предупреждению и борьбе с общеуголовной преступностью.

Названные цели определили и две сферы приложения усилий Интерпола, которые проявляются как взаимозависимые и взаимодополняющие. Условно их можно назвать внешней и внутренней. Внешняя — способствовать взаимным прямым контактам уголовной полиции стран-участниц; внутренняя — создание в штаб-квартире организации различных подразделений и технических служб, работа которых в целом должна оправдывать уставное предназначение ее Генерального секретариата — действовать как “международный центр по борьбе с общеуголовной преступностью”, а также как “специализированный и информационный центр”.

В качестве первоочередной Интерпол взял на себя задачу содействовать прямому взаимному сотрудничеству органов уголовной полиции. Содержание этого понятия было определено еще на учредительном конгрессе Интерпола в Вене в 1923 году как “непосредственные межгосударственные контакты полицейских органов по оказанию взаимной помощи, осуществляемые без участия дипломатических служб”. На конгрессе 1923 года было высказано пожелание правительствам подвести под такие контакты полиции твердую договорную базу, дабы “избавить их от субъективного усмотрения отдельных полицейских руководителей и должностных лиц”. Поэтому конгресс решил “добиваться повсеместного проведения в жизнь этой предварительной договоренности путем заключения международных соглашений”¹¹.

В 1975 году 44-я сессия Генеральной Ассамблеи Интерпола призвала полицейские службы “привлечь внимание своих правительств к преимуществам заключения международных договоров о прямом полицейском сотрудничестве, особенно между граничащими странами”. Тогда же был подготовлен типовой проект такого договора, который и одобрен сессией Интерпола в качестве модели.

В работе Интерпола решающую роль играют НЦБ, функциональную характеристику которых, их истинное место в международном сотрудничестве полиции необходимо раскрыть. В 1965 году в дополнении к Уставу — уже упоминавшейся выше Доктрине — НЦБ были названы “национальными центрами стран по вопросам международного сотрудничества органов полиции в системе Интерпола”. Для каждой из стран они стали службой, через которую ее полиция в срочных случаях получила возможность оперативно выходить на зарубежные контакты, запрашивать помощь и получать ее от своих коллег. Для Интерпола НЦБ стали связующими звеньями с полицией стран-членов, его опорными пунктами в поддержании такого сотрудничества в целом.

При проведении розыска в своей стране бюро поддерживает связь с различными национальными учреждениями, такими как суд, прокуратура, таможенные и иммиграционные службы, а на международном уровне — с НЦБ других стран и с Генеральным секретариатом. От имени полиции своей страны национальные центральные бюро обращаются в Генеральный секретариат (или непосредственно в НЦБ другой страны)

с различными просьбами, и сами, в свою очередь, организуют у себя в стране исполнение их просьб, среди которых немало просьб и о розыске.

“Интерполовские каналы” передачи и получения просьб и информации при расследовании уголовных дел или просьб о выдаче преступника с предварительным его розыском признаны рядом международных конвенций¹², а законодательством некоторых стран-членов рекомендованы для использования также органами суда и прокуратуры.

Принципы сотрудничества Интерпола

Взаимодействие полиции разных стран в системе Интерпола как часть сотрудничества государств в борьбе с преступностью может развиваться лишь при неукоснительном соблюдении общих принципов международного права и в первую очередь принципа сотрудничества, суверенного равенства государств, невмешательства в их внутренние дела, принципа уважения прав человека.

К ним надо добавить также и главный принцип, объединивший все страны мирового сообщества в борьбе с преступностью, — обеспечение неотвратимости ответственности за совершенное противоправное деяние.

Вместе с тем за долгие годы существования Интерпола специфические принципы кооперации полиции стран-участниц сложились и в этой организации.

- Во-первых, в сотрудничестве может принимать участие не только полиция, но и все правоохранительные органы, в функции которых входят предупреждение, раскрытие, расследование преступлений, розыск преступников и без вести пропавших лиц. Это так называемый функциональный принцип сотрудничества. Как указывал Жан Непот, в прошлом Генеральный секретарь Интерпола, “любой орган полиции или уголовного преследования может извлечь пользу из международного сотрудничества полиции независимо от своего официального названия или административного статуса. Под уголовной полицией понимаются функции, выполняемые уголовной полицией, а не сама система органов”¹³. Таким образом, термин “уголовная полиция” в названии организации характеризует ее функции по участию в раскрытии и расследовании преступлений и розыске преступников. В другой свой работе Жан Непот писал: “Все полицейские органы любой страны, независимо от их конкретных обязанностей и юрисдикции, должны иметь доступ к каналам международного сотрудничества, если в их обязанность входит применение норм уголовного права. Привилегия участия в борьбе с международной преступностью не должна ограничиваться одним или двумя специальными подразделениями”.

Во-вторых, сотрудничество на национальном уровне должно опираться на прочную организационную основу: в каждой стране должна быть создана особая служба — НЦБ, обеспечивающая его непрерывную работу и оперативное прохождение всех входящих и исходящих за границу просьб и обработку информации, определены механизм и процедура сотрудничества с учетом возможности и необходимости вовлечения в него не только полиции, но и всех других заинтересованных правоохранительных органов.

В-третьих, в каждой стране особым государственным (или ведомственным) актом должны быть четко определены место НЦБ в общегосударственном механизме международного сотрудничества в борьбе с преступностью, объем и границы его функциональной компетенции во взаимоотношениях с другими правоохранительными органами (суд, прокуратура).

В-четвертых, сотрудничество должно быть проникнуто духом взаимности, обязательности выполнения поступающих от партнеров по кооперации и от Генерального секретариата просьб.

В-пятых, сотрудничество полиции в Интерполе может осуществляться только по делам об общеуголовных преступлениях. Согласно ст. 3 Устава, организация и полиция всех стран-участниц должны отказываться в помощи по делам политического, религиозного, военного или расового характера.

В случае пограничных преступлений, которые в одних странах могут квалифицироваться как общеуголовные, в других — как политические (религиозные, военные, расовые), компетентные органы каждой страны оставляют за собой право решать, оказывать ли помощь или отказывать в ней в соответствии со своим национальным законодательством. Таким образом, определение характера совершенного преступления — дело внутренней компетенции стран-членов Интерпола.

Итак, Интерпол занимается координацией сотрудничества полиции по делам об общеуголовных преступлениях. Это прямо записано в ст. 2 п. "б" его Устава: "способствовать предупреждению и борьбе с общеуголовной преступностью". Как мы видим, Уставом был намечен весьма широкий объект направленности международного сотрудничества полиции в системе Интерпола, — общеуголовная преступность, то есть преступность, охватывающая практически весь перечень деяний, предусмотренных уголовным законодательством стран.

По силам ли это Интерполу? Вероятно, нет. И это стало очевидно давно, так как в действительности поле его деятельности с самого начала оказалось значительно суженным, а затем ему и вовсе пришлось отказаться от непосильной для него цели. Было вообще ошибкой объявлять войну всей преступности: ведь Интерполу как международной организации с его крайне ограниченными и весьма специфическими средствами заведомо не под силу хоть как-то заметно воздействовать в глобальном масштабе на общеуголовную преступность.

Далее, преступность в каждой стране — ее внутренняя проблема. Борьбу с ней она ведет своими силами и средствами и не допускает (!) участия или вмешательства других государств. Иная постановка вопроса может рассматриваться в отношениях между странами как вмешательство в их внутренние дела, навязывание помощи извне, независимо от того это происходит.

¹ Родионов К. С. Международная организация уголовной полиции (Интерпол). ВНИИ МВД СССР. — М., 1972. Интерпол: миф и действительность. "Международные отношения". — М., 1982 (1-е изд.). — М., 1986 (2-е изд.). Интерпол вчера, сегодня, завтра. "Международные отношения". — М., 1990.

² *Пфеффер Э.Г.* Международный уголовно-полицейский съезд в Монако (Пер. с франц.). Вестник полиции. — С.-Петербург, 1914. — № 17. — С.323.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 3.

⁵ *Родионов К.С.* Международная организация уголовной полиции (Интерпол).

⁶ *Ein internationales Polizeiblatt. Archiv für Kriminologie. Leipzig. Band 76, 1924.*
— S. 320.

⁷ Приводится по Бреслер Фентон. Интерпол. — С. 36.

⁸ *Родионов К.С.* Международная организация уголовной полиции (Интерпол).

⁹ *Родионов К.С.* Интерпол вчера, сегодня, завтра. — С. 30—38.

¹⁰ Югославия была членом Интерпола с момента его создания, то есть с 1923 года. В 1973 году в Интерпол вступила Румыния, в 1982 году — Венгрия, в 1984 году — КНР, в 1990 году — СССР. После распада Союза ССР его место в Интерполе в 1992 году заняла Россия.

¹¹ *Родионов К.С.* Интерпол вчера, сегодня, завтра.

¹² См. ст. 6 п. 3 Европейской конвенции об экстрадиции от 13 декабря 1957 года и ст. 15 п. 5 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года.

¹³ *Родионов К.С.* Интерпол вчера, сегодня, завтра... — С. 76.

Статья поступила в редакцию в феврале 1999 г.

ВПЕРВЫЕ ООН ОБРАТИЛА ВНИМАНИЕ НА ВРЕД КУРЕНИЯ

В августе 1999 год, в Бразилии впервые в истории ООН обращено внимание на вред, который наносит человечеству курение табака. Там состоялся международный симпозиум, призванный, как сообщает ИТАР—ТАСС, во всем объеме изучить негативные последствия увлечения табаком.

Приведенные на симпозиуме цифры ужасают. Оказывается, на сегодняшний день число курильщиков на планете достигло уже 1,2 миллиарда — практически “смолит” каждый третий взрослый, — и оно стремительно увеличивается. От болезней, вызванных курением, в год умирают 3 миллиона человек.

На симпозиуме были высказаны предложения, в том числе в области создания международно-правовых норм, призванные повсеместно изменить отношение человечества к такому пагубному пристрастию, как курение.

(Соб. инф.)

Мнения из регионов

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В.Л. Толстых*

Международная деятельность муниципальных образований, к сожалению, сегодня не является предметом пристального изучения ученых. Далеко не все специалисты в области международного права признают международную правосубъектность субъектов федерации, а что касается муниципальных образований, то здесь, безусловно, существует еще меньше предпосылок говорить о распространении на их отношения с зарубежными партнерами норм международного права. Ученые, занимающиеся проблемами муниципального права, уделяют основное внимание внутригосударственным проблемам деятельности местных органов. Вместе с тем, рано или поздно вопрос об участии муниципальных образований в международных отношениях должен быть исследован. В настоящей статье хотелось бы наметить основные пути такого исследования.

Федеральный Закон об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации 1995 г. содержит статью 34, которая закрепляет основы участия органов местного самоуправления в международных отношениях. "Органы местного самоуправления в интересах населения в установленном законом порядке вправе осуществлять внешнеэкономическую деятельность". Такая краткая формулировка свидетельствует об отсутствии твердых представлений законодателя по данному вопросу и представляет достаточные трудности для толкования. Закон, посвященный международной деятельности органов местного самоуправления, отсутствует и вряд ли когда-нибудь будет принят. Поэтому, очевидно, регулирование этой деятельности и толкование статьи 34 должно осуществляться на основе Конституции РФ и неспециализированных федеральных законов.

В статье 34 говорится о праве органов местного самоуправления на

*Кандидат юридических наук, доцент Новосибирского юридического факультета Томского государственного университета. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за этот год.

осуществление только внешнеэкономической деятельности. Что такое внешнеэкономическая деятельность, не совсем понятно. Легальное определение такой деятельности отсутствует, а контекстный анализ Конституции не дает ясного ответа на этот вопрос. С одной стороны — можно предположить, что внешнеэкономическая деятельность — это деятельность в сфере международного публичного права, поскольку международное экономическое право является отраслью этой системы права. Однако если исходить из смысла Федерального Закона 1995 г. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности¹, а также из того, что в Конституции РФ термины “международные отношения” и “внешнеэкономические отношения” (см. пункты “к” и “л” статьи 71 и пункт “о” статьи 72 Конституции РФ) используются одновременно, что подразумевает их противопоставление и неоднозначность, можно сделать вывод, что внешнеэкономическая деятельность — это деятельность, регулируемая международным частным правом и, как правило, не связанная с публичными функциями государственных органов. В то же время проект статьи 1245 Гражданского кодекса РФ говорит только об участии РФ и субъектов РФ в отношениях в сфере международного частного права². В общем, складывается ситуация, когда внешнеэкономическая деятельность органов местного самоуправления оказывается беспредметной по своему содержанию, так как она не может осуществляться ни в частной ни в публичной сфере.

Если исходить из соображений здравого смысла, а в силу отсутствия иных возможностей толкования этот способ уместен, то можно предположить, что “внешнеэкономическая” деятельность органов местного самоуправления аккумулирует и частные и публичные начала. Органы местного самоуправления, безусловно, могут участвовать в отношениях в сфере международного частного права. То, что о них ничего не говорится в проекте статьи 1245 ГК РФ, означает только то, что этот проект в недостаточной степени проработан. Часть 1 статьи 124 того же Гражданского кодекса относит муниципальные образования к числу субъектов гражданского права³.

Органы местного самоуправления могут участвовать и в публичных связях с зарубежными партнерами (самый типичный пример — договоры о побратимских связях). Такое понимание соответствует и статье 10 Европейской Хартии местного самоуправления 1985 г. В этой статье содержится следующее положение: “...2. В каждом государстве должно быть признано право органов местного самоуправления вступать в какую-либо ассоциацию для защиты и достижения общих интересов и право вступать в какую-либо международную ассоциацию органов местного самоуправления. 3. Органы местного самоуправления могут сотрудничать с органами местного самоуправления других государств на условиях, устанавливаемых законом (сфера сотрудничества не оговаривается! — В.Т.)”.

Далее мы встаем перед самым важным вопросом — вопросом о нормативном регулировании международной деятельности органов местного самоуправления. Нормами какой правовой системы регулируются отношения органов местного самоуправления с зарубежными партнерами, например с органами местного самоуправления зарубеж-

ных государств? Можно предложить несколько вариантов ответа на этот вопрос.

1. *Регулирование внутригосударственным правом.* Концепция распространения на отечественных контрагентов в любых условиях действия норм национального права, будь то частно-правовые отношения, будь то публично-правовые отношения, широкую поддержку получила в стенах Министерства иностранных дел РФ. Главным образом она разрабатывалась для урегулирования отношений с участием субъектов Федерации, но может быть использована и в области международной деятельности органов местного самоуправления. Эта концепция представляется порочной по многим причинам. В “Рекомендациях по подготовке соглашений субъектами Федерации с зарубежными партнерами”⁴, подготовленных Правовым департаментом Министерства иностранных дел РФ, говорится о том, что соглашения субъектов Федерации с зарубежными партнерами не являются международным договором и не регулируются международным правом. По мнению Правового Департамента МИД РФ, такие соглашения действуют только на территории субъектов Федерации и по характеру правового регулирования могут быть приравнены к законам субъектов Федерации. Думается, что таким же образом МИД РФ мог бы высказаться и по поводу соглашений, заключенных органами местного самоуправления. С этим трудно согласиться. Почему такие соглашения не являются международным договором? А чем тогда они являются и каким правом регулируются? Такие соглашения однозначно не могут регулироваться внутренним правом федерации, потому что это было бы равносильно вмешательству во внутренние дела другого государства, так как в таком соглашении всегда присутствует иностранный публичный субъект. Такое соглашение не может регулироваться одновременно двумя правовыми системами — федерации и иностранного государства, поскольку эти две правовые системы объективно не могут содержать взаимодополняющие нормы, но содержат нормы, регулирующие одни и те же общественные отношения. Вероятность их коллизии весьма велика.

2. *Регулирование международным частным правом.* Эта концепция, которая очень удобно состыкуется с классической схемой международных отношений, субъектами которых могут быть только государства. Международное публичное право не хочет “брать” на себя регулирование международных связей органов местного самоуправления, следовательно, это должно сделать международное частное право. Но думается, и международное частное право не всегда “захочет” это делать по той причине, что здесь существуют свои условия игры и, в частности, отношения с участием публичных субъектов в области международного частного права должны характеризоваться как минимум двумя признаками — целью (извлечение прибыли) и содержанием (типичная гражданско-правовая сделка). В противном случае международное частное право и вся коллизийная система оказываются неприемлемыми. Участие муниципальных образований в деятельности, скажем, Постоянной конференции общин и регионов Европы, безусловно, преследует публичные цели, а не цель извлечения прибыли. Можно, конечно, сослаться на принцип аналогии права и распространить действия

коллизийных привязок и как следствие, какой-либо национальной правовой системы, на международные отношения с участием органов местного самоуправления, однако такая аналогия закона была бы весьма грубой и породила бы много трудностей в связи с тем, что мы бы были вынуждены опираться на несвойственные публичным отношениям критерии места совершения сделки, основного действия — *lex causae*, сделки для определения национальной правовой системы. Таким образом, принцип использования коллизийной нормы здесь тоже не допустим в силу ярко выраженной публичной специфики таких договоров.

3. *Непрерывное регулирование.* Возможным выходом из ситуации стало бы провозглашение международных связей органов местного самоуправления связями неправового характера, которые не могут быть подвергнуты правовому регулированию и не нуждаются в нем. Действительно в рамках этих связей осуществляются культурные, научные обмены, осуществляется общее сотрудничество, особых конфликтов до недавнего времени между партнерами не возникало. Почему бы не исходить из того, что партнеры принимают на себя только моральные обязательства? Думается, что такой вариант возможен, и он, действительно, удовлетворит многих ученых, особенно сторонников “чистого” международного публичного права и “чистого” международного частного права. Однако следует сказать, что и он не безупречен по многим соображениям. Отношения любых публичных субъектов должны быть подвергнуты правовому регулированию, здесь не может быть иного регулирования. Такие субъекты созданы главным образом для деятельности в правовой среде. Публичные субъекты не могут брать моральные обязательства, они не являются носителями морали, к ним не приемлемы ее критерии. Отношения органов местного самоуправления должны регулироваться правом хотя бы потому, что эти отношения возникают на основе закона (уже упомянутой статьи 34 ФЗ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации 1995 г.), а также потому, что эти отношения связаны с реализацией жизненно важных интересов местного сообщества. Представляется, что такой неправовой подход к решению этого вопроса не уместен.

4. *Регулирование международным публичным правом.* Международное публичное право по своей природе предназначено для регулирования отношений между публичными субъектами. То, что традиционно субъектами международного публичного права были государства, еще ни о чем не говорит. Международные связи и отношения децентрализовались, их субъектами за последнее время стали новые образования: субъекты федерации, нации и народы, борющиеся за освобождение, все шире движение в поддержку международной правосубъектности индивидуума. Видимо, наступило время серьезно говорить и о международной правосубъектности муниципальных образований. Такая позиция найдет своих сторонников среди тех, кто согласен с тем, что субъекты федерации являются субъектами международного права⁵. В отличие от субъектов федерации муниципальные образования не обладают в качестве баз для международной правосубъектности обособленным предметом ведения. Они не могут рассматриваться как государствовподобные образования. Очевидно, что главной базой международной правосу-

бъектности муниципальных образований будет являться *“предмет ведения в отношении вопросов местного самоуправления”* (см. статью 6 ФЗ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации 1995 г.). На мой взгляд, этот вариант является наиболее правильным, хотя и такая концепция, может быть подвергнута серьезной и часто обоснованной критике. Приведу лишь несколько возможных аргументов против международной правосубъектности муниципальных образований.

Первая группа аргументов — это аргументы, традиционно выдвигавшиеся против международной правосубъектности субъектов федерации, это: “нетрадиционность” таких субъектов для международного права, сложность определения соотношения конституционного и международного права в области регулирования международной деятельности таких субъектов⁶.

Вторая группа аргументов — это те, которые могут быть использованы только против международной правосубъектности муниципальных образований. Остановимся на них подробнее.

Отсутствие конституционного регулирования этого вопроса. Это действительно проблема, но проблема не основная. Возможность органов местного самоуправления участвовать в международных отношениях может быть выведена из статьи 130 Конституции РФ, которая гласит: “Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает *самостоятельное* решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью”, а также из статьи 132 Конституции РФ: “Органы местного самоуправления *самостоятельно*... решают... вопросы местного значения”.

Отсутствие в международном праве норм, специально регулирующих международную деятельность органов местного самоуправления. Данное возражение является наиболее серьезным, однако и здесь можно попытаться доказать существование международного обычая, закрепляющего международную правосубъектность муниципальных образований в рамках, устанавливаемых конституцией и федеральным законодательством. Проблема регулирования и установления статуса может быть решена достаточно просто, однако остается еще проблема регулирования самих отношений с участием органов местного самоуправления. В отношении субъектов федерации сборником обычного права можно считать Европейскую Хартию региональной автономии, которая закрепляет некоторые формы международной активности субъектов федерации. В отношении муниципальных образований такие нормы отсутствуют.

Думается, что международные отношения с участием муниципальных образований могут регулироваться на основе общих принципов права. Согласно статье 38 Статута Международного Суда ООН, общие принципы права — источник международного права, в этой связи возможна попытка “превращения” принципов национального законодательства в этой области в общие принципы права. Кроме того, допустимо утверждать, что международные обычаи в области международной деятельности субъектов федерации распространяются и на муниципальные образования, т.к. у них есть общее качество *“подчиненности”* основному субъекту международного права — государ-

ству, качество, определяющееся для установления объема международной правосубъектности.

Нецелесообразность, ненужность международной деятельности муниципальных образований. Представляется, что данный аргумент должен быть отвергнут по двум причинам. Во-первых, наличие самостоятельных полномочий в решении вопросов местного значения и наличие самих этих вопросов предполагает целесообразность участия в международных отношениях. Во-вторых, в условиях осознания необходимости углубления интеграционных процессов любые формы международного сотрудничества являются полезными.

В Преамбуле Европейской Хартии местного самоуправления на международном уровне регулируются вопросы местного самоуправления и подчеркивается важность этого института. Авторы Хартии не поскупились на громкие фразы: "органы местного самоуправления являются одной из главных основ любого демократического строя", "существование наделенных реальными полномочиями органов местного самоуправления обеспечивает одновременно эффективное и приближенное к гражданам управление", "защита и укрепление местного самоуправления в различных европейских странах является значительным вкладом в построение Европы, основанной на принципах демократии и децентрализации власти" и т.д. Местное самоуправление уже стало предметом регулирования международного права. Думается, что эта тенденция должна развиваться. Международное право объективно способно впитывать в себя новые понятия и теории.

¹ В статье 2 этого закона дается определение внешнеторговой деятельности как "предпринимательской деятельности в области международного обмена товарами, работами, услугами, информацией, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность)". В статье 11 говорится о возможности участия муниципальных образований в непосредственном осуществлении внешнеторговой деятельности "в случаях, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации". Внешнеторговая деятельность здесь может рассматриваться как часть внешнеэкономической деятельности.

² Эта статья гласит: "К гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом с участием государства правила настоящего раздела применяются на общих основаниях (речь идет о разделе 7, который называется "Международное частное право" — В.Т.). Правила настоящей статьи применяются к сделкам, которые государство совершает или с которыми оно связано иным образом, чем при осуществлении суверенных функций. При определении характера сделки принимаются во внимание правовая природа сделки и учитывается ее цель." См. Российская газета, 1996, 30 ноября.

³ Часть 2 этой статьи гласит: "К субъектами гражданского права, указанным в пункте 1 настоящей статьи, применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов". Представляется, что здесь устанавливается не запрет на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в гражданско-правовых отношениях, а просто подчеркивается, что публичная природа этих

образований в ряде случаев может обуславливать неприменение к ним общих положений о юридических лицах.

⁴ Получено в Новосибирске по рассылке из Москвы.

⁵ Интересно, что субъекты Федерации вступают не только в отношения с участием иностранных субъектов федерации, но и в отношения с участием иностранных административно-территориальных образований — регионов Франции, областей Украины, Белоруссии и Казахстана. Природа субъектов в данном случае не одинакова.

⁶ Эти проблемы рассмотрены в моей статье “О правовой природе международной деятельности субъектов федерации”. Российский юридический журнал. — 1998. № 1. — С. 58—61.

Статья поступила в редакцию в феврале 1999 г.

В ИСПОЛКОМЕ РАМП

17 сентября 1999 года состоялось очередное заседание Исполкома Российской ассоциации международного права (РАМП). Председательствовал на заседании президент РАМП А.Л. Колодкин.

В повестку дня заседания были включены следующие вопросы:

1. О докладах на предстоящем 43-м ежегодном собрании РАМП.

2. О “Ежегоднике международного права”.

3. Об итогах Третьей конференции мира, состоявшейся в мае—июне 1999 года в Гааге и Санкт-Петербурге.

4. Об участии российских юристов-международников в работе Всемирной ассоциации международного права.

5. Разное.

После длительного обсуждения было принято решение о включении в повестку дня 43-го ежегодного собрания РАМП, которое ориентировочно состоится в зимние каникулы 1999—2000 учебного года, в предварительном плане следующих докладов. В скобках указаны фамилии известных российских юристов-международников, которым поручено подготовить доклады для выступления на ежегодном собрании.

Миропорядок в XXI веке и международное право (Лукашук И.И.);

Проблемы защиты прав человека и применения силы (Черниченко С.В.);

Проблема реституции культурных ценностей (Галенская Л.Н., Хлестов О.Н.);

Новый кодекс торгового мореплавания (Лебедев С.Н.);

Новый закон о правовом положении иностранцев в России (Маковский А.Л.);

О третьей части Гражданского кодекса России (Мелков Г.М.);

Борьба с терроризмом и современное международное право (Решетов Ю.А.).

Кроме того, запланированы следующие сообщения о результатах недавних заседаний национальных органов и международных встреч, в которых обсуждались проблемы международного права:

О недавних решениях Конституционного Суда России (Тиунов О.И.);

О недавних решениях Верховного Суда России (представитель Верховного Суда России, кандидатура докладчика будет уточнена);

О работе 51-й сессии комиссии международного права (Лукашук И.И.);

О работе Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН (Фокин Ю.Е., ныне посол России в Великобритании, а с декабря 1999 года он будет новым ректором Дипломатической академии МИД России);

О работе Международного морского трибунала (Колодкин А.Л.);

Переговоры по Договору об ограничении обычных вооружений в Европе — ДОВСЕ (Колосов Ю.М.).

До ежегодного собрания осталось еще четыре с половиной месяца, и жизнь, несомненно, внесет свои коррективы в эти наметки.

Главный редактор “Российского ежегодника международного права” Галенская Л.Н. рассказала о трудностях, которые переживает это издание. Они связаны, в основном, с проблемами финансирования. Тем не менее уже подготовлен очередной “Ежегодник”, который выйдет как спаренное издание 1998 и 1999 гг., а следующий том выйдет как “Ежегодник, 2000 года”.

Президент Колодкин А.Л. доложил Исполкому итоги Третьей конференции мира, которая проходила в мае 1999 г. в Гааге (первая часть) и в июне 1999 года в Санкт-Петербурге (вторая часть). Как на первой, так и на второй части основными были три доклада: первый — о разоружении, второй — о гуманитарном праве, третий — о мирном разрешении международных споров. Содокладчиками во время заседаний второй части выступали российские ученые и практики: по первому докладу — Тузмухамедов Р.А., по второму — Колосов Ю.М., по третьему — Геворкян К.Г.

Отмечался необычно большой интерес к конференции, особенно в Санкт-Петербурге. По словам губернатора Санкт-Петербурга В.А. Яковлева, зал Смольного института, где в свое время Ленин В.И. провозгласил победу Великой Октябрьской социалистической революции и который располагает 840 сидячими местами, был заполнен почти целиком. Такого в зале не было давно.

Прекрасную организацию конференции обеспечивали городская администрация, профессура и студенты юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

Уже тот факт, что основными докладчиками по всем трем вопросам были юридические советники соответствующих министерств иностранных дел: по первому вопросу — Рао из Индии, по второму — Ламба из Норвегии, по третьему — Ремкар из Нидерландов, свидетельствует о том, что к этой конференции приковывается внимание МИД'ов самых разных государств, и прежде всего той части МИД'ов, которая участвует в разработке норм международного права.

54-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН подведет итоги Третьей конференции мира. И хотя этот вопрос будет обсуждаться 17 ноября 1999 года как специальный вопрос “об итогах конференции” и хотя он будет обсуждаться совместно с другим вопросом “Об итогах Десятилетия

международного права”, проведение такого обсуждения показывает, что ООН не может пройти мимо этого важного события, которое, несомненно, дает толчок в развитии международного права.

В этот момент Лукашук И.И. сделал замечание о том, что государства, как это видно в процессе деятельности ООН, в общем скептически, даже можно сказать, негативно относятся к идее прошедшей Декады международного права.

Исполком поручил председателю и секретарю подготовить документ РАМП, в котором было бы выражено наше одобрительное отношение к Декаде международного права.

Колодкин А.Л. рассказал о ходе сотрудничества РАМП со Всемирной ассоциацией международного права (ВАМП). На последнем конгресса в Хельсинки Россия была представлена значительной группой юристов-международников.

Очередной конгресс состоится в 2000 году в Лондоне и к нему необходимо готовиться. Система работы таких конгрессов состоит в том, что проблемы международного права обсуждаются в специальной созданных проблемных комитетах ВАМП.

В исполкоме ВАМП участвует два человека. Это — президент РАМП Колодкин А.Л. и член Международного суда от России Верещетин В.С.

Что же касается другой работы, то в ряде комитетов российские представители имеются, а в других их следует определить. Исполком РАМП определил российское представительство в комитетах ВАМП, и в настоящее время оно выглядит следующим образом:

Комитет по контролю над вооружениями и разоружению (Тузмузамедов Б.Р., Шинкарецкая Г.Г.);

Комитет по международному валютному праву (Лубенченко К.Д.);

Комитет по международному торговому праву (Лебедев С.Н.);

Комитет по международно-правовым проблемам беженцев (Черничко С.В.);

Комитет по международному космическому праву (Жуков Г.П.);

Комитет по международному семейному праву (Корбут Л.В. и второй представитель будет определен дополнительно);

Комитет по международному гуманитарному праву и практике его применения (Карташкин В.А.);

Комитет по практике борьбы прибрежных государств с загрязнением морей (Сидоренко В.Ф., — Санкт-Петербург);

Комитет по праву культурного наследия (Галенская Л.Н., — Санкт-Петербург);

Комитет по Дипломатической защите лиц и их собственности (Щербинина О.Е., — Красноярск);

Комитет по праву на устойчивое развитие (Бекашев К.А.);

Комитет по формированию обычного морского права (Игнатенко Г.В., — Екатеринбург);

Комитет по праву водных ресурсов (Гуреев А.Б.);

Комитет по ответственности международных организаций (Кривчикова Э.С.);

Комитет по различным аспектам права правопреемства (Иванов С.И.);

Комитет по транснациональному внедрению права по охране окружающей среды (Молодцова Е.С., Курдюков Г.И., — Казань);

Преподавание международного права (Колосов Ю.М., Шестаков Л.Н.);

Исламское право и международное право (Менгазов Л.Х., — Казань);

Комитет по международному арбитражу (Лебедев С.Н.);

Комитет по международному гражданскому и торговому арбитражу (Кабатов В.В.).

В “разном” президент РАМП Колодкин А.Л. привлек внимание членов Исполкома к тому факту, что член Исполкома Даниленко В.М., хотя и является одним из сотрудников Института государства и права РАН, в России практически уже не бывает и все время проводит в США. Конечно, он не занимается и делами РАМП, несмотря на то, что юристы-международники России оказали ему доверие и избрали в состав Исполкома РАМП.

В обсуждении вопросов повестки дня заседания приняли участие вице-президенты Исполкома РАМП И.И. Лукашук и С.В. Черниченко, члены Исполкома РАМП Галенская Л.Н., Корбут Л.В., Бахин С.В. (Санкт-Петербург), Бекашев К.А., Колосов Ю.М., Пархитко В.П., Тиунов О.И., Ушаков Н.А., Шатуновский-Бюрно С.В., Шестаков Л.Н.

В заседании Исполкома также приняли участие Вельяминов Г.М. (ИГП РАН), Иванов Д.В. (МГИМО (У) МИД РФ) и Константинов В.А. (Гос. Дума РФ).

* * *

25 ноября 1999 года состоялось еще одно заседание Исполкома РАМП, посвященное подготовке к предстоящему 43-му ежегодному собранию РАМП.

В повестке дня были следующие вопросы: 1. О предстоящей Всероссийской межвузовской конференции “Право в XXI веке”; 2. Об итогах Стамбульского Саммита ОБСЕ; 3. О 43-м Всесоюзном собрании РАМП; 4. О предстоящей конференции ВАМП.

Участники заседания были проинформированы (докладчик — академик Топорнин Б.Н.), что 3 февраля в МГУ начнется общероссийская конференция “Право в XXI веке” На второй день — 4 февраля — заседания будут проходить на секциях, а секция “Международное право” состоится в ИГП РАН.

Было предложено провести заседание по итогам Стамбульского Саммита ОБСЕ.

Исполком РАМП подтвердил свои решения от 17 сентября с.г. в связи с 43-м Ежегодным собранием РАМП, которое состоится 31 января — 2 февраля 2000 года в здании МИД РФ.

Относительно участия в ВАМП, то это возможно на платной основе. О деталях можно узнать в РАМП: Москва, ул. Знаменка, 10

В.П. Пархитко

Кто есть кто в нашей науке и практике

БЕЗГАНС Зинаида Яковлевна
(г. Красноярск)

Родилась в городе Купино Новосибирской области.

Закончила юридический факультет Томского государственного университета, где с 1961 по 1967 годы работала ассистентом кафедры теории и истории государства и права. С 1967 года по 1971 год работала старшим преподавателем ВШ МВД СССР в г. Алма-Ате, которая была переведена в г. Караганду.

После защиты кандидатской диссертации в 1971 году работала в Карагандинском государственном университете в должности доцента, деканом юридического факультета, заведующей кафедрой конституционного и международного права.

В 1981 году прошла по конкурсу в Красноярский государственный университет, где до 1998 года трудилась на кафедре конституционного и международного права. В настоящее время — доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Красноярского государственного Агроуниверситета. Несколько раз проходила стажировку в г. Москве. В течение сорока лет читала курс международного права в высших учебных заведениях.

С 1975 года — член Российской ассоциации международного права, постоянно принимает участие в Ежегодных собраниях, в отечественных и зарубежных конференциях по проблемам международного публичного права. Награждена почетной грамотой МИД РФ в 1995 году. Имеет правительственные награды.

Большое внимание уделяет не только чтению лекций и проведению семинарских занятий, но научной и методической работе. Опубликовала более 30 научных и методических работ.

На вопрос редакции о том, какое место занимает международное право среди учебных дисциплин на юридических факультетах российских ВУЗов ответила, что пока еще и в новых учебных планах международному праву отводится досадно небольшое количество часов. Мало спецкурсов читается на юридических факультетах в Сибири. В данное время она разработала и преподает спецкурс “Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью”. Очень нравится “Московский журнал международного права”, особенно его раздел “Кто есть кто в нашей науке и практике”, который позволяет знакомиться (хоть и заочно) с коллегами из разных городов СНГ.

КОЗЛОВ Александр Павлович
(Санкт-Петербург)

Кандидат юридических наук, подполковник милиции.

Родился 5 ноября 1961 года в поселке Шупариха Вельского района Астраханской области.

С 1980 по 1982 год служил в группе Советских войск в Германии. После службы в армии в 1983 году переехал в Санкт-Петербург.

В 1985 году закончил Ленинградскую специальную школу милиции, в 1993 Высшее Политическое училище МВД СССР (диплом с отличием) и стал преподавателем Санкт-Петербургского юридического института МВД России, который впоследствии был преобразован в Санкт-Петербургскую академию МВД России.

После создания в ней единственной в ВУЗах системы МВД России кафедры международного права, с 1998 г. занимал должность заместителя начальника кафедры.

В 1998 году, под научным руководством профессоров Санкт-Петербургского университета Ивана Ефимовича Тарханова и Ивана Абрамовича Соболя защитил кандидатскую диссертацию на тему: “Государственно-правовые основы охраны государственной границы и безопасность Российской Федерации”. С образованием Санкт-Пете-

бургского университета МВД России возглавил кафедру международного права.

Ведет большую научно-педагогическую работу. Основное направление научных интересов — международно-правовые аспекты безопасности России. Принимал участие в работе международных конференций и симпозиумов по вопросам международного права и обеспечения безопасности Российской Федерации. Является автором статей и глав учебно-методических изданий.

Принимает активное участие в работе научно-общественных организаций: Российской ассоциации международного права (РАМП), Санкт-Петербургского Совета Мира и Согласия, Русского географического общества. С 1996 г. — член международной полицейской Ассоциации (ИРА), где работает членом комитета Санкт-Петербургского региона Российской секции.

На вопрос редакции о том, что Вам дала проходившая в июне 1999 г. в Санкт-Петербурге конференция: “Столетие инициативы России: от Первой конференции мира 1899 года — к Третьей, 1999 года”, Александр Павлович ответил, что рассматриваемые на конференции вопросы имеют прямое отношение к современным проблемам международного права и роли России в совершенствовании гуманитарного права за последние 100 лет.

Участие в работе конференции позволило в новом свете ощутить основные аспекты складывающихся отношений между государствами, необходимость решения насущных задач по развитию международного права и определения места России в этом процессе.

МУРАНОВ Александр Игоревич
(Москва)

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел РФ. Партнер международной юридической фирмы “ММЦП и К⁰” (<http://mice.ym-com.net>). С 1999 г. — член редакционной коллегии “Московского журнала международного

права". Докладчик Международного коммерческого арбитражного суда и Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ.

Научные интересы сосредоточены прежде всего в области внутригосударственного и унифицированного коллизионного и материального регулирования правоотношений с иностранным элементом, международного гражданского процесса, международного коммерческого арбитража, морского частного права, валютных отношений, а также в сфере публично-правового регулирования отношений с иностранным элементом: налогового, антимонопольного и других. Работает над многими научными проектами, имеющими существенное прикладное значение, в частности, над созданием в Интернете русскоязычной базы по Конвенции ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров.

Родился в 1971 г. в городе Ветлуга Горьковской области, РСФСР. С 1988 г. по 1989 г. работал на механическом заводе им. Ульянова в г. Ветлуга. В 1994 г. закончил с отличием торговое отделение международно-правового факультета МГИМО МИД РФ. Дипломная работа под названием "Проблема "обхода закона" в международном частном праве" была в 1995 г. награждена Национальным Комитетом Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН и Российской ассоциацией международного права Мартеновской почетной грамотой как исследование, выполненное на высоком научном уровне.

С 1994 г. по 1996 г. обучался в очной аспирантуре МГИМО (У) МИД РФ по кафедре международного частного и гражданского права. С 1996 г. — преподаватель, а с августа 1998 г. — старший преподаватель данной кафедры. В 1999 г. участвовал в международном студенческом конкурсе по международному коммерческому арбитражу в Вене в качестве тренера команды МГИМО (У) МИД РФ.

С 1992 г. работает юристом в международной неправительственной организации — "Московском международном центре предпринимательства". С 1995 г. по 1997 г. — специалист юридического департамента ЗАО "Роспром". С 1997 г. по 1998 г. — специалист правового управления ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС", а с 1998 г. по 1999 г. — специалист правового управления ООО "ЮКОС—Москва".

27 мая 1999 г. защитил в МГИМО (У) МИД РФ диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме "Проблема "обхода закона" в материальном и коллизионном праве". Материалы этой диссертации и некоторые другие предложения А.И. Муранова использовались в работе Исследовательского центра частного права при Президенте РФ при подготовке проекта раздела VII "Международное частное право" третьей части Гражданского кодекса РФ.

А.И. Муранов принимал участие в совершенствовании проекта раздела VI "Производство по делам с участием иностранных лиц" Арбитражного процессуального кодекса РФ. Кроме того, его предложения были учтены Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) при доработке русского текста "Комментариев ЮНСИТРАЛ по организации арбитражного разбирательства" (1996 г.).

Является автором восьми научных работ по международному частному праву (в том числе опубликованных в "Московском журнале международного права": № 3 за 1997 г.; № 3 за 1998 г.; №№ 2 и 3 за 1999 г.), соавтором опубликованного в 1999 г. перевода на русский язык Гражданского кодекса Квебека. Награжден второй премией "Московского журнала международного права" за 1999 г. как автор лучших материалов, опубликованных в этом журнале. Участвовал в нескольких десятках судебных, третейских и административных разбирательств.

На вопрос редакции о том, какова роль и перспективы международного частного права в современной российской правовой системе, А.И. Муранов ответил: *"К сожалению, вне науки роль международного частного права еще весьма незначительна. Ему уделяют недостаточное внимание в высшей школе. Очень незавидно его положение в правоприменительной практике судов, других государственных органов и нотариусов. Особенно печально то, что о международном частном праве часто забывают в нормотворческой деятельности."*

Такое положение в целом остается неизменным еще с начала нынешнего века и положение улучшается незначительно.

Итогом всего этого является неадекватное, а иногда просто низкое качественное регулирование сложных правоотношений в сфере международного гражданского и торгового оборота. Все это не может не сказываться отрицательно на положении России в мировой экономике, равно как и на взаимодействии ее права с правовыми системами других государств.

Изменения в таком положении вещей начнутся только тогда, когда российские государственные и иные органы научатся обращению с иностранным правом и общению с иностранными правоприменителями, когда Россия заключит действительно квалифицированные международные соглашения с другими странами по частноправовым вопросам, в том числе защищающие интересы российских граждан, когда российские физические и юридические лица обретут привычку советоваться с юристом по сложным вопросам с наличием иностранного элемента и, более того, когда в России совершенствование международного частного права будет рассматриваться как одно из направлений государственной политики (подобно тому, как это делается во многих развитых западных странах). Можно с уверенностью утверждать, что многие недостатки нашей сегодняшней жизни вызваны невниманием государства к этой правовой отрасли. Между тем развитие могло бы реально и успешно способствовать и качеству правосознания в России, и совершенствованию других сфер права, и подъему экономики".

НОМОКОНОВА Елена Николаевна
(Владивосток)

Родилась 4 сентября 1971 г. во Владивостоке.

В 1988 г. поступила на юридический факультет Дальневосточного государственного университета (ДВГУ), а в 1993 г. с отличием его закончила. С сентября 1993 г. ассистент кафедры международного права Юридического института ДВГУ. Ведет курсы международного публичного права, международного частного права, а также разработала и читает спецкурсы “Международное экономическое право” и “Международный коммерческий арбитраж”.

С 1994 г. — аспирантка кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета. Тема диссертационной работы — “Международное сотрудничество в области подготовки радиоспециалистов”.

Автор около десяти научных статей и тезисов, в том числе по проблематике свободных экономических зон, международному морскому праву, безопасности мореплавания, рынку ценных бумаг.

В период учебы в ДВГУ и по его окончании участвовала во множестве научных конференций, где делала сообщения и доклады. Так, в январе 1990 г. была участницей делегации юридического факультета ДВГУ на “Московской модели Организации Объединенных Наций”, в сентябре 1991 г. — участницей межреспубликанской научной конференции в г. Киеве, в сентябре 1998 г. — участницей научной конференции, посвященной 40-летию юридического образования на Дальнем Востоке. Постоянно принимает участие в качестве докладчика и научного руководителя студентов в студенческо-преподавательских научных конференциях, проводимых в рамках Юридического института ДВГУ.

В мае 1999 г. была научным руководителем команды “Океан” международно-правового факультета Юридического института ДВГУ на Третьем конкурсе им. Ф.Мартенса по международному гуманитарному праву, действующему в период вооруженных конфликтов. Команда стала победительницей конкурса.

С 1996 г. — старший преподаватель кафедры международного права, заместитель декана факультета правоведения.

На вопрос редакции о значении международного права для Дальнего Востока ответила: по роду педагогической деятельности мне приходится читать лекции и вести практические занятия как на факультетах юридического института, так и на неправовых факультетах ДВГУ. И, волей-неволей, приходится сравнивать знания студентов, их понимание международного права и отношение к нему. Так вот, зачастую студенты неюридических факультетов и отделений проявляют гораздо большую заинтересованность в нормах международного права, нежели студенты юристы. Они рассматривают курс лекций по международному праву с точки зрения возможности получения новых знаний из неизвестной им ранее области, а само международное право — как нечто глобальное и всем необходимое.

Порой они высказывают несколько идеалистические идеи о перерастании в будущем международного права во всеобщий регулятор общественных отношений, несколько преувеличивая, на мой взгляд, роль и функции международного права. Но хороша и показательна в данном случае хотя бы заинтересованность студентов в получении новых знаний. Нисколько не умаляя стремление студентов-юристов к знанию права, отмечу, что студенты правовых факультетов судят о международном праве с профессиональной точки зрения, придавая ему некоторую формальность. Более глубокому пониманию международного права мешает выработанный за годы обучения в университете (студенты изучают международное право на третьем-четвертом курсе) узкопрофессиональный подход к оценке права как средству введения любых отношений в русло правовой урегулированности: коль скоро существует норма права, она должна соблюдаться всеми без исключения, а при ее нарушении должна возникать ответственность за правонарушение.

Однако, представляется, что сущность международного права несколько иная: во многом это не просто и не только право в его чисто юридическом понимании. Таким образом, могу сделать вывод о том, что студенты-юристы понимают международное право как средство для урегулирования правоотношений между субъектами международной системы, а студенты-неюристы — как форму существования международных отношений.

ПРИСЕКИНА Наталья Геннадиевна
(Владивосток)

Родилась 12 августа 1969 г. в Астрахани.

Окончила в 1991 году юридический факультет Дальневосточного государственного университета (ДВГУ). Затем в течение двух лет училась в США в Тихоокеанском университете на факультете права (гор. Сакраменто, Калифорния). После окончания этого обучения получил степень мастера в области права.

С 1991 года преподает в ДВГУ на кафедре международного права (с перерывом на время командировки в США).

Научные интересы лежат в сфере международного гуманитарного права, в частности занимается проблемами миграции. На кафедре ей поручено читать лекции по международному праву и международному частному праву. Подготовила и читает два спецкурса: “Международные судебные и согласительные процедуры”, а также “Иммиграционное право и политика США и России в этом вопросе”. Ведет также семинарские занятия. Между прочим, на кафедре международного права в ДВГУ работает в общей сложности всего шесть человек: профессор, доцент, три старших преподавателя и один аспирант.

При ДВГУ создан юридический институт по международным отношениям. Н.Г. Присекина входит в дирекцию юридического института и является помощником по международным делам директора института. А ректор ДВГУ Владимир Иванович Курилов одновременно является и директором юридического института.

В то же время Н.Г. Присекина работает и в юридической фирме Rusin—Vecchi.

С 1995 года является помощником юриста в Международной юридической компании Роберта Кайзера, работая в основном, с желающими выехать из России в США.

С 1995 г. является членом Американского общества международного права и Международного Ротари клуба.

С 1996 г. активно участвует в международных конференциях и семинарах. Так, в 1996 г. участвовала в Международной конференции Совета Европы, которая проходила в Москве, в 1997 г. — в Международном семинаре по международному гуманитарному праву (пос. Снегири, Московская обл., Россия), в 1998 г. — в семинаре по международной защите прав человека (Будапешт, Венгрия).

В 1999 г. выезжала в США, где в г. Мэдисон (штат Висконсин) прочитала курс лекций по правовому регулированию торговли между США и Дальним Востоком России.

На вопрос редакции, какой интерес к международному праву проявляется на Дальнем Востоке нашей страны, Н.Г. Присекина сказала, что с 1991 года Владивосток открылся для иностранцев и для зарубежных инвестиций, основными инвесторами в его экономику стали Южная Корея, Япония, Сингапур, США.

Раньше ДВГУ не готовил юристов-международников. Сейчас начало этому положено. В 1999 году будет первый выпуск специалистов этого профиля.

Сразу важными стали и проблемы международного права и проблемы международного частного права. Актуальность приобрели контракты с иностранным участием. Появились проблемы иностранных юридических лиц на территории Российской Федерации. Особую важность имеют методы и способы обеспечения судебных решений. В общем, все гамма проблем международного частного права.

Тенденция роста роли национальных судов РФ в функционировании международного права имеет место и становится все более различной, несмотря на то, что правовая система России не подготовлена должным образом к такому функционированию из-за отсутствия опыта, недостаточно разработанной нормативной базы, имеющейся и зачастую преобладающей “политики невмешательства в сферу внешних отношений”.

Для того, чтобы искоренить эти проблемы, необходимо обеспечить независимость суда от других ветвей власти, абсорбировать мировой опыт имплементации норм международного права, усовершенствовать национальное законодательство, обеспечить всестороннее научное толкование вопросов применения судами норм международного права с целью развития общей международно-правовой культуры.

Полемика

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ, ИСТОРИЧЕСКОМ И МОРАЛЬНОМ ОБОСНОВАНИИ ПРАВА АБХАЗИИ НА НЕЗАВИСИМОСТЬ (наш ответ Л.А. Алексидзе)

*“Только что они ругали русских за то,
что те дают, и тут же, когда речь заходит
об абхазах, — глаза тускнеют”*

Буллат Окуджава
("Советский экран", № 4, 1990)

Блокадные условия, в которых поставлена Абхазия, создают проблемы и с доступом к информации. Вот и статья господина Алексидзе Л.А. "Правовые аспекты абхазской проблемы в свете документально подтвержденного, а не фальсифицированного исторического опыта и современного международного права", опубликованная в "Московском журнале международного права" (31.03.98), попала к нам в руки спустя 14 месяцев после выхода в свет.

Большая часть публикаций г-на Алексидзе посвящена историческим проблемам. Несмотря на то, что автор статьи не является специалистом в этой области, он обобщает и выражает мнения более или менее умеренной части современных грузинских историков по некоторым вопросам истории Грузии и Абхазии. В целом грузинскому обществу и, что особенно тревожно, молодежи, внушаются еще более радикальные взгляды по отношению к Абхазии, абхазам и истории Абхазии.

Не так давно (в ноябре 1998 г.), во время защиты докторской диссертации в Ереване, мне пришлось отвечать на некоторые отзывы, присланные из Тбилиси. Поскольку представленная мною работа касалась проблем археологии и нумизматики, можно было предположить, что отзывы кафедры древней истории, археологии и этнографии Сухумского филиала Тбилисского Государственного Университета будет наиболее квалифицированным. Прочитав лишь некоторые фрагменты из этого "научного" отзыва:

"Ученые кавказоведы знают, что абхазский народ составляет два этноса. Исторические абхазы (те же грузины) и сегодня составляют около 80 % абхазов. Они носят грузинские фамилии, большинство из них говорят по-грузински и однофамильцев имеют среди грузин. Апсуа

(абазины) на территории Абхазии появляются только в позднем средневековье. До 1621 г. ни один апсуа в Абхазии не жил. С этого года в церковных и других летописных документах в Абхазии подтверждается проживание лишь трех фамилий... До позднего времени апсуа (абазины) тела своих покойников, как правило, переносили в Северный Кавказ и хоронили на территории исторической родины. Среди апсуа распространено или язычество или мусульманство” и т.п.

Не касаясь вопроса, насколько вся эта галиматья связана с археологией и, тем более с нумизматикой, хочу отметить, что в этом опусе выражается распространенный в Грузии взгляд на историю абхазского народа. Поскольку сам факт проживания на территории предков абхазов отрицать невозможно, так как он подтвержден многими древними и средневековыми источниками, была выдумана концепция, по которой древние и средневековые абхазы — это те же грузины, а современные абхазы (их называют апсуа по самоназванию абхазов) “пару веков назад спустились с гор”, т.е. с Северного Кавказа.

Не буду подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку он вроде бы и не имеет отношения к нашей теме, но в контексте затронутой г-ном Алексидзе темы по поводу “возможности современного проживания абхазов и грузин”, на мой взгляд, имеет важное значение. Думаю, особого внимания заслуживает то, что вышеупомянутый Сухумский филиал Тбилисского Государственного Университета функционирует в Тбилиси и в нем обучаются дети беженцев из Абхазии. В то время, когда обсуждается вопрос возвращения беженцев в Абхазию, в филиале Тбилисского Государственного Университета не теряют времени зря, готовят кадры.

Что ожидает Абхазию, наших детей и внуков в случае осуществления планов грузинского руководства, нетрудно себе представить. В этом столетии Абхазия в полной мере испытала все “прелести” такой политики. Я имею в виду две интервенции, имевшие место в 1918—1921 гг., 1992—1993 гг., и ту политику, которая осуществлялась в Абхазии между этими событиями.

Нет смысла все это описывать, достаточно сказать, что это была обычная колониальная политика. Все колонии в той или иной степени испытывали и захват территории, и ассимиляторскую политику, и попытки вытравить из памяти народа его историческое и культурное наследие и многое другое. Хотя нужно признать, что грузинские шовинисты осуществляли свою колониалистскую политику довольно агрессивно. Однако беда заключалась не только в этом. Последствия такой политики страшны еще и тем, что глубоко травмируют сознание самого грузинского общества, прививая ему совершенно определенную мораль. Поэтому и возникает двойная мораль, основанная на том, что борьба грузинского народа за независимость — дело святое, а борьба абхазов инспирирована третьей силой.

В сознании грузинского общества, в составе Грузии абхазы катались как сыр в масле, тогда как несчастные грузины в советской империи переносили тяжкие страдания. Поэтому у абхазов нет и не может быть собственных интересов, они лишь марионетки в руках тех, кто спит и

видит, как бы не дать Грузии построить независимое, демократическое государство.

В связи с этим вспоминается статья, опубликованная еще при Звиаде Гамсахурдиа в одной из официальных грузинских газет некими философами, фамилий которых я сейчас не помню. Смысл ее был в том, что грузинский народ, который дал миру Сталина, пользовался в Советском Союзе особым отношением. Поэтому целый народ уподобился избалованному ребенку (кстати, они определили этот национальный феномен как “синдром капризного ребенка”). Став самостоятельным, такой ребенок оказался не готовым к тому, что кроме прав есть еще и обязанности. Столкнувшись с ограничениями, он начинает капризничать и выходить из себя.

Насколько правильной оказалась эта оценка можно судить по тому, что произошло в Грузии в постсоветский период — война с Осетией, гражданская война в Грузии и свержение недавно всенародно избранного Президента, кровавая расправа с Мегрелией, обострение отношений с Аджарией, проблемы в регионах, населенных армянами и азербайджанцами и, наконец, война с Абхазией.

Основная мысль, которую пытается навязать читателю г-н Алексидзе, заключается в том, что у абхазов нет никаких оснований для самоопределения, и главное, не должно быть и желания покидать любвеобильное лоно матери Грузии. Исходя из подобного, широко пропагандируемого тезиса, навязывается вывод о том, что абхазские “агрессивные сепаратисты” чуть ли не костыли готовы лечь ради интересов России.

На самом деле, после упразднения абхазского государственного в 1864 г. наказания за длительное сопротивление российской колонизации на Кавказе, в Абхазии никогда не прекращались попытки восстановить свою государственность. В девятнадцатом веке эта борьба иногда принимала характер вооруженного восстания. В нынешнем столетии она приняла мирные формы и выражалась в письмах руководству страны с просьбой восстановить справедливость — вернуть Абхазии статус союзной республики. Приблизительно через каждые 10 лет эта политическая борьба выливалась во всенародные массовые акции протеста в виде митингов, народных собраний, голодовок и т.п.

Провозглашение М. Горбачевым “Перестройки” и “Демократизации” дало новые надежды на то, что наконец-то глас абхазского народа будет услышан. И в это время абхазское движение за восстановление статуса союзной республики продолжает действовать своими традиционными методами, забрасывая руководящие органы страны просьбами и обращениями.

В это же время в Грузии началась борьба за независимость. Причем она приняла такие откровенно шовинистические формы, что вызвала обострение отношений практически со всеми национальными меньшинствами, проживающими в Грузии. И не “третью силу” нужно в этом винить, г-н Алексидзе, а прежде всего себя. Вспомните, какие идеи пропагандировались в то время в Грузии. Не буду на этом останавливаться. Об этом хорошо известно не только Вам, но и всему миру. Именно это обстоятельство не позволило цивилизованному миру при-

нять Грузию в свое сообщество. И это несмотря на исключительно прозападную ориентацию независимой Грузии. Поэтому и возникла необходимость дистанцироваться от груза прошлого, нанести макияж. Но даже этот факт был произведен путем насилия и кровопролития, как в центре Тбилиси, так и в провинции.

Многое ли изменилось после того, как в Грузии произошла смена власти? Снова кровь в Мегрелии, чудом избегает той участи Абхазия, война в Абхазии. Но и это не остудило воспаленного шовинистического сознания в грузинском обществе. Приведу очевидный пример. Во время войны в Чечне в российском обществе возникло широкое антивоенное движение. А как освещали российские средства массовой информации военные действия в Чечне? Происходило ли что-либо подобное в Грузии? Ни во время войны в Абхазии, ни после ее окончания ни один человек в Грузии не выступил публично с осуждением действий своего правительства. Не призвал к покаянию. И статья г-на Алексидзе как раз подтверждает сказанное.

“Агрессивным сепаратизмом” называет г-н Алексидзе борьбу абхазского народа за свои права. Можно ли назвать “агрессивным сепаратизмом” стремление абхазов (кстати, поддержанное всеми национальными движениями, возникшими тогда в Абхазии, как ответную реакцию на агрессивный грузинский шовинизм) цивилизованным парламентским путем решить проблему № 1.

То же самое происходит на наших глазах в Шотландии, но никакого передвижения танков из Лондона по направлению к Эдинбургу что-то не наблюдается. Да мало ли в мире таких примеров. Г-ну Алексидзе хорошо известно, какими методами добивались в Абхазии осуществления своих законных прав. Официальные представители Абхазии и Грузии за столом переговоров пришли к компромиссному решению формирования Верховного Совета Абхазии. Кстати, самому г-ну Алексидзе принадлежит идея формирования Верховного Совета Абхазии, которую он критикует в своей статье.

В соответствии с этой идеей Верховный Совет тогда формировался таким образом, что абхазские и поддерживающие их депутаты имели простое большинство, но не набирали квалифицированного большинства голосов, необходимого для решения конституционных вопросов. И это было компромиссом, а не манной небесной для абхазов, которые, кстати, в то время выступали с проектом двухпалатного Парламента. Верхняя Палата должна была избираться по мажоритарной системе, а Нижняя формироваться из равного представительства основных национальных общин Абхазии. Однако в Грузии опасались подобного прецедента.

После избрания нового состава Верховного Совета вся политическая борьба за восстановление реальной абхазской государственности протекала в стенах Парламента. Чем ответила Грузия на это, хорошо известно. Это по поводу “агрессивности” абхазского “сепаратизма”. Что же касается абхазского сепаратизма вообще, то при всей непредвзятости к этому определению позволю себе усомниться в применимости его в данном случае.

До распада СССР, как известно, Абхазия ставила вопрос о восста-

новлении утраченного по воле Сталина статуса союзной республики и не только не собиралась куда-либо удалиться, но и проголосовала за сохранение СССР на Всесоюзном мартовском Референдуме. “Абхазские сепаратисты”, между прочим, были одними из наиболее горячих приверженцев сохранения государства, в первую очередь потому, что хорошо помнили свою недавнюю историю и имели реальное представление о том, что ожидает их в случае распада Союза.

Ситуация изменилась после провозглашения Грузией независимости. Как известно, провозглашенная в Советской Конституции норма, предусматривавшая выход союзной республики из состава СССР, не была обеспечена соответствующим механизмом. В связи с этим Верховный Совет СССР в 1990 году принял закон, регламентирующий порядок выхода союзной республики из СССР. В соответствии с этим законом автономные образования, входившие в состав союзных республик, ставших вопрос о выходе из Союза, могли самостоятельно решать этот вопрос. Собственно говоря, проголосовав за сохранение СССР, Абхазия дала ответ на этот вопрос самым демократическим способом — всенародным голосованием.

Однако Грузия осуществила выход из СССР, совершенно игнорируя все эти факторы. Выйдя из Союза, грузинское руководство провозгласило не имеющими юридической силы все правовые акты, принятые в Грузии за время советской власти. Была отменена действующая конституция и восстановлена Конституция Грузии 1921 года. Все структуры, созданные в Грузии с 25 апреля 1921 года, были объявлены незаконными. Таким образом, руководство Грузии зафиксировало факт отсутствия, с момента провозглашения своей независимости, государственно-правовых взаимоотношений с Абхазией. Во-первых, по условиям вышеупомянутого всесоюзного закона о выходе союзной республики из состава СССР, во-вторых, в связи с тем, что в Конституции Грузии 1921 года Абхазия как субъект еще не значилась. Таким образом, сама Грузия денонсировала Союзный договор с Абхазией от 16 декабря 1921 года.

В пункте I этого договора провозглашалось, что “Социалистическая Советская Республика Грузия и Социалистическая Советская Республика Абхазия вступают между собой в военный, политический и финансово-экономический союз”.

В пункте 4 говорилось, что в Закавказскую Федерацию Абхазия входит через Грузию, которая предоставляет ей одну треть своих мест.

Этот договор был ратифицирован первым съездом Советов Абхазии. Причем он вызвал серьезную полемику. Лидеры Абхазии, разумеется, находившиеся под давлением центральных большевистских органов, вынуждены были убеждать делегатов в том, что договор не угрожает независимости Абхазии. Так, Председатель Совнаркома Н. Лакоба в своей речи, успокаивая делегатов съезда, говорил: “Независимость Абхазии Грузия не отнимает. Если Грузия будет отнимать, мы апеллируем к штабу революции РКП, ВЦИК, тов. Ленину. Независимость трудящихся Абхазии никто не будет в состоянии отнять, пока существует Советская власть”.

Таким образом, связи советской Грузии и советской Абхазии возникли в определенной исторической ситуации. Естественным образом

они потеряли свою силу вместе с исчезновением с исторической арены Советского государства.

В создавшейся обстановке Верховный Совет Абхазии, сознавая свою ответственность и пытаясь найти политический путь выхода из создавшегося положения, обратился 12 августа 1992 года к Госсовету Грузии с обращением. В нем в частности, говорилось, что: “Верховный Совет Республики Абхазия вновь заявляет о своем желании сохранить связи с Грузией, твердо выступает за их установление на новых, цивилизованных и равноправных основах, которые исключают диктат и подчинение, омрачавшие на протяжении десятилетий отношения между абхазским и грузинским народами”.

Обращение завершалось следующими словами: “Мы, депутаты Верховного Совета Республики Абхазия заявляем, что свою часть пути в направлении возрождения добрых отношений между абхазским и грузинским народами пройдем без оглядки. При этом надеемся, что протянутая для пожатия наша рука не повиснет в воздухе”.

К сожалению, в Грузии не сочли нужным обсуждать эту проблему. Тем временем в Абхазии публиковались проекты новой Конституции. Они обсуждались общественностью в средствах массовой информации. На 14 августа 1992 года было назначено заседание Верховного Совета, на котором предусматривалось обсуждение этих проектов. Они могли быть приняты, могли быть не приняты. Но это был цивилизованный, парламентский путь, не только не агрессивный, но и не сепаратистский.

Чем же ответила на это Грузия? Как всегда, силой. “Благо”, совсем недавно Грузия получила свою долю советского вооружения. Стоило ли, имея такие веские аргументы, тратить время на разговоры с какими-то “лилипутами”.

Может быть, агрессивным сепаратизмом называется то, что народ Абхазии взял в руки оружие, чтобы защищаться?

Г-н Алексидзе пишет, что еще в 1989—1992 гг. “сепаратисты” накапливали вооружение. В этой связи уместно обратиться к интервью, которое дал в Тбилиси газете “Алиа” в 1998 году бывший министр внутренних дел Абхазии, ныне депутат Парламента Грузии генерал Г. Ломинадзе. Говоря о деятельности одного из грузинских лидеров в Абхазии, ныне депутата грузинского Парламента Б. Какубава, он сообщает читателям, что преступления, которые Какубава совершил в Абхазии, можно перечислять 24 часа. Имеется в виду как раз период 1989—1992 гг. Среди них генерал называет “убийства, создание вооруженных формирований и бравирование ими перед абхазами”. На резонный вопрос корреспондента, почему он как министр внутренних дел не предотвратил этот произвол, последовал исчерпывающий ответ:

“Это как раз тот вопрос, который я постоянно ставлю перед собой и не нахожу ответа — был ли я прав? Как раз это Ардзинба и абхазы предъявляют мне в качестве претензии. Поясняю: представьте, Президент независимой Грузии — Гамсахурдиа. Будет гвардия, существует “Мхедриони”. В этих условиях Какубава и подобные ему болтуны доказывали, что и в Абхазии надо создавать подобные формирования. Если бы я помешал ему, сегодня бы сказали, что Какубава — патриот, а Ломинадзе — предатель. Я не сделал этого, и в этом, может, меня

обвинят. Если бы я по закону запретил, правда, я бы обрадовал абхазцев, но и предотвратил бы многие беды Грузии".

Итак, ответив на призыв абхазской стороны решать проблемы в рамках политической, парламентской дискуссии агрессией и геноцидом, Грузия пограла основные принципы международного права и должна нести соответствующую ответственность. И вряд ли кто-нибудь Вам поверит, г-н Алексидзе, что стотысячный абхазский народ был заинтересован в этой неравной войне. То, что с первых же минут вторжения в Абхазию начали вытворять грузинские оккупанты, кого угодно заставило бы взяться за оружие. Об этих ужасах достаточно много сообщалось, нет смысла повторять. Как сказал об этом в уже цитированном интервью генерал Г. Ломинадзе "... что мы были такими **бесстыжими**, я не думал".

Всяческие попытки грузинского руководства оправдать свои действия то необходимостью защиты железной дороги, то намерением освободить взятых в соседней с Абхазией Мегрелии сторонниками Гамсахурдиа в заложники некоторых высокопоставленных должностных лиц Грузии и т.п., мало кого могут убедить. По свидетельству армянской стороны, наиболее пострадавшей от бесчинств, творившихся звядисстами на железной дороге, лишь два из более чем 50-ти фактов грабежей ж/д грузов приходилось на Абхазию. И те произошли в непосредственной близости с грузинской границей, причем задолго до августа 1992 года.

Что касается версии с заложниками, то она, скорее всего, была спланированной провокацией. Иначе чем объяснить, что захваченные в Западной Грузии заложники были якобы перевезены в Гальский район Абхазии. Кстати, сразу после начала войны они благополучно обнаружались и на экранах грузинского телевидения выглядели целыми и невредимыми. Но даже если поверить, что 150 танков и боевые вертолеты были брошены для вызволения заложников, находившихся в Гальском районе, то зачем нужно было маршем через всю Абхазию врываться в Сухум, срывать государственный флаг с Верховного Совета и заявлять по телевидению, на весь мир устами члена Госсовета, министра обороны Т. Китовани:

"Мы распустили Парламент Абхазии и освободили от должности его председателя Владислава Ардзинбу".

Уже 25 августа командующий грузинской гвардией в Абхазии Г. Каркарашвили, этот "благородный рыцарь" (как назовет его позже Э. Шеварднадзе), выступил по захваченному абхазскому телевидению. Его слова абхазский народ, я думаю, запомнит навсегда:

"У нас хватит сил, чтобы наказать весь Северный Кавказ. Отдан приказ пленным не брать... Если из общей численности погибнет сто тысяч грузин, то из ваших погибнут все девяносто семь тысяч, которые будут поддерживать решение Ардзинбы. Хочу дать совет г-ну Ардзинбе — пусть он сделает так, чтобы абхазская нация не осталась без потомков..."

Дальше была война. Война на уничтожение народа, его культурного наследия и исторической памяти. Именно поэтому грузинской военной полицией целенаправленно были сожжены дотла единственный инсти-

тут, занимающийся исследованием проблем абхазоведения. Точно также, оцепив и не подпуская никого, полицейские сожгли и Госархив Абхазии. Для массового уничтожения народа использовали даже запрещенные снаряды, каждый из которых был начинен 23888 иголками с оперением, чрезвычайно затрудняющим их извлечение из места поражения в теле человека.

Все-таки абхазы начали находить оружие и оккупанты стали получать сдачи. Вот тогда-то, впервые, бравые заявления сменились на вопли. Как же, абхазов вооружают! Как будто вооружение абхазской стороны может быть сравнимо с тем, которое совершенно бесплатно получила Грузия.

Вспоминается английский комедийный сериал о Первой мировой войне. Там “бравый” британский офицер говорит, что ему нравилось воевать против вооруженных дубинками туземцев, а такая война ему не по вкусу.

Да, господин Алексидзе, была бы война, а оружие всегда найдется, только деньги плати. Это закон любой войны. Это — такая же сермяжная правда, как то, что выпустив джина войны из бутылки, получишь сполна все страдания ни в чем не повинных людей, беженцев, сожженные дома и все прочее. Все это то, на что жаловались во время войны абхазы и на что жалуются после войны грузины.

Так кто же должен нести за все это ответственность? Думаю, что те, кто развязал войну. Абхазия же, поставленная в условия, когда единственной возможностью самосохранения стало вооруженное сопротивление агрессору, победив в этой войне, дорогой ценой заплатила за свое законное право на самоопределение.

Итак, значительная часть статьи г-на Алексидзе посвящена историческим проблемам, и начинается он с эпохи ранней бронзы. При этом г-н Алексидзе преследует благородную цель — в отличие от сфальсифицированной истории, навязываемой сепаратистскими учеными наивному человечеству, он предлагает истинную историю.

Не будем вступать в полемику по поводу того, кто на самом деле всегда занимался фальсификацией истории. Специалистам это хорошо известно еще со времен основоположника русского востоковедения, друга Пушкина О. Сенковского (литературный псевдоним — Барон Брамбеус), который этой теме посвятил специальный труд — “Некоторые сомнения касательно истории грузин”.

Сама статья г-на Алексидзе служит ярким примером того, как создаются подобные исторические инсинуации. Говоря об общеколхидской культуре, г-н Алексидзе в скобках сообщает, что это западногрузинская культура. Если имеется в виду, что частично эта культура зафиксирована на территории современной Западной Грузии, то с этим еще можно было бы согласиться. Однако автор имеет в виду не это. Далее он сообщает, что доминирующее положение в Восточном Причерноморье занимали колхи, и опять в скобках — западногрузинское племя. И это при том, что по дошедшим до нас греческим письменным источникам “колхи” — это собирательный термин, которым называли все племена, заселявшие в то время Восточное Причерноморье.

Если говорить об этнической идентификации этих племен, то у нас

имеется единственная возможность более или менее определенно судить об этом на основании дошедших до нас из глубокой древности топонимов и гидронимов. На основании анализа древних и современных географических названий многие известные историки (П. Услар, Н. Марр, И. Дьяконов и др.), в том числе и столпы грузинской исторической науки (И. Джавахишвили, С. Джанашиа), пришли к мнению, что они свидетельствуют о расселении в Юго-Восточном Причерноморье предков абхазо-адыгов.

Большинство негрузинских ученых и некоторые современные грузинские ученые (например, профессор О. Джапаридзе) считают, что всю западную часть Кавказа заселяли хатто-абхазо-адыгские племена (до 4—3 тыс. лет до н.э.). Позднее в этот этнический массив вклиниваются картвельские племена, оттесняя хаттов на юг, а абхазо-адыгов на север. На генетическое родство древних абхазо-адыгских племен с хаттами указывают такие известные ученые, как И. Дьяконов, С. Еремян, И. Дунаевская, Вяч. Иванов и другие.

Что же касается создания “колхами (грузинскими племенами)” Колхидского царства, то эта общепринятая в грузинской историографии гипотеза основана на древнегреческом мифе о походе аргонавтов в Колхиду, где в это время правил “базилевс” Айэт. Интерпретация термина “базилевс” как “царь” и стало основой для построения гипотезы о существовании в VI—IV вв. до н.э. “мощного колхидского царства”. Между тем, известно, что в древнегреческой традиции термин “базилевс” употреблялся и в значении “племенной вождь”.

Археологический материал также не дает оснований для подобных утверждений. Если существовало государство, то должны были быть по крайней мере открыты хоть какие-нибудь остатки монументальных сооружений его столицы. Пока этого нет, очевидно, подобные утверждения, по крайней мере, преждевременны. Попытка некоторых грузинских ученых подкрепить гипотезу тем, что найденные в большом количестве на территории Восточного Причерноморья монеты (названные “колхидками”) являются атрибутом Колхидской государственности, также не получила поддержки, так как эти монеты чеканились греческими городами и несут явный отпечаток греческой монетной традиции.

Далее г-н Алексидзе пишет, что географическое название “Абхазия” и этноним “абхаз” идут с грузинского языка. На это можно ответить только той же монетой, сказав, что термины “Грузия” и “грузины” тоже не грузинского происхождения и появляются впервые в XV веке в русских письменных источниках. Считается, что этот термин происходит от персидского “гурдж”, “гурджистан” — волк, страна волков.

Также г-н Алексидзе сообщает, что время появления терминов “апсуа” (самоназвание абхазов) и “Апсны” (по-абхазски — “страна абхазов”) не установлено. Насколько мне известно, ни один из серьезных ученых до сих пор не оспаривал факт связи термина “апсуа” и племени “апсильов”, зафиксированных на территории Абхазии с I в. н.э. Еще в 1959 году крупнейший грузинский историк, академик Г.А. Меликишвили связывал апсильов с племенем абешла, известным по ассирийским источникам, относящимся к XII в. до н.э. Не думаю, что

кто-нибудь станет оспаривать, что картвелы (самоназвание грузин) с древнейших времен обитали на территории “Сакартвело” (грузинское название Грузии). Хотя в письменных источниках это название впервые появляется лишь в XI веке.

Касаясь периода возникновения средневекового абхазского царства, г-н Алексидзе пишет, что абхазский царь Леон II перенес столицу в Кутаиси и, что “естественно”, население Абхазского царства в основном состояло из грузин. Действительно расширив границы своего государства, Леон II перенес свою столицу и дал ей абхазское название Кутышь, которое в абхазском языке употребляется и сегодня (означает “куриная гора”). Кстати, с античных времен известно изобилие в этих местах фазанов. Что же касается демографической ситуации, сложившейся в Абхазском царстве в VIII—XIII вв., то вряд ли будет корректно судить о ней с точки зрения сегодняшнего положения. Известно, какие демографические изменения произошли в Абхазии в результате Кавказской войны.

Справедливости ради следует все же отметить, что в отличие от многих других грузинских авторитетов, которые и вовсе отрицают автохтонность абхазов в Абхазии, г-н Алексидзе свою позицию подает более закамуфлированно. Все же в его изложении история абхазов выглядит куда приличнее, чем, скажем, в изложении известного грузинского писателя Р. Мишвеладзе. В 1989 году он направил открытое письмо писателю Фазилу Искандеру (газета “Ахалгазрда ивериели”, 11 декабря 1990 г.), в котором писал: “... в природе никогда и нигде не существовали ни абхазский язык, ни абхазская культура, а проклятые большевики ввели в заблуждение наивных адыгейцев, придумали для них на территории Грузии абхазскую автономию, в паспортах записали несуществующую национальность “абхаз”. А вот как история абхазского народа выглядит в кратком ее изложении группой известных грузинских писателей: “Пару веков тому назад с Северного Кавказа к нам пришли адыгские племена (апсилы и абазги). Мы пригтели их на нашей грузинской земле... Пришелец из-за гор, покрывший мхом нашу национальную плоть, оспаривает нашу землю”. (М. Кахидзе, Р. Мишвеладзе, Т. Мебуришвили, Г. Джумухидзе, газета “Ахалгазрда коммунисти”, 6 мая 1989 г.)

Или, известный грузинский писатель Чабуа Америджиби: “Абхазы — грузинское племя. А те, кто пришел к нам с Северного Кавказа — всякая шваль, адыгя, убийцы и полудикие племена...” (газета “Российские вести”, 22 октября 1992 г.).

Г-н Алексидзе признает, что на территории Абхазии издревле жили два народа — абхазский и грузинский. Спасибо, конечно, но все же мы вынуждены отказаться от такой милости, так как это противоречило бы как логике, так и исторической истине. Не может на такой маленькой территории формироваться два совершенно разных в языковом и антропологическом отношении этноса. Очевидно, что в течение тысячелетий должно было произойти поглощение одним этносом другого. Между прочим, этот процесс происходит сравнительно быстро. Как и все грузинские историки, касаясь периода существования абхазского царства, г-н Алексидзе постоянно пытается подменить понятия, используя для этого обычную в грузинской историографии схему. Сначала

признается факт возникновения в VIII в. Абхазского царства. Затем оказывается, что “Абхазское царство явилось сильным грузинским государственным образованием”. Далее используется уже термин “Грузинское царство” и в лучшем случае в скобках — Абхазское. Никто ведь не пытается оспаривать тот факт, что, включив в пределы своего царства почти все территории, населенные грузинами, Абхазское царство фактически стало государством абхазов и грузин. Но, уважаемый г-н Алексидзе, и до конца X века и после того, как в 978 году Корона абхазских царей по материнской линии перешла к отпрыску южно-грузинской ветви армянского царского рода Багратуни, это государство называется Абхазским. С XI в. и до распада этого царства в середине XIII века в дошедших до нас грузинских, византийских, армянских, арабских, русских и т.д. источниках оно продолжает именоваться Абхазским царством. Это название распространялось на всю современную Грузию и Абхазию, и не “иногда”, как вы пишете, а всегда.

Впервые термин “Сакартвело” (Грузия) в значении всего государства, а не отдельной территории, населенной “картвелами”, появляется после XII века на заключительном этапе существования этого царства.

В 1239 году Абхазское царство раскололось, с этого времени и до вхождения в Россию на его территории существовали отдельные небольшие государства.

Впервые все эти земли были вновь объединены в единое государственное образование в виде ССР Грузии уже в советское время. И последним актом стало включение Абхазии в состав Грузинской ССР в 1931 году. Всякие попытки доказать, что вхождение Абхазии в состав Грузии в качестве автономии произошли раньше — после развала Российской империи, не соответствуют правде. Г-н Алексидзе утверждает, что это событие произошло 9 февраля 1918 года, т.е. еще до провозглашения Грузией независимости. Далее он пишет, что “... автономия Абхазии была подтверждена сразу после принятия акта независимости Грузии (16 мая 1918 г.), а Конституция Грузии, принятая в феврале 1921 г., официально узаконила автономию Абхазии. На самом же деле, 9 февраля 1918 г. абхазская делегация на этой встрече предлагала заключить “с Грузией лишь добрососедские отношения, как с равным соседом”.

В соглашении “по вопросу установления взаимоотношений между Грузией и Абхазией”, заключенном 9 февраля 1918 г., вопреки утверждениям г-на Алексидзе, нет ни слова об автономии. О характере этих взаимоотношений можно судить по пунктам этого соглашения:

“1) Воссоздать единую неделимую Абхазию в пределах от реки Ингур до реки Мзымта, в состав которой войдут собственно Абхазия и Самурзакань (современный Гальский район Абхазии. — С.Ш.) или, что тоже нынешний сухумский округ.

2) Форма будущего политического устройства единой Абхазии должна быть выработана (в соответствии) по принципам национального самоопределения на Учредительном собрании Абхазии, созванном на демократических началах.

3) В случае, если Абхазия и Грузия пожелают вступить с другими национальными государствами в политические договорные отношения,

то взаимно обязываются иметь предварительные между собой переговоры".

Таким образом, к моменту объявления Грузией независимости Абхазия не входила в ее состав. В последующие три года взаимоотношения между Грузией и Абхазией строились на фоне оккупации Абхазии (с июня 1918 г. сразу после провозглашения независимости Грузии 26 мая 1918 г.) и разгона, при помощи вооруженной силы, двух составов Абхазского Народного Совета, выступавших за независимость Абхазии. Именно потому, что все соглашения между Грузией и Абхазией, заключенные в этот период, совершались в условиях оккупации Абхазии, они не могут иметь юридической силы.

Дальнейшие рассуждения г-на Алексидзе касаются периода 1921—1931 гг. И здесь автор все беды Грузии связывает с кознями большевиков.

По мнению г-на Алексидзе, для осуществления своих планов Москва ловко пользуется настроениями абхазов. Невозможно отрицать, что Москва имела и имеет постоянные геополитические интересы в этом регионе. Собственно говоря, не только Москва. В описываемый нами период в этом регионе активную роль играли также Турция и Германия. В свое время Осип Мандельштам писал, что "Тифлис, как паяц дергается на ниточке из Константинополя". Но об этом г-н Алексидзе умалчивает.

Что же касается Абхазии, то в условиях оккупации абхазский народ поднялся на вооруженную борьбу, которая носила национально-освободительный характер. Достижению этой цели способствовало наступление Красной Армии и установление Советской власти в государствах Закавказья. Естественно, что в этом смысле интересы Москвы и абхазского национально-освободительного движения совпадали.

31 марта 1921 года Ревком ССР Абхазии декларировал образование ССР Абхазии. 21 мая 1921 года Декларацию о "Независимости Социалистической Советской Республики Абхазия" провозгласил и Ревком Грузии.

Однако, в дальнейшем под воздействием Москвы начинается поэтапное давление на Абхазию с целью ввести ее в состав Грузии. Уже 15 октября 1921 года на расширенном заседании Пленума Оргбюро и Ревкома Абхазии было принято постановление: "Считать необходимым теперь же оформить указанную связь Грузии и Абхазии путем оформления договора двух союзных **равноправных** республик". Впрочем, учитывая денонсацию Грузией всех государственно-правовых документов советского периода, полемика по этому вопросу теряет всякий смысл.

Далее г-н Алексидзе пытается доказать, что абхазы должны быть благодарны Грузии, поскольку "пользовались невиданной для советской автономии свободой и правами". Думаю, излишне говорить о том, что в этом смысле положение в Абхазии было, в целом, не лучше и не хуже, чем положение в других автономных республиках. Конечно, существовали различия, связанные с географическим положением, исторически, культурными и многими другими факторами.

Не могу сейчас припомнить, какая из автономных республик бывшего Союза имела до Советской власти свою государственность. Да что там автономии, не все союзные республики ее имели. Однако дело не

в этом. Если рассуждать подобно г-ну Алексидзе, то меньше всего причин выходить из СССР было у Грузии.

А если говорить об экономическом развитии Абхазии, то, очевидно, наиболее корректным было бы сравнение с соседним регионом, я имею в виду район Сочи. Такое сравнение продемонстрировало бы несостоятельность заявлений г-на Алексидзе.

Не обойдем стороной и вопрос демографической ситуации в Абхазии за последние сто лет. В связи с этим уместно обратиться к статистике.

Годы	1886	1897	1926	1939	1959	1970	1989
абхазы	58963	58697	55918	56197	61193	83097	93267
грузины	4166	25875	67494	91967	158221	213322	239872
русские	971	5135	20456	60201	86715	79730	74913
армяне	1049	6552	30048	49705	64400	73000	76541
греки	2149	5393	27085	34621	9111	13600	14664

Таким образом, беспристрастный язык цифр неопровержимо свидетельствует о недобросовестном подходе г-на Алексидзе и к этому вопросу. Соглашаясь с тем, что в 30-х и в начале 50-х годов имело место организованное переселение грузин в Абхазию, г-н Алексидзе утверждает, что количество таких переселенцев не превышало 10 тысяч.

Ну во-первых, процесс переселения происходил не только в 30-х и начале 50-х годов. Он не прекращался даже во время Великой Отечественной войны. Между переписями населения 1939 и 1959 гг. грузинское население в Абхазии увеличилось почти на 70 тысяч, в то время как абхазское всего на 5 тысяч человек.

Если имеется в виду, что такой демографический феномен произошел в результате естественного прироста, то следует признать, что страшные годы сталинско-бериевских репрессий и самой кровопролитной войны в истории человечества странным образом повлияли на половую активность грузинского населения в Абхазии.

Говоря о событиях послевоенного (1992—1993 гг.) времени, г-н Алексидзе со ссылкой на документы, принятые на саммитах ОБСЕ, СБ ООН, Евросоюзом, СНГ, хочет доказать, что в Абхазии осуществляется этническая чистка грузинского населения.

Справедливости ради следует отметить, что все эти резолюции принимались без участия абхазской стороны. Предложенные Грузией проекты, принимались даже без попытки разобраться в происходящем на самом деле, не заслушав даже представителей Абхазии.

И все же, вопреки утверждению г-на Алексидзе, в резолюциях Совета Безопасности ООН отсутствует прямое осуждение Абхазии в этнической чистке. Дело в том, что единственная комиссия, направленная по этому вопросу в Абхазию Организацией Объединенных Наций, не пришла к подобным выводам (S/26795, 17 ноября 1993 г.). Если же под этническими чистками подразумевать этнодемографические изменения, происшедшие в результате военных действий в Абхазии, то совершенно

очевидно, что ответственность за них, в первую очередь, должно нести руководство Грузии, развязавшее в августе 1992 года войну. Именно в период оккупации значительной части Абхазии грузинскими войсками начался массовый исход абхазского, армянского, русского, греческого населения из подконтрольной грузинским властям территории. Значительная часть грузинского населения покинула Абхазию вместе с отступающей грузинской армией еще до возвращения абхазов.

Г-н Алексидзе пишет, что намеренно не касается самого конфликта, т.к. это будет темой его новой статьи. Тем не менее, г-н Алексидзе пытается объяснить поражение Грузии в этой войне тем, что на стороне “сепаратистских сил воевали тысячи наемников или т.н. ”добровольцев” из Северного Кавказа, других регионов России, а главное — даже части Вооруженных Сил России...”.

Следуя примеру г-на Алексидзе, не стану подробно останавливаться на этом вопросе, скажу только, что 90% погибших в этой кровавой бойне воинов составляют абхазы. Поэтому нет смысла оправдывать свое поражение несметным количеством “наемников”, воевавших против Грузии. Об этом часто сегодня говорят в Грузии, не стоит комплексовать по этому поводу. Всем понятно, что не потому грузины потерпели поражение, что они плохие воины или трусы. В этом смысле определяющее значение все же имеет мотивация. Не было у грузинских парней причин воевать в Абхазии за непонятные идеи.

И в завершение по поводу того, что у международного сообщества существует совершенно четкий подход: “самопровозглашенная независимая республика” не признается — она остается “неотъемлемой частью Грузии”. Всем известно, что не было в истории незыблемых государств и неизменяемых границ. Вся история человечества убеждает нас в обратном. В конце концов, все государства когда-то самопровозгласились.

В 1961 году Шарль де Голль в беседе с Президентом Дж. Кеннеди по поводу войны во Вьетнаме сказал: “После того, как нация пробудилась, никакая иностранная власть, какими бы средствами она не располагала, не имеет шансов на то, чтобы навязать там свою волю”.

Сухум

С.М. Ш а м б а,
доктор исторических наук

Статья поступила в редакцию в мае 1999 г.

Наши справки

ЧТО ТАКОЕ ИНСИГНИЯ ИЛИ ЧТО ДЕЛАТЬ С МАВЗОЛЕЕМ?

В последнее время в прессе довольно активно обсуждается вопрос, что делать с Мавзолеем В. И. Ленина. Мнения на этот счет высказываются весьма различные, но всегда — субъективные, т. е. кому какие придут в голову, без всякой объективной мотивировки.

Вот, например, некоторые типичные:

1. “Мавзолей надо уничтожить, срыть, чтобы и духу коммунистического не было”.

2. “Нет, уничтожать не надо, но так как у нас напряженка с деньгами, сделать его самоокупаемым, брать плату за вход, а с иностранных туристов — долларами: зачем добру пропадать?”.

3. “Тело Ленина — захоронить, а здание Мавзолея — оставить, оно хорошо гармонирует с ансамблем площади. Сделать в нем кафе — и оно принесет прибыль. Можно и разные сувениры там продавать”.

Иными словами, во всех этих мелколавочных мнениях нет ни малейшего представления о самой сути проблемы, нет ясности, что такое Мавзолей, о чем недавно с большим удивлением заявили даже многие иностранцы, которых уж никак нельзя заподозрить в симпатиях к “красным”, к большевизму. Они удивлялись, что в России люди не знают, что Мавзолей не просто “домик” и не “могила”, а Красная площадь не часть “кладбища”, а государственная и национальная инсигния.

Что же означает это слово, это понятие?

Инсигния — один из древнейших видов символов народа и государства — *вещественные символы*. Они напоминают о крупных вехах в истории страны. И их бывает несколько. Так, на Красной площади имеется еще Лобное место и Собор Василия Блаженного, а также Кремлевская стена с прахом выдающихся людей. Все это вместе с Мавзолеем и составляет неразрывное целое — национальную инсигнию.

В Древнем Риме инсигниями были стражники-ликторы, числом 12, носящие за императором ликторские “пучки” — секиру и фации (розги), которые были как бы живыми, наглядными символами государственной силы и кары за нарушение законов.

У древних евреев инсигниями были два ковчега, сосуд с 7 кг “манны небесной” и каменные скрижали с законами Моисея — предметы, важные для понимания ранней истории еврейских государств.

В средневековой Венеции инсигниями были корабль “Буценторо”,

баретта и перстень дожа — реквизит, необходимый для “обручения” каждого нового дожа с морем, когда он бросал перстень в морские пучины, что означало морское могущество Венеции.

В современной Японии инсигнией служит целый парк, в центре которого находится храм богини Аматерасу. Он существует более 2000 лет и постоянно закрыт для всех смертных. Лишь один раз в жизни в него входит император Японии — после смерти своего предшественника, отца. И это посещение храма узаконивает его власть. Только тогда он становится законным главой государства.

Таким образом, инсигнии, являясь вещественными символами всего государства, всего народа, коренным образом отличаются от регалий — личных знаков монархов, глав государств. Регалии у всех царей, королей, императоров, султанов и т. п., по сути дела, одни и те же: короны, скипетры, державы, мечи, мантии, золотые цепи. Инсигнии же уникальны и неповторимы. Во-первых, они говорят о своеобразии исторического пути страны, чем он не похож на другие, прочие. Во-вторых, инсигний не восстанавливаемы при утрате, их потеря невосполнима, она рассматривается как историческое несчастье, как бедствие. В-третьих, инсигнии могут существовать в любой стране, независимо от того, древняя ли она, современная, монархическая или республиканская, тоталитарная или демократическая, капиталистическая или социалистическая. Они — наследие культуры и истории всего народа, наследие, к которому неприменим принцип классового антагонизма.

Вот почему инсигнии следует определять как символы верховной власти, священные и памятные в целом для истории той или иной страны и народа и неповторимые, невозможные для появления у государства с иной историей. Отсюда и редкость инсигний, и тот факт, что далеко не все государства способны обладать инсигниями, а лишь те страны, которые имеют особую неповторимую, нестандартную историю.

Мавзолей В. И. Ленина был всегда, с момента своего возникновения, фактической, а после 1945 г. и формальной инсигнией Советского государства. И именно на этом основании этому вещественному символу отдавались государственные почести и перед ним совершались государственные военные и внешнеполитические церемонии как перед инсигнией. К нему были брошены все трофейные знамена гитлеровской армии 24 июня 1945 г., к нему возлагали венки президенты иностранных государств при посещении Москвы. Он был признан государственной инсигнией со стороны международного сообщества. То, что он не был записан как инсигния в Конституции, говорит лишь о нашей общей “расейской” юридической и геральдической неграмотности, особенно в 20 — 70 годах XX в., со стороны советских законодателей, которые считали, что значение Мавзолея и так было ясно для всех, тем более что на практике ни в ООН, ни в МИД капиталистических стран этот факт не подвергался сомнению.

Конечно, теперь, когда социалистического государства в России не существует, Мавзолей Ленина не может уже выполнить роль государственной инсигнии. Ее функции выполняет ныне “Вечный огонь” в Александровском саду, что, конечно, неадекватно настоящим инсигниям и несопоставимо по историческому значению с Пискаревским

кладбищем или Сталинградским мемориалом — подлинными историческими инсигниями.

Но утратив статус государственной инсигнии, Мавзолей Ленина вместе со всей Красной площадью еще более утвердил свое значение как историческая инсигния, которой он по праву остается де-факто. И для этого нет никаких юридических, правовых препятствий. Кроме того, даже формально, до тех пор, пока палаты Федерального Собрания и референдум граждан не приняли закон о ликвидации прежней государственной инсигнии страны, Мавзолей фактически остается неприкосновенным по всем законам цивилизованного общества.

Наконец, история знает немало случаев, когда прежняя инсигния сохраняется и при изменении формации государства как историческая реликвия. Таково, например, сохранение японских феодальных инсигний в современной капиталистической Японии, а также феодальной британской инсигнии (мешка с шерстью в качестве места спикера в парламенте) в нынешнем английском буржуазном обществе.

Таким образом, даже утратив статус государственной инсигнии, Мавзолей Ленина может оставаться исторической инсигнией и реликвией России, музеем, подобно тому, как все 75 лет советской власти оставался реликвией и музеем на той же Красной площади Покровский собор — Храм Василия Блаженного, утративший после Октября 1917 года статус соборной действующей церкви, но не уничтоженный, а наоборот, хорошо отреставрированный как музей и получавший государственную субсидию от советского атеистического государства. Что же касается планов уничтожения Мавзоля, то они с самого начала возбуждались политическими ничтожествами, бессовестными людьми способными на уголовные деяния, вроде Собчака, и поэтому служат наглядным доказательством того, что в нынешнем обществе еще имеются реакционные экстремисты, жаждущие “политической расправы” с теми, кто придерживается иных взглядов, и стремящиеся к обострению конфронтационных тенденций в обществе. Эти люди не вызывают симпатии у значительной части электората именно в силу своей “ястребиной” позиции. В принципе они рассматривают акт ликвидации Мавзоля Ленина как демонстрацию своей силы в стране. То, что это зачеркнет часть истории страны, — этих господ не беспокоит. Однако надо не забывать, что разрушить что-либо легче всего. А вот создать исторически уникальный, редчайший в мировой истории объект, важный не только для нашей страны, но и для мировой истории в целом, заново уже будет невозможно. Такие памятники создаются не строительными фирмами, а рождаются в ходе истории. Уничтожить Мавзолей — это попытка вычеркнуть из мировой истории факт существования Советского государства, оказавшего решающее влияние на развитие всего мирового исторического процесса в XX веке.

Следует особо подчеркнуть, что помимо чисто российского, отечественного государственно-правового и историко-символического аспекта, вопрос о сохранении Мавзоля Ленина имеет еще и международный культурно-исторический аспект.

Можно по-разному относиться к философским воззрениям и политике коммунистической партии, к идеям и практике коммунизма, но

нельзя отрицать того неопровержимого факта, что Ленин был величайшим государственным деятелем мирового масштаба, выдающимся философом-марксистом, воззрения которого изменили мир, оказали решающее влияние на формирование идейно-культурных понятий XX века и на все культурно-политическое развитие в XX столетии.

Как известно, все политические противники Ленина, не только в России, но и в остальном мире бесспорно признавали гений Ленина. На этот счет известны высказывания таких его современников, как Дэвид Ллойд Джордж, Жорж Бенджамен Клемансо, Густав Штрэземан, Карл Каутский, Уинстон Черчилль и другие.

В решении национального вопроса в ряде стран и в ликвидации колониализма во всем мире идеи и авторитет Ленина сыграли чрезвычайно положительную роль и сделали имя Ленина известным десяткам и сотням миллионов людей во всем мире.

В. И. Ленин, как политический деятель, принадлежит не только русской, но и мировой истории и культуре. В истории России было не так уж много личностей, значение и влияние которых распространялось бы на мировые события. Ленин почти единственный среди них, ибо до Ленина существовал лишь один руководитель русского государства, — Петр Великий, имя которого и дела стали известны во всей Европе. Ленин же был известен во всех уголках мира — и в Азии, и в обеих Америках, и в Африке, т. е. подлинно во всем мире.

Значительную часть своей политической деятельности Ленин провел в странах Европы — в Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Австро-Венгрии. Мемориальные места пребывания Ленина находятся в Лондоне, Париже, Мюнхене, Копенгагене, Стокгольме, Праге, Хельсинки, Тампере, Берне, Цюрихе, Базеле, Вене и др. Его имя связано не только с международным рабочим движением и социал-демократией, на конгрессах которой он неоднократно представлял Россию, но и с национальным и национально-освободительным движением в ряде стран. Ленин внес решающий вклад в создание независимого финляндского государства после 1917 г., содействовал раскрепощению Турции и Ирана от иностранной зависимости и ликвидации этими странами неравноправных договоров со странами Антанты, дал теоретическое и политическое обоснование ликвидации системы колониальной зависимости африканских стран, что было признано ООН после Второй мировой войны. Таким образом международно-историческое значение Ленина несомненно. И поэтому любой акт вандализма в отношении памяти Ленина, а особенно разрушение его Мавзолея — будет воспринят во всем мире, как доказательство одичания России, и станет неизбежно способствовать дальнейшему падению международного престижа российского государства, его низведению до уровня третьестепенной державы в мировом общественном мнении.

В связи с проблемой сохранения Мавзолея Ленина, нельзя не сказать и об еще одном специфическом аспекте, имеющем также большое научное значение.

Дело в том, что Мавзолей стал за годы своего существования выдающимся научным учреждением мирового значения по вопросам биохимии, физико-химической медицины и патологической анатомии,

где были решены крупнейшие теоретические и практические научные проблемы.

Во-первых, найдены пути устранения гидролиза жира, что долгое время считалось невозможным.

Во-вторых, решена проблема устранения декальцирования костной ткани, что имеет гигантское практическое значение в современной восстановительной медицине, а также доказана возможность восстановления цвета кожных покровов, связанная с изменениями мелонина под влиянием света, что приобрело и теоретическое и практическое значение в современной косметике. Об этом подробно пишет в своей книге в защиту Мавзолея В. И. Ленина, изданной в 1997 г. — академик Ю. М. Лопухин, директор НИИ физико-химической медицины. Ликвидировать Мавзолей по мнению профессора Ю. М. Лопухина, означает нанести непоправимый удар по важнейшим направлениям современной медицины, где наша страна имела до сих пор неоспоримый приоритет.

По мнению другого мирового медицинского авторитета, — академика Н. Н. Бурденко, — работа ученых, в течение 75 лет по сохранению тела В. И. Ленина — “величайший эксперимент в анатомии и биохимии”. Ликвидировать результаты этого эксперимента, прервать его, на пороге еще более детальных, новых исследований (еще не разработана методика исследования мозга!). — беспримерное варварство, нанесение ущерба всей российской науке, равноценное уничтожению нашего космического комплекса.

Весьма симпатично, что попытка форсировать уничтожение Мавзолея Ленина предпринимаются в нынешнем, 1999 г., когда подходят последние месяцы легистатуры нынешнего режима. В СМИ, особенно в бульварной и право-антинациональной прессе, появляются “советы” “либеральных” интеллигентов или даже “долларовых проституток” покончить с Мавзолеем! Они с головой выдают страх и нечистую совесть современных политических пигмеев, которые хотят намеренно оскорбительными мерами, а затем и незаконным, явочным уничтожением Мавзолея, — спровоцировать “под занавес” своего ухода с исторической арены стихийное народное возмущение, чтобы иметь повод для запрета КПРФ, и, возможно, продления в условиях чрезвычайного положения своего мандата. С подобными “финтами” “непредсказуемого” нельзя не считаться как с весьма возможной реальностью и надо поставить им подлинно демократический (без кавычек!) и решительный заслон.

Ведь не надеясь сами остаться в истории страны, эти люди, подобно Герострату, хотят прославиться уничтожением величайших и важнейших исторических реликвий государства, подлинных ценностей страны.

Симптоматично, что нынешний режим вообще имеет склонность к разрушению исторических памятников. Как известно, Ипатьевский дом в Свердловске стоял неприкосновенным все годы советской власти с 1918 по 1978, пока его не стер с лица земли целиком по собственной инициативе тогдашний “крутой” секретарь обкома партии — наш нынешний президент.

4

Теперь же руки чешутся на совершение всемирно-исторического акта вандализма, — ибо уничтожение мавзолея, как говорят в президентском окружении, — “должно оставить неизгладимую память в

истории России ”о нынешнем ”хозяине” Кремля. А он может это сделать вначале тайно, тайком, чтобы затем поставить народ перед свершившимся фактом, как это не раз им делалось в десятках иных случаев.

Вот почему все прогрессивные люди во всем мире, и в первую очередь в России, должны поднять свой голос против подобных варварских планов со стороны, в сущности, горстки безграмотных, некультурных, озлобленных на свой народ людей, деградировавших уже давно под влиянием алкоголя и фактически порвавших целиком с интересами страны.

Таким образом, уничтожить Мавзолей Ленина, ”закрыть” его было бы столь же нелепо, как попытка щедринского градоначальника ”закрыть Америку”, ибо это ни что иное, как незаконное, оскорбительное для большинства народа — самодурство.

Люди, развалившие Советский Союз и составившие ныне элиту правящего режима, потеряли одно за другим величайшие территориальные, стратегически важные исторические приобретения России — Украину, Прибалтику, Среднюю Азию, Закавказье, а ныне стоят перед утратой всего Северного Кавказа.

Таковые результаты их политики за 10 лет, когда потеряно то, что накапливалось тысячелетием.

Ясно, что подобным ”государственным деятелям” ничто не дорого, ничто для них не свято. Им все равно, что уничтожать — собственный народ, исторически унаследованные территории, Ипатьевский дом или Мавзолей Ленина.

Пьяному, как известно, море по колено.

Тем более, когда все, что ни делается, совершается абсолютно безнаказанно, ибо этих дикарей поддерживает продажная, коррумпированная, готовая на любое прислужничество буржуазно-бульварная пресса и политически растленная так называемая ”интеллигенция”.

Вот почему мы обращаемся ко всем ученым мира, ко всем деятелям науки и культуры в европейских странах, с призывом выразить свой протест против варварства нынешнего российского режима. Мы обращаемся также ко всем дворянам Европы, наследникам многих культурных и исторических традиций, к сословию, к которому принадлежал гуманист Ленин, с призывом осудить планы уничтожения Мавзоля.

Мы обращаемся, наконец, к трудящимся нашей страны и стран СНГ, ко всем бывшим гражданам великого СССР, с призывом не допустить, чтобы прогнивший режим, от которого уже отшатываются его прежние попутчики, попытался бы накануне своего ухода в Лету совершить историческое злодеяние — разрушить один из самых всемирно-известных культурно-исторических памятников — Мавзолей Ленина — национально-историческую инсигнию СССР и России.

В.В. Похлебкин,
действительный член Нью-Йоркской академии наук,
лауреат Международной премии Гуго Грюция за 1998 год в номинации
”Заслуженный российский ветеран международного права”,
Подробнее об авторе см. № 4 нашего журнала за 1997 г.

Статья поступила в редакцию в июне 1999 г.

Президент Финляндии Урхо Калева Кекконен в сопровождении адъютанта генерала Урпо Лео направляется для возложения венка к Мавзолею В.И. Ленина от Спасских ворот Кремля. Согласно протоколу президент проходит пешком весь путь до Мавзолея в уважение к государственной инсигнии СССР. Его форма одежды — цилиндр, фрак, серые в полоску брюки соответствуют форме одежды, принятой для торжественных государственных приемов, Советский диппротокол не знал подобных установлений, но президенты иностранных государств действовали согласно общим международным правилам, т.е. признавали Мавзолей В.И. Ленина — государственной инсигнией

Фото из книги Max Jakobson, "Den Finlandska Paradoxen", Stockholm, 1982

КАК РАСПОЗНАВАТЬ ДОКУМЕНТЫ ООН

Известно, что Организация Объединенных Наций (ООН) имеет огромный документооборот: в год выпускается по несколько тысяч документов. Как ориентироваться в этом безбрежном море? Поискам необходимого документа помогают индексы, которые введены в ООН с момента ее создания, а затем постепенно обогащались, расширялись и трансформировались.

Ниже мы воспроизводим наиболее распространенную ныне индексацию, которую стоит знать как ученым, так и практическим работникам.

Основные индексы

A/ или GA/ — Генеральная Ассамблея

S/ или SC/ — Совет Безопасности

E/ — Экономический и Социальный Совет

T/ — Совет по опеке

ST/ — Секретариат

TD/ — Совет по торговле и развитию

DP/ — Программа развития

DC/ — Комиссия по разоружению

AEC/ — Комиссия по атомной энергии

Вспомогательные индексы

/C — Комитет

/SC — Подкомитет

/NC — Комиссия

/Sub — Подкомиссия

/WG — Рабочая группа

/Conf — Конференция

/B/ — Совет

/PC/ — Подготовительный комитет

/R/ — Доклад

/SPC/ — Специальный комитет

Дополнительные индексы

/PV. — Стенограмма заседания (от лат. plenary verbatim)

/SR. — Протокол заседания

/L. — Рабочий документ

/Add. — Дополнение

/Rev. — Пересмотренный документ

/Corr. — Исправление (от лат. corrigendum)

/Res./ — Резолюция

/INF./ — Информация, информационный бюллетень (если многостраничный)

Буквенные (английского алфавита), цифровые и цветовые индексы ООН взяты из практики США. Если после индекса какого-то органа стоит цифра, то она обозначает номер заседания данного органа. В случае заседаний комитетов Генеральной Ассамблеи, у которых имеются свои номера, цифра ставится после наклонной линии. Например:

GA/AC.36 означает 36-е заседание Временного Комитета Генеральной Ассамблеи, но

A/C.2/460 означает 460-е заседание Второго комитета Генеральной Ассамблеи

Далее следует знать индексы:

A/BUR/ — Генеральный комитет

A/CR — Комитет по проверке полномочий

Комитеты разрабатывают свои проекты документы и направляют их на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи. В этом случае документ идет не за индексом комитета, а за индексом Генеральной Ассамблеи. Например:

A/RES/.... (...), где сразу после RES/ идет номер пленарного заседания (арабскими цифрами), на котором будет обсуждаться данный проект, а в скобках римскими цифрами номер сессии Генеральной Ассамблеи.

Секретариат ООН выпускает три типа документов:

1) PROVISIONAL или Blue print ("синьки") — это первоначальный рабочий документ. Он синего цвета. Изменения в него могут быть внесены в течение 48 часов.

2) Второе издание тоже PROVISIONAL, но черного цвета. Он делается уже с учетом замечаний и изменений перед окончательным голосованием.

3) Третье издание документа выходит в типографском исполнении, и ссылаться как на документ ООН можно только на него, поскольку он — окончательный.

После окончания сессии Генеральной Ассамблеи начинается издание официальных документов данной сессии ООН и издание ANNEXES — приложений. Такое издание обычно выходит через год и является фактическим досье очередной сессии Генеральной Ассамблеи.

При ООН существует OFI (Office of Public Information) — Управление общественной информации. Его создали для корреспондентов. Оно выпускает PRESS-RELEASE, т.е. информационные бюллетени, в которых рассказывается история обсуждаемого вопроса или дается расширенная информация об этом вопросе, однако на каждом таком выпуске стоит в начале фраза: "Является неофициальным документом и ссылка на него не разрешена".

С документами Совета Безопасности сложнее, чем с документами Генеральной Ассамблеи, потому что индексов мало и разыскать нужное сложнее. Допустим:

S/ — а далее под этим индексом может быть и жалоба, и проект резолюции, и письмо, и сообщение.

S/PV — Стенограмма заседания Совета Безопасности.

S/RES — Резолюция Совета Безопасности.

S/INF/ — Информация о проделанной работе и принятых решениях за минувший год.

Ежедневно Секретариат к концу дня издает документ о том, что издано за день и на каких языках, но этот документ является неофициальным.

МИД Российской Федерации и Информационный центр ООН в Москве не получают документов с индексом /L.

(Соб. инф.)

Документы

УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ МЕЛЬБУРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРАЗДНОВАНИЮ СТОЛЕТИЯ ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИРА (состоялась 18—20 февраля 1999 г. в Мельбурне, Австралия)

Мне доставляет большое удовольствие приветствовать участников региональной конференции по празднованию столетия Первой международной конференции мира. Созыв Вашей конференции — наглядное подтверждение интереса международного сообщества к идее торжественно отметить в этом году столетие знаменательного международного события — Первой гаагской конференции мира 1899 года.

В 1899 году по инициативе России в Гааге состоялась Первая конференция мира, заложившая международно-правовые основы ограничения права государств на войну, формирования системы мирного урегулирования споров и положившая начало кодификации законов и обычаев сухопутной войны, превратившей эту область в современное международное гуманитарное право.

За минувшее столетие в этих сферах сформировалась достаточно стройная международно-правовая система. Но сегодня эта система нуждается в совершенствовании с учетом новых вызовов, угрожающих современному миру.

Исходя из этого Президент Российской Федерации в своем выступлении на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1995 году предложил созвать в 1999 году Третью конференцию мира и посвятить ее разработке основ урегулирования конфликтов, возникающих после “холодной войны”.

Мы удовлетворены тем, что эта инициатива нашла поддержку со стороны Генеральной Ассамблеи ООН, межправительственных и неправительственных организаций, многих государств. Совокупность мероприятий 1999 года, посвященных 100-летию Первой международной конференции мира, в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН рассматривается в качестве Третьей конференции мира. Мы видим ее главную цель не только в том, чтобы торжественно отметить 100-летие Первой конференции мира, но и в том, чтобы в ходе интенсивной дискуссии с участием как представителей государств, так и обществен-

ности “нащупать” основные направления развития и совершенствования международного права в следующем столетии.

Ваша встреча сегодня органично вписывается в программу мероприятий 1999 года и является хорошей возможностью для представителей государств региона и специалистов в области международного права проанализировать нынешнее состояние международного права и подготовиться к новым вызовам, которые нам готовит XXI век. Уверен, что она станет весомым вкладом в достижение целей Программы 100-летия Первой конференции мира и Десятилетия международного права ООН.

Желаю участникам конференции успешной работы.

И. И в а н о в,
Министр иностранных дел Российской Федерации.

18 февраля 1999 г.

СОГЛАШЕНИЕ О ПОСТАВКАХ РОССИЕЙ ВЫСОКООБОГАЩЕННОГО УРАНА ДЛЯ ГЕРМАНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЯДЕРНОГО РЕАКТОРА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ЯДЕРНОГО ЭКСПОРТА

Россия традиционно поставляла на иностранные рынки ядерные материалы. Длительное время такие поставки были связаны прежде всего с обеспечением ядерным топливом атомных электростанций, построенных при техническом содействии СССР (в странах Восточной Европы и др.). В настоящее время поставки ядерного материала Россией стали самостоятельной статьей ее ядерного экспорта.

При этом такие поставки могут быть разного рода. Так, к сделкам особого рода, требующим отдельного рассмотрения, следует отнести российские поставки высвобождаемого вследствие сокращения российских ядерных вооружений оружейного урана в соответствии с Соглашением, заключенным между Россией и США, которые помимо юридических имеют под собой также особые политические и экономические основания. Очевидно, что более обычной и традиционной формой участия России в мировой ядерной торговле станет продажа ею ядерных материалов для исследовательских и иных ядерных реакторов, действующих в сфере мирной ядерной деятельности государства-получателя, а также для иных видов использования ядерной энергии (в области медицины, сельского хозяйства и др.). Рынок стран Европейского Союза имеет в этом отношении особое значение, так как эти государства обладают наибольшим техническим потенциалом в области мирного использования ядерной энергии.

Это обстоятельство нашло свое отражение в тексте Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, подписанного в 1994 г. между Россией и

Европейским Союзом (далее СПС)¹. В него была включена специальная Статья 22 “Торговля ядерными материалами”, которая предусматривала заключение в будущем отдельного соглашения по торговле ядерными материалами. На основании этого положения СПС Российское правительство наметило проводить регулярные (или по запросу) консультации “по вопросам торговли ядерными материалами” и заключить “соглашение о поставках высокообогащенного урана для исследовательских реакторов, находящихся под юрисдикцией Европейского сообщества по атомной энергии”². В настоящее время, когда такое соглашение, имеющее общее для стран ЕС применение, еще не выработано, некоторые из этих стран находят возможным заключать с Россией отдельные соглашения, в которых предусматривается поставка российского ядерного материала (это не противоречит Статье 22 СПС). Примерами таких соглашений служат соглашения с Францией³ и Германией⁴. Причем Соглашение с Германией носит наиболее конкретный характер, так как в нем предусматривается и количество ядерного материала, и сроки, в которые он должен быть поставлен, и реактор, который будет работать на топливе, произведенном из этого материала. Этим, главным образом, и объясняется выбор этого Соглашения (далее — Соглашение “Мюнхен II”) для настоящего комментария.

В Соглашении “Мюнхен II” речь идет о поставке Россией Германии 1200 килограммов обогащенного урана, то есть согласно общепринятой терминологии, “специального расщепляющегося материала” (обогащенного урана, плутония или цезия), который может быть непосредственно использован для производства ядерных взрывных устройств, с целью производства тепловыделяющих элементов (твэлов) для исследовательского ядерного реактора “Мюнхен II” на весь срок его эксплуатации. В Соглашении учтены все международно-правовые требования, предъявляемые к такого рода обменам, и в этом смысле можно сказать, что оно охватывает сразу несколько важнейших аспектов международного ядерного права. Уже давно стало нормой международного ядерного права требование о том, что предоставление ядерного материала, который может быть непосредственно использован для создания ядерного взрывного устройства, не должно способствовать распространению ядерного оружия в тех странах, которые им не обладают.

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)⁵, заключенный в 1969 году, содержит обязательство государство-участников “не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный расщепляющийся материал не распространяются гарантии, требуемые настоящей статьей” [то есть гарантии Международного Агентства по Атомной Энергии (МАГАТЭ). — *Е.М.*] (статья III.2).

Для применения гарантий заинтересованное государство заключает с МАГАТЭ на основании его Устава⁶ соглашение о гарантиях, охватывающее “весь III.1). МАГАТЭ при этом действует на основании положений статьи III.6 своего Устава. Россия и Германия не только являются

сторонами ДНЯО и членами МАГАТЭ, но и участниками группы ядерных поставщиков. В Руководящих принципах ядерного экспорта⁷, которыми участники этой группы согласились руководствоваться при осуществлении поставок ядерных материалов (и ядерного оборудования), содержатся условия, подтверждающие требования ДНЯО и Устава МАГАТЭ, то есть условия о том, что в Соглашении о поставке ядерного материала (или ядерного оборудования) государство-получатель должно: 1) официально заверить государство-поставщика о том, что полученный материал (и оборудование) не будут использоваться для какой-либо военной цели⁸, и 2) принять гарантии МАГАТЭ и иметь с ним Соглашение о гарантиях, распространяющееся на всю его мирную ядерную деятельность⁹.

К этим требованиям Руководящие принципы ядерного экспорта добавили условие о том, что в соглашения о поставках ядерного материала должны включаться положения о “взаимном согласии поставщика и получателя в отношении порядка переработки, хранения, изменения, использования, передачи или реэкспорта любого пригодного для производства оружия ядерного материала”¹⁰. Как видно из текста Соглашения “Мюнхен II”, в нем учтены все приведенные выше требования, предотвращающие использование обогащенного урана для военных целей. Так, в Статье 3 Соглашения предусматривается, что, во-первых, Германская Сторона гарантирует, что материал, полученный от Российской Стороны, а также произведенные на его основе или в результате его использования ядерные и неядерные материалы не будут использоваться для производства ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств или для достижения какой-либо военной цели, и более того они будут использоваться исключительно для производства твэлов для исследовательского реактора “Мюнхен II”; во-вторых, эти материалы будут находиться под гарантиями МАГАТЭ, охватывающими всю мирную ядерную деятельность ФРГ¹¹, и, в-третьих, эти материалы будут экспортироваться или передаваться из-под юрисдикции Германии только при наличии письменного согласия Российской Стороны, при чем условия реэкспорта будут определены в соответствии с международным правом и национальным законодательством сторон.

Руководящие принципы ядерного экспорта предусматривают еще одно важное условие, которое стороны соглашений о поставках ядерного материала должны включать в такие соглашения: распространение на эти материалы мер физической защиты для предотвращения их хищений или диверсий¹². Это требование тоже отражено в Статье 3 Соглашения “Мюнхен II”: поставляемые ядерные материалы “будут обеспечены мерами физической защиты на уровне, не ниже рекомендованного МАГАТЭ”. Такие меры предусмотрены в Конвенции о физической защите ядерного материала¹³, заключенной под эгидой МАГАТЭ, участниками которой являются, в том числе, Россия и Германия.

Как подчеркивалось выше, предметом сделки по Соглашению “Мюнхен II” является обогащенный уран, то есть готовое ядерное топливо. Однако для использования топлива в ядерном реакторе необходимо облечь его в форму тепловыделяющих элементов (твэлов), которые непосредственно загружаются в реактор. Соглашение предус-

матрирует, что Российская Сторона не возражает против того, чтобы твэлы были изготовлены во Франции или Англии (Статья 1).

Обогащенный уран после его использования в реакторе становится отработавшим топливом, представляющим собой ресурс, из которого может быть извлечен плутоний и уран для повторного получения ядерной энергии (причем как в мирных целях, так и для производства ядерных взрывных устройств). И Германия, и Россия обладают особым оборудованием, на котором может быть осуществлена переработка отработавшего ядерного топлива. Поэтому Соглашение "Мюнхен II" предусматривает, что отработавшее топливо может быть переработано как в Федеративной Республике Германии, так и в Российской Федерации "согласно законодательству соответственно Российской Федерации и Федеративной Республики Германия" (Статья 1). Оно может быть также переработано "в третьем государстве по взаимной договоренности Сторон" (Статья 1).

Этому положению и вытекающим из него обстоятельствам следует уделить некоторое внимание. Дело заключается в том, что отработавшее топливо можно рассматривать не только как ресурс, но и как ядерные отходы в том случае, если оно не будет переработано в новое топливо, а будет удалено и захоронено как отходы. Согласно Российскому закону "Об охране окружающей природной среды" от 19 декабря 1991 года, в Российскую Федерацию запрещается ввоз "в целях хранения или захоронения радиоактивных отходов и материалов из других государств"¹⁴. Это положение не препятствует ввозу отработавшего топлива реактора "Мюнхен II" в Россию в целях переработки.

В российском законодательстве в настоящее время уже существует специальное положение, касающееся "возвращения отработавшего ядерного топлива"¹⁵, в котором особо оговаривается, что "условием приема отработавшего ядерного топлива является возврат стране-поставщику образующихся радиоактивных отходов и не предназначенных для дальнейшего использования в Российской Федерации продуктов переработки". Очевидно, что аналогичное положение должно быть разработано и для случаев, которые могут возникнуть в ходе применения положения о переработке отработавшего топлива Соглашения "Мюнхен II".

¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Полный текст Соглашения, подписанного 24 июля 1994 года на о. Корфу между Европейским Союзом и Российской Федерацией.

² Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 года № 809 "Об утверждении перспективного плана действий по реализации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве". Собрание законодательства РФ, 17 августа 1998 года, № 33, Ст. 4043.

³ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Французской Республики о сотрудничестве в области ядерной энергии, Москва, 19 апреля 1966 года. Соглашение опубликовано не было; Соглашение между Правительством РФ и Правительством Французской Республики о научно-техническом сотрудничестве и поставках высокообогащенного урана, Москва, 19 апреля 1996 года. Бюллетень международных договоров, 1996 год, № 11. — С. 20—22.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правитель-

ством Федеративной Республики Германия о поставках высокообогащенного урана для исследовательского ядерного реактора "Мюнхен II". Бюллетень международных договоров, 1998 год, № 11.

⁵ Договор о нераспространении ядерного оружия, 1 июля 1968 года. Ведомости Верховного Совета СССР, 1979 год, № 14. — Ст. 118.

⁶ Устав Международного Агентства по Атомной Энергии, 26 октября 1956 года, Ведомости Верховного Совета СССР, 1986 год, № 11 (2449). — Ст. 169.

⁷ Руководящие принципы ядерного экспорта 1978 года. Док. МАГАТЭ INFCIRC/254. Дополнение. (Далее — Руководящие принципы ядерного экспорта).

⁸ Пункт 2 Руководящих принципов ядерного экспорта.

⁹ Пункт 4 Руководящих принципов ядерного экспорта.

¹⁰ Пункт 10 Руководящих принципов ядерного экспорта.

¹¹ Соглашение между Королевством Бельгия, Королевством Дания, Федеративной Республикой Германия, Ирландией, Итальянской Республикой, Великим Герцогством Люксембург, Нидерландским Королевством и Европейским Сообществом по Атомной Энергии во исполнение пунктов (1) и (4) Статьи III ДНЯО. Док. МАГАТЭ INFCIRC/193, 5 апреля 1973 года.

¹² Пункт 3 Руководящих принципов ядерного экспорта.

¹³ Конвенция о физической защите ядерного материала, 3 марта 1980 года. Док. МАГАТЭ INFCIRC/274/Rev. 1.

¹⁴ Закон об охране окружающей природной среды от 19 декабря 1991 года № 2060-1 с изменениями и дополнениями от 21 февраля 1992 года и 2 июня 1993 года. Российская газета от 3 марта 1992 года. П. 3 Статьи 50 Закона.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 29 июля 1995 г. № 773 "Об утверждении порядка приема для последующей переработки на российских предприятиях отработавшего ядерного топлива зарубежных атомных электростанций и возврата отработавшего ядерного топлива зарубежных атомных электростанций и возврата образующихся при его переработке радиоактивных отходов и материалов" (с изменениями от 10 июля 1998 г.). Собрание законодательства РФ, 7 августа 1995 года, № 32, Ст. 3314.

Е. С. Молодцова,
кандидат юридических наук
(юридический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова).
подробнее об авторе см. № 1 нашего журнала за 1997 г.

Комментарий поступил в редакцию в апреле 1999 г.

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о поставках высокообогащенного урана для исследовательского ядерного реактора "Мюнхен II"

Правительство Российской Федерации и Правительство Федеративной Республики Германия, далее именуемые Сторонами,

желая развивать сотрудничество в области мирного использования атомной энергии на основе взаимности и равноправия,

основываясь на Договоре о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республики Германией от 9 ноября 1990 г., Соглашении о

развитии и углублении долгосрочного сотрудничества в области экономики и промышленности Союза Советских Социалистических Республик и Федеративной Республики Германии от 6 мая 1978 г. и Соглашении между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии о научно-техническом сотрудничестве от 22 июля 1986 г.,

принимая во внимание, что Российская Федерация и Федеративная Республика Германия являются участниками Договора о нераспространении ядерного оружия, членами Международного Агентства по Атомной Энергии (МАГАТЭ) и Группы ядерных поставщиков, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Российская Сторона поставит до 1200 (одной тысячи двухсот) килограммов урана с обогащением свыше 90 процентов по изотопу уран-235 (далее именуется — материал), включая первую поставку в объеме до 400 (четырехсот) килограммов урана, с целью производства тепловыделяющих элементов для исследовательского ядерного реактора “Мюнхен II” на весь срок его эксплуатации.

Российская Сторона не возражает против изготовления Германской Стороной тепловыделяющих элементов из материала, поставленного Российской Стороной, во Французской Республике или в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии.

Отработавшее ядерное топливо может быть переработано как в Российской Федерации, так и в Федеративной Республике Германия, согласно законодательству соответственно Российской Федерации и Федеративной Республики Германия, а также в третьем государстве по взаимной договоренности Сторон. В случае достижения договоренности о переработке отработавшего ядерного топлива в Российской Федерации Стороны заключат между собой отдельное Соглашение, определяющее конкретные условия такой переработки.

Статья 2

Для целей настоящего Соглашения компетентными органами Сторон являются:

от Российской Стороны — Министерство Российской Федерации по атомной энергии;

от Германской Стороны — Министерство иностранных дел Федеративной Республики Германия.

Представители обеих Сторон могут проводить консультации для обсуждения вопросов, связанных с реализацией настоящего Соглашения.

Статья 3

Германская Сторона гарантирует, что материал, полученный от Российской Стороны, а также произведенные на его основе или в результате его использования ядерные и неядерные материалы не будут

использоваться для производства ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств или для достижения какой-либо военной цели.

Материал, передаваемый Российской Стороной Германской Стороне, а также ядерные материалы, произведенные на его основе или в результате его использования:

будут находиться под контролем (гарантиями) МАГАТЭ в течение всего срока их фактического использования в соответствии с Соглашением с МАГАТЭ о гарантиях, охватывающих всю мирную ядерную деятельность Федеративной Республики Германия (INFCIRC 193);

будут использоваться исключительно для цели, указанной в Статье 1 настоящего Соглашения;

будут обеспечены мерами физической защиты на уровне, не ниже рекомендованного МАГАТЭ;

будут реэкспортироваться (экспортироваться) или передаваться из-под юрисдикции Германской Стороны лишь при наличии письменного согласия Российской Стороны. Условия реэкспорта или экспорта Стороны определяют путем взаимного согласования в соответствии с их международными обязательствами и национальным законодательством.

Статья 4

Настоящее Соглашение не затрагивает обязательств Сторон по другим международным договорам, заключенным Сторонами до подписания настоящего Соглашения; в частности, это касается обязательств, вытекающих из членства Федеративной Республики Германия в Европейском Сообществе по атомной энергии.

Статья 5

Конкретные условия поставок в соответствии со статьей 1 настоящего Соглашения являются предметом отдельных контрактов между российским акционерным обществом "Техснабэкспорт" и немецкой фирмой "Нукем".

Фирмы, назначенные исполнять контракты, могут быть заменены по письменному уведомлению компетентных органов Сторон.

Статья 6

Настоящее Соглашение вступает в силу с даты подписания и действует в течение 10 лет. Соглашение автоматически продлевается на последующие 10-летние периоды, если ни одна из Сторон не менее, чем за 5 лет до истечения срока действия Соглашения не направит письменного уведомления другой Стороне о своем намерении прекратить его действие.

Положения статьи 3 настоящего Соглашения после прекращения его действия остаются в силе.

Совершено в г. Бонне 8 июня 1998 г. в двух экземплярах, каждый на русском и немецком языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Несмотря на то, что Римский Статут международного уголовного суда уже был опубликован в журнале “Международное право — International law” № 3 за 1998 год, редколлегия нашего журнала решила опубликовать его и у нас, поскольку документ очень важный и привлекает внимание всей юридической общественности

РИМСКИЙ СТАТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА*

ПРЕАМБУЛА

Сознавая, что все народы объединены общими узами и что взаимопереплетение их культур образует совместное наследие, и будучи обеспокоенны тем, что эта тонкая “мозаика” может быть в любой момент времени разрушена,

памятуя о том, что за прошедшее столетие миллионы детей, женщин и мужчин стали жертвами немыслимых злодеяний, глубоко потрясших совесть человечества,

признавая, что эти тягчайшие преступления угрожают всеобщему миру, безопасности и благополучию,

подтверждая, что самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и что их действенное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества,

будучи преисполнены решимости положить конец безнаказанности лиц, совершающих такие преступления, и тем самым способствовать предупреждению подобных преступлений,

напоминая, что обязанностью каждого государства является осуществление его уголовной юрисдикции над лицами, несущими ответственность за совершение международных преступлений,

вновь подтверждая цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, и в частности то, что все государства воздерживаются от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций,

подчеркивая в этой связи, что ничто в настоящем Статуте не должно восприниматься как дающее какому-либо государству-участнику право вмешиваться в вооруженный конфликт, входящий в сферу внутренних дел любого государства,

будучи преисполнены решимости с этой целью и на благо нынешнего и грядущих поколений учредить независимый постоянный Международный уголовный суд, связанный с системой Организации Объединенных Наций, обладающий юрисдикцией в отношении самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества,

* Принят в Риме Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению Международного уголовного суда 17 июля 1998 года.

подчеркивая, что Международный уголовный суд, учрежденный на основании настоящего Статута, дополняет национальные органы уголовной юстиции, преисполненные решимости создать прочные гарантии обеспечения международного правосудия и уважения к нему, согласились о нижеследующем:

ЧАСТЬ 1. УЧРЕЖДЕНИЕ СУДА

Статья 1

Суд

Настоящим учреждается Международный уголовный суд (“Суд”). Он является постоянным органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, указанные в настоящем Статуте, и дополняет национальные органы уголовной юстиции. Юрисдикция и функционирование Суда регулируются положениями настоящего Статута.

Статья 2

Отношение Суда с Организацией Объединенных Наций

Суд устанавливает отношение с Организацией Объединенных Наций посредством соглашения, одобряемого Ассамблеей государств—участников настоящего Статута и впоследствии заключаемого Председателем Суда от имени Суда.

Статья 3

Местопребывание Суда

1. Местопребыванием Суда является Гаага, Нидерланды (“государство пребывания”).

2. Суд вступает с государством пребывания в соглашение о Штаб-квартире, одобряемое Ассамблеей государств-участников и впоследствии заключаемое Председателем Суда от имени Суда.

3. Если Суд считает это желательным, он может заседать в любых других местах, как это предусмотрено в настоящем Статуте.

Статья 4

Правовой статус и полномочия Суда

1. Суд обладает международной правосубъектностью. Он также обладает такой правоспособностью, какая может оказаться необходимой для осуществления его функций и достижения его целей.

2. Суд может осуществлять свои функции и полномочия, как это предусмотрено в настоящем Статуте, на территории любого государства-участника и, по специальному соглашению, на территории любого другого государства.

ЧАСТЬ 2. ЮРИСДИКЦИЯ, ПРИЕМЛЕМОСТЬ И ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО

Статья 5

Преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда

1. Юрисдикция Суда ограничивается самыми серьезными преступлениями,

вызывающими озабоченность всего международного сообщества. В соответствии с настоящим Статутом Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений:

- а) преступление геноцида;
- б) преступления против человечности;
- в) военные преступления;
- г) преступление агрессии.

2. Суд осуществляет юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято в соответствии со статьями 121 и 123 положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, в которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления. Такое положение сообразуется с соответствующими положениями Устава Организации Объединенных Наций.

Статья 6

Геноцид

Для целей настоящего Статута “геноцид” означает любое из следующих деяний, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Статья 7

Преступления против человечности

1. Для целей настоящего Статута “преступление против человечности” означает любое из следующих деяний, которые совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно:

- а) убийство;
- б) истребление;
- в) порабощение;
- г) депортация или насильственное перемещение населения;
- д) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права;
- е) пытки;
- ж) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести;
- з) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным, как это определяется в пункте 3, или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи

с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда;

i) насильственное исчезновение людей;

j) преступление апартеида;

к) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

2. Для целей пункта 1:

а) “нападение на любых гражданских лиц” означает устойчивое поведение, связанное с многократным совершением деяний, указанных в пункте 1, против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике;

б) “истребление” включает умышленное создание условий жизни, в частности лишение доступа к продуктам питания и лекарствам, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения;

с) “порабощение” означает осуществление любого или всех правомочий, связанных с правом собственности в отношении личности, и включает в себя осуществление таких правомочий в ходе торговли людьми, и в частности женщинами и детьми;

д) “депортация или насильственное перемещение населения” означает насильственное перемещение лиц, ставших объектом выселения или других принудительных действий, из района, в котором они законно проживают, без каких бы то ни было оснований, допускаемых международным правом;

е) “пытки” означает умышленное причинение сильной боли или страданий, будь то физических или психических, лицу, находящемуся под стражей или под контролем обвиняемого; но пытками не считаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимых от этих санкций, или вызываемых ими случайно;

ф) “принудительная беременность” означает незаконное лишение свободы какой-либо женщины, которая стала беременной в принудительном порядке, с целью изменения этнического состава какого-либо населения или совершения иных серьезных нарушений международного права. Это определение ни в коем случае не истолковывается как затрагивающее национальное законодательство, касающееся беременности;

г) “преследование” означает умышленное и серьезное лишение основных прав вопреки международному праву по признаку принадлежности к какой-либо группе или общности;

h) “преступление апартеида” означает бесчеловечные действия, аналогичные по своему характеру тем, которые указаны в пункте 1, совершаемые в контексте институционализированного режима систематического угнетения и господства одной расовой группы над другой расовой группой или группами и совершаемые с целью сохранения такого режима;

i) “насильственное исчезновение людей” означает арест, задержание или похищение людей государством или политической организацией или с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, при последующем отказе признать такое лишение свободы или сообщить о судьбе или местонахождении этих людей с целью лишения их защиты со стороны закона в течение длительного периода времени.

3. Для целей настоящего Статута понимается, что термин “гендерный” в контексте общества относится к обоим полам, мужскому и женскому. Термин “гендерный” не имеет какого-либо иного значения, отличного от вышеупомянутого.

Военные преступления

1. Суд обладает юрисдикцией в отношении военных преступлений, в частности, когда они совершены в рамках плана или политики или при крупномасштабном совершении таких преступлений.

2. Для целей настоящего Статута военные преступления означают:

а) серьезные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, а именно любое из следующих деяний против лиц или имущества, охраняемых согласно положениям соответствующей Женевской конвенции:

i) умышленное убийство;

ii) пытки или бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты;

iii) умышленное причинение серьезных страданий или серьезных телесных повреждений или ущерба здоровью;

iv) незаконное, бесмысленное и крупномасштабное уничтожение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью;

v) принуждение военнопленного или другого охраняемого лица к службе в вооруженных силах неприятельской державы;

vi) умышленное лишение военнопленного или другого охраняемого лица права на справедливое и нормальное судопроизводство;

vii) незаконная депортация или перемещение или незаконное лишение свободы;

viii) взятие заложников;

b) другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права, а именно любое из следующих деяний:

i) умышленные нападения на гражданское население как таковое или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях;

ii) умышленные нападения на гражданские объекты, т.е. объекты, которые не являются военными целями;

iii) умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, пока они имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты по международному праву вооруженных конфликтов;

iv) умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц или ущерба гражданским объектам или обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством;

v) нападение на незащищенные и не являющиеся военными целями города, деревни, жилища или здания или их обстрел с применением каких бы то ни было средств;

vi) убийство или ранение комбатанта, который, сложив оружие или не имея более средств защиты, безоговорочно сдался;

vii) ненадлежащее использование флага парламентарера, национального флага или военных знаков различия и формы неприятеля или Организации Объединенных Наций, а также отличительных эмблем, установленных Женевскими конвенциями, приводящее к гибели людей или причинению им серьезных физических увечий;

viii) перемещение, прямо или косвенно, оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию или депортация или перемещение части населения оккупируемой территории в пределах границ или за пределы этой территории;

ix) умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями;

x) причинение лицам, которые находятся под властью противной стороны, физических увечий или совершение над ними медицинских или научных экспериментов любого рода, которые не оправданы необходимостью медицинского, зубоврачебного или больничного лечения соответствующего лица и не осуществляются в его интересах и которые вызывают смерть или серьезно угрожают здоровью такого лица или лиц;

xi) вероломное убийство или ранение лиц, принадлежащих к неприятельской нации или армии;

xii) заявление о том, что пощады не будет;

xiii) уничтожение или захват имущества неприятеля, за исключением случаев, когда такое уничтожение или захват настоятельно диктуются военной необходимостью;

xiv) объявление отмененными, приостановленными или недопустимыми в суде прав и исков граждан противной стороны;

xv) принуждение граждан противной стороны к участию в военных действиях против их собственной страны, даже если они находились на службе воюющей стороны до начала войны;

xvi) разграбление города или населенного пункта, даже если он захвачен штурмом;

xvii) применение яда или отравленного оружия;

xviii) применение удушающих, ядовитых или других газов и любых аналогичных жидкостей, материалов или средств;

xix) применение пуль, которые легко разрываются или сплюсываются в теле человека, таких, как оболочечные пули, твердая оболочка которых не покрывает всего сердечника или имеет надрезы;

xx) применение оружия, боеприпасов и техники, а также методов ведения войны такого характера, которые вызывают чрезмерные повреждения или ненужные страдания или которые являются неизбирательными по своей сути в нарушении норм международного права вооруженных конфликтов, при условии, что такое оружие, такие боеприпасы, такая техника и такие методы ведения войны являются предметом всеобъемлющего запрещения и включены в Приложение к настоящему Статуту путем поправки согласно соответствующему положению, изложенному в статьях 121 и 123;

xxi) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение;

xxii) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, как она определена в пункте 2(f) статьи 7, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, представляющие собой грубое нарушение Женевских Конвенций;

xxiii) использование присутствия гражданского лица или другого охраняемого лица для защиты от военных действий определенных пунктов, районов или вооруженных сил;

xxiv) умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в

соответствии с международным правом отличительные эмблемы, установленные Женевскими конвенциями;

xxv) умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду, в качестве способа ведения войны путем лишения его предметов, необходимых для выживания, включая умышленное создание препятствий для предоставления помощи, как это предусмотрено в Женевских Конвенциях;

xxvi) набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях;

с) в случае вооруженного конфликта немеждународного характера серьезные нарушения статьи 3, общей для четырех Женевских Конвенций от 12 августа 1949 года, а именно: любое из следующих деяний, совершенных в отношении лиц, не принимающих активного участия в военных действиях, включая военнопленных, сложивших оружие, и лиц, выведенных из строя в результате болезни, ранения, содержания под стражей или по любой другой причине:

i) посягательство на жизнь и личность, в частности убийство в любой форме, причинение увечий, жестокое обращение и пытки;

ii) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение;

iii) взятие заложников;

iv) вынесение приговоров и приведение их в исполнение без предварительного судебного разбирательства, проведенного созданным в установленном порядке судом, обеспечивающим соблюдение всех судебных гарантий, которые по всеобщему признанию являются обязательными.

d) Пункт 2(с) применяется к вооруженным конфликтам немеждународного характера и, таким образом, не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и sporadические акты насилия или иные акты аналогичного характера.

e) Другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера в установленных рамках международного права, а именно любое из следующих деяний:

i) умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому, а также умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях;

ii) умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями;

iii) умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, пока они имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты по праву вооруженных конфликтов;

iv) умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями;

v) разграбление города или населенного пункта, даже если он взят штурмом;

vi) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, как она определена в пункте 2(f) статьи 7, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, также

представляющие собой грубое нарушение статьи 3, общей для четырех Женевских Конвенций;

vii) набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав вооруженных сил или групп или использование их для активного участия в боевых действиях;

viii) отдача распоряжений о перемещении гражданского населения по причинам, связанным с конфликтом, если только этого не требуют соображения безопасности соответствующего гражданского населения или настоятельная необходимость военного характера;

ix) вероломное убийство или ранение комбатанта неприятеля;

x) заявление о том, что пощады не будет;

xi) причинение лицам, которые находятся во власти другой стороны в конфликте, физических увечий или совершение над ними медицинских или научных экспериментов любого рода, которые не оправданы необходимостью медицинского, зубоврачебного или больничного лечения соответствующего лица и не осуществляются в его интересах и которые причиняют смерть или серьезно угрожают здоровью такого лица или лиц;

xii) уничтожение или захват имущества неприятеля, за исключением случаев, когда такое уничтожение или захват действительно диктуются обстоятельствами конфликта.

f) Пункт 2(е) применяется к вооруженным конфликтам немеждународного характера и, таким образом, не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия или иные акты аналогичного характера. Он применяется в отношении вооруженных конфликтов, которые имеют место на территории одного из государств-участников, когда идет длительный вооруженный конфликт между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами.

3. Ничто в пунктах 2(с) и (d) не затрагивает ответственности правительства за поддержание или восстановление закона и порядка в государстве или за защиту единства и территориальной целостности государства всеми законными средствами.

Статья 9

Элементы преступлений

1. Элементы преступлений помогают Суду в толковании и применении статей 6, 7 и 8. Они принимаются большинством в две трети голосов членов Ассамблеи государств-участников.

2. Поправки к Элементам преступлений могут быть предложены:

a) любым государством-участником;

b) судьями, принимающими решение абсолютным большинством;

c) Прокурором.

Такие поправки принимаются большинством в две трети голосов членов Ассамблеи государств-участников.

3. Элементы преступлений и поправки к ним находятся в соответствии с настоящим Статутом.

Статья 10

Ничто в настоящей Части Положения о ненанесении ущерба не должно истолковываться как каким бы то ни было образом ограничивающее ныне

действующие или складывающиеся нормы международного права или наносящее им ущерб для целей, отличных от целей настоящего Статута.

Статья 11

Юрисдикция *ration temporis*

1. Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после даты вступления в силу настоящего Статута.

2. Если какое-либо государство становится участником настоящего Статута после его вступления в силу, Суд может осуществлять свою юрисдикцию лишь в отношении преступлений, совершенных после даты вступления в силу настоящего Статута для этого государства, если только это государство не сделает заявление согласно пункту 3 статьи 12.

Статья 12

Условия осуществления юрисдикции

1. Государство, которое становится участником настоящего Статута, признает тем самым юрисдикцию Суда в отношении преступлений, указанных в статье 5.

2. В случае подпунктов (а) или (с) статьи 13 Суд может осуществлять свою юрисдикцию, если одно или несколько из нижеуказанных государств являются участниками настоящего Статута или признают юрисдикцию Суда в соответствии с пунктом 3:

а) государство, на территории которого имело место данное деяние или, если преступление было совершено на борту морского или воздушного судна, государство регистрации этого морского или воздушного судна;

б) государство, гражданином которого является лицо, обвиняемое в совершении преступления.

3. Если в соответствии с пунктом 2 требуется признание юрисдикции государством, не являющимся участником настоящего Статута, это государство может посредством заявления, представленного Секретарю, признать осуществление Судом юрисдикции в отношении данного преступления. Признающее государство сотрудничает с Судом без каких бы то ни было задержек или исключений в соответствии с Частью 9.

Статья 13

Осуществление юрисдикции

Суд может осуществлять свою юрисдикцию в отношении какого-либо преступления, указанного в статье 5, в соответствии с положениями настоящего Статута, если:

а) ситуация, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько таких преступлений, передается Прокурору государством-участником в соответствии со статьей 14;

б) ситуация, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько таких преступлений, передается Прокурору Советом Безопасности, действующим на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций; или

с) Прокурор начал расследование в отношении такого преступления в соответствии со статьей 15.

Статья 14

Передача ситуации государством-участником

1. Государство-участник может передать Прокурору ситуацию, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, обращаясь к Прокурору с просьбой провести расследование этой ситуации для определения того, следует ли предъявить обвинение одному или нескольким конкретным лицам за совершение таких преступлений.

2. Насколько это возможно, при передаче ситуации указываются конкретные соответствующие обстоятельства и прилагается такая подтверждающая документация, которая имеется в распоряжении государства-заявителя, передающего ситуацию.

Статья 15

Прокурор

1. Прокурор может возбуждать расследование *proprio motu* на основе информации о предполагаемых преступлениях в рамках юрисдикции Суда.

2. Прокурор оценивает серьезность полученной информации. С этой целью он или она может запрашивать дополнительную информацию у государств, органов Организации Объединенных Наций, межправительственных или неправительственных организаций или из других источников, которые он или она сочтет подходящими, и может получить письменные или устные свидетельства в месте пребывания Суда.

3. Если Прокурор делает вывод о наличии достаточных оснований для возбуждения расследования, он или она обращается в Палату предварительного производства с просьбой дать санкцию на проведение расследования вместе с любыми подкрепляющими эту просьбу собранными материалами. Потерпевшие могут делать представления Палате предварительного производства в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

4. Если Палата предварительного производства после изучения этой просьбы и подкрепляющих ее материалов сочтет, что имеются достаточные основания для возбуждения расследования и что это дело, судя по всему, подпадает под юрисдикцию Суда, она дает санкцию на возбуждение расследования без ущерба последующим определениям Суда в отношении юрисдикции и приемлемости дела к производству.

5. Отказ Палаты предварительного производства дать санкцию на расследование не исключает возможности подачи последующей просьбы Прокурором на основании новых фактов или свидетельств, имеющих отношение к той же ситуации.

6. Если после предварительного изучения, о котором говорится в пунктах 1 и 2, Прокурор приходит к выводу, что предоставленная информация не содержит в себе достаточных оснований для расследования, то он или она информирует об этом тех, кто предоставил эту информацию. Это не исключает возможности рассмотрения Прокурором последующей информации, предоставленной ему или ей в отношении той же ситуации в свете новых фактов или свидетельств.

Статья 16

Отсрочка расследования или уголовного преследования

Никакое расследование или уголовное преследование не может начинаться либо проводиться в соответствии с настоящим Статутом в течение периода в 12 месяцев после того, как Совет Безопасности в резолюции, принятой на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, обращается в Суд с

просьбой на этот счет; эта просьба может быть повторена Советом Безопасности при тех же условиях.

Статья 17

Вопросы приемлемости

1. С учетом пункта 10 Преамбулы и статьи 1 Суд определяет, что дело не может быть принято к производству в тех случаях, когда:

а) данное дело расследуется или в отношении его возбуждено уголовное преследование государством, которое обладает в отношении его юрисдикцией, за исключением случаев, когда это государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом;

б) дело расследовано государством, которое обладает юрисдикцией в отношении него, и это государство решило не возбуждать в отношении лица, которого это касается, уголовного преследования, за исключением случаев, когда это решение стало результатом нежелания или неспособности государства возбудить уголовное преследование должным образом;

с) лицо, которого это касается, уже было судимо за поведение, которое является предметом данного заявления, и проведение судебного разбирательства Судом не разрешено на основании пункта 3 статьи 20;

д) дело не является достаточно серьезным, чтобы оправдывать дальнейшие действия со стороны Суда.

2. Чтобы выявить в каком-либо конкретном деле нежелание, Суд с учетом надлежащих процессуальных норм, признанных международным правом, учитывает наличие, если это применимо, одного или нескольких следующих факторов:

а) судебное разбирательство было проведено или проводится либо национальное решение было вынесено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию настоящего Суда, о которых говорится в статье 5;

б) имела место необоснованная задержка с проведением судебного разбирательства, которая в сложившихся обстоятельствах несовместима с намерением предать соответствующее лицо правосудию;

с) судебное разбирательство не проводилось или не проводится независимо и беспристрастно, и порядок, в котором оно проводилось или проводится, в сложившихся обстоятельствах является несовместимым с намерением предать соответствующее лицо правосудию.

3. Чтобы выявить в каком-либо конкретном деле неспособность, Суд учитывает, в состоянии ли данное государство, в связи с полным либо существенным развалом или отсутствием своей национальной судебной системы, получить в свое распоряжение обвиняемого либо необходимые доказательства и свидетельские показания или же оно не в состоянии осуществлять судебное разбирательство еще по каким-либо причинам.

Статья 18

Предварительные постановления, касающиеся приемлемости

1. В тех случаях, когда ситуация была передана в Суд в соответствии со статьей 13(а) и Прокурор определил, что имеются разумные основания для начала расследования, или если Прокурор начал расследование в соответствии со статьями 13(с) и 15, Прокурор направляет уведомление всем государствам-участникам и тем государствам, которые, учитывая имеющуюся информацию, обычно осуществляли бы юрисдикцию в отношении данных преступлений. Прокурор может уведомлять такие государства на конфиденциальной основе и, если

Прокурор считает необходимым обеспечить защиту лиц, предотвратить уничтожение доказательств или помешать скрыться лицам, он может ограничить объем информации, предоставляемой государством.

2. В течение одного месяца с момента получения такого уведомления государство может сообщить Суду, что оно ведет или провело расследование в отношении своих граждан или других лиц, находящихся под его юрисдикцией, на предмет уголовно-наказуемых деяний, которые могут представлять собой преступления, указанные в статье 5, и которые имеют отношение к информации, содержащейся в уведомлении, направленном государствам. По просьбе этого государства Прокурор передает расследование в отношении этих лиц государству, за исключением тех случаев, когда Палата предварительного производства по ходатайству Прокурора решает разрешить проведение расследования.

3. Согласие Прокурора на передачу расследования государству может быть пересмотрено Прокурором в течение шести месяцев после даты вынесения решения о передаче или в любое время после того, как произошло существенное изменение обстоятельств в результате нежелания или неспособности государства должным образом провести расследование.

4. Соответствующее государство или Прокурор могут обжаловать решение Палаты предварительного производства в Апелляционной палате в соответствии с пунктом 2 статьи 82. Апелляция может быть заслушана в ускоренном порядке.

5. Когда Прокурор передает расследование в соответствии с пунктом 2, он может просить соответствующее государство периодически сообщать ему о ходе проводимых этим государством расследований и любых последующих мерах судебного преследования. При представлении ответов на такие вопросы государства-участники не допускают неоправданных задержек.

6. До вынесения постановления Палатой предварительного производства или в любое время после того, как Прокурор передал какое-либо расследование в соответствии с настоящей статьей, Прокурор может, в порядке исключения, запросить разрешение от Палаты предварительного производства на принятие необходимых мер в области расследования для цели сохранения доказательств в тех случаях, когда существует уникальная возможность получить важное доказательство или имеется серьезная опасность того, что такое доказательство впоследствии получить будет невозможно.

7. Государство, оспаривающее постановление Палаты предварительного производства в соответствии с настоящей статьей, может опротестовать приемлемость дела к производству в соответствии со статьей 19 на основании дополнительных существенных фактов или существенного изменения обстоятельств.

Статья 19

Протесты в отношении юрисдикции Суда или приемлемости дела к производству

1. Суд должен удостовериться в том, что он обладает юрисдикцией в отношении дела, находящегося на его рассмотрении. Суд может своим решением определять приемлемость дела к производству в соответствии со статьей 17.

2. Протесты в отношении приемлемости дела к производству по основаниям, указанным в статье 17, или протесты в отношении юрисдикции Суда могут быть принесены:

а) обвиняемым или лицом, на которого, по-видимому, был выдан ордер на арест или приказ о явке в Суд в соответствии со статьей 58;

б) государством, обладающим юрисдикцией в отношении дела, на том

основании, что оно ведет расследование или уголовное преследование по делу или провело расследование или уголовное преследование; или

с) государством, от которого требуется признание юрисдикции в соответствии со статьями 12.

3. Прокурор может просить Суд вынести постановление по вопросу о юрисдикции или приемлемости. При рассмотрении вопроса о юрисдикции или приемлемости те, кто передал ситуацию в соответствии со статьями 13, а также потерпевшие могут также представлять Суду свои замечания.

4. Приемлемость дела к производству или юрисдикция Суда могут быть опротестованы только один раз любым лицом или государством, указанным в пункте 2. Протест должен быть заявлен до начала или в начале разбирательства. В исключительных случаях Суд может разрешить подать протест более одного раза или после начала разбирательства. Протесты в отношении приемлемости дела к производству, заявляемые в начале разбирательства или впоследствии с разрешения Суда, могут подаваться только на основании подпункта (с) пункта 1 статьи 17.

5. Государство, указанное в подпунктах (b) и (с) пункта 2, подает протест при ближайшей возможности.

6. До утверждения обвинений протесты в отношении приемлемости дела к производству или протесты в отношении юрисдикции Суда направляются в Палату предварительного производства. После утверждения обвинений они направляются в Судебную палату. Решения в отношении юрисдикции или приемлемости могут быть обжалованы в Апелляционную палату в соответствии со статьей 82.

7. Если протест подан государством в соответствии с подпунктами (b) или (с) пункта 2, Прокурор приостанавливает расследование до того времени, когда Суд вынесет определение в соответствии со статьями 17.

8. До вынесения постановления Суда Прокурор может запросить у Суда разрешение:

а) на проведение таких необходимых следственных мероприятий, которые указаны в пункте 6 статьи 18;

б) на получение заявления или показаний от свидетеля или на завершение сбора и изучения доказательств, которые были начаты до подачи протеста;

с) на предотвращение, в сотрудничестве с соответствующим государством, побега лиц, в отношении которых Прокурор уже запросил ордер на арест в соответствии со статьями 58.

9. Подача протеста не затрагивает действительности любого действия, принятого Прокурором, или любого ордера или распоряжения, отданного Судом до подачи протеста.

10. Если Суд решил, что дело является неприемлемым согласно статье 17, Прокурор может представить просьбу о пересмотре этого решения, если он полностью уверен в том, что открылись новые обстоятельства, в силу которых отпадают основания, по которым дело ранее было признано неприемлемым согласно статье 17.

11. Если Прокурор с учетом вопросов, затрагиваемых в статье 17, передает расследование, он может обращаться к соответствующему государству с просьбой о предоставлении Прокурору информации о производстве по данному делу. По просьбе соответствующего государства обеспечивается конфиденциальность такой информации. Если впоследствии Прокурор принимает решение продолжить расследование, он уведомляет об этом государство, которому было передано производство по данному делу.

Ne bis in idem

1. За исключением случаев, предусмотренных в настоящем Статуте, никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, составляющее основу состава преступления, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано Судом.

2. Никакое лицо не может быть судимо никаким другим судом за упоминаемое в статье 5 преступление, в связи с которым это лицо уже было признано виновным или оправдано Судом.

3. Никакое лицо, которое было судимо другим судом за деяние, запрещенное также по смыслу статьями 6, 7 и 8, не может быть судимо Судом за то же деяние, если разбирательство в другом суде:

а) предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда; или

б) по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что в существующих обстоятельствах не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию.

Статья 21

Применимое право

1. Суд применяет:

а) во-первых, настоящий Статут, Элементы преступлений и свои Правила процедуры и доказывания;

б) во-вторых, в соответствующих случаях, применимые международные договоры, принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов;

с) если это невозможно, Суд применяет общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира, включая, соответственно, национальные законы государств, которые при обычных обстоятельствах осуществляли бы юрисдикцию в отношении данного преступления, при условии, что эти принципы не являются несовместимыми с настоящим Статутом и с международным правом и международно признанными нормами и стандартами.

2. Суд может применять принципы и нормы права в соответствии с тем, как они были истолкованы в его предыдущих решениях.

3. Применение и толкование права в соответствии с настоящей статьей должно соответствовать международно признанным правам человека и не допускать никакого неблагоприятного проведения различия по таким признакам, как гендерный признак, как это определено в пункте 3 статьи 7, возраст, раса, цвет кожи, язык, религия или вероисповедание, политические или иные убеждения, национальное, этническое или социальное происхождение, имущественное, словное или иное положение.

ЧАСТЬ 3. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Статья 22

Nulum crimen sine lege

1. Лицо не подлежит уголовной ответственности по настоящему Статуту, если

только соответствующее деяние в момент его совершения не образует преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда.

2. Определение преступления должно быть точно истолковано и не должно применяться по аналогии. В случае двусмысленности определение толкуется в пользу лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным.

3. Настоящая статья не влияет на квалификацию любого деяния как преступного по международному праву, независимо от настоящего Статута.

Статья 23

Nulla poena sine lege

Лицо, признанное Судом виновным, может быть наказано только в соответствии с положениями настоящего Статута.

Статья 24

Отсутствие обратной силы *ration personae*

1. Лицо не подлежит уголовной ответственности в соответствии с настоящим Статутом за деяние до вступления Статута в силу.

2. В случае внесения изменения в закон, применимый к данному делу до вынесения окончательного решения или постановления, применяется закон, более благоприятный для лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным.

Статья 25

Индивидуальная уголовная ответственность

1. Суд обладает юрисдикцией в отношении физических лиц в соответствии с настоящим Статутом.

2. Лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несет индивидуальную ответственность и подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом.

3. В соответствии с настоящим Статутом лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, если это лицо:

a) совершает такое преступление индивидуально, совместно с другим лицом или через другое лицо, независимо от того, подлежит ли это другое лицо уголовной ответственности;

b) приказывает, подстрекает или побуждает совершить такое преступление, если это преступление совершается или если имеет место покушение на это преступление;

c) с целью облегчить совершение такого преступления пособничает, подстрекает или каким-либо иным образом содействует его совершению или покушению на него, включая предоставление средств для его совершения;

d) любым другим образом способствует совершению или покушению на совершение такого преступления группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно оказываться умышленно и либо:

i) в целях поддержки преступной деятельности или преступной цели группы в тех случаях, когда такая деятельность или цель связана с совершением преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда; либо

ii) с осознанием умысла группы совершить преступление;

е) в отношении преступления геноцида, прямо и публично подстрекает других к совершению геноцида;

г) покушается на совершение такого преступления, предпринимая действие, которое представляет собой значительный шаг в его совершении, однако преступление оказывается незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от намерений данного лица. Вместе с тем лицо, которое отказывается от попытки совершить преступление или иным образом предотвращает завершение преступления, не подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом за покушение на совершение этого преступления, если данное лицо полностью и добровольно отказалось от преступной цели.

4. Ни одно положение в настоящем Статуте, касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву.

Статья 26

Исключение из юрисдикции для лиц, не достигших 18-летнего возраста

Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления.

Статья 27

Недопустимость ссылки на должностное положение

1. Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смятения приговора.

2. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица.

Статья 28

Ответственность командиров и других начальников

В дополнение к другим основаниям уголовной ответственности по настоящему Статуту за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда:

1. Военный командир или лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные силами, находящимися под его эффективным командованием и контролем либо, в зависимости от обстоятельств, под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами, когда:

а) такой военный командир или такое лицо либо знало, либо в сложившихся на тот момент обстоятельствах должно было знать, что эти силы совершали или намеревались совершить такие преступления; и

б) такой военный командир или такое лицо не приняло всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

2. Применительно к отношениям начальника и подчиненного, не описанным в пункте 1, начальник подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные подчиненными, находящимися под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими подчиненными, когда:

а) начальник либо знал, либо сознательно проигнорировал информацию, которая явно указывала на то, что подчиненные совершали или намеревались совершить такие преступления;

б) преступления затрагивали деятельность, подпадающую под эффективную ответственность и контроль начальника; и

с) начальник не принял всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

Статья 29

Неприменимость срока давности

В отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, не устанавливается никакого срока давности.

Статья 30

Субъективная сторона

1. Если не предусмотрено иное, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, только в том случае, если по признакам, характеризующим объективную сторону, оно совершено намеренно и сознательно.

2. Для целей настоящей статьи лицо имеет намерение в тех случаях, когда:

а) в отношении деяния, это лицо собирается совершить такое деяние;

б) в отношении последствия, это лицо собирается причинить это последствие или сознает, что оно наступит при обычном ходе событий.

3. Для целей настоящей статьи “сознательно” — означает с осознанием того, что обстоятельство существует или что последствие наступит при обычном ходе событий. “Знать” и “знание” должны толковаться соответствующим образом.

Статья 31

Основание для освобождения от уголовной ответственности

1. В дополнение к другим основаниям для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренным настоящим Статутом, лицо не несет уголовной ответственности, если в момент совершения им деяния:

а) это лицо страдает психическим заболеванием или расстройством, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона;

б) лицо находится в состоянии интоксикации, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона, если только это лицо не подверглось добровольно интоксикации при таких обстоятельствах, при которых это лицо знало, что в результате интоксикации им может быть совершено деяние, представляющее собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, либо проигнорировало опасность совершения им такого деяния;

с) это лицо действовало разумно для защиты себя или другого лица или, в

случае военных преступлений, имущества, которое является особо важным для выживания данного лица или другого лица, либо имущества, которое является особо важным для выполнения задачи военного характера, от неизбежного и противоправного применения силы способом, соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу или другому защищаемому лицу или имуществу. То обстоятельство, что лицо участвовало в операции по защите, проводившейся силами, само по себе не является основанием для освобождения от уголовной ответственности согласно этому подпункту;

d) деяние, которое предположительно представляет собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, является вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти либо неминуемого причинения тяжких телесных повреждений или продолжения причинения таких повреждений для него самого или для другого лица, и это лицо принимает необходимые и разумные меры для устранения этой угрозы, при условии, что это лицо не намерено причинить больший вред, чем тот, который оно стремилось предотвратить. Такая угроза может:

i) либо исходить от других лиц;

ii) либо быть создана другими обстоятельствами, не зависящими от этого лица.

2. Суд определяет применимость оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в настоящем Статуте, в отношении рассматриваемого им дела.

3. В ходе судебного разбирательства Суд может рассмотреть какое-либо основание для освобождения от уголовной ответственности, иное, чем основания, указанные в пункте 1, если такое основание вытекает из применимого права, как это предусмотрено статьей 21. Процедуры, касающиеся рассмотрения такого основания, должны быть предусмотрены Правилами процедуры и доказывания.

Статья 32

Ошибка в факте или ошибка в праве

1. Ошибка в факте является основанием для освобождения от уголовной ответственности, только если она исключает необходимую субъективную сторону данного преступления.

2. Ошибка в праве относительно того, является ли определенный тип поведения преступлением, подпадающим под юрисдикцию Суда, не является основанием для освобождения от уголовной ответственности. Однако ошибка в праве может быть основанием для освобождения от уголовной ответственности, если она исключает необходимую субъективную сторону данного преступления, либо в порядке, предусмотренном в статье 33 настоящей Части.

Статья 33

Приказы начальника и предписание закона

1. Тот факт, что преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, было совершено лицом по приказу правительства или начальника, будь то военного или гражданского, не освобождает это лицо от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда:

a) это лицо было юридически обязано исполнять приказы данного правительства или данного начальника;

b) это лицо не знало, что приказ был незаконным; и

c) приказ не был явно незаконным.

2. Для целей настоящей статьи приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными.

ЧАСТЬ 4. СОСТАВ И УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СУДА

Статья 34

Органы Суда

Суд состоит из следующих органов:

- a) Президиум;
- b) Апелляционное отделение, Судебное отделение и Отделение предварительного производства;
- c) Канцелярия Прокурора;
- d) Секретариат.

Статья 35

Выполнение функций судьями

1. Все судьи избираются в качестве членов Суда, выполняющих свои функции на постоянной основе, и находятся в распоряжении Суда для выполнения своих функций на этой основе с начала срока их полномочий.

2. Судьи, входящие в состав Президиума, выполняют свои функции на постоянной основе с момента своего избрания.

3. Президиум может, с учетом объема работы Суда и в консультации с членами Суда, время от времени принимать решения о том, в какой мере от других судей требуется выполнять свои функции на постоянной основе. Любой такой порядок не наносит ущерба положениям статьи 40.

4. Финансовые правила, применимые к судьям, от которых не требуется выполнять свои функции на постоянной основе, принимаются в соответствии со статьей 49.

Статья 36

Требования, предъявляемые к судьям, выдвижение и выборы судей

1. С учетом положений пункта 2, Суд состоит из 18 судей.

2. a) Президиум, действуя от имени Суда, может внести предложение об увеличении числа судей, предусмотренного в пункте 1, указав причины, в силу которых это представляется надлежащим или необходимым. Секретарь незамедлительно распространяет любое такое предложение среди всех государств-участников.

b) Любое такое предложение подлежит затем рассмотрению на заседании Ассамблеи государств-участников, созываемом в соответствии со статьей 112. Такое предложение считается принятым, если оно одобрено на заседании двумя третями голосов государств-участников, и вступает в силу в срок, устанавливаемый решением Ассамблеи государств-участников.

c) i) после принятия в соответствии с подпунктом (b) предложения об увеличении числа судей, на следующей сессии Ассамблеи государств-участников в соответствии с пунктами 3—8 и статьей 37, пункт 2, проводятся выборы дополнительных судей.

ii) После принятия и осуществления в соответствии с подпунктами (b) и (c) (i) предложения об увеличении числа судей Президиум по своему усмотрению может в любое время, если объем работы Суда оправдывает это, предложить уменьшить число судей при том условии, что число судей не уменьшается менее

числа, указанного в пункте 1. Такое предложение рассматривается в соответствии с процедурой, установленной в подпунктах (а) и (b). В случае принятия такого предложения число судей постепенно уменьшается по мере истечения срока полномочий действующих судей до достижения необходимого числа.

3. а) Судьи выбираются из числа лиц высоких моральных качеств, являющихся беспристрастными и независимыми, которые удовлетворяют требованиям, предъявляемым в их соответствующих государствах для назначения на высшие судебные должности.

б) Каждый кандидат на избрание в состав Суда должен обладать:

i) признанной компетентностью в области уголовного и процессуального права и необходимым опытом работы в качестве судьи, прокурора, адвоката или в ином аналогичном качестве в сфере уголовного судопроизводства; или

ii) признанной компетентностью в соответствующих областях международного права, таких, как международное гуманитарное право и права человека, а также обширным опытом профессиональной юридической деятельности, имеющей отношение к предмету судебной деятельности Суда.

с) Каждый кандидат на избрание в состав Суда должен в совершенстве знать по меньшей мере один из рабочих языков Суда и свободно говорить на нем.

4. а) Кандидатуры на избрание в состав Суда могут выдвигаться каждым государством—участником настоящего Статута либо:

i) в соответствии с существующей в этом государстве процедурой выдвижения кандидатур для назначения на высшие судебные должности; либо

ii) в соответствии с процедурой, предусмотренной в Статуте Международного Суда для выдвижения кандидатур в состав Международного Суда.

Выдвижение кандидатур сопровождается заявлением, в котором со всеми необходимыми подробностями сообщается о том, каким образом кандидат удовлетворяет требованиям, предусмотренным в пункте 3.

б) При проведении выборов каждое государство-участник может выдвинуть одного кандидата, который не обязательно должен быть гражданином этого государства, но в любом случае должен быть гражданином какого-либо государства-участника.

с) Ассамблея государств-участников может принять решение об учреждении, если это целесообразно, Консультативного комитета по выдвижению кандидатур. Состав и мандат Комитета устанавливаются Ассамблеей государств-участников.

5. Для целей проведения выборов составляются два списка кандидатов:

список А, содержащий имена кандидатов, отвечающих требованиям, указанным в подпункте 3 (b) (i); и

список В, содержащий имена кандидатов, отвечающих требованиям, указанным в подпункте 3 (b) (ii).

Кандидат, обладающий достаточной квалификацией для обоих списков, может по своему выбору определить, в каком списке он будет значиться. На первых выборах в состав Суда из списка А избираются не менее девяти судей, а из списка В — не менее пяти судей. Последующие выборы организуются таким образом, чтобы сохранить в составе Суда эквивалентную пропорцию судей, проходящих по спискам А и В.

6. а) Судьи избираются на заседании Ассамблеи государств-участников, созываемой для этой цели в соответствии со статьей 112, путем тайного голосования. С соблюдением положений пункта 7, избранными в состав Суда являются 18 кандидатов, получивших наибольшее число голосов и большинство в две трети голосов государств-участников, присутствующих и принимающих участие в голосовании.

б) В случае, если достаточное число судей не избрано в ходе первого тура

голосования, в соответствии с процедурами, установленными в подпункте (а), проводятся последующие туры голосования до заполнения остающихся мест.

7. В составе Суда не может быть двух граждан одного и того же государства. Лицо, которое можно рассматривать применительно к составу Суда как гражданина более чем одного государства, считается гражданином того государства, в котором это лицо обычно пользуется своими гражданскими и политическими правами.

8. а) Государства-участники при отборе судей учитывают необходимость обеспечения в составе членов Суда:

- i) представительства основных правовых систем мира;
- ii) справедливого географического представительства; и
- iii) справедливого представительства в составе Суда судей женского и мужского пола.

б) Государства-участники учитывают необходимость наличия в составе Суда лиц, обладающих опытом юридической деятельности по специальным вопросам, в том числе, но не ограничиваясь этим, по вопросам, касающимся насилия в отношении женщин или детей.

9. а) С учетом подпункта (б) судьи занимают свою должность в течение девяти лет и, с учетом подпункта (с) и статьи 37, пункт 2, не имеют права не переизбрание.

б) При первых выборах одна треть судей, отбираемых по жребию, остается в должности в течение трех лет; одна треть судей, отбираемых по жребию, остается в должности в течение шести лет, а остальные судьи остаются в должности в течение девяти лет.

с) Судья, выбранный на трехлетний срок в соответствии с подпунктом (б), имеет право быть переизбранным на полный срок.

10. Несмотря на положения пункта 9, судья, назначенный в Судебную или Апелляционную палату в соответствии со статьей 39, остается в должности до завершения любого судебного или апелляционного разбирательства, слушания по которому уже были начаты в данной Палате.

Статья 37

Вакансии судей

1. При открытии вакансии выборы для заполнения проводятся в соответствии со статьей 36.

2. Судья, избранный для заполнения вакансии, остается в должности до истечения срока полномочий своего предшественника и, если этот срок составляет три года или менее, может быть переизбран на полный срок в соответствии со статьей 36.

Статья 38

Президиум

1. Председатель и первый и второй вице-председатели избираются абсолютным большинством голосов судей. Они выполняют свои функции в течение трехлетнего срока или до завершения срока их полномочий в качестве судей, в зависимости от того, какой из этих сроков истекает ранее. Они могут быть переизбраны один раз.

2. Первый вице-председатель заменяет Председателя в случае, если Председатель отсутствует или отведен. Второй вице-председатель заменяет Председателя

в случае, если Председатель и первый вице-председатель отсутствуют или ответены.

3. Председатель вместе с первым и вторым вице-председателями образуют Президиум, который несет ответственность за:

а) надлежащее управление делами Суда, за исключением Канцелярии Прокурора; и

б) другие функции, возлагаемые на него в соответствии с настоящим Статутом.

4. При выполнении своих обязанностей, предусмотренных в пункте 3 (а), Президиум координирует деятельность с Прокурором и заручается согласием последнего по всем вопросам, представляющим взаимный интерес.

Статья 39

Палаты

1. После избрания судей Суд так скоро, как только это возможно, организует в своем составе отделения, указанные в пункте (b) статьи 34. Апелляционное отделение состоит из Председателя и еще четырех судей, Судебное отделение — не менее чем из шести судей и Отделение предварительного производства — не менее чем из шести судей. Назначение судей в состав отделений осуществляется с учетом характера функций, которые возлагаются на каждое отделение, квалификации и опыта избранных судей, с тем чтобы в каждом отделении существовало оптимальное сочетание судей, являющихся специалистами в области уголовного права и процесса и в области международного права. Судебное отделение и Отделение предварительного производства состоят преимущественно из судей, обладающих опытом ведения судебного разбирательства по уголовным делам.

2. а) Судебные функции Суда осуществляются в каждом отделении Палатами;

б) i) Апелляционная палата состоит из всех судей Апелляционного отделения;

ii) функции Судебной палаты осуществляются тремя судьями Судебного отделения;

iii) функции Палаты предварительного производства осуществляются либо тремя судьями Отделения предварительного производства, либо одним судьей этого Отделения в соответствии с настоящим Статутом и Правилами процедуры и доказывания;

с) ничто в настоящем пункте не исключает возможности одновременного учреждения более чем одной Судебной палаты или Палаты предварительного производства, когда этого требуют интересы эффективного регулирования объема работы Суда.

3. а) Судьи, назначенные в Судебное отделение и Отделение предварительного производства, выполняют свои функции в этих отделениях в течение трех лет и по истечении данного срока — до завершения рассмотрения любого дела, слушания по которому уже были начаты в соответствующем отделении;

б) судьи, назначенные в Апелляционное отделение, выполняют свои функции в этом Отделении в течение всего срока своих полномочий.

4. Судьи, назначенные в Апелляционное отделение, выполняют свои функции только в этом Отделении. Однако ничто в настоящей статье не исключает временное назначение судей Судебного отделения в Отделение предварительного производства либо наоборот, если Президиум считает, что этого требуют интересы эффективного регулирования объема работы Суда, при условии, что ни при каких обстоятельствах судья, участвовавший в предварительном производстве по делу, не будет иметь права заседать на слушаниях по этому же делу в Судебной палате.

Независимость судей

1. Судьи независимы при выполнении своих функций.

2. Судьи не занимают никакой деятельностью, которая может препятствовать выполнению ими своих судебных функций или может заставить усомниться в их независимости.

3. Судьи, от которых требуется выполнять свои функции на постоянной основе в месте пребывания Суда, не должны посвящать себя никакому другому занятию профессионального характера.

4. Любой вопрос, касающийся применения пунктов 2 и 3, решается абсолютным большинством голосов судей. Если какой-либо из таких вопросов связан с тем или иным судьей, то этот судья не может участвовать в принятии решения.

Статья 41

Освобождение или отвод судей

1. Президиум может освободить судью, по его просьбе, от выполнения им функций, возлагаемых на него настоящим Статутом, в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

2. а) Судья не участвует в рассмотрении дела, в связи с которым его или ее беспристрастность могла бы быть разумно поставлена под сомнение на том или ином основании. Судья отводится от рассмотрения дела в соответствии с настоящим пунктом, если, среди прочего, этот судья ранее был причастен к данному делу в Суде в каком бы то ни было качестве, либо к относящемуся к данному делу уголовному делу на национальном уровне с участием лица, находящегося под следствием или подвергающегося судебному преследованию. Судья также отводится от рассмотрения дела по таким другим основаниям, какие могут быть предусмотрены в Правилах процедуры и доказывания.

б) Прокурор или лицо, которое находится под следствием или в отношении которого ведется судебное разбирательство, может ходатайствовать об отводе судьи в соответствии с настоящим пунктом.

с) Любой вопрос в отношении отвода судьи решается абсолютным большинством голосов судей. Отводимому судье предоставляется право представить свои замечания по данному вопросу, однако в процессе принятия решения он не участвует.

Статья 42

Канцелярия Прокурора

1. Канцелярия Прокурора действует независимо, как отдельный орган Суда. Она отвечает за получение передаваемых ситуаций и любой обоснованной информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда, за их изучение и осуществление расследований и уголовного преследования в Суде. Сотрудники Канцелярии не запрашивают и не выполняют указаний из любого внешнего источника.

2. Канцелярия возглавляется Прокурором. Прокурор обладает всеми полномочиями по руководству и управлению Канцелярией, включая персонал, помещения и прочие имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Прокурору оказывают помощь один или несколько заместителей Прокурора, которые правомочны совершать любые действия, которые должен совершать Прокурор в соответствии с настоящим Статутом. Прокурор и заместители Прокурора должны быть гражданами разных государств. Они работают на основе полной занятости.

3. Прокурором и заместителями Прокурора являются лица, обладающие высокими моральными качествами, высокой квалификацией и имеющие обширный практический опыт в области преследования или ведения разбирательств по уголовным делам. Они должны в совершенстве знать хотя бы один из рабочих языков Суда и свободно говорить на нем.

4. Прокурор избирается путем тайного голосования абсолютным большинством голосов членов Ассамблеи государств-участников. Заместители Прокурора избираются в таком же порядке из списка кандидатур, представленного Прокурором. Прокурор выдвигает три кандидатуры для назначения на каждую должность заместителя Прокурора. Если во время их избрания не принимается решения, предусматривающего более короткий срок полномочий, Прокурор и заместители Прокурора избираются на срок в девять лет и не могут быть переизбраны.

5. Ни Прокурор, ни заместители Прокурора не занимаются никакой деятельностью, которая могла бы препятствовать осуществлению их прокурорских функций или поставить под сомнение их независимость. Они не занимаются никакими другими видами профессиональной деятельности.

6. Президиум может освободить Прокурора или заместителя Прокурора по его или ее просьбе от участия в том или ином конкретном деле.

7. Ни Прокурор, ни заместители Прокурора не участвуют ни в каком деле, применительно к которому их беспристрастность могла бы быть разумно поставлена под сомнение на любом основании. В соответствии с настоящим пунктом они отводятся от участия в деле, если они, в частности, ранее участвовали в любом качестве в рассмотрении в Суде этого дела или в рассмотрении связанного с ним уголовного дела на национальном уровне, к которому причастно лицо, находящееся под следствием или подвергающееся судебному преследованию.

8. Любые вопросы, касающиеся отвода Прокурора или заместителя Прокурора, решаются Апелляционной палатой.

а) Лицо, которое находится под следствием или в отношении которого ведется судебное разбирательство, может в любое время обратиться с ходатайством об отводе Прокурора или заместителя Прокурора по основаниям, изложенным в настоящей статье.

б) Прокурор или заместитель Прокурора, соответственно, правомочен представить свои замечания по этому поводу.

9. Прокурор назначает консультантов с опытом юридической деятельности по специальным вопросам, включая вопросы, касающиеся сексуального насилия, гендерного насилия и насилия в отношении детей, но не ограничиваясь этими вопросами.

Статья 43

Секретариат

1. Секретариат отвечает за несудебные аспекты управления делами и обслуживания Суда без ущерба для функций и полномочий Прокурора в соответствии со статьей 42.

2. Секретариат возглавляется Секретарем, который является главным административным должностным лицом Суда. Секретарь осуществляет свои функции под руководством Председателя Суда.

3. Секретарь и заместитель Секретаря обладают высокими моральными качествами, высокой квалификацией и в совершенстве знают хотя бы один из рабочих языков Суда и свободно говорят на нем.

4. Судьи избирают Секретаря абсолютным большинством голосов тайным голосованием, принимая во внимание любые рекомендации Ассамблеи госу-

дарств-участников. Если возникнет такая необходимость и по рекомендации Секретаря, судьи избирают таким же образом заместителя Секретаря.

5. Секретарь избирается на пятилетний срок полномочий, может переизбираться один раз и работает на основе полной занятости. Заместитель Секретаря занимает свою должность в течение пятилетнего срока полномочий или такого более короткого срока, который может быть определен абсолютным большинством голосов судей, и он может быть избран на основе того, что заместитель Секретаря может быть призван выполнять функции по мере необходимости.

6. Секретарь учреждает в структуре Секретариата Группу по оказанию помощи потерпевшим и свидетелям. Эта Группа обеспечивает, в консультации с Канцелярией Прокурора, меры защиты и процедуры безопасности, консультационную и другую соответствующую помощь свидетелям, потерпевшим, которые являются в Суд, и другим лицам, которым грозит опасность в результате показаний, данных такими свидетелями. В состав Группы входят сотрудники, которые имеют опыт работы по вопросам, относящимся к травмам, включая травмы, связанные с преступлениями сексуального насилия.

Статья 44

Персонал

1. Прокурор и Секретарь назначают в их соответствующие органы такой квалифицированный персонал, какой может потребоваться. В случае Прокурора это включает назначение следователей.

2. При найме персонала Прокурор и Секретарь обеспечивают высокий уровень работоспособности, компетентности и добросовестности и принимают во внимание, *mutatis mutandis*, критерии, изложенные в пункте 8 статьи 36.

3. Секретарь с согласия Президиума и Прокурора предлагает Положения о персонале, которые включают условия, на которых персонал Суда назначается, получает вознаграждение или увольняется. Положения о персонале одобряются Ассамблеей государств-участников.

4. Суд может при исключительных обстоятельствах использовать услуги специалистов, откомандированных на безвозмездной основе государствами-участниками, межправительственными организациями или неправительственными организациями, для оказания помощи в работе любого из органов. Прокурор может принять любое такое предложение от имени Канцелярии Прокурора. Такой персонал, откомандированный на безвозмездной основе, принимается на работу в соответствии с руководящими принципами, устанавливаемыми Ассамблеей государств-участников.

Статья 45

Торжественное обязательство

До вступления в должность в соответствии с настоящим Статутом судьи, Прокурор, заместители Прокурора, Секретарь и заместитель Секретаря принимают на себя в открытом заседании Суда торжественное обязательство выполнять свои соответствующие функции беспристрастно и добросовестно.

Статья 46

Отрешение от должности

1. Судья, Прокурор, заместитель Прокурора, Секретарь или заместитель Секретаря отрешаются от занимаемой должности, если решение об этом принимается в соответствии с пунктом 2, в случаях, когда:

а) установлено, что данное лицо совершило серьезный проступок или серьезное нарушение своих обязанностей по настоящему Статуту, как это предусмотрено в Правилах процедуры и доказывания; или

б) данное лицо не способно выполнять функции, возлагаемые на него в силу настоящего Статута.

2. Решение об отрешении от должности судьи, Прокурора, заместителя Прокурора, согласно пункту 1, принимается тайным голосованием:

а) в отношении судьи — большинством в две трети голосов государств-участников по рекомендации, принятой большинством в две трети голосов остальных судей;

б) в отношении Прокурора — абсолютным большинством голосов государств-участников;

с) в отношении заместителя Прокурора — абсолютным большинством голосов государств-участников по рекомендации Прокурора.

3. Решение об отрешении от должности Секретаря или заместителя Секретаря принимается абсолютным большинством голосов судей.

4. Судье, Прокурору, заместителю Прокурора, Секретарю или заместителю Секретаря, поведение или способность которого выполнять должностные функции, требуемые настоящим Статутом, оспариваются на основании настоящей статьи, предоставляются все возможности для того, чтобы предъявить или собрать доказательства и сделать представления в соответствии с Правилами процедуры и доказывания. Иного участия в обсуждении данного вопроса это лицо не принимает.

Статья 47

Дисциплинарные меры

В отношении судьи, Прокурора, заместителя Прокурора, Секретаря или заместителя Секретаря, совершившего проступок менее серьезного характера, чем это предусмотрено в пункте 1 статьи 46, применяются дисциплинарные меры в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

Статья 48

Привилегии и иммунитеты

1. Суд пользуется на территории каждого государства-участника такими привилегиями и иммунитетами, какие являются необходимыми для достижения его целей.

2. Судьи, Прокурор, заместители Прокурора и Секретарь пользуются, когда они участвуют в деятельности Суда или в отношении такой деятельности, теми же привилегиями и иммунитетами, которые предоставляются главам дипломатических представительств; судебно-процессуальный иммунитет любого рода в отношении всего сказанного и написанного ими и действий, совершенных ими в официальном качестве, продолжает предоставляться им и после истечения срока их полномочий.

3. Заместитель Секретаря, сотрудники Канцелярии Прокурора и сотрудники Секретариата пользуются привилегиями, иммунитетами и льготами, необходимыми для выполнения ими своих функций в соответствии с Соглашением о привилегиях и иммунитетах Суда.

4. Защитнику, экспертам, свидетелям и любому другому лицу, присутствие которых требуется в месте пребывания Суда, обеспечивается такой статус, какой является необходимым для надлежащего функционирования Суда, в соответствии с Соглашением о привилегиях и иммунитетах Суда.

5. В привилегиях и иммунитетах может быть отказано:
- а) в отношении судьи или Прокурора — абсолютным большинством судей;
 - б) в отношении Секретаря — Президиумом;
 - в) в отношении заместителей Прокурора и сотрудников Канцелярии Прокурора — Прокурором; и
 - г) в отношении заместителя Секретаря и сотрудников Секретариата — Секретарем.

Статья 49

Оклады, пособия и компенсация расходов

Судьи, Прокурор, заместители Прокурора, Секретарь и заместитель Секретаря получают такие оклады, пособия и компенсацию расходов, какие могут быть определены Ассамблеей государств-участников. Размер этих окладов и пособий не может быть уменьшен до истечения сроков их полномочий.

Статья 50

Официальные и рабочие языки

1. Официальными языками Суда являются английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский языки. Постановления Суда, а также иные решения по основополагающим вопросам, рассматриваемым Судом, публикуются на официальных языках. В соответствии с критериями, установленными в Правилах процедуры и доказывания, Президиум определяет, какие решения Суда могут, для целей настоящего пункта, считаться решениями по основополагающим вопросам.

2. Рабочими языками Суда являются английский и французский языки. В Правилах процедуры и доказывания определяются случаи, в которых другие официальные языки могут использоваться в качестве рабочих языков.

3. По просьбе любой из сторон, участвующих в разбирательстве, или какого-либо государства, которому разрешено участвовать в разбирательстве, Суд разрешает использование такой стороной или таким государством любого другого языка, помимо английского или французского, при условии, что, по мнению Суда, такое разрешение является достаточно обоснованным.

Статья 51

Правила процедуры и доказывания

1. Правила процедуры и доказывания вступают в силу после принятия большинством в две трети голосов членов Ассамблеи государств-участников.

2. Такие поправки к Правилам процедуры и доказывания могут предлагаться:

- а) любым государством-участником;
- б) абсолютным большинством голосов судей; или
- в) Прокурором.

Такие поправки вступают в силу после принятия большинством в две трети голосов членов Ассамблеи государств-участников.

3. После принятия Правил процедуры и доказывания в случае безотлагательной необходимости, когда Правила не предусматривают какой-либо конкретной ситуации, с которой сталкивается Суд, судьи могут большинством в две трети голосов принять временные правила, которые будут применяться, пока Ассамблея государств-участников не утвердит, исправит или отклонит их на своей следующей очередной или специальной сессии.

4. Правила процедуры и доказывания, поправки к ним и любое временное

правило должны соответствовать настоящему Статуту. Поправки к Правилам процедуры и доказывания, а также временные правила не применяются ретрактивно в ущерб лицу, которое находится под следствием и в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным.

5. В случае коллизии между Статутом и Правилами процедуры и доказывания Статут имеет преимущественную силу.

Статья 52

Регламент Суда

1. В соответствии с настоящим Статутом и Правилами процедуры и доказывания судьи принимают абсолютным большинством голосов Регламент Суда, необходимый для обеспечения его повседневного функционирования.

2. При разработке Регламента и любых поправок к нему проводятся консультации с Прокурором и Секретарем.

3. Регламент и любые поправки к нему вступают в силу по их принятии, если судьи не примут иного решения. Непосредственно после их принятия они рассылаются государствам-участникам для представления замечаний. Они остаются в силе, если в течение шести месяцев против них не будет выдвинуто возражений со стороны большинства государств-участников.

ЧАСТЬ 5. РАССЛЕДОВАНИЕ И УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Статья 53

Начало расследования

1. Прокурор, оценив предоставленную ему информацию, начинает расследование, если только он не определяет, что нет разумных оснований для принятия действий в соответствии с настоящим Статутом. При принятии решения о начале расследования Прокурор рассматривает следующие вопросы:

а) дает ли информация, имеющаяся в распоряжении Прокурора, разумные основания полагать, что было совершено или совершается преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда;

б) является ли это дело или будет ли оно являться допустимым согласно статье 17; и

с) с учетом тяжести преступления и интересов потерпевших, имеются ли, тем не менее, веские основания полагать, что проведение расследования не будет отвечать интересам правосудия.

Если Прокурор определяет, что нет разумных оснований для принятия действий, и его определение основано исключительно на соображениях, приведенных в подпункте (с) выше, то он уведомляет об этом Палату предварительного производства.

2. Если по проведении расследования Прокурор приходит к выводу об отсутствии достаточных оснований для начала уголовного преследования, поскольку:

а) нет достаточных правовых или фактических оснований для запрашивания ордера или приказа согласно статье 58;

б) дело является недопустимым на основании статьи 17; или

с) уголовное преследование не отвечает интересам правосудия с учетом всех обстоятельств, включая степень тяжести преступления, интересы потерпевших и возраст или немощь предполагаемого преступника, а также его или ее роль в предполагаемом преступлении,

Прокурор уведомляет Палату предварительного производства и государство,

которое передает ситуацию в соответствии со статьей 14, или Совет Безопасности в случае, подпадающем под положение пункта (b) статьи 13, о своем выводе и основаниях для такого вывода.

3. а) По просьбе государства, которое осуществляет передачу ситуации в соответствии со статьей 14, или Совета Безопасности согласно пункту (b) статьи 13, Палата предварительного производства может вновь рассмотреть решение Прокурора согласно пунктам 1 или 2 не предпринимать действий и может просить Прокурора пересмотреть это решение.

б) Кроме того, Палата предварительного производства может по своей инициативе пересмотреть решение Прокурора не предпринимать действий, если это решение основывалось исключительно на положениях пунктов 1(с) или 2(с). В таком случае решение Прокурора будет действовать только тогда, когда оно подтверждено Палатой предварительного производства.

4. Прокурор может в любое время пересмотреть решение о начале расследования или уголовного преследования на основании новых фактов или информации.

Статья 54

Обязанности и полномочия Прокурора при расследовании

1. Прокурор:

а) для установления истины проводит расследование с тем, чтобы охватить все факты и доказательства, относящиеся к оценке того, наступает ли уголовная ответственность в соответствии с настоящим Статутом, и при этом в равной мере расследует обстоятельства, свидетельствующие как о виновности, так и о невиновности;

б) принимает надлежащие меры для обеспечения эффективного расследования и уголовного преследования за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, соблюдая при этом интересы и личные обстоятельства потерпевших и свидетелей, в том числе возраст, гендерный фактор, как это определено в пункте 3 статьи 7, и состояние здоровья, а также учитывает характер преступлений, в частности преступлений, связанных с сексуальным насилием, гендерным насилием или насилием в отношении детей; и

с) в полной мере соблюдает права лиц, вытекающие из настоящего Статута.

2. Прокурор может проводить расследования на территории какого-либо государства:

а) в соответствии с положениями Части 9; или

б) по разрешению, выданному Палатой предварительного производства согласно пункту 3 (d) статьи 57.

3. Прокурор может:

а) собирать и изучать доказательства;

б) требовать явки и допрашивать лиц, находящихся под следствием, потерпевших и свидетелей;

с) заручиться содействием любого государства либо межправительственной организации или механизма согласно их соответствующим полномочиям и/или мандатам;

д) заключать такие соглашения или договоренности, не противоречащие настоящему Статуту, какие могут потребоваться для облегчения сотрудничества со стороны какого-либо государства, межправительственной организации или лица;

е) гарантировать нераскрытие на любом этапе производства документов или информации, которые были получены Прокурором на условиях сохранения конфиденциальности, и только для цели получения новых доказательств, если

только лицо, предоставившее такие документы и информацию, не дает на это своего согласия;

г) принимать необходимые меры или просить о принятии необходимых мер для обеспечения конфиденциальности информации, защиты любого лица или сохранности доказательств.

Статья 55

Права лиц в ходе расследования

1. В отношении расследования, проводимого в соответствии с настоящим Статутом, лицо:

а) не должно принуждаться свидетельствовать против самого себя или признавать свою вину;

б) не должно подвергаться принуждению, давлению или угрозам в любой форме, пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания; и

с) если допрос проводится на языке, который это лицо не понимает в полной мере и на котором оно не говорит, должно бесплатно пользоваться помощью квалифицированного переводчика и такими переводами, которые необходимы для соблюдения требований справедливости;

д) не должно подвергаться произвольному аресту или задержанию, а также не должно подвергаться лишению свободы, иначе как на таких основаниях и в соответствии с такими процедурами, которые установлены в Статуте.

2. В тех случаях, когда имеются основания полагать, что то или иное лицо совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, и такое лицо вскоре должно быть допрошено либо Прокурором, либо национальными властями согласно просьбе, направленной в соответствии с Частью 9 настоящего Статута, это лицо имеет также следующие права, о которых оно информируется до начала допроса:

а) быть уведомленным до начала допроса о том, что есть основания полагать, что им совершено преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда;

б) хранить молчание, причем такое молчание не должно учитываться при определении виновности или невиновности;

с) пользоваться правовой помощью по собственному выбору или, если это лицо не пользуется правовой помощью, получать назначенную ему правовую помощь в любом случае, когда этого требуют интересы правосудия, и без какой-либо оплаты такой помощи этим лицом в любом таком случае, если у этого лица не имеется достаточных средств для оплаты такой помощи;

д) быть допрашиваемым в присутствии адвоката, если лицо по собственной воле не отказалось от своего права на услуги адвоката.

Статья 56

Роль Палаты предварительного производства в отношении уникальной возможности для расследования

1. а) Если Прокурор считает, что проведение расследования представляет уникальную возможность для получения показаний или заявления от свидетеля либо для изучения, сбора или проверки доказательств, которые впоследствии могут оказаться недоступными для целей использования в ходе судебного разбирательства, Прокурор информирует об этом Палату предварительного производства.

б) В этом случае Палата предварительного производства, по просьбе Прокурора, может принять такие меры, какие могут оказаться необходимыми для

обеспечения эффективности и последовательности судебного преследования и, в частности, для обеспечения прав защиты.

с) Если Палата предварительного производства не принимает решения об ином, Прокурор предоставляет соответствующую информацию лицу, которое было арестовано или явилось в Суд по приказу Суда в связи с проводимым расследованием, упомянутым в подпункте (а), с тем чтобы это лицо могло быть заслушано.

2. Меры, указанные в пункте 1 (b), могут включать в себя:

а) дачу рекомендаций или распоряжений относительно процедур, которым надлежит следовать;

б) дачу указаний о ведении протоколов производства по делу;

с) назначение эксперта для оказания помощи;

д) разрешение защитнику лица, которое было арестовано или явилось в Суд по приказу Суда, принимать участие в разбирательстве или, если арест не имел места или вызванное лицо не явилось или защитник не определен, назначение другого защитника для участия в разбирательстве и представительства интересов защиты;

е) выдачу поручения одному из своих членов либо, в случае необходимости, другому судье, имеющемуся в Отделении предварительного производства или в Судебном отделении, осуществлять наблюдение и давать рекомендации или распоряжения относительно сбора и сохранения доказательств и допроса лиц;

ф) такие иные действия, которые могут оказаться необходимыми для сбора или сохранения доказательств.

3. а) Если Прокурор не требует принятия мер согласно настоящей статье, а Палата предварительного производства считает, что такие меры необходимы с целью сохранения доказательств, которые, по ее мнению, имеют существенное значение для обеспечения интересов защиты в ходе судебного разбирательства, она проводит консультации с Прокурором в отношении того, имеются ли у Прокурора веские основания для того, чтобы не настаивать на таких мерах. Если в результате консультаций Палата предварительного производства приходит к заключению, что нежелание Прокурора потребовать принятия таких мер является неоправданным, Палата предварительного производства может принимать такие меры по своей собственной инициативе.

б) Решение Палаты предварительного производства действовать по своей собственной инициативе в соответствии с настоящим пунктом может быть обжаловано Прокурором. Обжалование рассматривается в безотлагательном порядке.

4. Допустимость доказательств, сохраненных или собранных для судебного разбирательства в соответствии со статьей 69, имеет такую доказательную ценность, какая может быть определена Судебной палатой.

Статья 57

Функции и полномочия Палаты предварительного производства

1. Если в настоящем Статуте не предусмотрено иное, Палата предварительного производства осуществляет свои функции в соответствии с положениями настоящей статьи.

2. а) Постановления или распоряжения Палаты предварительного производства, издаваемые в соответствии с положениями статей 15, 18, 19, 54, пункт 2, 61, пункт 7, и 72, принимаются большинством голосов ее судей.

б) Во всех других случаях судья Палаты предварительного производства может осуществлять функции Палаты предварительного производства, предусмотренные настоящим Статутом, если иное не предусмотрено в Правилах процедуры и

доказывания или не решено большинством голосов судей Палаты предварительного производства.

3. Наряду со своими другими функциями по настоящему Статуту Палата предварительного производства может:

а) по просьбе Прокурора, отдавать такие распоряжения и выдавать такие ордера, которые могут быть необходимыми для целей проведения расследования;

б) по просьбе лица, которое было арестовано или явилось по приказу в соответствии со статьей 58, отдавать такие распоряжения, включая меры, перечисленные в статье 56, или заручаться таким предусмотренным Частью 9 сотрудничеством, какое может оказаться необходимым для оказания лицу помощи в подготовке его защиты;

с) в тех случаях, когда это необходимо, обеспечивать защиту и неприкосновенность частной жизни потерпевших и свидетелей, сохранность доказательств, защиту лиц, которые были арестованы или явились по приказу, и защиту информации, касающейся национальной безопасности;

д) давать Прокурору разрешение на принятие специальных мер, относящихся к проведению расследования в пределах территории государства-участника, без получения со стороны этого государства согласия на сотрудничество в соответствии с Частью 9, если, приняв во внимание, поскольку это возможно, мнения соответствующего государства, Палата предварительного производства применительно к данному случаю установила, что это государство явно не способно выполнить просьбу о сотрудничестве по причине отсутствия какого-либо органа или элемента его судебной системы, наделенного полномочиями, необходимыми для выполнения просьбы о сотрудничестве в соответствии с Частью 9;

е) в случае, когда, согласно статье 58, выдается ордер на арест или приказ о явке, и, должным образом учитывая силу доказательств, а также права заинтересованных сторон, как это предусматривается в настоящем Статуте и в Правилах процедуры и доказывания, обращаться к государствам в соответствии с пунктом 1 (j) статьи 93, для того чтобы заручиться их сотрудничеством в принятии мер защиты с целью конфискации, в частности, и главным образом в интересах потерпевших.

Статья 58

Выдача Палатой предварительного производства ордера на арест или приказа о явке в Суд

1. В любое время после начала расследования Палата предварительного производства выдает, по заявлению Прокурора, ордер на арест того или иного лица, если, рассмотрев это заявление и доказательства или другую информацию, представленную Прокурором, она удостоверилась в том, что:

а) имеются разумные основания полагать, что это лицо совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда; и

б) арест данного лица представляется необходимым:

i) для обеспечения его явки на судебное разбирательство,

ii) для обеспечения того, чтобы это лицо не создавало препятствий или угрозы для расследования или судебного разбирательства, или

iii) в соответствующих случаях, для предупреждения продолжения совершения лицом этого преступления или связанного с ним преступления, которое подпадает под юрисдикцию Суда и которое сопряжено с теми же обстоятельствами.

2. В заявлении Прокурора указываются:

а) имя лица и любая другая соответствующая информация, устанавливающая личность;

b) конкретная ссылка на преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, которые, как предполагается, совершило данное лицо;

c) краткое изложение фактов, которые, как предполагается, образуют эти преступления;

d) резюме доказательств и любая другая информация, которыми устанавливаются разумные основания полагать, что данное лицо совершило эти преступления; и

e) причина, по которой Прокурор считает арест данного лица необходимым.

3. В ордере на арест указываются:

a) имя лица и любая другая соответствующая информация, устанавливающая личность;

b) конкретная ссылка на преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, в связи с которыми необходим арест данного лица; и

c) краткое изложение фактов, которые, как предполагается, образуют эти преступления.

4. Ордер на арест остается в силе до тех пор, пока Суд не распорядится об ином.

5. На основании ордера на арест Суд может потребовать предварительного ареста или ареста лица и его предоставления в распоряжение в соответствии с Частью 9.

6. Прокурор может обратиться к Палате предварительного производства с просьбой внести поправки в ордер на арест, изменив ссылки на преступления либо дополнив их ссылками на другие преступления. Если Палата предварительного производства убедилась в существовании разумных оснований полагать, что данное лицо совершило указанные таким образом преступления, она вносит соответствующие изменения в ордер на арест.

7. В качестве альтернативы запрашиванию ордера на арест Прокурор может обратиться в Палату предварительного производства с просьбой выдать приказ о явке данного лица. Если Палата предварительного производства удостоверилась в наличии разумных оснований полагать, что данное лицо совершило предполагаемое преступление и что приказ будет достаточной мерой для обеспечения явки данного лица, она выдает, на определенных условиях или без каких-либо условий, ограничивающих свободу (иных, чем задержание), если это предусмотрено национальным законодательством, приказ о явке данного лица. В приказе указываются:

a) имя лица и любая другая соответствующая информация, устанавливающая личность;

b) точная дата явки лица;

c) конкретная ссылка на преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, которые, как предполагается, совершило данное лицо; и

d) краткое изложение фактов, которые, как предполагается, образуют это преступление.

Приказ о явке вручается непосредственно данному лицу.

Статья 59

Процедура ареста в государстве места содержания под стражей

1. Государство-участник, которое получило просьбу о предварительном аресте или об аресте и передаче какого-либо лица, незамедлительно предпринимает шаги для ареста соответствующего лица в соответствии со своим законодательством и положениями Части 9.

2. Лицо, подвергнутое аресту, незамедлительно доставляется в компетентный

судебный орган в государстве места содержания под стражей, который в соответствии с законодательством этого государства определяет, что:

- а) ордер выдан в отношении данного лица;
- б) это лицо арестовано с соблюдением надлежащей процедуры; и
- с) права этого лица были соблюдены.

3. Арестованный имеет право обратиться в компетентный орган в государстве места содержания под стражей с ходатайством о временном освобождении до его передачи Суду.

4. При принятии решения в отношении любого такого ходатайства компетентный орган в государстве места содержания под стражей рассматривает вопрос о том, существуют ли, учитывая тяжесть предполагаемых преступлений, чрезвычайные и исключительные обстоятельства, которые оправдывали бы временное освобождение, и существуют ли необходимые гарантии для обеспечения того, чтобы государство места содержания под стражей могло выполнить свою обязанность по передаче этого лица Суду. Компетентный орган в государстве места содержания под стражей не может рассматривать вопрос о том, выдан ли ордер на арест надлежащим образом в соответствии с подпунктами (а) и (б) пункта 1 статьи 58.

5. Палата предварительного производства уведомляется о любом ходатайстве о временном освобождении и выносит рекомендации компетентному органу в государстве места содержания под стражей. Компетентный орган в государстве места содержания под стражей до вынесения им решения в полной мере учитывает такие рекомендации, в том числе любые рекомендации относительно мер по предотвращению побега этого лица.

6. Если это лицо временно освобождено, Палата предварительного производства может запрашивать периодические доклады о статусе такого временного освобождения.

7. После вынесения решения о передаче лица Суду государством места содержания под стражей данное лицо как можно скорее доставляется в Суд.

Статья 60

Первоначальное производство в Суде

1. После передачи лица Суду или добровольной явки лица в Суд или на основании приказа о явке Палата предварительного производства удостоверяется в том, что это лицо было информировано о преступлениях, которые оно предположительно совершило, и о его правах по настоящему Статуту, включая право ходатайствовать о временном освобождении из-под стражи до начала судебного разбирательства.

2. Лицо, в отношении которого выдан ордер на арест, может ходатайствовать о временном освобождении из-под стражи до начала судебного разбирательства. Если Палата предварительного производства удостоверилась в том, что условия, установленные в пункте 1 статьи 58, выполнены, это лицо продолжает содержаться под стражей. Если Палата предварительного производства не убеждена в том, что они выполнены, она освобождает это лицо на определенных условиях или без каких-либо условий.

3. Палата предварительного производства периодически рассматривает свое постановление об освобождении этого лица или о его содержании под стражей и может сделать это в любой момент по просьбе Прокурора или этого лица. После такого рассмотрения она может изменить свое постановление, касающееся содержания под стражей, освобождения из-под стражи или условий освобождения из-под стражи, если она удостоверилась в том, что этого требуют изменившиеся обстоятельства.

4. Палата предварительного производства обеспечивает, чтобы никто не содержался под стражей неоправданно долго до судебного разбирательства из-за неоправданной задержки разбирательства со стороны Прокурора. В случае возникновения такой задержки Суд рассматривает вопрос об освобождении лица из-под стражи на определенных условиях или без каких-либо условий.

5. В случае необходимости Палата предварительного производства может выдавать ордер на арест, чтобы обеспечить присутствие лица, которое было освобождено из-под стражи.

Статья 61

Утверждение обвинений до начала судебного разбирательства

1. С учетом положений пункта 2 в течение разумного периода времени после передачи лица Суду либо после его добровольной явки в Суд Палата предварительного производства проводит слушание по вопросу об утверждении обвинений, на основании которых Прокурор намеревается добиваться проведения судебного разбирательства. Слушание проводится в присутствии Прокурора и обвиняемого, а также его защитника.

2. Палата предварительного производства может, по просьбе Прокурора или по своей собственной инициативе, провести слушание в отсутствие обвиняемого, чтобы утвердить обвинения, на основании которых Прокурор намеревается добиваться проведения судебного разбирательства в случаях, когда:

а) лицо отказалось от своего права присутствовать на судебном разбирательстве; или

б) лицо скрывается или не представляется возможным установить его местонахождение, и были предприняты все разумные шаги для обеспечения явки данного лица в Суд, чтобы информировать это лицо о выдвигаемых против него обвинениях и о своем намерении провести слушание для утверждения этих обвинений.

В указанном случае такое лицо может быть представлено защитником, если Палата предварительного производства определит, что это отвечает интересам правосудия.

3. В разумный срок до начала слушания это лицо:

а) получает копию документа, содержащего обвинения, на основании которых Прокурор намерен добиваться привлечения лица к суду; и

б) информируется о том, какие доказательства намерен использовать Прокурор во время слушания.

Палата предварительного производства может издавать распоряжения относительно раскрытия информации для целей слушания.

4. До начала слушания Прокурор может продолжать расследование и может изменить или снять любые обвинения. Обвиняемому предоставляется разумное уведомление до начала слушания о любом изменении или снятии обвинений. В случае снятия обвинений Прокурор уведомляет Палату предварительного производства о причинах такого снятия.

5. В ходе слушания Прокурор поддерживает каждый пункт обвинения доказательствами, достаточными для установления существенных оснований полагать, что данное лицо совершило преступление, в котором оно обвиняется. Прокурор может полагаться на документальные доказательства или резюме доказательств и может не вызывать свидетелей, которые, как ожидается, будут давать показания в суде.

6. В ходе слушания лицо может:

а) представлять возражения против обвинений;

б) оспаривать доказательства, представляемые Прокурором; и

с) представлять доказательства.

7. Палата предварительного производства на основе слушания определяет, имеются ли достаточные доказательства для установления существенных оснований полагать, что данное лицо совершило каждое из преступлений, в которых оно обвиняется. Основываясь на своем определении, Палата предварительного производства:

а) утверждает обвинения, в отношении которых она определила наличие достаточных доказательств, и передает это лицо той или иной Судебной палате для проведения судебного разбирательства в связи с утвержденными обвинениями;

б) не утверждает обвинения, в отношении которых она определила отсутствие достаточных доказательств;

с) откладывает слушание и просит Прокурора рассмотреть возможность:

i) предоставления дополнительных доказательств или проведения дальнейшего расследования в отношении того или иного конкретного обвинения; или

ii) изменения обвинения, поскольку представленные доказательства, как представляется, устанавливают факт совершения другого преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда.

8. Если Палата предварительного производства не утверждает обвинение, это не препятствует Прокурору впоследствии вновь обратиться с просьбой об утверждении этого обвинения, когда такая просьба поддерживается дополнительными доказательствами.

9. После утверждения обвинений и до начала судебного разбирательства Прокурор может, с разрешения Палаты предварительного производства и после уведомления обвиняемого, изменить обвинения. Если Прокурор намеревается выдвинуть дополнительные обвинения или заменить обвинения более серьезными обвинениями, то в соответствии с настоящей статьей должно быть проведено слушание для утверждения этих обвинений. После начала судебного разбирательства Прокурор может, с разрешения Судебной палаты, снять обвинения.

10. Действие любого ранее выданного ордера прекращается в отношении любых обвинений, которые не были утверждены Палатой предварительного производства или которые были сняты Прокурором.

11. После утверждения обвинений в соответствии с настоящей статьей Президиум создает Судебную палату, которая с учетом пункта 8 и статьи 64, пункт 4, отвечает за проведение последующего разбирательства и может осуществлять любую функцию Палаты предварительного производства, которая имеет отношение к такому разбирательству и может выполняться в ходе него.

ЧАСТЬ 6. СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Статья 62

Место судебного разбирательства

1. Если не будет принято решения об ином, местом судебного разбирательства является место пребывания Суда.

Статья 63

Судебное разбирательство в присутствии обвиняемого

1. Обвиняемый присутствует на судебном разбирательстве.

2. Если обвиняемый, присутствующий в Суде, продолжает нарушать ход судебного разбирательства, Судебная палата может удалить обвиняемого и предоставляет ему возможность следить за ходом разбирательства и давать указания защитнику, находясь за пределами зала заседаний, с использованием, когда это

необходимо, средств связи. Указанные меры принимаются только в исключительных обстоятельствах после того, как иные разумные меры были признаны непригодными, и только в течение такого периода времени, который является строго необходимым.

Статья 64

Функции и полномочия Судебной палаты

1. Функции и полномочия Судебной палаты, предусмотренные в настоящей статье, осуществляются в соответствии с настоящим Статутом и Правилами процедуры и доказывания.

2. Судебная палата обеспечивает, чтобы разбирательство было справедливым и быстрым и проводилось при полном соблюдении прав обвиняемого и с должным учетом необходимости защиты потерпевших и свидетелей.

3. После того, как дело назначено к слушанию в соответствии с настоящим Статутом, Судебная палата, назначенная для рассмотрения дела:

а) совещается со сторонами и принимает такие процедуры, которые необходимы для содействия справедливому и быстрому проведению разбирательства;

б) определяет язык или языки, которые будут использоваться в ходе судебного разбирательства;

с) с соблюдением любых иных соответствующих положений настоящего Статута предусматривает раскрытие, заблаговременно до начала судебного разбирательства, документов или информации, которые до этого не были раскрыты, с тем чтобы можно было надлежащим образом подготовиться к судебному разбирательству.

4. Судебная палата может, если это требуется для эффективного и справедливого выполнения ею своих функций, передавать предварительные вопросы в Палату предварительного производства или, при необходимости, иному судье Отделения предварительного производства, имеющемуся в распоряжении.

5. Направив уведомление сторонам, Судебная палата может, в соответствующих случаях, распорядиться об объединении или разделении обвинений против более чем одного обвиняемого.

6. При осуществлении своих функций до начала судебного разбирательства или в ходе судебного разбирательства Судебная палата при необходимости:

а) осуществляет любые функции Палаты предварительного производства, упомянутые в пункте 11 статьи 61;

б) требует явки свидетелей и дачи ими показаний, а также предъявления документальных и иных доказательств, прибегая, если это необходимо, к помощи государств, как это предусмотрено в настоящем Статуте;

с) обеспечивает неразглашение конфиденциальной информации;

д) дает распоряжение о предъявлении дополнительных доказательств к доказательствам, которые уже собраны до судебного разбирательства или представлены сторонами в ходе судебного разбирательства;

е) обеспечивает защиту обвиняемого, свидетелей и потерпевших; и

ф) выносит решение по любым имеющим отношение к делу вопросам.

7. Судебное разбирательство является открытым. Однако Судебная палата может установить, что особые обстоятельства требуют того, чтобы некоторые заседания проводились в закрытом заседании для целей, предусмотренных в статье 68, или в интересах защиты конфиденциальной или чувствительной информации, которая должна быть предоставлена в качестве доказательства.

8. а) В начале разбирательства Судебная палата зачитывает обвиняемому обвинения, ранее утвержденные Палатой предварительного производства. Судебная палата удостоверяется в том, что обвиняемый понимает содержание обвине-

ний. Она дает обвиняемому возможность признать свою вину в соответствии со статьей 65 или заявить о своей невинности.

б) В ходе судебного разбирательства председательствующий судья может давать указания относительно проведения разбирательства, в том числе для обеспечения того, чтобы оно проводилось справедливо и беспристрастно. С соблюдением любых указаний председательствующего судьи стороны могут представлять доказательства в соответствии с положениями настоящего Статута.

9. Судебная палата, в частности, имеет право по ходатайству одной из сторон или по своей инициативе:

а) выносить решения о допустимости или относимости доказательств; и

б) принимать все необходимые меры для поддержания порядка в ходе слушаний.

10. Судебная палата обеспечивает составление подробного протокола судебного разбирательства, точно отражающего ход процесса, ведение и сохранение которого возлагаются на Секретаря.

Статья 65

Процедура, действующая в случае признания вины

1. Когда обвиняемый признает свою вину согласно пункту 8(а) статьи 64, Судебная палата определяет:

а) осознал ли обвиняемый характер и последствия признания себя виновным;

б) сделано ли это признание обвиняемым добровольно после достаточных консультаций с защитником; и

с) подтверждается ли признание вины обстоятельствами дела, изложенными:

i) в документах, содержащих обвинения, предъявленные Прокурором и признанные обвиняемым;

ii) в любых материалах, представленных Прокурором, которые подкрепляют обвинения и которые принимает обвиняемый; и

iii) в любых других доказательствах, таких как показания свидетелей, представленных Прокурором или обвиняемым.

2. Если Судебная палата приходит к выводу о том, что условия, указанные в пункте 1, соблюдены, она рассматривает признание вины, наряду с любыми дополнительными доказательствами, которые были представлены, как устанавливающее все существенно важные обстоятельства, необходимые для доказательства совершения преступления, в отношении которого сделано признание, и может судить обвиняемого за совершение этого преступления.

3. Если Судебная палата не приходит к выводу о том, что условия, указанные в пункте 1, соблюдены, она исходит из того, что признание вины не имело места, и в этом случае она дает распоряжение продолжать судебное разбирательство в соответствии с обычными процедурами рассмотрения дела, предусмотренными настоящим Статутом, и может передать это дело другой Судебной палате.

4. Если Судебная палата полагает, что в интересах правосудия, в частности интересах потерпевших, требуется более полное изложение обстоятельств дела, Судебная палата может:

а) обратиться к Прокурору с просьбой представить дополнительные доказательства, включая показания свидетелей; или

б) дать распоряжение продолжить судебное разбирательство в соответствии с обычными процедурами рассмотрения дела, предусмотренными настоящим Статутом, и в этом случае она исходит из того, что признание вины не имело места, и может передать это дело другой Судебной палате.

5. Любое обсуждение между Прокурором и защитой вопроса об изменении

обвинений, признании вины или наказании, подлежащем назначению, не является обязательным для Суда.

Статья 66

Презумпция невиновности

1. Каждый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в Суде в соответствии с применимым законом.

2. Бремя доказывания вины обвиняемого лежит на Прокуроре.

3. Для осуждения обвиняемого Суд должен убедиться в том, что обвиняемый виновен и это не подлежит сомнению на разумных основаниях.

Статья 67

Права обвиняемого

1. При определении любого обвинения обвиняемый имеет право на публичное слушание, с учетом положений настоящего Статута, на справедливое слушание, проводимое беспристрастным образом, и как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства;

а) быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который обвиняемый понимает в полной мере и на котором он говорит, о характере, основании и содержании предъявленного ему обвинения;

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты, а также свободно сноситься с выбранным защитником в условиях конфиденциальности;

с) быть судимым без неоправданной задержки;

д) с учетом пункта 2 статьи 63 быть судимым в его присутствии и защищать себя лично либо через посредство назначенного им защитника, быть уведомленным, если он не имеет защитника, об этом праве, иметь назначенного ему Судом защитника в любом случае, когда того требуют интересы правосудия, и безвозмездно для него в любом случае, когда он располагает достаточными средствами для оплаты услуг защитника;

е) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, а также иметь право на вызов и допрос свидетелей, показывающих в его пользу, на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него. Обвиняемый также имеет право выдвигать аргументы в свою защиту и представлять иные доказательства, являющиеся допустимыми согласно настоящему Статуту;

ф) бесплатно пользоваться помощью квалифицированного переводчика и получать переводы, необходимые для того, чтобы судебное разбирательство отвечало требованиям справедливости, в случаях, когда язык, используемый для рассмотрения дела в Суде либо при составлении документов, представленных Суду, не является тем языком, который обвиняемый понимает в полной мере и на котором он говорит;

г) не быть принуждаемым к даче показаний либо к признанию себя виновным и иметь право хранить молчание, причем такое молчание не должно влиять на выполнение решения о виновности или невиновности;

и) без принятия присяги выступать с устными или письменными заявлениями в свою защиту; и

к) быть свободным от бремени доказывания обратного или обязанности опровержения.

2. В дополнение к любому другому раскрытию информации, предусмотренному в настоящем Статуте, Прокурор так скоро, насколько это возможно,

предъявляет защите имеющиеся в его распоряжении или под его контролем доказательства, которые, по его мнению, свидетельствуют или должны свидетельствовать о невиновности обвиняемого, или о наличии обстоятельств, смягчающих вину, или способны повлиять на достоверность доказательств обвинения. Любые сомнения в отношении применения этого пункта разрешаются Судом.

Статья 68

Защита потерпевших и свидетелей и их участие в разбирательстве

1. Суд принимает надлежащие меры для защиты безопасности, физического и психического благополучия, достоинства и неприкосновенности личной жизни потерпевших и свидетелей. При этом Суд учитывает все соответствующие факторы, в том числе возраст, гендерный фактор, как это определено в пункте 3 статьи 2, и состояние здоровья, а также характер преступления, и, в частности, но не ограничиваясь этим, то обстоятельство, что преступление включало сексуальное насилие, гендерное насилие в отношении детей. Прокурор принимает такие меры, в особенности при проведении расследования и осуществлении уголовного преследования за эти преступления. Такие меры не должны наносить ущерб правам обвиняемого или быть несовместимыми с ними, а также наносить ущерб проведению справедливого и беспристрастного судебного разбирательства.

2. Как исключение из принципа проведения открытых слушаний, предусмотренного в статье 67, палаты Суда могут для защиты потерпевших и свидетелей или обвиняемого провести любую часть разбирательства *in camera* или разрешить представить доказательства с помощью электронных или иных специальных средств. В частности, такие меры принимаются в случае, когда речь идет о жертве сексуального насилия или ребенке, который является потерпевшим или свидетелем, если Судом не предписано иное с учетом всех обстоятельств, в особенности мнения такого потерпевшего или свидетеля.

3. На стадиях судебного разбирательства, которые Суд сочтет для этого подходящими, Суд разрешает представлять и рассматривать мнения и опасения потерпевших, когда их личные интересы оказываются затронутыми, но таким образом, чтобы это не наносило ущерба и не противоречило правам обвиняемого и проведению справедливого и беспристрастного судебного разбирательства. В случаях, когда Суд считает это оправданным, такие мнения и опасения могут излагаться законными представителями потерпевших в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

4. Группа по оказанию помощи потерпевшим и свидетелям может рекомендовать Прокурору и Суду соответствующие меры защиты, процедуры обеспечения безопасности, предоставления консультационной и иной помощи, упомянутой в пункте 6 статьи 43.

5. Когда раскрытие доказательств или информации в соответствии с настоящим Статутом может повлечь за собой серьезную угрозу для безопасности любого свидетеля или членов его семьи, Прокурор может для целей осуществления любых процессуальных действий, имеющих место до начала слушания по делу, не раскрывать такие доказательства или информацию, и вместо этого представить их резюме. Указанные меры осуществляются таким образом, чтобы это не наносило ущерба и не было несовместимым с правами обвиняемого и проведением справедливого и беспристрастного судебного разбирательства.

6. Государство может обратиться с просьбой о принятии необходимых мер, обеспечивающих защиту его служащих или представителей, а также мер по защите конфиденциальной и чувствительной информации.

Доказательства

1. Прежде чем приступить к даче показаний, каждый свидетель в соответствии с Правилами процедуры и доказывания принимает на себя обязательство давать правдивые показания.

2. Показания даются свидетелями в судебном заседании лично, поскольку иное не предусматривается мерами, изложенными в статье 68 или в Правилах процедуры и доказывания. Суд может также разрешить дачу *viva voce* (устных) или записанных с помощью видео- или аудиотехники показаний свидетеля, а также представление документов или записей при условии соблюдения положений настоящего Статута и в соответствии с Правилами процедуры и доказывания. Эти меры не должны наносить ущерб или противоречить правам обвиняемого.

3. Стороны могут представлять доказательства, относящиеся к делу, в соответствии со статьей 64. Суд правомочен требовать представления всех доказательств, которые он считает необходимыми для установления истины.

4. Суд может в соответствии с Правилами процедуры и доказывания вынести решение об относимости и допустимости любых доказательств, принимая при этом во внимание, наряду с прочим, их силу, а также вред, который такие доказательства могут причинить проведению справедливого судебного разбирательства или справедливой оценке показаний свидетеля.

5. Суд уважает и соблюдает привилегии на конфиденциальность, предусмотренные в Правилах процедуры и доказывания.

6. Суд не требует доказывания общеизвестных фактов, но может принять их к сведению в судебном порядке.

7. Доказательства, которые получены в результате нарушения положений настоящего Статута или международно признанных прав человека, не являются допустимыми, если:

а) нарушение порождает серьезные сомнения в достоверности доказательств; или

б) допуск доказательств был бы несовместим с добросовестным проведением разбирательства и наносил бы ему серьезный ущерб.

8. Решая вопрос о допустимости или относимости доказательств, собранных государством, Суд не должен выносить решения относительно применения национального законодательства этого государства.

Статья 70

Преступления против отправления правосудия

1. Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно:

а) дача ложных показаний после принятия обязательства в соответствии с пунктом 1 статьи 69 давать правдивые показания;

б) представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств;

в) противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание помех или препятствий присутствию свидетеля или даче им показаний, воздействие на свидетеля в качестве возмездия за дачу им показаний или уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору;

г) создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо Суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом его обязанности;

е) оказание воздействия на должностное лицо Суда в качестве возмездия за то, что это или иное должностное лицо выполняло свои обязанности;

г) вымогательства или получения взятки в качестве должностного лица Суда в связи со своими официальными обязанностями.

2. Принципы и процедуры, регулирующие осуществление Судом юрисдикции в отношении преступлений на основании настоящей статьи, должны быть теми же, что изложены в Правилах процедуры и доказывания. Условия оказания международного содействия Суду в отношении его разбирательств по настоящей статье регулируются внутренним законодательством запрашиваемого государства.

3. В случае вынесения решения о признании какого-либо лица виновным Суд может назначать наказание в виде лишения свободы на срок не более пяти лет или штрафа в соответствии с Правилами процедуры и доказывания, или того и другого одновременно.

4. а) Каждое государство-участник распространяет свое уголовное законодательство, устанавливающее меры наказания за преступления, направленные против проведения расследований и осуществления судопроизводства, на преступления против отправления правосудия, указанные в настоящей статье, совершенные его гражданином либо на его территории.

б) По просьбе Суда государство-участник, когда оно считает это уместным, передает дело своим компетентным органам для судебного преследования. Эти органы тщательно рассматривают такие дела и выделяют достаточные ресурсы для того, чтобы их рассмотрение могло быть проведено эффективным образом.

Статья 71

Санкции за неправомерное поведение в Суде

1. Суд может наказать лиц, присутствующих в Суде, за неправомерное поведение, в том числе за срыв разбирательства или преднамеренный отказ выполнять его распоряжения, посредством административных мер, кроме лишения свободы, таких, как временное или постоянное удаление из зала суда, штраф или иные подобные меры, предусмотренные в Правилах процедуры и доказывания.

2. Процедуры, регулирующие применение мер, указанных в пункте 1, устанавливаются в Правилах процедуры и доказывания.

Статья 72

Защита информации, затрагивающей национальную безопасность

1. Настоящая статья применяется в любом случае, когда раскрытие информации или документов государства нанесло бы, по мнению этого государства, ущерб интересам его национальной безопасности. Такие случаи включают в себя случаи, на которые распространяются положения пунктов 2 и 3 статьи 56, пункта 3 статьи 61, пункта 3 статьи 64, пункта 2 статьи 67, пункта 6 статьи 68, пункта 6 статьи 87 и статьи 93, а также случаи, возникающие на любой другой стадии судебного разбирательства, на которой может вставать вопрос о таком раскрытии.

2. Настоящая статья применяется также в случаях, когда лицо, к которому была обращена просьба предоставить информацию или доказательства, отказалось сделать это или передало данный вопрос государству на том основании, что раскрытие нанесло бы ущерб интересам национальной безопасности государства, и заинтересованное государство подтверждает, что, по его мнению, такое раскрытие нанесло бы ущерб интересам его национальной безопасности.

3. Ничто в настоящей статье не наносит ущерба требованиям конфиденци-

альности, применимым на основании пункта 3 (е) и (f) статьи 54, либо применение статьи 73.

4. Если какому-либо государству становится известно о том, что информация или документы государства раскрываются или, вероятно, будут раскрыты на какой-либо стадии судебного разбирательства, и, по его мнению, их раскрытием был бы нанесен ущерб интересам его национальной безопасности, такое государство вправе осуществить вмешательство, с тем чтобы добиться решения данного вопроса в соответствии с настоящей статьей.

5. Если, по мнению какого-либо государства, раскрытие информации нанесло ущерб интересам его национальной безопасности, это государство во взаимодействии с Прокурором, Защитой или Палатой предварительного производства либо Судебной палатой, в зависимости от обстоятельств, принимает все разумные меры для разрешения данного вопроса на началах сотрудничества. Такие меры могут включать в себя:

а) модификацию или уточнение запроса;

б) вынесение Судом определения по поводу относимости запрашиваемой информации или доказательств, либо по поводу того, могут ли доказательства, хотя и относящиеся к делу, быть получены из иного источника, помимо запрашиваемого государства;

в) получение информации или доказательств из другого источника или в другой форме; или

г) договоренность об условиях, на которых может оказываться помощь, включая, среди прочего, предоставление обобщенной или переработанной информации, установление ограничений на раскрытие, использование разбирательства *in camera* или *ex parte* или иные защитные меры, допустимые в соответствии с настоящим Статутом и Правилами.

6. Если были приняты все разумные меры для урегулирования данного вопроса на началах сотрудничества и государство считает, что не существует таких способов или таких условий, которые позволяли бы предоставить или раскрыть информацию или документы без ущерба для интересов его национальной безопасности, оно уведомляет об этом Прокурора или Суд с указанием конкретных мотивов своего решения, если только описание таких мотивов само по себе не повлечет за собой нанесение такого ущерба.

7. Затем, если Суд определит, что данные доказательства являются относящимися к делу и необходимыми для установления вины или невиновности обвиняемого, им могут быть приняты следующие меры:

а) если раскрытие информации или документа испрашивается в соответствии с просьбой о сотрудничестве согласно Части 9 или в связи с обстоятельствами, указанными в пункте 2, и государство привело причины для отказа в соответствии с пунктом 4 статьи 93:

i) Суд может, прежде чем вынести какое-либо заключение, о котором говорится в подпункте (а) (ii) пункта 7, направить запрос о проведении дальнейших консультаций в целях заслушивания аргументов государства, что может включать, в соответствующих случаях, слушания *in camera* и *ex parte*;

ii) если Суд приходит к заключению, что, ссылаясь на основания для отказа по пункту 4 статьи 93 в обстоятельствах данного дела, запрашиваемое государство действует вопреки обязательствам по Статуту, Суд может передать данный вопрос в соответствии с пунктом 7 статьи 87 с указанием оснований для своего заключения; или

iii) Суд может сделать такой вывод в ходе судебного разбирательства по делу обвиняемого по поводу наличия или отсутствия того или иного факта, который может быть оправданным в данных обстоятельствах; или

б) во всех других обстоятельствах:

- i) издать распоряжение о раскрытии; или
- ii) поскольку распоряжение о раскрытии не принято Судом, сделать такой вывод в ходе судебного разбирательства по делу обвиняемого по поводу наличия или отсутствия того или иного акта, который может быть оправданным в данных обстоятельствах.

Статья 73

Информация или документы третьих сторон

Если Суд обращается к государству-участнику с просьбой предоставить документ или информацию, которая находится в его ведении, распоряжении или под его контролем и которая была раскрыта ему на условиях конфиденциальности каким-либо государством, межправительственной организацией или международной организацией, то это государство-участник заручается согласием стороны, раскрывшей документ или информацию, на раскрытие такого документа или информации. Если такой стороной является государство-участник, то оно либо дает согласие на раскрытие такой информации или документа, либо обязуется урегулировать вопрос о раскрытии документа или информации с соблюдением статьи 72. Если в качестве такой стороны выступает государство, не являющееся участником настоящего Статута, и оно отказывается дать согласие на раскрытие документа или информации, то запрашиваемое государство уведомляет Суд о том, что оно не в состоянии предоставить такой документ или информацию вследствие ранее взятого на себя обязательства в отношении соблюдения конфиденциальности перед такой стороной.

Статья 74

Требования к принятию решения

1. Все судьи Судебной палаты присутствуют на каждой стадии судебного разбирательства и в ходе всех совещаний. Президиум может в отдельных случаях назначать с учетом имеющихся возможностей одного или более запасных судей Судебной палаты, если этот член Палаты не может более присутствовать.

2. Решение Судебной палаты принимается на основе оценки ею доказательств и всего производства по делу. Решение не должно выходить за рамки фактов и обстоятельств, изложенных в документе, содержащем обвинения, или в любых поправках к документу, содержащему обвинения. Суд может основывать свое решение только на доказательствах, представленных ему и рассмотренных им в ходе судебного разбирательства.

3. Судьи стремятся достичь единодушия в своем решении, в отсутствие которого решение принимается большинством судей.

4. Совещания Судебной палаты сохраняются в тайне.

5. Решение выносится в письменной виде и содержит полное и мотивированное изложение выводов Судебной Палаты на основе доказательств и заключений. Выносимое решение является единственным. При отсутствии единодушия решение Судебной палаты содержит мнение большинства и меньшинства. Решение или его резюме оглашается в открытом заседании.

Статья 75

Возмещение ущерба потерпевшим

1. Суд устанавливает принципы, касающиеся возмещения ущерба потерпевшим или в отношении потерпевших, включая реституцию, компенсацию и реабилитацию. На этой основе Суд может в ответ на поступившую просьбу или,

в исключительных случаях, по своей собственной инициативе определить в своем решении масштабы и размер любого ущерба, убытков и вреда, причиненных потерпевшим или в их отношении, и заявляет о принципах, на основании которых он действует.

2. Суд может вынести постановление непосредственно по отношению к осужденному о возмещении ущерба потерпевшим или в отношении потерпевших в надлежащей форме, включая реституцию, компенсацию и реабилитацию. В соответствующих случаях Суд может вынести постановление о выплате суммы в порядке возмещения ущерба в Целевой фонд, предусмотренный в статье 79.

3. Прежде чем выносить постановление в соответствии с настоящей статьей, Суд может запрашивать и принимает во внимание представления от осужденного, от потерпевших, прочих заинтересованных лиц или заинтересованных государств или от их имени.

4. Осуществляя свои полномочия в соответствии с настоящей статьей, Суд, после вынесения решения о признании лица виновным в совершении преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда, может определить, существует ли необходимость в том, чтобы в целях исполнения любого постановления, которое он может вынести согласно настоящей статье, были приняты меры в соответствии с пунктом 1 статьи 93.

5. Государство-участник исполняет решение, вынесенное на основании настоящей статьи, как если бы положения статьи 109 были применимы к данной статье.

6. Ничто в настоящей статье не должно толковаться как ущемляющее права потерпевших в соответствии с национальным или международным правом.

Статья 76

Назначение наказания

1. В случае, если вина обвиняемого установлена, Судебная палата рассматривает вопрос о назначении соответствующего наказания и принимает во внимание представленные в ходе разбирательства доказательства и сделанные представления, которые имеют отношение к назначению наказания.

2. За исключением случаев, в которых применяются положения статьи 65, Судебная палата до завершения судебного разбирательства может по своей инициативе и должна по просьбе Прокурора или обвиняемого провести дополнительное судебное слушание, с тем чтобы заслушать любые дополнительные доказательства или представления, имеющие отношение к назначению наказания, в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

3. В случаях, в которых применяется пункт 2, любые заявления и представления, сделанные на основании статьи 75, заслушиваются в ходе дополнительного слушания, упомянутого в пункте 2, или, при необходимости, в ходе любого нового слушания.

4. Приговор оглашается публично и, когда это возможно, в присутствии обвиняемого.

ЧАСТЬ 7. МЕРЫ НАКАЗАНИЯ

Статья 77

Применимые меры наказания

1. С учетом статьи 110 Суд может назначить одну из следующих мер наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного в статье 5 настоящего Статута:

а) лишение свободы на определенный срок, исчисляемый в количестве лет, которое не превышает максимального количества в 30 лет; или

б) пожизненное лишение свободы в тех случаях, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении.

2. Помимо лишения свободы, Суд может назначить:

а) штраф в соответствии с критериями, предусмотренными в Правилах процедуры и доказывания;

б) конфискацию доходов, имущества и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, без ущерба для прав bona fide третьих сторон.

Статья 78

Определение меры наказания

1. При определении меры наказания Суд в соответствии с Правилами процедуры и доказывания принимает во внимание такие факторы, как тяжесть преступления и личность осужденного.

2. При назначении наказания в виде лишения свободы Суд засчитывает срок предварительного содержания под стражей по постановлению Суда при наличии такого срока. Суд может засчитать любой срок, иным образом отбытый под стражей в связи с деянием, лежащим в основе преступления.

3. Если лицо осуждено за совершение более чем одного преступления, Суд назначает наказание за каждое преступление и общее наказание с указанием всего срока лишения свободы. Этот срок не должен быть меньше срока, предусмотренного самым суровым отдельным наказанием, которое было назначено, и не должен превышать 30 лет лишения свободы или меры наказания в виде пожизненного лишения свободы в соответствии с подпунктом (b) пункта 1 статьи 77.

Статья 79

Целевой фонд

1. Решением Ассамблеи государств-участников учреждается Целевой фонд в интересах потерпевших от преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и семей таких потерпевших.

2. Суд может распорядиться передать денежные средства и другое имущество, изъятые посредством штрафов или конфискации, в Целевой фонд.

3. Целевой фонд управляется в соответствии с критериями, определяемыми Ассамблеей государств-участников.

Статья 80

Ненанесение ущерба применению на национальном уровне мер наказания и национальных законов

Ничто в настоящей Части Статута не затрагивает применения государствами мер наказания, установленных их национальным законодательством, или законов государств, которые не предусматривают меры наказания, установленные в настоящей Части.

ЧАСТЬ 8. ОБЖАЛОВАНИЕ И ПЕРЕСМОТР

Статья 81

Обжалование решения об оправдании, решения о признании виновным и приговора

1. Решение, принятое согласно статье 74, может быть обжаловано в соответствии с Правилами процедуры и доказывания, как это предусмотрено ниже:

а) Прокурор может подать апелляцию по любым из следующих оснований:

i) процессуальная ошибка,

ii) ошибка в факте, или

iii) ошибка в праве;

б) лицо, признанное виновным, или Прокурор от имени этого лица может подать апелляцию по любым из следующих оснований:

i) процессуальная ошибка,

ii) ошибка в факте,

iii) ошибка в праве, или

iv) любое иное основание, которое влияет на справедливость судебного разбирательства или решения либо доверие к такому разбирательству или решению.

2. а) Приговор может быть обжалован в соответствии с Правилами процедуры и доказывания Прокурором или лицом, признанным виновным, на основании неадекватности вынесенного приговора совершенному преступлению;

б) если при рассмотрении приговора в порядке обжалования Суд сочтет, что имеются основания, по которым решение о признании виновным может быть частично или полностью отменено, Суд может предложить Прокурору и лицу, признанному виновным, представить основания согласно пункту 1 (а) или (б) статьи 81 и может вынести решение о признании виновным в соответствии со статьей 83;

с) такая же процедура применяется в случае, когда при рассмотрении в порядке обжалования только решения о признании виновным Суд сочтет, что имеются основания для смягчения приговора согласно пункту 2 (а).

3. а) Поскольку Судебная палата не распорядится об ином, до рассмотрения апелляции лицо, признанное виновным, находится под стражей;

б) если период времени, в течение которого лицо, признанное виновным, находится под стражей, превышает срок назначенного ему наказания в виде лишения свободы, он подлежит освобождению, за исключением случаев, когда Прокурором также подается апелляция, в связи с чем освобождение может быть осуществлено только с соблюдением условий, предусмотренных в подпункте 9(с) ниже;

с) в случае вынесения решения об оправдании обвиняемый подлежит немедленному освобождению с соблюдением нижеследующего:

i) в исключительных обстоятельствах, с учетом, в частности, конкретной опасности побега, серьезности предъявленного обвинения и вероятности успешного исхода апелляции, Судебная палата, по просьбе Прокурора, может продлить содержание обвиняемого под стражей до рассмотрения апелляции;

ii) решение Судебной палаты, вынесенное на основании подпункта (с) (i), может быть обжаловано в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

4. С соблюдением подпунктов 3 (а) и (б) исполнение решения или приговора может быть приостановлено на период времени, предусмотренный для подачи апелляции и проведения разбирательства в порядке обжалования.

Статья 82

Обжалование прочих решений

1. Каждая из сторон в соответствии с Правилами процедуры и доказывания может обжаловать любое из следующих решений:

а) решение в отношении юрисдикции или допустимости;

б) решение, разрешающее или запрещающее освобождение лица, которое находится под следствием или в отношении которого ведется судебное разбирательство;

с) решение Палаты предварительного производства действовать по своей собственной инициативе согласно пункту 3 статьи 56;

д) решение, касающееся вопроса, который в значительной мере влиял бы на справедливое и быстрое ведение судебного разбирательства или на его результаты или в связи с которым незамедлительное принятие Апелляционной палатой решения может, по мнению Палаты предварительного производства или Судебной палаты, способствовать существенному продвижению в разбирательстве дела.

2. Решение Палаты предварительного производства, вынесенное на основании пункта 3(д) статьи 57, может быть обжаловано заинтересованным государством или Прокурором, с разрешения Палаты предварительного производства. Такая апелляция подлежит рассмотрению в безотлагательном порядке.

3. Обжалование само по себе не влечет приостановления разбирательства, если Апелляционная палата не вынесет постановления об этом по просьбе в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

4. Законный представитель потерпевших, осужденный или bona fide собственник, пострадавший в результате решения, принятого согласно статье 73, может обжаловать решение о возмещении ущерба, как это предусмотрено в Правилах процедуры и доказывания.

Статья 83

Апелляционное производство

1. Для целей производства в соответствии со статьей 81 и настоящей статьей Апелляционная палата обладает всеми полномочиями Судебной палаты.

2. Если Апелляционная палата приходит к заключению, что обжалуемое судебное разбирательство было несправедливым таким образом, что это ставит под сомнение доверие к решению или приговору, или что при вынесении обжалуемого решения или приговора были допущены существенные ошибки в факте или праве или процессуальное нарушение, она может:

а) отменить или изменить решение или приговор; или

б) распорядиться о проведении нового судебного разбирательства другой судебной палатой.

Для этих целей Апелляционная палата может вернуть вопрос, связанный с фактической стороной дела, в первоначальную Судебную палату в целях его выяснения и последующего представления Апелляционной палате соответствующего заключения, или же она может сама затребовать доказательства для выяснения вопроса. Если решение или приговор обжалуется только осужденным или Прокурором от имени такого лица, то такое решение или приговор не может быть изменен с ущербом для этого лица.

3. Если при обжаловании приговора Апелляционная палата приходит к заключению, что вынесенный приговор неадекватен совершенному преступлению, она может изменить приговор в соответствии с Частью 7.

4. Решение Апелляционной палаты принимается большинством голосов судей и оглашается в открытом заседании. В решении указываются основания его вынесения. В случае отсутствия единогласия в решении Апелляционной палаты излагаются мнения большинства и меньшинства, однако каждый судья может выступить с особым или несогласным мнением по вопросу права.

5. Апелляционная палата может оглашать свои решения в отсутствие лица, которое было оправдано или которое было признано виновным.

Статья 84

Пересмотр обвинительного приговора или наказания по приговору

1. Лицо, признанное виновным, или, после его или ее смерти, супруга или супруг, родители или какое-то одно лицо, живущее в момент смерти обвиняемого, которому Прокурор от имени такого признанного виновным лица могут ходатайствовать перед Апелляционной палатой о пересмотре окончательного решения о вынесении обвинительного приговора или наказания по приговору по следующим основаниям:

а) обнаружались новые доказательства, которые:

i) отсутствовали во время судебного разбирательства, и ответственность за такое их отсутствие не может быть полностью или частично возложена на сторону, обратившуюся с ходатайством; и

ii) являются достаточно важными, так что если бы они были приведены в ходе судебного разбирательства, то это, возможно, привело бы к вынесению иного вердикта;

б) обнаружили новые факты, свидетельствующие о том, что решающее доказательство, которое было принято во внимание в ходе судебного разбирательства и от которого зависит обвинительный приговор, было ложным, сфабрикованным или сфальсифицированным;

с) один судья или несколько судей, участвовавших в вынесении обвинительного приговора или в утверждении обвинений, при рассмотрении данного дела совершили серьезный поступок или серьезное нарушение своих обязанностей, достаточно тяжкие, для того чтобы служить основанием для отрешения этого судьи или этих судей от должности согласно статье 46.

2. Апелляционная палата отклоняет ходатайство, если считает его необоснованным. Если она определяет, что ходатайство по существу является обоснованным, то она может в случае необходимости:

а) вновь собрать первоначальную Судебную палату;

б) заново сформировать Судебную палату; или

с) сохранить за собой юрисдикцию в отношении данного вопроса,

с тем чтобы заслушав стороны таким образом, как это указано в Правилах процедуры и доказывания, принять решение о том, подлежит ли решение пересмотру.

Статья 85

Компенсация арестованному или лицу, признанному виновным

1. Каждый, кто стал жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую исковой силой.

2. Если какое-либо лицо окончательным решением было признано виновным за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен на том основании, что какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то лицо, понесшее наказание в результате такого признания виновным, получает законную компенсацию, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине.

3. В исключительных обстоятельствах, когда Суд обнаруживает неоспоримые факты, свидетельствующие о наличии грубой и явной судебной ошибки, он может по своему усмотрению присудить компенсацию в соответствии с критериями, предусмотренными в Правилах процедуры и доказывания, лицу, которое было освобождено из-под стражи после окончательного решения об оправдании или прекращении производства по этой причине.

ЧАСТЬ 9. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И СУДЕБНАЯ ПОМОЩЬ

Статья 86

Общее обязательство сотрудничать

Государства-участники в соответствии с положениями настоящего Статута всесторонне сотрудничают с Судом в проведении им расследований преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и осуществлении уголовного преследования за эти преступления.

Статья 87

Просьбы о сотрудничестве: общие положения

1. а) Суд имеет право обращаться к государствам-участникам с просьбами о сотрудничестве. Такие просьбы направляются по дипломатическим каналам или по любым другим соответствующим каналам, которые могут быть определены каждым государством-участником при ратификации, принятии, утверждении или присоединении.

Последующие изменения такого определения со стороны каждого государства-участника производятся в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

б) Когда это целесообразно, без ущерба для положений подпункта (а), просьбы могут также направляться через Международную организацию уголовного правосудия или любую соответствующую региональную организацию.

2. Просьба о сотрудничестве и любые документы, подтверждающие эти просьбы, либо представляются на одном из официальных языков запрашиваемого государства или на одном из рабочих языков Суда, по выбору, объявленному государством при ратификации, принятии, утверждении или присоединении, либо сопровождаются переводом на один из таких языков.

Последующие изменения такого выбора производятся в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

3. Запрашиваемое государство сохраняет в тайне просьбу о сотрудничестве и любые подтверждающие эту просьбу документы, за исключением случаев, когда и в пределах, в которых их раскрытие необходимо для исполнения просьбы.

4. В связи с любой просьбой о помощи, представленной в соответствии с Частью 9, Суд может принимать такие меры, включая меры, связанные с защитой информации, которые могут потребоваться для обеспечения безопасности и физического или психического благополучия любых потерпевших, потенциальных свидетелей и их семей. Суд может обратиться с просьбой о том, чтобы любая информация, которая предоставляется в соответствии с Частью 9, передавалась и использовалась таким образом, чтобы при этом обеспечивались безопасность и физическое или психическое благополучие любых потерпевших, потенциальных свидетелей и их семей.

5. Суд может предложить любому государству, не являющемуся участником настоящего Статута, оказать помощь в соответствии с настоящей Частью на основе специальной договоренности, соглашения с таким государством или на любой другой соответствующей основе.

В тех случаях, когда государство, не являющееся участником настоящего Статута, которое заключило специальную договоренность или соглашение с Судом, отказывается сотрудничать в выполнении просьб в соответствии с любой такой договоренностью или соглашением, Суд может информировать об этом

Ассамблею государств-участников или, в тех случаях, когда данный вопрос передан Суду Советом Безопасности, Совет Безопасности.

6. Суд может просить любую межправительственную организацию предоставить информацию или документы. Суд может также просить об оказании сотрудничества и помощи в других формах, которые могут быть согласованы с такой организацией и которые отвечают ее соответствующим полномочиям или мандату.

7. В тех случаях, когда государство-участник не выполняет просьбу Суда о сотрудничестве вопреки положениям настоящего Статута, тем самым не позволяя Суду выполнить его функции и полномочия согласно настоящему Статуту, Суд может вынести заключение по этому поводу и передать вопрос Ассамблее государств-участников или, в тех случаях, когда данный вопрос передан Суду Советом Безопасности, Совету Безопасности.

Статья 88

Наличие процедур, предусмотренных национальным правом

Государства-участники обеспечивают наличие процедур, предусмотренных их национальным правом, для всех форм сотрудничества, указанных в настоящей Части.

Статья 89

Передача лиц Суду

1. Суд может препроводить просьбу об аресте и передаче лица вместе с подкрепляющими эту просьбу материалами, указанными в статье 91, любому государству, на территории которого может находиться это лицо, и обращается к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и передаче такого лица. Государства-участники в соответствии с положениями настоящей Части и процедурой, предусмотренной их национальным законодательством, выполняют просьбы о производстве ареста и передаче.

2. В тех случаях, когда лицо, разыскиваемое для передачи, обращается с протестом в национальный суд на основе принципа *ne bis in idem*, как это предусмотрено в статье 20, запрашиваемое государство незамедлительно консультируется с Судом для определения того, существует ли соответствующее постановление о приемлемости. Если дело признано приемлемым, то запрашиваемое государство приступает к исполнению просьбы. Если постановление о приемлемости еще не принято, то запрашиваемое государство может отложить исполнение просьбы о передаче соответствующего лица до принятия Судом решения о приемлемости.

3. а) Государство-участник в соответствии со своим процессуальным законодательством дает разрешение на перевозку через свою территорию лица, передаваемого Суду другим государством, за исключением случаев, когда перевозка через это государство могла бы воспрепятствовать передаче либо привести к ее задержке.

б) Просьба Суда о транзите направляется в соответствии со статьей 87. В просьбе о транзите содержатся:

- i) описание перевозимого лица;
 - ii) краткое изложение обстоятельств дела и их правовая квалификация; и
 - iii) ордер на арест и передачу.
- с) При перевозке транзитом перевозимое лицо содержится под стражей.

д) Никакого разрешения не требуется, когда перевозка осуществляется воз-

душным транспортом и не предполагается приземления на территории государства транзита.

е) Если на территории государства транзита происходит незапланированное приземление, это государство может обратиться к Суду с требованием о том, чтобы ему в соответствии с положением подпункта (b) была направлена просьба о транзите. Государство транзита задерживает перевозимое лицо до получения просьбы о транзите и возобновления транзита, но при этом задержание для целей настоящего подпункта не может продолжаться более 96 часов с момента незапланированного приземления, если в течение этого времени не получено такой просьбы.

4. Если разыскиваемое лицо является объектом судебного преследования или отбывает наказание в запрашиваемом государстве за преступление, иное, чем то, в связи с которым возбуждено ходатайство о передаче Суду, запрашиваемое государство после вынесения своего решения об удовлетворении просьбы консультируется с Судом.

Статья 90

Коллидирующие просьбы

1. Государство-участник, получающее от Суда просьбу о передаче лица в соответствии со статьей 89, в случае, если оно получает также просьбу от какого-либо другого государства о выдаче этого же лица за то же самое поведение, образующее основу преступления, за которое Суд ходатайствует о передаче этого лица, уведомляет Суд и запрашивающее государство об этом факте.

2. В тех случаях, когда запрашивающее государство является государством-участником, запрашиваемое государство отдает предпочтение просьбе Суда:

а) если Суд в соответствии со статьями 18 и 19 вынес определение о том, что дело, в связи с которым он ходатайствует о передаче лица, является приемлемым к производству, и в этом определении учитывается расследование или судебное преследование, проведенное запрашивающим государством в связи с его просьбой о выдаче; или

б) если Суд выносит определение, о котором говорится в подпункте (a), на основании уведомления запрашиваемого государства в соответствии с пунктом 1.

3. В том случае, если определение в соответствии с подпунктом (a) пункта 2 не было вынесено, запрашиваемое государство может по своему усмотрению до вынесения Судом определения на основании подпункта (b) пункта 2 приступить к рассмотрению просьбы о выдаче от запрашивающего государства, но не выдает лицо до вынесения Судом определения о неприемлемости дела. Определение Суда выносится в ускоренном порядке.

4. Если запрашивающее государство не является государством-участником настоящего Статута, то запрашиваемое государство, в том случае, если оно не связано международным обязательством по выдаче лица запрашивающему государству, отдает предпочтение просьбе о передаче, поступившей от Суда, если Суд признал это дело приемлемым.

5. Если по делу в соответствии с пунктом 4 Судом не было вынесено определения о приемлемости, запрашиваемое государство может по своему усмотрению приступить к рассмотрению просьбы о выдаче, поступившей от запрашивающего государства.

6. В тех случаях, когда применяется пункт 4, за исключением случаев, когда запрашиваемое государство уже связано международным обязательством по выдаче лица запрашивающему государству, не являющемуся участником настоящего Статута, запрашиваемое государство решает вопрос о передаче этого лица

Суду или выдаче этого лица запрашивающему государству. Принимая свое решение, запрашиваемое государство рассматривает все соответствующие факторы, в том числе, но не исключительно:

а) соответствующие даты направления просьб;

б) интересы запрашивающего государства, включая, когда это уместно, то обстоятельство, было ли преступление совершено на его территории, а также гражданство потерпевших и самого лица, которое оно просит выдать; и

с) возможность последующей передачи между Судом и запрашивающим государством.

7. В том случае, если государство-участник, получающее от Суда просьбу о передаче лица, получает также просьбу от какого-либо государства о выдаче этого же лица за иное поведение, чем поведение, представляющее собой состав преступления, за которое Суд добивается передачи этого лица:

а) запрашиваемое государство, если оно не связано международным обязательством по выдаче лица запрашивающему государству, отдает предпочтение просьбе Суда;

б) запрашиваемое государство, если оно уже связано международным обязательством по выдаче лица запрашивающему государству, решает вопрос о передаче этого лица Суду или выдаче этого лица запрашивающему государству. Принимая свое решение, запрашиваемое государство рассматривает все соответствующие факторы, в том числе, но не исключительно, факторы, изложенные в пункте 6, но особо учитывает относительный характер и тяжесть данного поведения.

8. В том случае, если, согласно уведомлению в соответствии с настоящей статьей, Суд выносит определение о неприемлемости дела и впоследствии запрашивающее государство получает отказ о выдаче, запрашиваемое государство уведомляет Суд об этом решении.

Статья 91

Содержание просьбы об аресте и предоставлении в распоряжение

1. Просьба об аресте и предоставлении в распоряжение направляется в письменном виде. В неотложных случаях просьба может направляться любым средством, способным обеспечить доставку письменного сообщения, при условии подтверждения этой просьбы по каналу, предусмотренному в пункте 1 (а) статьи 87.

2. В случае просьбы об аресте и предоставлении в распоряжение лица, в отношении которого Палата предварительного производства выдала ордер на арест на основании статьи 58, просьба содержит или подкрепляется:

а) информацией с описанием разыскиваемого лица, достаточной для установления личности этого лица, и информацией относительно вероятного местонахождения этого лица;

б) копией ордера на арест; и

с) такими документами, заявлениями или информацией, какие могут быть необходимы в запрашиваемом государстве для выполнения процедуры предоставления в распоряжение, за исключением того, что эти требования не должны быть более обременительными, нежели те, которые применяются в отношении просьб о выдаче в соответствии с договорами или другими соглашениями между запрашиваемым государством и другими государствами, и должны быть, если это возможно, менее обременительными с учетом особого характера Суда.

3. В случае просьбы об аресте и предоставлении в распоряжение лица, уже признанного виновным, просьба содержит или подкрепляется:

а) копией любого ордера на арест этого лица;

б) копией судебного решения о признании виновным;

с) информацией, указывающей на то, что разыскиваемое лицо является именно тем лицом, о котором говорится в судебном решении о признании виновным; и

д) если разыскиваемому лицу вынесен приговор, — копией приговора и в случае вынесения приговора в виде лишения свободы, — заявлением о том, какой срок наказания уже отбыт и какой срок еще остается отбыть.

4. По просьбе Суда государство-участник консультируется с Судом — либо в целом, либо в связи с каким-нибудь конкретным вопросом относительно любых требований по его национальному законодательству, которые могут применяться согласно пункту 2 (с). В ходе таких консультаций государство-участник уведомляет Суд о конкретных требованиях его национального законодательства.

Статья 92

Предварительный арест

1. В неотложных случаях Суд может обратиться с просьбой о предварительном аресте разыскиваемого лица до представления просьбы о предоставлении в распоряжение и подкрепляющих эту просьбу документов, предусмотренных в статье 91.

2. Просьба о предварительном аресте направляется любым средством, способным обеспечить доставку письменного сообщения, и содержит:

а) информацию с описанием разыскиваемого лица, достаточную для установления его личности, и информацию относительно вероятного местонахождения этого лица;

б) краткое изложение преступлений, в связи с которыми испрашивается арест данного лица, и фактов, предположительно образующих эти преступления, включая, по возможности, время и место совершения преступления;

с) заявление о наличии ордера на арест или судебного решения об осуждении разыскиваемого лица; и

д) заявление о том, что просьба о предоставлении в распоряжение разыскиваемого лица будет представлена позднее.

3. Лицо, которое находится под предварительным арестом, может быть освобождено из-под стражи, если запрашиваемое государство не получило просьбы о предоставлении в распоряжение и подкрепляющих эту просьбу документов, предусмотренных в статье 91, в течение конкретного срока, указанного в Правилах процедуры доказывания. Однако это лицо может дать согласие на предоставление в распоряжение до истечения того срока, если законодательство запрашиваемого государства допускает это. В таком случае запрашиваемое государство в кратчайшие сроки предоставляет данное лицо в распоряжение Суда.

4. То обстоятельство, что разыскиваемое лицо было освобождено из-под стражи в соответствии с пунктом 3, не влияет на последующий арест и предоставление в распоряжение этого лица, если позднее будет представлена просьба о предоставлении в распоряжение и подкрепляющие эту просьбу документы.

Статья 93

Другие формы сотрудничества

1. Государства-участники в соответствии с положениями настоящей Части и согласно процедурам, предусмотренным их национальным законодательством, выполняют просьбы Суда об оказании помощи в связи с осуществлением расследований или уголовного преследования путем:

а) идентификации и установления места нахождения лиц или предметов;

б) получения доказательств, включая показания под присягой, и сбор доказательств, включая мнения экспертов или заключения экспертизы, необходимые Суду;

с) допроса любого лица, находящегося под следствием или подвергающегося судебному преследованию;

д) вручения документов, включая судебные документы;

е) содействия добровольной явке лиц в качестве свидетелей и экспертов в Суд;

ф) временной передачи лиц, как это предусмотрено в пункте 7;

г) проведения осмотра мест или объектов, включая эксгумацию и осмотр захоронений;

h) производства обысков и наложения ареста;

и) предоставления протокола и документов, включая официальные протоколы и документы;

ж) защиты потерпевших и свидетелей и сохранения доказательств;

к) выявления, отслеживания и замораживания или ареста выреченных средств, имущества и доходов, а также орудий преступлений для цели последующей конфискации без ущерба для прав bona fide третьих сторон; и

л) предоставления любых других видов помощи, не запрещенных законодательством запрашиваемого государства, с целью содействия осуществлению расследования и уголовного преследования за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда.

2. Суд уполномочен предоставить свидетелю или эксперту, явившемуся в Суд, гарантию того, что этот свидетель или эксперт не будет подвергнут преследованию, заключению под стражу или любому другому ограничению личной свободы со стороны Суда в отношении любого действия или упущения, которые имели место до отбытия данного лица из запрашиваемого государства.

3. Если принятие какой-либо конкретной меры в рамках помощи, указанной в просьбе, направленной согласно пункту 1, запрещено в запрашиваемом государстве на основе существующего основополагающего принципа права общего применения, запрашиваемое государство незамедлительно проводит консультации с Судом в попытке решить этот вопрос. В ходе таких консультаций следует рассмотреть вопрос о том, может ли такая помощь быть предоставлена иным образом и на каких-либо условиях. Если после таких консультаций этот вопрос решить не удастся, Суд вносит в эту просьбу необходимые изменения.

4. В соответствии со статьей 72 государство-участник может отказать в просьбе о помощи, полностью или частично, только в том случае, если просьба касается предъявления каких-либо документов или обнародования фактов, которые имеют отношение к его национальной безопасности.

5. Прежде чем отказать в просьбе о помощи на основании пункта 1 (1), запрашиваемое государство рассматривает вопрос о том, может ли помощь быть предоставлена на конкретно определенных условиях или же она может быть предоставлена в более позднее время или каким-либо иным образом, при этом подразумевается, что, если Суд или Прокурор принимают помощь на каких-то условиях, Суд или Прокурор должны соблюдать их.

6. Если в просьбе о помощи отказано, запрашиваемое государство незамедлительно информирует Суд или Прокурора о причинах такого отказа.

7. а) Суд может обратиться с просьбой о временной передаче лица, содержащегося под стражей, для опознания, дачи показаний или оказания другой помощи. Такое лицо может быть передано Суду при соблюдении следующих условий:

i) лицо свободно дает свое осознанное согласие на такую передачу; и

ii) запрашиваемое государство соглашается на передачу с соблюдением таких условий, на которые это государство и Суд могут согласиться;

b) передаваемое лицо остается под стражей. После выполнения целей передачи Суд без задержки возвращает данное лицо запрашиваемому государству.

8. a) Суд обеспечивает конфиденциальность документов и информации, за исключением того, что требуется для целей расследования и разбирательства, о которых идет речь в просьбе.

b) Запрашиваемое государство может, когда это необходимо, препровождать Прокурору документы или информацию на условиях конфиденциальности. В этом случае Прокурор может использовать такие документы и такую информацию только для целей получения новых доказательств.

c) Запрашиваемое государство может по своей собственной инициативе или по просьбе Прокурора впоследствии дать согласие на раскрытие таких документов или информации. После этого они могут использоваться в качестве доказательств согласно положениям Частей 5 и 6 и в соответствии с Правилами процедуры и доказывания.

9. a) i) Когда какое-либо государство-участник получает встречные просьбы, отличные от просьб о передаче или выдаче, от Суда и другого государства в соответствии с каким-либо международным обязательством, государство-участник в консультации с Судом и другим государством принимает меры по удовлетворению обеих просьб, в случае необходимости путем отсрочки или сопровождения условиями той или другой просьбы;

ii) в отсутствие этого, встречные просьбы удовлетворяются в соответствии с принципами, закрепленными в статье 90;

b) если, однако, просьба Суда касается информации, собственности или людей, подпадающих под контроль третьего государства или международной организации согласно какому-либо международному соглашению, запрашиваемое государство информирует об этом Суд, и Суд направляет свою просьбу третьему государству или международной организации.

10. a) Суд может, по получении просьбы государства-участника, сотрудничать с государством-участником, ведущим расследование или судебное разбирательство в отношении деяния, образующего преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, или образующего серьезное преступление согласно национальному законодательству запрашивающего государства, и оказывать ему помощь;

b) i) помощь, оказываемая в соответствии с подпунктом (a), включает в себя, среди прочего:

(1) передачу заявлений, документов или других видов доказательств, которые получены в ходе расследования или судебного разбирательства, проведенного Судом; и

(2) допрос любого лица, задержанного по распоряжению Суда;

ii) в случае оказания Судом помощи на основании подпункта (b) (i) (1):

(1) если документы или другие виды доказательств получены с помощью какого-либо государства, для передачи Судом таких материалов требуется согласие со стороны этого государства;

(2) если заявления, документы или другие виды доказательств представлены свидетелем или экспертом, передача Судом таких материалов регулируется положениями статьи 68.

c) Суд может на условиях, изложенных в настоящем пункте, удовлетворить в соответствии с настоящим пунктом просьбу об оказании помощи со стороны государства, не являющегося участником Статута.

Статья 94

Отсрочка исполнения просьбы в связи с ведущимся расследованием или судебным преследованием

1. Если немедленное исполнение просьбы помешает ведущемуся расследованию или судебному преследованию по делу, отличному от дела, к которому относится просьба, запрашиваемое государство может отсрочить исполнение этой просьбы на срок, согласованный с Судом. Однако отсрочка не должна превышать срок, необходимый для завершения соответствующего расследования или судебного преследования в запрашиваемом государстве. Перед вынесением решения об отсрочке запрашиваемое государство должно рассмотреть вопрос о том, может ли быть немедленно предоставлена помощь при соблюдении определенных условий.

2. В случае принятия решения об отсрочке в соответствии с пунктом 1 Прокурор, тем не менее, может потребовать принятия мер для сохранения доказательств в соответствии с пунктом 1 (j) статьи 93.

Статья 95

Отсрочка исполнения просьбы в связи с опротестованием приемлемости дела

Без ущерба для пункта 2 статьи 53 в тех случаях, если Суд рассматривает протест в отношении приемлемости дела в соответствии со статьями 18 или 19, запрашиваемое государство может отсрочить исполнение просьбы в соответствии с настоящей Частью до вынесения Судом определения, если только Суд не принял специального распоряжения о том, что Прокурор может приступить к сбору доказательств в соответствии со статьями 18 или 19.

Статья 96

Содержание просьбы о других формах помощи согласно статье 93

1. Просьба о других формах помощи, упомянутых в статье 93, направляется в письменном виде. В неотложных случаях просьба может быть направлена любым средством, способным обеспечить доставку письменного сообщения, при том условии, что она подтверждается по каналу, предусмотренному в пункте 1 (a) статьи 87.

2. Такая просьба, в соответствующих случаях, содержит или подкрепляется:

а) кратким изложением цели просьбы и запрашиваемой помощи, в том числе юридической основы и оснований такой просьбы;

б) как можно более подробной информацией о местонахождении или личности любого лица или о месте, которые необходимо установить или идентифицировать для того, чтобы оказать запрашиваемую помощь;

с) кратким описанием существенных обстоятельств, на которых основывается просьба;

д) мотивами и детальным изложением любой процедуры или требования, подлежащих исполнению;

е) такой информацией, какая может потребоваться в соответствии с законодательством запрашиваемого государства для выполнения просьбы; и

ф) любой другой относящейся к делу информацией, необходимой для оказания запрашиваемой помощи.

3. По просьбе Суда государство-участник консультируется с Судом — либо в целом, либо в связи с каким-нибудь конкретным вопросом — относительно любых требований, предусмотренных его национальным законодательством, которые могут применяться согласно пункту 2 (е). В ходе таких консультаций

государство-участник уведомляет Суд о конкретных требованиях его национального законодательства.

4. Положения настоящей статьи в соответствующих случаях применяются также в отношении просьбы о помощи, направленной в Суд.

Статья 97

Консультации

Если, получив просьбу в соответствии с настоящей Частью, государство-участник устанавливает, что в связи с данной просьбой возникают проблемы, которые могут препятствовать ему выполнить данную просьбу либо исключать ее выполнение, такое государство безотлагательно проводит консультации с Судом для решения этого вопроса. Такие проблемы могут включать, в частности:

- а) недостаток информации для выполнения просьбы;
- б) в случае просьбы о предоставлении в распоряжение — невозможность установить, несмотря на все приложенные усилия, местонахождение требуемого лица или если результаты проведенного расследования показывают, что лицо, находящееся в государстве содержания под стражей, явно не является лицом, упомянутым в ордере; или
- с) то обстоятельство, что выполнение просьбы в ее нынешнем виде потребовало бы от запрашиваемого государства нарушения существовавших ранее договорных обязательств по отношению к другому государству.

Статья 98

Сотрудничество в отношении отказа от иммунитета и согласия на передачу

1. Суд не должен обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета лица или имущества другого государства, до тех пор, пока Суд не заручится сотрудничеством этого другого государства в вопросе отказа от иммунитета.

2. Суд не должен обращаться с просьбой о передаче, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, не совместимых с его обязательствами по международным соглашениям, в соответствии с которыми для передачи какого-либо лица Суду требуется получение согласия направляющего государства, если только Суд сначала не заручится сотрудничеством направляющего государства в деле получения согласия на передачу.

Статья 99

Исполнение просьб, представленных согласно статьям 93 и 96

1. Просьбы о помощи исполняются в соответствии с предусмотренной для этого случая процедурой, установленной законодательством запрашиваемого государства, и, если это не запрещено таким законодательством, способом, указанным в просьбе, включая соблюдение любой процедуры, указанной в ней, или разрешение лицам, указанным в просьбе, присутствовать и оказывать помощь в процессе исполнения.

2. В случае представления срочной просьбы документы или доказательства, подготовленные в ответ по просьбе Суда, направляются в неотложном порядке.

3. Ответы запрашиваемого государства препровождаются на языке оригинала и в их подлинном виде.

4. Без ущерба для других статей настоящей Части, если это необходимо для

успешного исполнения просьбы, которая может быть исполнена без каких-либо принудительных мер, включая конкретно допрос лица или получение от него доказательств на добровольной основе, в том числе без присутствия властей запрашиваемого государства, если это крайне важно для исполнения просьбы, и осмотр без изменений какого-либо общественного объекта или иного общественного места, Прокурор может исполнить такую просьбу непосредственно на территории государства следующим образом:

а) если запрашиваемое государство является государством, на территории которого, как предполагается, было совершено преступление, и была определена приемлемость дела в соответствии со статьями 18 или 19, Прокурор может непосредственно исполнить такую просьбу после проведения всевозможных консультаций с запрашиваемым государством;

б) в других случаях Прокурор может исполнить такую просьбу после консультаций с запрашиваемым государством и с учетом любых разумных условий или озабоченностей, высказанных данным государством. Если запрашиваемое государство-участник указывает на проблемы, связанные с исполнением просьбы согласно этому подпункту, оно безотлагательно проводит консультации с Судом для решения этого вопроса.

5. Положения, разрешающие лицу, заслушиваемому или допрашиваемому Судом согласно статье 72, ссылаться на ограничения, предназначенные для недопущения разглашения конфиденциальной информации, касающейся национальной обороны или безопасности, могут также применяться к исполнению просьб об оказании помощи, представленных в соответствии с настоящей статьей.

Статья 100

Расходы

1. Обычные расходы, связанные с исполнением просьб на территории запрашиваемого государства, покрываются этим государством, за исключением нижеследующих расходов, которые покрываются Судом:

а) расходы, связанные с поездками и обеспечением безопасности свидетелей и экспертов или передач, согласно статье 93, лиц, находящихся под стражей;

б) расходы на письменный и устный перевод и составление стенограмм;

с) путевые расходы и суточные судей, Прокурора, заместителей Прокурора, Секретаря, заместителя Секретаря и сотрудников любого органа Суда;

д) расходы на подготовку любого заключения эксперта или экспертизы, запрошенных Судом;

е) расходы, связанные с перевозкой лица, передаваемого в распоряжение Суда государством места содержания под стражей; и

ф) после консультаций — любые чрезвычайные расходы, которые могут быть вызваны исполнением просьбы.

2. Положение пункта 1 в соответствующих случаях применяется в отношении просьб к Суду со стороны государств-участников. В этом случае Суд покрывает обычные расходы, связанные с исполнением.

Статья 101

Норма о неизменности условий

1. Лицо, передаваемое Суду согласно настоящему Статуту, не подлежит процессуальным действиям, наказанию или содержанию под стражей за любое поведение, допущенное до передачи, кроме того поведения или линии поведения, образующих основу преступлений, за которые это лицо передается.

2. Суд может просить государство, передавшее лицо Суду, отказаться от требований, установленных в пункте 1, и, в случае необходимости, Суд представляет дополнительную информацию в соответствии со статьей 91. Государства-участники правомочны удовлетворять просьбу Суда об отказе от требований и должны стремиться делать это.

Статья 102

Употребление терминов

Для целей настоящего Статута:

а) передача — означает доставку лица государством в Суд в соответствии с настоящим Статутом;

б) выдача — означает доставку лица одним государством в другое государство в соответствии с положениями международного договора, Конвенции или национального законодательства.

ЧАСТЬ 10. ИСПОЛНЕНИЕ

Статья 103

Роль государства в исполнении наказания в виде лишения свободы

1. а) Наказание в виде лишения свободы отбывается в государстве, определяемом Судом из перечня государств, уведомивших Суд о своей готовности принять лиц, которым вынесен приговор.

б) В то время, когда государство делает заявление о готовности принимать лица, которым вынесен приговор, это государство может указать условия такого принятия по согласованию с Судом и в соответствии с настоящей Частью.

с) Государство, назначенное для отбывания наказания в виде лишения свободы в конкретном деле, незамедлительно информирует Суд о том, соглашается ли оно с произведенным Судом назначением.

2. а) Государство исполнения приговора уведомляет Суд о любых обстоятельствах, включая выполнение любых условий, согласованных в соответствии с пунктом 1, которые могут физически повлиять на условия и продолжительность лишения свободы. Суд уведомляется не менее чем за 45 дней о наличии любых таких обстоятельств, которые могут быть известны или которые можно было предвидеть. В течение этого периода времени государство исполнения приговора не предпринимает действий, которые могли бы нанести ущерб выполнению им своих обязательств согласно статье 110.

б) Если Суд не может согласиться с обстоятельствами, о которых говорится в подпункте (а), он уведомляет данное государство исполнения приговора и действует в соответствии с пунктом 1 статьи 104.

3. При осуществлении своих полномочий по назначению государства в соответствии с пунктом 1 Суд принимает во внимание следующее:

а) принцип, согласно которому государства-участники разделяют ответственность за исполнение наказаний в виде лишения свободы в соответствии с принципами справедливого распределения, как это предусматривается в Правилах процедуры и доказывания;

б) применение широко признанных международных договорных стандартов обращения с заключенными;

с) мнение лица, которому вынесен приговор; и

д) гражданство лица, которому вынесен приговор;

е) также другие факторы, которые касаются обстоятельств преступления или лица, которому вынесен приговор, или эффективного исполнения наказания и

которые могут оказаться уместными при назначении государства исполнения приговора.

4. Если ни одно из государств не назначено в соответствии с пунктом 1, наказание в виде лишения свободы отбывается в тюремном учреждении, предоставляемом государством пребывания, в соответствии с условиями, предусмотренными в соглашении о штаб-квартире, упомянутом в пункте 2 статьи 3. В таком случае расходы, связанные с исполнением наказания в виде лишения свободы, несет Суд.

Статья 104

Изменение государства исполнения приговора

1. Суд может в любое время принять решение о переводе лица, которому вынесен приговор, в тюрьму другого государства.

2. Лицо, которому вынесен приговор, может в любое время обратиться в Суд с ходатайством о его переводе из государства исполнения приговора.

Статья 105

Исполнение приговора

1. С соблюдением условий, которые государство могло оговорить на основании пункта 1 (b) статьи 103, приговор о назначении наказания в виде лишения свободы является обязательным для государств-участников, которые ни при каких обстоятельствах не могут изменять его.

2. Только Суд имеет право принимать решение по любому ходатайству об обжаловании и пересмотре. Государство исполнения приговора не препятствует лицу, которому вынесен приговор, обращаться с любым таким ходатайством.

Статья 106

Надзор за осуществлением приговора и условиями лишения свободы

1. Исполнение наказания в виде лишения свободы осуществляется под надзором Суда и должно соответствовать широко признанным международным договорным стандартам обращения с заключенными.

2. Условия лишения свободы регулируются законодательством государства исполнения приговора и должны соответствовать широко признанным международным договорным стандартам обращения с заключенными; эти условия ни в каком случае не будут более или менее благоприятными, чем те, в которых содержатся заключенные, осужденные в государстве исполнения приговора за совершение аналогичных преступлений.

3. Переписка между лицом, которому вынесен приговор, и Судом является беспрепятственной и конфиденциальной.

Статья 107

Передача лица после отбывтия наказания

1. По отбывтии наказания лицо, не являющееся гражданином государства исполнения приговора, может в соответствии с законодательством государства исполнения приговора быть передано государству, которое обязано принять это лицо, или другому государству которое согласно принять это лицо, учитывая при этом любые пожелания лица, подлежащего передаче такому государству, если только государство исполнения приговора не дает этому лицу разрешение на пребывание на своей территории.

2. Если ни одно государство не берет на себя расходы, связанные с передачей лица в соответствии с пунктом 1, бремя этих расходов несет Суд.

3. При условии соблюдения положений статьи 108 государство исполнения приговора может также в соответствии со своим законодательством выдать или иным образом предоставить соответствующее лицо в распоряжение государству, обратившемуся с просьбой о выдаче или предоставлении в распоряжении этого лица для целей судебного преследования или исполнения приговора.

Статья 108

Ограничение в отношении уголовного преследования или наказания за другие правонарушения

1. Лицо, которому вынесен приговор и которое находится под стражей в государстве исполнения приговора, не подлежит уголовному преследованию или наказанию либо выдаче третьему государству за любые деяния, совершенные этим лицом до его передачи государству исполнения приговора, если только такое уголовное преследование, наказание или выдача не были утверждены Судом по просьбе государства исполнения приговора.

2. Суд принимает решение по данному вопросу после того, как им заслушано мнение лица, которому вынесен приговор.

3. Пункт 1 перестает применяться, если лицо, которому вынесен приговор, по собственной воле находится на территории государства исполнения приговора более 30 дней после отбытия им своего срока наказания по приговору, вынесенному Судом, либо возвращается на территорию этого государства после того, как покинуло ее.

Статья 109

Исполнение решений о штрафах и конфискационных мерах

1. Государства-участники обеспечивают исполнение решений о штрафах и конфискационных мерах, вынесенных Судом на основании Части 7, без ущерба для прав bona fide третьих сторон и в соответствии с процедурой, предусмотренной их национальным законодательством.

2. Если государство-участник не может обеспечить решения о конфискации, оно принимает меры к взысканию доходов, имущества или активов, подлежащих конфискации по решению Суда, без ущерба для прав bona fide третьих сторон.

3. Имущество или доходы от продажи недвижимого имущества или, в соответствующих случаях, от продажи иного имущества, которое получено государством-участником в результате исполнения им решения Суда, передаются Суду.

Статья 110

Рассмотрение Судом вопроса об уменьшении срока наказания по приговору

1. Государство исполнения приговора не может освободить лицо до истечения срока наказания по приговору, вынесенному Судом.

2. Только Суд имеет право принимать решение о каком-либо уменьшении срока наказания и выносит постановление по этому вопросу, заслушав лицо.

3. Когда лицо отбыло две трети срока наказания или 25 лет в случае пожизненного лишения свободы, Суд осуществляет обзор приговора, вынесенного им данному лицу, с тем чтобы определить, следует ли уменьшить назначенный по этому приговору срок наказания. Такой обзор не будет осуществляться до наступления установленного выше периода.

4. При осуществлении обзора на основании пункта 3 Суд может вынести решение об уменьшении срока наказания, если он устанавливает наличие одного или нескольких из следующих факторов:

а) выраженная на раннем этапе неизменная готовность лица сотрудничать с Судом в проводимых им расследованиях и уголовном преследовании;

б) добровольная помощь со стороны лица в обеспечении исполнения решений и приказов Суда в других случаях и, в частности, оказание помощи с целью выявления местонахождения активов, на которые распространяется действие постановлений о штрафе, конфискации или возмещении ущерба и которые могут использоваться в интересах потерпевших; или

с) другие факторы, предусмотренные в Правилах процедуры и доказывания, которые свидетельствуют о явном и существенном изменении обстоятельств, достаточном для того, чтобы послужить основанием для уменьшения наказания.

5. При первоначальном обзоре, согласно пункту 3, если Суд приходит к выводу о нецелесообразности уменьшения срока наказания, то вопрос об уменьшении срока наказания рассматривается им впоследствии через такие промежутки времени и с применением таких критериев, какие предусмотрены в Правилах процедуры и доказывания.

Статья 111

Побег

Если лицо, признанное виновным, совершает побег из-под стражи и покидает государство исполнения приговора, то это государство может после консультации с Судом обратиться с просьбой о передаче лица государству, в котором это лицо находится, в соответствии с действующими двусторонними или многосторонними договоренностями, либо может обратиться в Суд с просьбой ходатайствовать о передаче лица. Он может отдать распоряжение о том, чтобы лицо было доставлено в государство, в котором оно отбывало наказание, или в другое государство, назначенное Судом.

ЧАСТЬ 11. АССАМБЛЕЯ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ

Статья 112

Ассамблея государств-участников

1. Настоящим учреждается Ассамблея государств — участников настоящего Статута. Каждое государство-участник имеет в Ассамблее одного представителя, которого могут сопровождать заместители и советники. Государства, подписавшие Статут или Заключительный акт, могут быть наблюдателями в Ассамблее.

2. Ассамблея:

а) рассматривает и, в соответствующих случаях, принимает рекомендации Подготовительной комиссии;

б) представляет Президиуму, Прокурору и Секретарю административный обзор по вопросам управления делами Суда;

с) рассматривает доклады и обсуждает деятельность Бюро, учреждаемого в соответствии с пунктом 3, и принимает в связи с этим соответствующие меры;

д) рассматривает и принимает бюджет Суда;

е) решает, есть ли необходимость изменить в соответствии со статьёй 36 число судей;

ф) рассматривает во исполнение пунктов 5 и 7 статьи 87 любой вопрос, касающийся отсутствия сотрудничества;

г) осуществляет любые другие функции, совместимые с настоящим Статутом или Правилами процедуры и доказывания.

3. а) Ассамблея имеет Бюро, в состав которого входят Председатель, два заместителя Председателя и 18 членов, избираемых Ассамблеей сроком на три года.

б) Бюро имеет представительный характер, учитывающий, в частности, критерии справедливого географического распределения и надлежащего представительства основных правовых систем мира.

с) Заседания Бюро проводятся так часто, как необходимо, но не реже одного раза в год. Оно оказывает помощь Ассамблее в выполнении ее обязанностей.

4. Ассамблея может учреждать такие вспомогательные органы, которые могут оказаться необходимыми, включая создание независимого механизма надзора для целей повышения эффективности и экономичности Суда при проведении инспекций, оценок и расследований.

5. Председатель Суда, Прокурор, Секретарь или их представители могут участвовать, по мере необходимости, в заседаниях Ассамблеи и Бюро.

6. Сессии Ассамблеи проводятся в месте пребывания Суда или в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций один раз в год; и когда этого требуют обстоятельства, проводятся специальные сессии Ассамблеи. Если иное не предусмотрено в настоящем Статуте, специальные сессии созываются Бюро по его собственной инициативе или по просьбе одной трети государств-участников.

7. Каждое государство-участник имеет один голос. Предпринимаются все усилия для достижения решений по вопросам существа на основе консенсуса в Ассамблее и в Бюро. При невозможности достижения консенсуса, если иное не предусмотрено в Статуте:

а) решения по вопросам существа должны утверждаться большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании государств-участников при условии, что абсолютное большинство государств-участников обеспечивает кворум для голосования;

б) решения по вопросам процедуры принимаются простым большинством присутствующих и участвующих в голосовании государств-участников.

8. Государство-участник, имеющее задолженность по выплате взносов для покрытия расходов Суда, не имеет права голоса в Ассамблее и в Бюро, если сумма его задолженности равняется или превышает сумму причитающихся с него взносов за предыдущие два полных года. Ассамблея тем не менее может разрешить такому государству-участнику принимать участие в голосовании в Ассамблее и в Бюро, если она убедится в том, что неуплата вызвана обстоятельствами, не зависящими от государства-участника.

9. Ассамблея принимает собственные правила процедуры.

10. Официальными и рабочими языками Ассамблеи являются языки Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

ЧАСТЬ 12. ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья 113

Финансовые положения

За исключением случаев, когда предусматривается иное, финансовые вопросы, касающиеся Суда и сессий Ассамблеи государств-участников, включая заседания ее Бюро и вспомогательных органов, регулируются настоящим Статутом и финансовыми положениями и правилами, принятыми Ассамблеей государств-участников.

Статья 114

Покрывтие расходов

Расходы Суда и Ассамблеи государств-участников, включая заседания ее Бюро и вспомогательных органов, покрываются за счет средств Суда.

Статья 115

Средства Суда и Ассамблеи государств-участников

Расходы Суда и Ассамблеи государств-участников, включая ее Бюро и вспомогательные органы, предусмотренные в бюджете, принимаемом Ассамблеей государств-участников, покрываются за счет следующих источников:

- а) начисленные взносы, производимые государствами-участниками;
- б) средства, предоставленные Организацией Объединенных Наций, подлежащие утверждению Генеральной Ассамблеей, в частности в связи с расходами, понесенными в связи с передачей ситуаций Совету Безопасности.

Статья 116

Добровольные взносы

Без ущерба для положений статьи 115 Суд может получать и использовать в качестве дополнительных средств добровольные взносы правительств, международных организаций, отдельных лиц, корпораций и других образований согласно соответствующим критериям, принятым Ассамблеей государств-участников.

Статья 117

Установление взносов

Взносы государств-участников устанавливаются в соответствии с согласованной шкалой начисленных взносов, основанной на шкале, принятой Организацией Объединенных Наций для ее регулярного бюджета, и скорректированной в соответствии с принципами, на которых эта шкала основывается.

Статья 118

Ежегодная ревизия

Документы, книги и счета Суда, включая его годовые финансовые ведомости, подвергаются ежегодной ревизии независимым ревизором.

ЧАСТЬ 13. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 119

Урегулирование споров

1. Любой спор относительно судебных функций Суда подлежит урегулированию решением Суда.

2. Любой другой спор между двумя или более государствами-участниками относительно толкования или применения настоящего Статута, который не урегулирован путем переговоров в течение трех месяцев с момента его возникновения, передается Ассамблее государств-участников. Ассамблея может сама предпринять усилия для разрешения спора или вынести рекомендации в отношении последующего применения средств разрешения данного спора, включая передачу спора в Международный Суд в соответствии с его Статутом.

Оговорки

Никакие оговорки к настоящему Статуту не могут делаться.

Статья 121

Поправки

1. По истечении семи лет с момента вступления в силу настоящего Статута любое государство-участник может предложить поправки к нему. Текст любой предлагаемой поправки представляется Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который немедленно распространяет его среди всех государств-участников.

2. Не ранее чем через три месяца с даты уведомления следующая Ассамблея государств-участников большинством голосов присутствующих и участвующих в голосовании решает, рассматривать ли данное предложение. Ассамблея может рассмотреть предложение непосредственно или созвать Обзорную конференцию, если этого потребует затрагиваемый вопрос.

3. Для принятия поправки, по которой не может быть достигнут консенсус, совещанием Ассамблеи государств-участников или Обзорной конференцией требуется большинство в две трети голосов государств-участников.

4. За исключением предусмотренного в пункте 5, поправка вступает в силу в отношении всех государств-участников через год после сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций ратификационных грамот или документов о принятии восьмью восьмью из них.

5. Любая поправка к статье 5 настоящего Статута вступает в силу для государств-участников, принявших эту поправку, через год после сдачи на хранение их ратификационных грамот или документов о принятии. В отношении государства-участника, не принявшего поправку, Суд не осуществляет своей юрисдикции в том, что касается преступления, охватываемого такой поправкой, когда оно совершается гражданами этого государства-участника или на его территории.

6. Если поправка принята семью восьмью государствами-участниками в соответствии с пунктом 4, любое государство-участник, которое не принял ее, может выйти из Статута с немедленной силой, вне зависимости от положений пункта 1 статьи 127, однако с соблюдением положений пункта 2 статьи 127, направив уведомление не позднее чем через год после вступления в силу такой поправки.

7. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций распространяет среди всех государств-участников любую поправку, принятую совещанием Ассамблеи государств-участников или Обзорной конференцией.

Статья 122

Поправки к положениям институционального характера

1. Поправки к положениям Статута, которые имеют исключительно институциональный характер, а именно, к статье 35, пунктам 8 и 9 статьи 36, статье 37, статье 38, пунктам 1 (первые два предложения), 2 и 4 статьи 39, пунктам 4—9 статьи 42, пунктам 2 и 3 статьи 43 и к статьям 44, 46 и 49, могут быть предложены в любое время, вне зависимости от положений пункта 1 статьи 121, любым государством-участником. Текст любой предлагаемой поправки представляется Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций или иному лицу, назначенному Ассамблеей государств-участников, который немедленно распространяет ее среди всех государств-участников.

2. Поправки к настоящей статье, по которым не может быть достигнут консенсус, принимаются Ассамблеей государств-участников или Обзорной конференцией большинством в две трети государств-участников. Такие поправки вступают в силу в отношении всех государств-участников через шесть месяцев после их принятия Ассамблеей или, в зависимости от случая, Конференцией.

Статья 123

Пересмотр Статута

1. По истечении семи лет после вступления в силу настоящего Статута Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций созывает Обзорную конференцию по рассмотрению любых поправок к настоящему Статуту. Такое рассмотрение может включать в себя — но не ограничивается им — перечень преступлений, содержащийся в статье 5. Конференция открыта для участников Ассамблеи государств-участников и на тех же условиях.

2. В любое время после этого по просьбе одного из государств-участников и для целей, указанных в пункте 1, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций с одобрения большинства государств-участников созывает Обзорную конференцию государств-участников.

3. Положения пунктов 3—7 статьи 121 применяются в отношении принятия и вступления в силу любой поправки к Статуту, рассмотренной на Обзорной конференции.

Статья 124

Временное положение

Несмотря на положения пункта 1 статьи 12, государство, становясь участником настоящего Статута, может заявить, что в течение семи лет после вступления настоящего Статута в силу для соответствующего государства оно не признает юрисдикцию Суда в отношении категории преступлений, упоминаемых в статье 8, когда, как предполагается, преступление совершено его гражданами или на его территории. Заявление по смыслу настоящей статьи может быть снято в любое время. Положения настоящей статьи будут пересматриваться на Обзорной конференции, созываемой в соответствии с пунктом 1 статьи 123.

Статья 125

Подписание, ратификация, принятие, одобрение или присоединение

1. Настоящий Статут будет открыт для подписания всеми государствами в Риме в штаб-квартире Продовольственной и Сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций 17 июля 1998 года. После чего он будет открыт для подписания в Риме в Министерстве иностранных дел Италии до 17 октября 1998 года. После этой даты Статут будет открыт для подписания в Нью-Йорке, в штаб-квартире Организации Объединенных Наций до 31 декабря 2000 года.

2. Настоящий Статут подлежит ратификации, принятию или утверждению государствами, подписавшими Статут. Ратификационные грамоты или документы о принятии или утверждении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

3. Настоящий Статут открыт для присоединения всех государств. Документы о присоединении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Вступление в силу

1. Настоящий Статут вступает в силу в первый день месяца, следующего после 60-го дня после сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций 60-й ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении.

2. Для каждого государства, которое ратифицирует, принимает, утверждает Статут или присоединяется к нему после сдачи на хранение 60-й ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении, Статут вступает в силу в первый день месяца, следующего после 60-го дня сдачи таким государством своей ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении.

Статья 127

Выход

1. Любое государство-участник может выйти из настоящего Статута, направив Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций соответствующее письменное уведомление. Выход вступает в силу через год после даты получения такого уведомления, если в уведомлении не указывается более поздний срок.

2. Выход из настоящего Статута не освобождает государство от выполнения обязательств, вытекающих из настоящего Статута, которые возникли в период участия этого государства в настоящем Статуте, включая любые финансовые обязательства. Выход государства из настоящего Статута не влияет также на осуществление сотрудничества с Судом в проведении расследований и разбирательств, применительно к которым выходящее государство было обязано сотрудничать и которые были начаты до даты вступления выхода в силу, а также никоим образом не наносит ущерба продолжающемуся рассмотрению любого вопроса, который находился на рассмотрении Суда до даты вступления выхода в силу.

Статья 128

Аутентичные тексты

Подлинник настоящего Статута, тексты которого на английском, арабском, испанском, русском и французском языках являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который рассылает заверенные копии настоящего Статута всем государствам.

В УДОСТОВЕРЕНИЕ чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные своими соответствующими правительствами, подписали настоящий Статут.

Международная частноправовая практика юридической фирмы “ММЦП и К”

ОБ УСПЕШНОМ ЗАВЕРШЕНИИ СУДЕБНОГО ДЕЛА ОАО “МОРСКОЙ ПОРТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ”

Весной 1997 г. в международную юридическую фирму “ММЦП и К” поступила просьба о ведении судебного дела в Федеральном арбитражном суде Северо-Западного округа. Спор между одним из крупных западных инвесторов и Санкт-Петербургским территориальным управлением Государственного комитета Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур (далее именуемым “Антимонопольный комитет”) подошел к стадии рассмотрения кассационной жалобы последнего на постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Ранее апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции, удовлетворившего иск Антимонопольного Комитета о недействительности некоторых положений учредительного договора акционерного общества, учрежденного в марте 1991 г. упомянутым крупным западным инвестором совместно с ОАО “Морской порт Санкт-Петербург”.

Обычное по своему содержанию и предмету регулирования соглашение о создании акционерного общества имело огромное значение для экономики Санкт-Петербурга и всего Северо-Западного региона России. Дело оказалось юридически интересным тем, что международный по составу участников спор решался на основе публичного права, применение которого имело для них гражданско-правовые последствия.

Контактные телефоны международной юридической фирмы “ММЦП и К”
290—42—22; 290—27—57.

Адрес в INTERNET <http://mice.ym-com.net>

В 1990 г. одна из крупных швейцарских компаний "Inter Maritime Management S.A." (далее именуемая "Иностранный инвестор") предложила свои услуги по рациональной модернизации мощностей ОАО "Морской порт Санкт-Петербург" (далее — "Порт") — ключевого элемента инфраструктуры города и всего региона. Новые технологии перевалки грузов и обработки контейнеровозов и судов типа "ро-ро" позволили бы увеличить транспортные потоки и торговый оборот региона, дать стимул развитию смежных отраслей промышленности, увеличить привлекательность инвестиций и доходы местного бюджета. Не вполне благоприятная акватория Порта позволяла начать строительство только на одном определенном ее участке, имеющем подходящую высоту берега и прочие исходные параметры.

Перед началом проекта Иностранный инвестор попробовал выговорить для себя определенные гарантии своего приобретения, а именно: права эксплуатировать новые мощности на определенных условиях и в стабильном режиме, чтобы это как можно скорее окупило сделанные им вложения и приносило доход. В юридическую схему проекта была заложена конструкция передачи прав на данную акваторию в уставный капитал созданного совместно акционерного общества (далее именуемого "Общество"), позволяющих, как это было закреплено в учредительных документах, "осуществлять строительство, производить реконструкцию и модернизацию порта". Это устанавливало исключительность в обладании правом на получение будущего дохода от эксплуатации и создавало привилегию нахождения в списке постоянных партнеров Порта, независимо от того, насколько успешным было бы сотрудничество, строительство и введение в действие новых технологий.

Впоследствии, однако, оказалось, что Иностранный инвестор вовсе не спешит делать вложения сверх тех, которые являлись формальной оплатой небольшого уставного капитала созданного Общества, и стремится не столько развивать проект, сколько продать свою долю участия по гораздо более высокой, чем собственные затраты, цене третьим лицам, потенциально способным проводить в последующем значительные капиталовложения.

Такое положение не устраивало ни Порт, ни других инвесторов, имевших большую заинтересованность в осуществлении модернизации инфраструктуры города. С момента подписания учредительного договора о создании Общества (далее именуемого "Договор") прошло 6 лет, а никаких серьезных работ или улучшений той части акватории, которая была пригодна для новых технологий, не осуществлялось. Со временем выяснилось, что Иностранный инвестор, предлагая, с одной стороны, к продаже свою долю в уставном капитале Общества, при этом, с другой стороны, стремился получить как можно большую прибыль и поэтому не спешил с такой продажей. Вместе с тем, ссылаясь на исключительные права Общества, он всячески препятствовал попыткам Порта и других инвесторов осуществлять модернизацию благоприятного участка морского порта, переданного Обществу. Действия Иностранного инвестора крайне негативно влияли на экономическое развитие Порта, сдерживали транспортные потоки и создавали дефицит на рынке портовых услуг.

В деле защиты своих нарушенных прав Порт вынужден был считаться с главной юридической трудностью — подчинением всех споров из Договора международному третейскому суду в Великобритании, разбирательство в котором обещало быть длительным и дорогостоящим. Решение третейского суда следовало затем снабдить юридической силой через процедуру разрешения исполнения в суде общей юрисдикции Санкт-Петербурга. Вместе с тем третейская оговорка в Договоре обладала дерогационным эффектом по отношению ко всем искам,

связанным с Договором, например о расторжении такового, возмещении убытков, пересмотре его условий и т.д. Таким образом, очевидные претензии Порты к своему контрагенту, заявленные в суд РФ, имели бы результатом отказ правоприменительных органов от осуществления правосудия в силу Нью-Йоркской конвенции 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений и ст. 8 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже".

Следует признать, что имела место определенная особенность в закреплении обязательств сторон по проекту. Они фиксировались в тексте Договора, имевшего вид всеобъемлющего, подробно составленного документа, хотя стандартно его предметом является только совместная деятельность по созданию общества и совершению первоначальных вкладов в его уставный капитал. Объяснялось это, возможно, двумя причинами: Договор составлялся в 1991 г., когда акционерное законодательство России было, мягко говоря, не в полном порядке. Стороны Договора, возможно, использовали рекомендации юридического консультанта из государства, имеющего правовую систему англосаксонского типа, где получило широкое распространение соглашение между акционерами, охватывающее не только регламентацию их прав как участников общества, но и другие вопросы текущего взаимного инвестирования, особых льгот и т.д.

Кроме того, Договор содержал условия, не известные российскому праву, о том, что даже после его прекращения стороны не будут иметь совместные проекты такого же рода с третьими лицами в течение трех лет. Договором, таким образом, устанавливались обязательства, которые должны были возникнуть в момент утраты им юридической силы, что само по себе вряд ли имело бы исковую защиту в случае, например, расторжения Договора. При таком прекращении его действия обязательства не могут существовать в прежнем виде (п. 2 ст. 453 ГК РФ). Однако, сама по себе такая не вполне корректная формулировка усиливала акцент на исключительности прав Иностранного инвестора и созданного им Общества на обладание участком акватории Порты, по крайней мере, в период действия Договора.

Порт был ограничен в выборе должного средства правовой защиты в силу некоторых других юридических аспектов дела. Прошедший государственную регистрацию Договор был составлен таким образом, что обязательства по инвестированию в инфраструктуру Порты были сформулированы не конкретно, без определения сроков, размера платежей и порядка их внесения. Таким образом, сформулировать в сложившихся обстоятельствах, в чем именно состоит нарушение обязательств Иностранным инвестором, оказывалось далеко не просто. Несмотря на то, что Иностраный инвестор фактически не участвовал в делах Общества, созданного для модернизации порта, и не занимал ту часть акватории, которая подходила под установления новых технологий перевалки, начать проект с новым инвестором становилось юридически рискованно, т.к. Иностраный инвестор мог угрожать судебным разбирательством за границей ввиду нарушения его исключительных прав. Сам по себе риск подобного судебного разбирательства сильно воздействовал на многих иностранных инвесторов, которые условием сотрудничества считали устранение всяких даже малореальных опасностей того, что их капиталовложения окажутся под угрозой.

Действия, предпринятые Портом до рассмотрения дела третьей судебной инстанцией

Хорошо понимая, что требования, имеющие связь с Договором, охватываются арбитражной оговоркой и подлежат рассмотрению за границей третейским судом, а также то, что какие-либо юридические мероприятия не должны приво-

доть к затяжному разбирательству и быть быстрыми и эффективными, Порт совместно с властями города инициировал разбирательство в Антимонопольном комитете, в результате чего в Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга был заявлен иск о недействительности тех положений Договора, которые противоречат антимонопольному законодательству. Суду предлагалось признать, что формулировка о передаче исключительных прав по строительству, реконструкции и развитию учреждаемому Обществу является недействительной.

Суд первой инстанции нашел, что требование Антимонопольного комитета является законным и удовлетворил его; положение Договора о том, что Общество имеет исключительные права на использование участка акватории Порта, пригодного для сооружения и эксплуатации новых терминалов, было признано недействительным.

Вскоре, однако, Иностраннй инвестор подал жалобу. Отменяя решение, апелляционная инстанция издала постановление, мотивировочная часть которого, подробная и неплохо составленная, казалось бы не давала никаких шансов для продолжения разбирательства по выдвинутому основанию.

Центральным пунктом постановления апелляционной инстанции был вывод о том, что исполнение Договора не имело результатом убытки на стороне каких-либо лиц, во всяком случае, такой ущерб не был доказан Антимонопольным комитетом.

Другое обоснование отмены судебного решения состояло в том, что к Договору, заключенному в 1991 г., не следовало применять нормы антимонопольного регулирования, принятые позже. Действительно, Закон РСФСР от 22.03.91 № 948-1 "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" был принят через три дня после государственной регистрации Общества и через три недели после подписания Договора.

Следующим нарушением, допущенным судом первой инстанции, называлось отсутствие должного уведомления не явившегося на заседание иностранного ответчика о судебном заседании, как это предусмотрено Гаагской конвенцией по вопросам гражданского процесса 1954 г., в момент присоединения к которой правопреемник Россия сделала заявление об обязательности процедуры уведомления посредством Министерства иностранных дел и Министерства юстиции своих лиц, вовлеченных в судебный процесс за границей. Ввиду этого согласно п. 3 ст. 158 АПК РФ решение подлежало отмене в любом случае.

Антимонопольным комитетом на данное постановление была подана кассационная жалоба. Для участия в разбирательстве была привлечена международная юридическая фирма "ММЦП и К°".

Итоги предварительного анализа дела

Исследование обстоятельств дела и юридический анализ сложившейся ситуации приводили к выводу о том, что нейтрализацию положения Договора можно было бы осуществить разными способами: путем прекращения его на будущее время, посредством установления его недействительности в судебном порядке, а также с помощью оспаривания законности передачи в 1991 г. прав на использование участка акватории Порта в качестве исключительного имущественного правомочия.

Ввиду вышесказанного являлись в принципе допустимыми некоторые альтернативные средства правовой защиты. Удовлетворение иска о расторжении Договора, пока не исполненного в части "объединения усилий и инвестиций для внедрения новых технологий перевалки", позволило бы освободиться от обязанности безотзывного отчуждения права на основе режима исключительного ис-

пользования. Такой метод создавал риск отказа от правосудия ввиду наличия арбитражной оговорки, однако мог считаться перспективным аргументом о том, что арбитражная запись не может охватывать спор о расторжении, т.к. последний относится к признанию права на недвижимость и является исключительно подсудным органу по месту ее нахождения по той причине, что такое признание прямо связано с правомочностью расторжения Договора (п. 3 ст. 212 АПК). Предполагалось, что пункт об исключительной подсудности подлежит расширительному толкованию и не ограничивается только виндикационным или негаторным требованиями и заявлениями об установлении фактов.

По причине наличия несоответствий требованиям, предъявленным к учредительным документам, существовал повод для требования признания регистрации Общества недействительной, что имело бы результатом, как устанавливала судебная практика того времени, ликвидацию Общества как субъекта права с исключительным режимом использования. Такой иск явно не подпадал под арбитражную оговорку и мог дать быстрый и нужный юридический эффект.

Другим средством правовой защиты могли служить те или иные разновидности владельческих исков о принадлежности права на акваторию Порта, его истребования, устранении препятствий в его осуществлении и т.п. Однако все это возбуждало известные трудности квалификации юридического состава относительного того, перешло ли право с исключительным режимом использования или нет от одного владельца к другому, возможно ли его существование в столь мало определенной форме и т.д.

Анализ выявил явную предпочтительность того способа защиты прав, который сформулировал Антимонопольный комитет применительно к оспоримости некоторых положений Договора. Это помогал видеть и анализ постановления апелляционной инстанции, которое имело один явный и крупный недостаток. Оно не содержало ни одной материальной нормы, которой бы обосновывались выводы данного суда. В мотивировочной части имелись общие процессуальные нормы, однако ни одного правового положения по существу не было приведено. Между тем специалистам международной юридической фирмы “ММЦП и К^о” и собственной практике было известно, что только по причине отсутствия материальных норм в резолютивной части решений их рекомендуют отменять как незаконные. Таким образом, в одном этом усматривался очевидный повод обжаловать постановление апелляционной инстанции на основе выявления максимального количества дефектов и нарушений в нем.

Представлялось возможным также использовать то, что выводы апелляционной инстанции базировались на цивилистических категориях оснований ответственности — ущерб на стороне истца, причинно-следственная связь, неравномерное юридическое действие, вина должника, в то время как поведение ответчиков нужно было оценивать публичными нормами, особыми предпосылками санкций и положением о защите публичных интересов, отстаиваемых государственным специализированным органом.

Особенность данного дела заключалась в том, что, представляя формально юридически интересы Порта, Ответчика в процессе, как стороны оспариваемого Договора, сотрудники международной юридической фирмы “ММЦП и К^о” не только поддерживали, но и разрабатывали аргументацию Истца — Антимонопольного комитета, добивающегося признания недействительными отдельных положений этого Договора. Весь ход заседания кассационной инстанции по сути определялся процессуальной активностью международной юридической фирмы “ММЦП и К^о” и адвокатов, защищавших Иностранного инвестора.

**Содержание правовых доводов, использованных
сотрудниками международной юридической фирмы "ММЦП и К⁰"
в ходе разбирательства в кассационной инстанции**

Во время рассмотрения жалобы на постановление апелляционной инстанции до сведения суда были доведены следующие аргументы в пользу его отмены.

1. Нормы права применяются к недействительным сделкам независимо от времени их совершения.

Ст. 9 Закона РФ "О введении в действие части первой Гражданского кодекса РФ" предусматривает, что нормы ГК РФ об основаниях и последствиях о недействительности сделок (ст.ст. 162, 165—180) применяются к сделкам, требования о признании недействительными и последствиях недействительности которых рассматриваются судом, арбитражным судом или третейским судом после 1 января 1995 г. независимо от времени совершения соответствующих сделок. Требование Антимонопольного комитета о применении последствий недействительности некоторых из статей Договора было заявлено после 1 января 1995 г. Следовательно, в рассматриваемом случае нормы ГК РФ, определяющие основания и последствия недействительности сделок, подлежат применению.

Ст. 4 ГК РФ, определяя случаи, в которых действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения закона в действие, устанавливает общее правило в соответствии с которым нормы гражданского законодательства не имеют обратной силы. Однако указанная статья ГК делает исключение только для тех случаев, когда это прямо предусмотрено законом. Ст. 9 Закона РФ "О введении в действие части первой Гражданского кодекса РФ" является как раз таким исключением из общего правила, установленного ст. 4 ГК РФ.

2. Антимонопольное законодательство существовало на момент заключения Договора.

К моменту заключения Договора отечественному законодательству было знакомо понятие монополистической деятельности и ограничения конкуренции, в подтверждение этого можно привести положения п. 1 ст. 9 Закона СССР "О государственном предприятии (объединении)" от 30.06.87 и Постановления Совета министров СССР от 16.08.90 № 935 "О мерах по демополизации народного хозяйства". Таким образом, в момент подписания Договора стороны должны были отдавать себе отчет в возможности вступления положений заключаемого Договора в противоречие с антимонопольным законодательством.

3. При принятии решения апелляционная инстанция анализировала только непосредственно правомерность заключения Договора и его гражданско-правовые последствия применительно к отношениям сторон. Однако необходимо было сосредоточиться на влиянии (или возможности такого влияния) на весь рынок портовых услуг, в свете объективно возрастающего спроса на такие услуги и усиливающегося (имеющего перспективу усиления) дисбаланса спроса и предложения.

4. Условия ответственности в антимонопольном праве отличаются от таковых в гражданском праве. В последнем предпосылками являются: противоправные действия, имущественный ущерб, причинно-следственная связь между первым и вторым. В соответствии с антимонопольным законодательством неправомерными могут быть как юридические, так и фактические действия, если они приводят либо могут привести к правонарушению. Поэтому не в полной мере применяются и категории причинно-следственной связи как характеристики взаимообусловленности результата. Между тем это совсем не учитывалось апелляционной инстанцией.

Результатом правонарушения по антимонопольному законодательству является не ущерб на стороне отдельного лица, а ущерб интересам третьих лиц в

смысле условий справедливой конкуренции. Однако апелляционная инстанция сформулировала выводы как будто имелось в виду защитить интересы Порта, а не справедливую конкуренцию и публичные интересы в целом.

5. Важной особенностью правонарушений в смысле антимонопольного законодательства является необязательность умысла на их совершение (намерения, имеющего цель достичь тот результат, который получен). В ст. 10 ГК РФ, где описываются пределы осуществления гражданских прав, имеется в виду, что злоупотребление правом, нарушающим добросовестную конкуренцию и приводящим к злоупотреблению доминирующим положением, не обязательно связано с умыслом сторон (комментарий ГК РФ). Правонарушением в смысле антимонопольного законодательства может быть не только юридическое, но и фактическое действие, а также сложившееся положение (доминирующее состояние), приводящее к злоупотреблению, либо в воздержании от действий, нормально осуществляемых в отсутствие конкуренции (например, не продажа товаров, не оказание услуг, не принятие заказов, не принятие предложения по причине соглашения или согласованных действий с другими субъектами и пр.).

Важное значение такого отличия оказалось не исследованным апелляционной инстанцией.

6. В суд была представлена графическая схема, иллюстрирующая следующее влияние на экономическую среду региона:

- злоупотребление Портом и Иностранным инвестором своим доминирующим положением на рынке в виде ограничения доступа на рынок других хозяйствующих субъектов;
- сдерживание (ограничение) конкуренции в сфере портовых и околопортовых услуг;
- неподчинение предписанию Антимонопольного комитета;
- неправомерное воздействие на конкуренцию в сфере услуг Порта.

а) Злоупотребление доминирующим положением Порта выразилось в том, что в условиях возрастания спроса на услуги Порта, а также на услуги, оказание которых возможно только посредством портовых сооружений (например, смешанная перевозка, экспортные, импортные операции, хранение, экспедирование и пр.), ограничивается доступ на рынок потребителей этих услуг, т.к. портовые мощности развиваются несоразмерно возрастающему спросу на услуги Порта.

Злоупотребление проявляется в том, что оказывающие услуги лица — перевозчики, хранители — ограничиваются в доступе на рынок, т.к. мощности Порта оказываются перегруженными. Суд истолковал злоупотребление доминирующим положением как разновидность конкуренции, хотя это разные понятия (ст. 10 ГК).

б) С другой стороны, злоупотребление проявляется в том, что Порт лишен возможности использовать выгоды от конкуренции на рынке строительных услуг как при выборе подрядчика, так и в процессе осуществления им работ (заменять подрядчика, привлекать новых подрядчиков и т.п.).

Все это не обратило на себя внимания апелляционной инстанции. Общий смысл заключения сводится к тому, что у Порта не было гражданско-правовой обязанности поручать строительство сразу нескольким подрядчикам.

в) В соответствии со ст. 18 п. 9 Закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» Истец уполномочен требовать в суде признания недействительности таких сделок, предписание которых не было исполнено сторонами, если по сделке передаются права, позволяющие определять условия ведения предпринимательской деятельности передавшего права лица. Представляется очевидным, что оспариваемый Договор (его часть) как раз является такой сделкой, т.к. по Договору переданные исключительные права развивать такое место акватории Порта, которое является с

точки зрения рентабельности единственно пригодным (исключительное местоположение) для возведения комплекса сооружений для обработки контейнеров типа "ро-ро" (новые технологии).

г) Нарушением антимонопольного законодательства является и непосредственно сам Договор, кабальные условия которого как раз являются нетипичными для проектов такого рода, но сама кабальность находится в сфере влияния гражданского права и является возможностью защиты Порта. В смысле же антимонопольного законодательства нарушаются публичные интересы, т.е. интересы государства и иных хозяйствующих субъектов, тем, что права развить мощности Порта передаются: (1) безотрывно; (2) третьему лицу; (3) в качестве исключительного права; (4) на неопределенный срок; (5) под условием, что прекращение действия Договора не затронет обладания исключительным правом в течение еще трех лет; (6) по отношению к месту, которое имеет исключительное значение для внедрения новых технологий перевалки.

Исполнение таких условий приводит или, во всяком случае, может привести к монополю высокими ценам на портовые услуги, к ограничению конкуренции или злоупотреблению, что является достаточным для квалификации Договора как правонарушения. Инвестиционный климат оказался прямо затронутым оспариваемым Договором хотя бы тем, что нет юридической возможности в сложившейся ситуации привлечь средства новых инвесторов, использовать самую эффективную возможность экономического развития.

Судебное рассмотрение в суде кассационной инстанции

В результате проверки законности судебных актов суд кассационной инстанции пришел к выводу о возможности удовлетворения требований Антимонопольного комитета. При этом суд согласился с правильностью отмены решения суда первой инстанции по причине нарушения предписаний Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г. Однако, учитывая то, что Иностранный инвестор был надлежащим образом и в соответствии с этой Конвенцией уведомлен о рассмотрении дела в кассационной инстанции, суд счел возможным жалобу Антимонопольного комитета удовлетворить и принять по делу новое решение.

Суд решил, что:

В соответствии с п.п. в) п. 13 ст.1 Закона "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" антимонопольный орган вправе обращаться в арбитражный суд с заявлениями о нарушениях антимонопольного законодательства. Довод апелляционной инстанции о том, что данный Закон не должен применяться к отношениям, возникшим при заключении Договора за три недели до его принятия, и не может быть принят во внимание. Поскольку положения Договора являлись на момент рассмотрения спора действующими, стороны договора становились ими при осуществлении своей деятельности.

Закон РФ "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" не содержит исчерпывающего перечня, при наличии которого антимонопольный орган вправе предъявлять иски в арбитражный суд.

В силу норм Конституции РСФСР (1978 г.) к законодательным актам относятся кроме законов СССР и союзной республики постановления Советов Министров СССР и РСФСР. Таким законодательным актом является Постановление Совета Министров СССР от 16.08.90 № 835 "О мерах по демополизации народного хозяйства", согласно п. 2 которого впредь до принятия антимонопольного законодательства предприятиям и организациям, занимающим доминирующее положение на рынке, запрещалось заключать сделки, ограничивающие права

участников гражданско-правовых отношений. Согласно п. 2. ст. 8 Основ законодательства об инвестиционной деятельности в СССР, субъекты инвестиционной деятельности были обязаны не допускать проявления недобросовестной конкуренции и выполнять требования антимонопольного регулирования.

В российском законодательстве данные принципы нашли дальнейшее развитие в Законе РСФСР "О предпринятиях и предпринимательской деятельности. Согласно ч. 1 ст. 18 предприниматель несет ответственность в соответствии с законодательством за нарушение антимонопольных правил. По п. 1 ст. 20 государством гарантировалось недопущение монопольного положения на рынках отдельных предприятий и недобросовестной конкуренции. Ст. 28 данного же Закона было предоставлено право антимонопольным органам производить проверку предприятий по мере необходимости, далее ст. 37 предписано согласовать с антимонопольным органом вопросы реорганизации и ликвидации предприятий, а в дальнейшем и их регистрации. Таким образом, факт принятия через три дня после регистрации Закона РСФСР "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" не мог явиться основанием для отказа в удовлетворении иска при наличии ряда законов, устанавливающих антимонопольные правила, и длящихся правоотношений по договору о совместной деятельности между сторонами, действие которого не прекратилось на момент рассмотрения спора, к тому же являющегося по ст. 16 Закона РСФСР "Об иностранных инвестициях в РСФСР" одним из учредительных документов акционерного общества.

По условиям Договора два хозяйствующих субъекта, один из которых является монополистом по приему и обработке морских судов, перевалке грузов, следующих смешанным транспортом, включая морской, согласно приказу Санкт-Петербургского теруправления ГКАП РФ от 18.04.94 № 10-33, и занимает доминирующее положение на рынке услуг по приему и обработке внешнеторговых грузов в контейнерах в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, что тесно связано с рынком услуг по строительству, реконструкции и эксплуатации контейнерных терминалов, заключили соглашение о совместных действиях на указанных товарных рынках, оговорив для себя исключительные (монополистические) права.

Результатом подобных действий явилось поддержание дефицита на рынке услуг по обработке контейнерных грузов, завышение тарифов на погрузо-разгрузочные работы, изменение транспортных потоков в другие регионы и государства, незаключение договоров с потенциальными инвесторами и строительными организациями.

Суд счел, что Договором нарушаются публичные интересы, т.е. интересы государства и хозяйствующих субъектов, тем, что права по развитию мощностей монополиста передаются третьему лицу на неопределенный срок, безотзывно, в качестве исключительного права, под условием, что прекращение действия договора не затронет обладание исключительным правом в течение еще трех лет после его прекращения и по отношению к месту, которое имеет исключительное значение для развития и внедрения новых технологий.

Согласно п. 9 ст. 2 действовавшего на момент совершения сделки Закона РСФСР "О собственности в РСФСР" осуществление права собственности не должно было нарушать прав и охраняемых интересов других лиц, в том числе было указано на невозможность злоупотребления своим монопольным и иным доминирующим положением, недобросовестность конкуренции. Более того, нормы данного Закона приводят к выводу о нарушении его норм при заключении Договора. На момент учреждения Общества и совершения сделки Порт, как союзное предприятие, обладал имуществом на праве полного хозяйственного ведения, а собственником данного имущества, он не являлся. Распоряжаясь

правом использования данных основных средств, в силу п. 6 Постановления ВС РСФСР "О введении в действие Закона РСФСР "О собственности в РСФСР", Порт был обязан получить согласие Министерства морского флота СССР и Главного управления имуществом Исполкома Ленсовета, представлявших государство как собственника данного имущества, на ограничение его права на использование земли и основных средств. Данное согласие получено не было, что явилось нарушением права собственника и законодательства РСФСР. Таким образом, на момент совершения сделки в оспариваемой части Договор являлся недействительной сделкой по нормам ст.ст. 2, 20, 21, 30, 32 Закона РСФСР "О собственности в РСФСР" и ст.ст. 48, 49 ГК РСФСР 1964 г., данное требование Закона нашло свое подтверждение в норме судебного толкования, изложенной в п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.09.92 № 13 "О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о собственности".

Анализ представленных документов, выводов суда первой и апелляционной инстанции, с учетом изложенных выше норм законодательства, позволили признать требования Истца обоснованными в полном объеме в части признания недействительным Договора.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 174, п. 2 ст. 175 АПК РФ, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа решил: постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области отменить, признать недействительным положение Договора о создании Общества между Ленинградским морским торговым портом (ОАО "Морской порт Санкт-Петербург") и фирмой "Inter Maritime Management S.A." полностью.

Выводы

Настоящее дело является весьма любопытным материалом судебной практики на тему применения публичного регулирования, его влияния на гражданско-правовые отношения. Для юристов, стремящихся наилучшим образом организовать защиту прав своих клиентов, весьма полезно использовать выгоды, которые иногда предоставляет реализация государственных интересов в области антимонопольной, валютной, таможенной и пр. политики.

Ю.Э. Монастырский
партнер международной юридической фирмы "ММЦП и К^о"

Статья поступила в редакцию в июне 1999 г.

Информация

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В МОСКВЕ И ОБНИНСКЕ

С 14 по 17 июня 1999 года в двух российских городах — Москве и Обнинске — проходила Международная конференция “Проблемы и перспективы научно-технологических комплексов в городах науки. Российский и международный опыт”. Конференция была организована Российским Пагуошским комитетом ученых при РАН РФ (Москва)*,

Учитывая, что по правилам Пагуошского движения, участники представляют только себя в личном качестве, говорить об организациях, в которых они состоят, не представилось бы правомерным. Однако, забегая вперед, отметим, что данное правило Пагуоша соблюдено не было. Поэтому всех участников конференции можно разделить на четыре группы — потенциальных производителей, производителей с уже готовыми для международного обмена наработками, преподавателей, готовящих кадры, и потенциальных инвесторов. Россия в данном случае выступала в трех первых ипостасях. Среди организаций, непосредственно связанных с инвестированием в российские наукоемкие отрасли и приславших своих представителей на Конференцию особо стоит выделить Министерство энергетики США и концерн “Даймлер-Крайслер” (Германия). Как с российской, так и с зарубежной стороны много было участников от научно-исследовательских институтов и крупнейших вузов.

Из международных организаций на Конференции была представлена ООН и, конечно же, само Пагуошское движение ученых. Одним из первых прозвучавши на Конференции докладов был именно доклад У. Эпштайна, представлявшего Департамент по разоружению ООН, — “Куда нам идти дальше? (К проблемам ядерного распространения)”. В нем было отмечено осложнение обстановки вокруг ядерного разоружения сейчас, когда разрыв между ядерными державами и неядерными странами как никогда велик. Докладчик привел яркий пример того

* Пагуошское движение — международное движение ученых по науке и международным проблемам. Пагуошские конференции, симпозиумы и семинары (со времен первой конференции 1957 года их состоялось уже более 235) посвящаются вопросам разоружения, ограничения и ликвидации оружия массового уничтожения, международной безопасности, расширению экономического и научно-технического сотрудничества в мире и т. д. Пагуошское движение ученых-лауреат Нобелевской премии мира а 1995 г.

раскола, который обнаружился по данному вопросу как внутри блока НАТО, так и внутри стран СНГ: голосование в ГА ООН за резолюцию, основывающуюся на совместной декларации 8 государств “К миру, свободному от ядерного оружия: необходимость в новой повестке дня”^{*}.

Ядром резолюции явился призыв к ядерным державам “продемонстрировать безусловную приверженность скорейшей и полной ликвидации их соответствующего ядерного оружия и с доброй волей участвовать и завершить переговоры о ликвидации этого оружия”. Резолюция была принята ГА ООН 114 голосами “за” при 18 “против” и 38 воздержавшихся. Итоги голосования явились неожиданностью: Великобритания, США, Турция и Франция проголосовали против резолюции, как и Россия — единственная из стран СНГ. Азербайджан и Белоруссия проголосовали “за”, остальные члены НАТО и СНГ, равно как и Прибалтийские государства, воздержались. Китай был единственной ядерной державой, воздержавшейся от голосования. Индия и Пакистан также воздержались. Таким образом, налицо новый расклад сил и мнений. Однако именно эта “Новая повестка дня” может сыграть ключевую роль в усилиях по ускорению прогресса для достижения целей уничтожения всего ядерного оружия.

Тем не менее приходится отметить, что на Конференции не были представлены многие другие, казалось бы, заинтересованные организации — МАГАТЭ или Евroatом, например. Другим недочетом Конференции было то, что хотя стоявшие на повестке Конференции вопросы несомненно должны рассматриваться и с точки зрения международного права, единственным юристом-международником (как и юристом вообще), принявшим участие в работе Конференции, была Е. С. Молодцова, доцент кафедры международного права МГУ им. Ломоносова. Этот факт указывает на лакуны в деятельности как Пагуошского комитета, так и отечественных наукоемких предприятий. Участие юристов несомненно необходимо как в такого рода мероприятиях, так и вообще в регулировании внешних связей российских городов науки.

Начать можно хотя бы с определений понятий, к которым часто прибегали участники Конференции. Некоторые из них уже четко юридически оформлены, а другие — нет.

Важнейшим является, конечно же, определение города науки или наукограда. Оно было закреплено в Указе Президента РФ № 1171 от 07.11.97 “О мерах по развитию наукоградов как городов науки и высоких технологий”. Итак, наукоград — это “градообразующий научно-производственный комплекс, осуществляющий научную, научно-техническую, инновационную деятельность, экспериментальные разработки и подготовку кадров по приоритетным для государства направлениям развития науки и техники”. Важность этого Указа, равно как и Постановления Правительства № 79 от 24.09.98 “О мерах по развитию

^{*} Декларация была разработана так называемой Коалицией за новую повестку дня (Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, Словения, позднее вышедшая из Группы; Южная Африка и Швеция) в июне 1998 года и состоит из 16 параграфов преамбулы и 21 операционного параграфа предусматривающих схему всех шагов, необходимых для достижения цели — мира, свободного от ядерного оружия.

муниципальных образований с градообразующими научно-производственными комплексами (наукоградов)”, Федерального закона “О статусе наукограда Российской Федерации” и соответствующих законов субъектов Федерации неоднократно подчеркивалась на Конференции. В соответствии с вышеприведенным определением в России сейчас 66 городов науки, 30 из которых — в Московской области. Тем же Указом Президента № 1171 были запущены в действие эксперимент по отработке механизмов перехода наукоградов к бездотационному развитию и форма государственной поддержки наукоградов в РФ. Пробным камнем этой экспериментальной программы на 1997 — 2000 стал г. Обнинск, крупнейший российский научный центр, где в 1956 году начала работать первая в мире АЭС. В случае успешного осуществления эксперимента (в именно так и обстоит дело согласно прозвучавшему на Конференции подробному отчету М. В. Шубина, мэра г. Обнинска), примеру Обнинска должны последовать другие отечественные наукограды. Скажем сразу, что еще одним качественно новым и довольно удачным примером развития отечественных наукоградов является Дубна. “Эффект Дубны” несколько раз упоминался на Конференции.

Однако формальное определение не дает еще четкого представления о всей специфике российских городов науки, а именно это явилось целью Конференции. В отношении наукоградов сложилось много стереотипов как у нас, так и за границей. Подтверждение тому — сорвавшаяся у одного из зарубежных коллег фраза о том, что в советское время из наукоградов сотрудникам нельзя было никуда выезжать и их дети были вынуждены расти и получать образование в замкнутом пространстве. Вывод, следовавший из смещения понятий советских наукоградов и “шарашек”: создание таких наукоградов — нарушение прав человека. Конечно, все это не более, чем заблуждение.

Как известно, в СССР существовало довольно много “закрытых” городов и даже областей (Свердловская, например). На сегодняшний день часть из них “открыли”, часть осталась “закрытыми” (сокращенно они называются ЗАТО — закрытые административно-территориальные образования). Кстати сказать, закрытые города науки не являются чем-то сугубо специфичным для России — они существовали в свое время, например, в США. С рассекречиванием в российских городах науки были проведены демократические выборы в органы самоуправления (ранее таковые там вообще отсутствовали). С рассказа обо всем этом и началась работа Конференции — с тем, чтобы дать зарубежным гостям четкое представление о сути проведенных реформ и разоблачить столь живучие мифы. В этой связи понятно, почему представитель ЗАТО Железногорск (Красноярский край) начал свое выступление с подробного описания инфраструктуры города — чтобы объяснить, что в “далекой Сибири” есть и телефонная, и железнодорожная связь.

А вот со следующим ключевым понятием Конференции — “пердача технологии” — возникло явное недопонимание сторон. Дело в том, что российские коллеги, поддаваясь модному веянию, часто использовали слово “трансферт”, явно подразумевая под этим продажу технологий. Английское же “transfer” означает их безвозмездную передачу, как правило от развитой стороны — развивающейся. В первую

очередь Россия заинтересована в поиске покупателя наукоемких технологий на мировом рынке. С другой стороны, нам самим приходится закупать многие технологии в случае заинтересованности найти в дальнейшем уже покупателя товаров.

Речь о России как о доноре шла на Конференции и при обсуждении доклада С. Лотфиан, преподавателя факультета права и политической науки Тегеранского университета. Выступление было связано с помощью России Ирану в строительстве ядерного реактора. Как было сказано в докладе, Иран преследует исключительно мирные цели — хотя в стране сейчас и много нефти, она иссякнет в начале следующего тысячелетия, и на этот случай Иран хочет иметь надежный источник дешевой энергии. В свою очередь российская сторона также весьма заинтересована в этом проекте — он еще раз засвидетельствует на мировой арене по-прежнему высокий научный уровень российских разработок.

Действительно, российские участники не были голословны, говоря, что нам есть что предложить на мировом рынке наукоемких технологий. Было приведено немало примеров созданных на базе конверсии высокоточных приборов и других уникальных товаров, которые и сейчас находят своего покупателя за границей. Однако зарубежные участники были еще более конкретны в своих вопросах — насколько эффективна та или иная технология. Особо стоял вопрос о возможности для зарубежных коллег проводить испытания на российских ускорителях. Создалось впечатление, что отечественных участники к такому подходу инвесторов просто не были готовы. — поэтому некоторые вопросы так и остались без ответов. Особый интерес с американской стороны вызвало сообщение о разработке в Железногорске уникальной (в силу природных особенностей местности) технологии захоронения отходов ядерного топлива. Этой же проблеме — и другой уникальной, уже европейской, технологии был посвящен доклад Г. Харигела, научного сотрудника крупнейшего научно-исследовательского института мира CERN (Швейцария).

Еще один термин, часто употреблявшийся на Конференции — “инновация” или “инновационное общество”. Как было сказано в докладе заместителя директора Института стратегических исследований г. Москвы Б.К. Лисина “Стратегические инновации — основа развития России в XXI веке”, многие страны Запада уже вышли на качественно новый уровень развития — уровень “инновационной культуры”. Под этим словосочетанием подразумевается такое настроение умов, когда человек с самого раннего детства (или хотя бы не отрицательно) относится к инновациям. У нас (и не только у нас, но и у многих “консервативных” наций, немцев, например) этот уровень пока еще не достигнут. Воспитание молодежи в духе “инновационной культуры” могло бы стать приоритетом многих международных организаций, ЮНЕСКО, в первую очередь. Более того, в докладе отмечалась необходимость создания международного инновационного права.

Что касается России, как было подчеркнуто в докладе, здоровая доля консерватизма никогда не помешает, но стоит задумать и над тем, что Россия пока еще не нашла своего пути в деле инноваций. В лучшем случае она найдет свою нишу, ну а в худшем ей грозит инновационный тупик. Именно зарубежный опыт и должен помочь России в этих поисках.

О возможностях и необходимости сотрудничать с зарубежными коллегами на Конференции говорили все. Сейчас путей для установления связей стало больше. Один из них — побратимство российских и зарубежных наукоградов. Например город Обнинск является побратимом одного из крупнейших американских центров научных исследований в области ядерных исследований — Окриджа.

В целях обмена информацией и технологиями, связанными с использованием ядерной энергии существует достаточно много международных программ и организаций. В целом более тысячи неправительственных организаций присоединилось к “Движению по запрещению — 2000” (основанном на Конференции по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия). Программы по российским наукоградам во многом соответствуют идеям “устойчивого развития” и документам, принятым в Рио-де-Жанейро.

Термин “устойчивое развитие” (sustainable development) неоднократно повторялся на Конференции, но, похоже, разные участники вкладывали в него несколько различное значение. Одни в этом словосочетании ставят акцент на экономической самодостаточности, другие — на экологической безопасности. Так, в марте 1998 года Правительство Москвы, Фонд окружающей среды ЮНЕП, Центр ООН по населенным пунктам (Хабитат) и Центр международных проектов подписали соглашение об осуществлении в 1998 — 1999 годах Московского проекта устойчивого развития городов в рамках всемирной Программы Устойчивых Городов (ПУГ). Этот проект актуален не только для такого огромного мегаполиса как Москва, но и для небольших по размерам наукоградов. В силу своей специфики последние должны существенно перестраивать городскую инфраструктуру в связи с изменением профиля градообразующих промышленных предприятий и научных учреждений.

Кроме того, на Конференции в Обнинске речь шла о следующих важных международных организациях и программах:

Программа Евросоюза “ТАСИС” (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States) — более коммерческая, нежели научная. Российские предприятия в рамках этой программы выступают не только как реципиенты, но и как соисполнители проектов.

Своего рода уникальным является Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ), расположенный в г. Дубне. Это международная межправительственная организация, чья деятельность базируется на принципах открытости, участия всех заинтересованных государств, а также их равном взаимовыгодном сотрудничестве. В настоящий момент Государствами-участниками Института, основанного еще в 1956 году, являются 18 стран Европы, Азии и Америки. ОИЯИ имеет двусторонние Соглашения, протоколы и другие официальные документы о сотрудничестве, заключенные с около 700 институтами в 60 странах, включая соглашения на правительственном уровне с Германией, Венгрией и Италией. Со времени основания ОИЯИ в нем была проведена великолепная исследовательская работа, подготовлено значительное число специалистов высочайшей квалификации для государств-участников. ОИЯИ представляет собой, во многих отношениях, модель того, что

может быть сделано, когда группа стран объединяет свои усилия для достижения единой цели.

Особое внимание нужно уделять образовательным программам в наукоградах. Многие из них располагают серьезной научной базой и необходимым профессорско-преподавательским составом для подготовки молодых специалистов в своих вузах. Однако в российских городах науки нет традиций гуманитарного образования. Сглаживанием этих диспропорций и занятии сейчас энтузиасты образовательных центров наукоградов. Так, в 1994 году в Дубне был осуществлен первый набор студентов в международный университет "Природа, Общество, Человек".

Но, как неоднократно подчеркивалось в ходе Конференции, осуществлению всех этих благих начинаний препятствует много факторов. За последний год в России сменилось три кабинета. Как было горько отмечено на Конференции: "Наши власти похожи на "краткоживущие изотопы, у которых период полураспада очень короткий". Поэтому саму по себе правительственную программу наукограды выполняют фактически без поддержки Правительства. Экономический кризис 1998 года серьезно ударил по молодым предприятиям нового образца в наукоградах, а ведь, согласно выступлениям представителей администрации многих из них, новые отрасли развивались в наукоградах до 17 августа довольно успешно. Обнинск, по словам мэра города М. В. Шубина, является донором в российский бюджет. Бюджет самого г. Обнинска сейчас только на 16 % обеспечивается государством, на 16 % же — муниципальными органами, на 37,6 % — частными предприятиями, на 30 % — смешанными предприятиями, на 2 % — общественными организациями. Соотношение это вполне приемлемо, проблема одна — для обеспечения жизнеспособности в создавшихся условиях нужно по меньшей вдвое увеличить объем бюджета.

Однако нельзя забывать, что наукограды по природе своей — образования искусственные, и переход их на стезю самообеспечения не может быть безболезненным. Кстати и здесь обнаруживается реальная основа для обмена опытом с зарубежными коллегами — в уже упоминавшемся Окридже, крупнейшем научно-исследовательском центре США (в свое время закрытом городе) столкнулись со схожими проблемами — финансирование его из бюджета было урезано в три раза.

Но, к сожалению у российских наукоградов есть еще и ряд "специфических" проблем, не знакомых зарубежным коллегам. Остановимся лишь на некоторых из них.

С "утечкой умов" наукограды столкнулись уже довольно давно. Наиболее перспективные и молодые кадры уходят из науки. На Конференции подчеркивалось, однако, что значительная доля ученых по-прежнему остаются энтузиастами своего дела и остаются в России. К тому же информационная электронная сеть, охватывающая ныне весь мир, позволяет ныне научному сотруднику находится за тысячи километров от производственных центров. Интересным, но неурегулированным аспектом возникающих при этом отношений является соответствующая законодательная база. В том числе и международно-правовая.

Еще одно предложение решение проблемы "утечки умов" — создание смешанных предприятий, наполовину работающих на науку, напо-

ловину — на практику. В случае необходимости научные кадры всегда могут быстро переквалифицироваться в большую науку.

В этой области также еще недостаточно разработана необходимая правовая база — для представительства собственных интересов, для деятельности инвесторов. И, главное, уже принятые нормативные акты далеко не всегда исполняются.

Зачастую в наукоградах все еще отсутствует необходимая инфраструктура для привлечения зарубежных инвестиций — нет сети банковских услуг, например.

Чисто экономические проблемы связаны также с отсутствием опыта в маркетинговом исследовании отечественного и мирового рынка. Все это можно понять — бывшие закрытые наукограды России вступают в открытый мир, где все так быстро меняется.

В целом Конференцию “Проблемы и перспективы научно-технологических комплексов в городах науки. Российский и международный опыт” можно назвать еще одним шагом на пути сотрудничества российских городов науки с зарубежными коллегами. На Конференции не было заключено никаких соглашений, но такой цели и не ставилось. В заключении Конференции был принят заключительный рабочий документ, Коммюнике, которое поможет Пагоушскому комитету в организации подобных мероприятий в будущем.

Москва — г. Обнинск, Калужская обл.

И. В. Герасимчук
(наш корр.)

Статья поступила в редакцию в августе 1999 г.

“БЕЗОПАСНЫЙ МИР В XXI ВЕКЕ В РУКАХ МОЛОДЫХ”

27 июня — 2 июля 1999 года в г. Санкт-Петербурге, Россия, проходила международная студенческая конференция по международному праву “Безопасный мир в XXI веке в руках молодых”. Конференция была организована сразу же после закрытия Международной конференции “Столетие российской инициативы: от Первой мировой конференции, 1899 — к Третьей, 1999”, также имевшей место в городе на Неве.

Отличительной чертой данной Конференции было то, что инициаторами ее проведения выступили сами студенты. Идея родилась на заседании кружка Международного права на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Кружок возглавляется профессором В. С. Иваненко, заведующим кафедрой Международного права этого старейшего в России вуза (в этом году Государственный Университет г. Санкт-Петербурга отметил 250-летний юбилей). Университет, в свою очередь, всецело поддержал инициативу (в частности, юрфак СПбГУ взял на себя все расходы по размещению участников и организации разнообразной культурной программы). Приятно, что в череде всех организаторских перипетий, связанных с Третьей

конференцией мира, другими конференциями, празднованием юбилея Университета, выпускными и вступительными экзаменами нашлось место и этой Конференции, а ее участникам было уделено достаточно внимания — самого искреннего, со стороны их же коллег, студентов-организаторов, многие из которых потом сами же выступали на Конференции с докладами.

Однако это первым опытом подобного для университета Петербурга. И нужно признать, что организаторы прекрасно справились со своей задачей. Конференция собрала студентов из многих уголков России, из Литвы, Нидерландов, Польши, Словакии. Участвовали в ней в не только студенты юридических факультетов, но и студенты факультетов международных отношений, экономики, политологии и социологии. Каждый выражал свою точку зрения, говоря о том, что послужит залогом безопасности в XXI веке. Как отметили представители Московской делегации Международного Красного Креста, Лора Олсон и Ада Быковская, также прибывшие для участия в Конференции, студенческие дискуссии велись на высоком научном уровне и было понятно, что участники не ограничивают источники своих знаний по международному праву и смежным вопросам одними учебниками.

Из тем, вызвавших наиболее острые дискуссии на Конференции (они же, собственно говоря, и являются наиболее актуальными проблемами международного права на пороге XXI века), необходимо отметить следующие: деятельность международных организаций, в том числе неправительственных; права человека и их нарушения; особое внимание уделялось праву наций на самоопределение; национальные конфликты и международный механизм их разрешения; разоружение; международный терроризм и международная безопасность.

ной встрече в Санкт-Петербурге. А ведь в их руках — руках молодых — безопасность нашей планеты в XXI веке!

А пока ребята (честно сказать — некоторые со слезами на глазах) разъехались. Будем надеяться, им предстоит увидиться снова — где-нибудь еще, а, может статься, и в Петербурге. Ведь СПбГУ выразил заинтересованность организовывать такие конференции регулярно и стать в этом отношении эталоном для других российских вузов. В добрый путь!

Санкт-Петербург

И. В. Герасимчук
(наш корр.)

Статья поступила в редакцию в июле 1999 г.

В дни проведения в Санкт-Петербурге Третьей конференции мира (июнь 1999 г.) в Санкт-Петербургском университете была открыта мемориальная доска Федору Федоровичу Мартенсу, великому российскому юристу, организатору и участнику Первой (1899 г.) и Второй (1907 г.) конференций мира, заведующему кафедрой международного права Санкт-Петербургского университета в те времена. На открытии выступил член Редакционного Совета нашего журнала, профессор, доктор юридических наук А.С. Малинин (на снимке слева). Справа — профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского университета, доктор юридических наук А.Ф. Сидоренко.

Фото И.В. Герасимчук

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В "МОСКОВСКОМ ЖУРНАЛЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА" В 1999 ГОДУ

События 1998 года в нашей науке

Выход еще одного журнала о международном праве № 1
Международная конференция о Мировом океане № 1

50-летие Всеобщей декларации прав человека

Сафин Ф.М. (Уфа) Защита прав граждан в деятельности судебных и правоохранительных органов № 1

Торкунов А.В. Всеобщая декларация прав человека и культура мира № 1

Здравствуй, Третья конференция мира!

Мы ждали ее сто лет (то, что задумывал еще Советский Союз, наконец, осуществляется) № 2

Зотов В.Д. Война, политика и право № 2

К 50-летию Женевских конвенций 1949 года

Апраксин Пьер. Меры, принимаемые государствами на национальном уровне в целях выполнения обязательств, вытекающих из договоров по МГП, и роль консультативной службы МККК (специальный выпуск)

Батырь В.А. Актуальные проблемы норм МГП в законодательстве Российской Федерации (специальный выпуск)

Бюншон Франсуа. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года: от дипломатической конференции 1949 года к порогу нового тысячелетия (специальный выпуск)

Калугин В.Ю. Национальный орган содействия имплементации МГП на внутригосударственном уровне: опыт Республики Беларусь (специальный выпуск)

Козирник Рене. Протоколы 1977 г. — важный этап развития международного гуманитарного права (МГП) (специальный выпуск)

Коробовский Ю. Новые договоры в области МГП (специальный выпуск)

Паклизану Жорж. Предисловие (специальный выпуск)

Рей Катрин. Женевские конвенции 1949 года. Решающий прорыв (специальный выпуск)

Роберж Мари-Клод. Новый международный уголовный суд. Предварительная оценка (специальный выпуск)

Сандо Ив. Международный Комитет Красного Креста (МККК) как хранитель МГП (специальный выпуск)

Тузмухамедов Б.Р. МГП и международные военные операции по поддержке и восстановлению мира (специальный выпуск)

Вопросы теории

Авдокушин А.В., Маюров В.Г. Право наций на самоопределение следует конкретизировать № 3

Беляев А.Е. О месте международно-правового регулирования в области алмазной промышленности в системе международного права № 3

Беляев А.Е. Международно-правовое регулирование объединений по алмазам: возможности и перспективы № 4

Блищенко И.П. Проблема ограничения академических свобод № 4

Вагизов Р.Г. Реальный федерализм как фактор стабилизации российского общества № 1

Вельяминов Г.М., Семенов В.С. Бог и право (много- или однополярный мир?) № 3

Енгибарян В.Р. Понятие федерализма и проблемы его моделей № 3

Ермаков С.Э. Идея Метаправа и встречи с Иным Разумом № 2

Квачадзе М.О. (Тбилиси). Эксперименты в сфере генной инженерии и правовые вопросы № 3

Пряхин В.Ф. Конфликты реальные — проблемы глобальные (конфликты на постсоветском пространстве, общие черты, специфика, перспективы) № 1

Решетов Ю.А. К вопросу о “мягком праве” № 2

Ромашов Ю.С. Об условиях формирования общепризнанных норм № 2

Саидова Л. (Ташкент) Правовые основы дипломатии Узбекистана № 2

Трунцевский Ю.В. Международное пенитенциарное право как отрасль международного права № 1

Ушаков Ю.В. Третье тысячелетие приближается № 1

Уильям А. Шабас (Канада) Международный уголовный суд: исторический шаг в деле борьбы с безнаказанностью № 4

Ближайшая ретроспектива (страницы обозревателя)

Бабин А. Что происходит с нашей страной? № 4

Международное частное право

Казаков А.А. (Балашиха) Проблемы систематизации российского законодательства о международном частном праве № 2

Лебедев С.Н. Международный коммерческий арбитраж и обеспечительные меры № 1

Пашенко Е.Г., Сялкин В.В. Международное страхование инвестиций от политических рисков (на примере МИГА) № 3

Скачков Н.Г. Тенденции договорно-правового регулирования налогообложения иностранных юридических и физических лиц № 2

Хасан Мохаммед (Афганистан). Институт применимого права в современных международных конвенциях и внутригосударственном законодательстве (на примерах ряда стран) № 2

Шаловалов К.Н. О конфликтах иностранных предпринимателей в России с налоговыми органами из-за несоответствия законодательства нормам международного права № 3

Международное и внутригосударственное право

Гришко Е.А. Проблемы борьбы с преступными сообществами № 1

Зимненко Б.Л. Международные договоры в судебной системе Российской Федерации № 2

Международное налоговое право

Борисов К.Г. К вопросу о формировании международного налогового права в международном общении государств мирового сообщества № 4

Международное семейное право

Рыжкова Е.А. Смешанные браки немусульман с мусульманами № 4

Права человека

Еникеев З.Д. (Уфа) О свободе личности как высшей ценности № 2

Горшкова С.А. Дерогация по европейской конвенции и Россия № 4

Гусейнов Л.Г. (Баку). Оговорки: необходимость установления особого режима для международных договоров о правах человека № 4

Лихошерстов С.Е. Об обращении в Европейский суд по правам человека № 4

Решетов Ю.А. Возбуждение национальной вражды: мировая практика № 1

Сун Юнь Тайо (КНР) Сущность и назначения прав человека № 3

Международная безопасность

Романов В.А. Стратегическая стабильность на рубеже веков и ее договорно-правовое обеспечение № 3

Тузмухамедов Б.Р. Некоторые правовые проблемы операций по поддержанию мира (взгляд исследователя с практическим опытом) № 1

Международное гуманитарное право

Алешин В.В. Режим военного плена № 2

Саунина Е.В. (Нижний Новгород). Сфера действия правовых ограничений при ведении боевых действий немеждународного характера № 3

Хасан Мохаммед (Афганистан). Защита медицинского персонала в условиях вооруженных конфликтов № 3

Экономическое и научно-техническое сотрудничество

Лори М. Валлаш (Франция). Новый манифест мирового капитализма № 3

Международное торговое право

Вельяминов Г.М. Порядок урегулирования споров во Всемирной торговой организации № 1

Право международных договоров

Ле Ван Бинь (Вьетнам). Заключение и исполнение международных договоров по законодательству Социалистической Республики Вьетнам № 2

Морское право

Константинов В.А. Особенности правового режима Охотского моря № 3

Мамедов Р.Ф. (Баку) Международно-правовой статус Каспийского моря как пограничного озера № 1

Ровнейко В.В. (Ижевск) Пиратство: его правовые проблемы № 2

Новая Европа

Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы и законодательство России № 2

Международное уголовное право

Бирюков П.Н. (Воронеж) Правовые вопросы возбуждения уголовного преследования по просьбе иностранного государства № 2

Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро. (Сан-Томе и Принсипи) Международная уголовная ответственность физических лиц за преступления геноцида, преступления против человечности и военные преступления № 4

Международное ядерное право

Корякин Ю.И. Чем больше международного права, тем меньше выбросная труба и лучше погода № 2

Мекси Маргарет (США). Ядерное будущее Земли: влияет ли на него этика? № 2
Пархитыко В.П. Комментарий к комментариям № 2

Экология и право

Ульрика Детлефсен (Швеция). Всемирная климатическая тревога — императивы Буэнос-Айреса № 3

Кукушкина А.В. История разработки Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 года (к 20-летию подписания Конвенции ENMOD) № 4

Левицкая Е.В. (Казань) Реализация международно-правовых норм по защите озонового слоя Земли в отечественном законодательстве и практике № 3

Европейское право

Глотова С.В. Прямая применимость (эффект) директив Европейских Сообществ во внутреннем праве государств-членов ЕС № 3

Консульское право

Ганюшкин Б.В. Правовое положение консульств и их персонала № 3

Ганюшкин Б.В. Широта прав консульских учреждений № 2

Космическое право

Рождение “Альфы” и смерть “Миры” № 4

Вопросы территории

Клеченов В.Е. Перу—Эквадор: пограничный спор № 4

Мирное урегулирование споров

Ясносокирский Ю.А. Стокгольмский “пакет” СБСЕ/ОБСЕ по мирному урегулированию споров (декабрь 1992 г.) № 4

Международные организации

Гасымов Г.И. (Баку). Международная организация уголовной полиции и зарождение практики международного розыска № 4

Ясносокирский Ю.А. ОБСЕ: привилегии и иммунитеты № 2

Полемика

Шамба С.М. (Сухум). К вопросу о правовом, историческом и моральном обосновании прав Абхазии на независимость (наш ответ Л.А. Алексидзе) № 4

Страницы истории

Ххампхонг Пхоммапанья (Лаос). Исторический опыт развития взаимоотношений между Лаосской Народно-Демократической Республикой (ЛНДР) и Российской Федерацией № 1

Похлебкин В.В. Все ханы Золотой Орды. Приложение к № 3

Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х. (Ташкент) Дипломатия стран Центральной Азии в древности (I тыс. до н.э. — V век н.э.) № 1

Талалаев А.Н. Ничтожность тайн (К 10-летию объявления недействительными Съездом народных депутатов СССР секретных договоров с Германией) № 4

Мнения из регионов

Гаврилов В.В. (Владивосток) Приморский край как самостоятельный участник международных связей № 1

Толстых В.Л. (Новосибирск) Проблемы нормативного регулирования международной деятельности муниципальных образований № 4

Письма в редакцию

Баганов А.А. (Екатеринбург) Функции защиты в правовом государстве: проблемы оевоеия независимым нотариатом № 3

Рогожин С. (Женева) Как нам переделать Россию во Францию № 3

Трибуна преподавателя и студента

Артамонов А., Игнатов А., Магательян Р., Смирнов В. Модель ООН № 4

Линников А.С., Диргин А.Д., Карпенко А.В. Аналитическо-правовая работа студентов на кафедре МГИМО № 2

Мерон Теодор (США). Рассмотрение конкретных случаев № 2

А. Цапко, А. Козловский, Г. Ковбасюк, Н. Зезюлина, Ю. Подолина, А. Семенов, Д. Мустафаева, И. Лихолетова, Н. Лелюх. Что думает сегодняшний студент о значении международного права для его будущей профессии и жизни? № 1

Книжная полка

Алешин В.В. Ассоциированный суверенитет. ("Путь к суверенитету" (на татарском, русском и английском языках). — Казань: Татарское газетно-журнальное издательство, 1999 г. — 198 с.) № 4

Алешин В.В. Военное право: проблемы, поиски, решения. (Об учебнике И.И. Котлярова "Военное право". — М., 1997. — 245 с.) № 2

Алешин В.В. Выдача: размышления, анализ, практика. (Рецензия на работу И.И. Лукашука и А.В. Наумова "Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве". — М., 1998. — 160 с.) № 3

Булыгин А., Греков А. (Тюмень). Теоретическое освоение важной проблемы. (О книге С.Ю. Марочкина "Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации". — Издательство Тюменского государственного университета, 1998. — 199 с.) № 2

Вылегжанин А.Н. Каспийское море: современные подходы. (О книге Ю.Г.

Барсегова "Каспий в международном праве и мировой политике". — М., ИМЭМО РАН, 1998. — 9,0 печ. л.) № 2

Ганюшкин Б.В. От культуры войны к культуре мира. (Год 2000. На пути к культуре мира и ненасилия. Материалы международной научно-практической конференции "От стереотипов войны к идеалам мира через культуру и образование". Москва, 8—9 декабря 1997 г. М. 1998. — 271 с.) № 4

Жуков Г.П. Фундаментальный труд в области международного космического права (Bin CHENG. Studies in International Space Law. Clarendon Press. Oxford, 1997, 789 p.) № 2

Ковалев А.А. Еще один добротный учебник. (Международное публичное право. Учебник. Под ред. К.А. Бекяшева. — М., 1998. — 608 с.) № 1

Тарья Лангстрём (Финляндия). Россия в переходный период: эволюция международно-правовых доктрин (сравнительный анализ учебников "Международное право" под ред. Г.И. Тункина (М., 1982 г.) и под ред. Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова (М., 1995). № 1

Лобанов С.А., Зубарева О.В. Право без границ (Рецензия на учебное пособие Л.К. Бакаева и А.М. Шкута "Международное гуманитарное право". — Алматы, 1997. — 161 с.) № 3

Лобанов С.А. В помощь студентам. (Бирюков П. Н. Международное право: Учебное пособие. — М.: Юрист, 1998. — 416 с.) № 4

Масаев М.В. (Симферополь). Вестфальский мир и украинская наука, или Русский хлеб и Тридцатилетняя война. (По поводу книги Буера Гернота и Анатолия Дмитриева "Вестфальский мир 1848 року" — Киев, 1988, 184 с.) № 3

Масаев М.В., Масаев В.М. Латынь для юристов. (Ахтерова О. А., Иваненко Т. В. Латинский язык и основы юридической терминологии. М.: Юрид. лит., 1998. — 304 с.) № 4

Моисеев Е.Г. Уникальный сборник документов. (Международное частное право. Сборник документов. — М., 1997. — 973 с.) № 1

Ромашев Ю.С. Объективное и субъективное в отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива (Рецензия на материалы российско-китайской научной конференции "Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива"). № 3

Свинарев В.В. Формирование парламентского контроля над военной сферой в странах СНГ. (К выходу сборника аналитических докладов Парламентский контроль над военной сферой в новых независимых государствах, под общей редакцией А.И. Никитина. — М., 1998. — 301 с.) № 4

Свинарев В.В. Проблемы мирового океана и деятельность международного комитета "Мир океанам". (К выходу в свет бюллетеней "Мир океанам" № 14—15/1998 и № 16—17/1999 Международного комитета за мир, разоружение и экологическую безопасность на морях и океанах) № 4

Старушенко Г.Б. Серьезное научное исследование. (Ю.В. Калугин, Л.В. Павлова, И.В. Фисенко. Международное гуманитарное право. Учебное пособие. — Минск. 1998. — 175 с.) № 1

Тиунов О.И. Фундаментальные проблемы международного права. (И.И. Лукашук. Нормы международного права. — М. — 1997. — 322 с.) № 1

Филатов В.П. Книга оставляет благоприятное впечатление. (Рецензия на монографию З.Д. Еникеева "Принципы применения мер пресечения по уголовным делам". — Уфа, 1997.) № 3

Филатов В.П. "Сравнительное право": учебная дисциплина или полезный справочник? (К. Цвайгерт, Х. Кётц. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х томах. — Пер. с нем. — М., 1998.) № 1

Шишаев А.И. Ядерные наследники СССР. (О русском издании доклада "Ядерные наследники Советского Союза (ядерное оружие, ядерные материалы и экспортный

контроль”), подготовленном Монтеррейским институтом международных исследований (США) и изданном “Фондом Карнеги за международный мир”). № 1

Хроника

Герасимчук И.В. Мартенсиады продолжаются. № 4

Герхард Шредер в МГИМО № 1

Жукова О., Зимтинг М. Правозащита № 4

Зотова Е., Исаковская Н., Подольна Ю. Есть ли выход? № 2

Иванов Д.В., Линников А.С. Права человека в России: декларации и жизнь № 4

Иванов Д.В., Линников А.С., Трушковский П. Правовой, социологический и философский аспекты прав человека № 4

Ковбасюк Г.В., Козловский А.А., Лихолетова И.А., Семенов А.А. С целью укрепления Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия № 3

Лукашук И.И. 50-я сессия Комиссии международного права ООН № 1

Нигматуллин Р.В., Хабилов Р.Ф. (Уфа) Идеалы Всеобщей декларации прав человека и мир № 4

Никифоров Д., Романов А. Конференция по рассмотрению вопроса о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта в соответствии с положениями Гаагской конференции 1954 года № 4

Плаунова Ю., Беккин Р. Думал ли Гуго Гроций? № 4

Кто есть кто в нашей науке и практике

Андрянов Валерий Иванович (Москва) № 2

Бабаджян Нораир Альбертович (Ереван) № 2

Бабин Алексей Павлович (Москва) № 3

Барчукова Наталья Кировна (Москва) № 1

Безганс Зинаида Яковлевна (Красноярск) № 4

Бирюков Павел Николаевич (Воронеж) № 1

Бойцова Виктория Валентиновна (Москва) № 3

Бойцова Любовь Валентиновна (Москва) № 3

Вагаршян Артур Григорьевич (Ереван) № 3

Гаврилов Вячеслав Вячеславович (Владивосток) № 1

Горина Екатерина Викторовна (Челябинск) № 2

Горшкова Светлана Анатольевна (Москва) № 3

Гунгаишвили Ростом Владимирович (Батуми) № 3

Жерлицын Борис Иванович (Минск) № 2

Калугин Виталий Юрьевич (Минск) № 3

Кепбанов Ёлбас Аждарович (Ашхабад) № 3

Козлов Александр Павлович (Санкт-Петербург) № 4

Колташев Алексей Иванович (Хабаровск) № 3

Конькова Елена Вячеславовна (Ижевск) № 2

Коссац Владимир Михайлович (Львов) № 2

Муранов Александр Игоревич (Москва) № 4

Нигматуллин Ришат Вахитович (Уфа) № 3

Номоконова Елена Николаевна (Владивосток) № 4

Павлова Людмила Васильевна (Минск) № 1

Панов Владимир Петрович (Москва) № 1

Подиков Алексей Александрович (Москва) № 3

Присекина Наталья Геннадьевна (Владивосток) № 4

Раджабов Сандумар Одинаевич (Душанбе) № 3

Ровнейко Вера Владимировна (Ижевск) № 1

Романовский Георгий Борисович (Северодвинск) № 3
Ромашев Юрий Сергеевич (Москва) № 3
Саванели Бидзина Варламович (Тбилиси) № 2
Сафин Фаниль Мансурович (Уфа) № 1
Скачков Никита Геннадьевич (Москва) № 1
Толстых Владислав Леонидович (Новосибирск) № 3
Умарахунов Иркин Мирзахидович (Ташкент) № 3
Фархутдинов Инсур Забинович (Уфа) № 3
Хисматуллин Рашид Сагитович (Уфа) № 3

Наши справки

Как распознавать документы ООН? № 4
Международный Комитет Красного Креста (МККК) № 3
Похлебкин В.В. Что такое инсигния или что делать с мавзолеем? № 4
Ясносокирский Ю.А. Австрийский центр по изучению проблем мира и урегулированию конфликтов № 1
Ясносокирский Ю.А. Валлеттский механизм мирного урегулирования споров в рамках ОБСЕ № 3

Документы

Визит Б. Клинтона в Россию! — 3 сентября 1998 г. (пакет принятых документов) № 1

Вопросы преподавания международного права (Решение сессии НКДМП и 42-го общего собрания РАМП). Вступительный комментарий В.П. Пархитко "Очередное ежегодное" № 3

Итоговый документ Всероссийской научно-практической конференции "Правозащитное движение и механизмы защиты прав и свобод человека". Вступительный комментарий И. Баженовой, Н. Лелюх, Ю. Подольной "Россия отметила юбилей" № 1

Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности № 3

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении № 3

Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: конвенция о правах человека в биомедицине № 3

О преподавании международного права № 4

Материалы 41-го общего собрания Российской ассоциации международного права, 30-го (юбилейного) собрания Российской ассоциации морского права и Международной конференции по правовым проблемам Мирового океана: общее заявление, заявление против произвольного применения вооруженной силы, заявление По международно-правовым проблемам Мирового океана, списки членов Исполкома РАМП и Исполкома АММП, избранных на общих собраниях комментарий С.А. Ключевой (руководитель бригады корреспондентов), Р.А. Богданкина, С.М. Гаджинской, Е.Б. Соколовой, Д.Ю. Швеца, Д.В. Юрченко "Одна международная конференция и два собрания одновременно" № 1

Резолюция 1172 (1998) Совета Безопасности ООН о ядерных испытаниях, проведенных Индией и Пакистаном. Вступительный комментарий В.А. Романова "Резолюция Совета Безопасности и установление важной нормы международно-го права" № 3

Рекомендации парламентских слушаний. Вступительный комментарий Л.Т. Ключковой, Д.Г. Мустафаевой, А.И. Полякова "Первые парламентские слушания по НАТО" № 2

Римский статут международного уголовного суда № 4

Соглашение о международной криминализации актов, противоречащих международному режиму нераспространения ядерного оружия (проект). Вступительный комментарий автора проекта В.А. Романова "Назревшая международно-правовая проблема: о криминализации действий, противоречащих международному режиму нераспространения ядерного оружия" № 2

Соглашение о поставках Россией высокообогащенного урана для германского исследовательского ядерного реактора. Вступительный комментарий Е.С. Молдочовой. № 4

Устав Ассоциации международного ядерного права (АМЯП). Вступительный комментарий Юозаса Ю. Шатаса № 1

Участникам и гостям Мельбурнской конференции по празднованию столетия Первой международной конференции мира (состоялась 18—20 февраля 1999 г. в Мельбурне, Австралия). Приветствие И.С. Иванова.

Международная частно-правовая практика международной юридической фирмы "ММЦП и К"

Монастырский Ю.Э., Муранов А.И. Как было выиграно дело Украины против британской компании № 2

Монастырский, Ю.Э. Об успешном завершении судебного дела ОАО "Морской порт Санкт-Петербурга" (некоторые аспекты применения законодательства о монополиях и недобросовестной конкуренции к отношениям с участием иностранных лиц) № 4

Муранов А.И. Некоторые особенности правового статуса расчетных форвардов № 2

Муранов А.И., Павлов А.Е. Арбитражная оговорка как способ процессуальной защиты № 3

Информация

Бешеная популярность № 3

Впервые ООН обратила внимание на вред курения. № 4

Где и у кого в России деньги? № 2

Герасимчук И.В. "Безопасный мир в XXI веке в руках молодых" № 4

Герасимчук И.В. Международная конференция в Москве и Обнинске № 4

Женщины в мировой политике и любовь мужчин № 2

Зарубежный орден — российскому профессору № 4

Куба: хорошие международно-правовые итоги 1998 года № 2

Пархитко В.П. В исполкоме РАМП № 4

Ю. Плавунцова, А. Валяев, А. Габдрахманов, Ю. Лобач, И. Уманская, Е. Шатурина. На слушаниях АнтиНАТО. Отчет по итогам парламентских слушаний в Государственной Думе Российской Федерации на тему "Военные и иные угрозы безопасности России в связи с расширением НАТО" № 3

Российские власти, российские инвесторы, берите пример! № 2

Так чей же все-таки Крым? № 2

Впервые ООН обратила внимание на вред курения № 4

Некрологи

Жудро Андрей Константинович № 1

Мовчан Анатолий Петрович № 1
Моджорян Лидия Артемьевна № 1
Шатров Вячеслав Павлович № 1

* * *

Предметный указатель статей и материалов, опубликованный в “Московском журнале международного права” в 1999 г. № 4

Премии “ Московского журнала международного права” за 1999 год № 4

* * *

Специальный выпуск журнала, посвященный 50-летию Женевских конвенций 1949 года, рассылался подписчикам бесплатно.

Кроме того, бесплатно подписчикам журнала рассылался и двухтомник “Птенцы гнезда МГИМО’ва”, выпущенный к 55-летию основания института и к 50-летию выпуска 1949 года.

**ПРЕМИИ “МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА”
ЗА 1999 ГОД**

Редколлегия журнала на своем заседании 23 июня 1999 года, когда обсуждался уже № 1 за 2000 год, решила наградить следующими премиями авторов лучших материалов за 1999 год:

Первая премия — Романову В.А. за международно-правовые статьи по укреплению международной безопасности, опубликованные в №№ 2, 3

Вторая премия — Муранову А.И. за удачный старт в работе в качестве члена редколлегии и опубликование в двух номерах журнала — №№ 2 и 3 трех статей (в том числе двух — в соавторстве) по проблематике международного частного права.

Третья премия — Еникееву З.Д. (Уфа) за статью “О свободе личности как высшей ценности”, опубликованную в № 2.

Поощрительная премия — Горшковой С.А. за статью-дебют “Стандарты Совета Европы и законодательство России”, опубликованную в № 2 за 1999 год.

Редакция журнала объявляет, что этот конкурс продолжится и в 2000 году. С этой целью устанавливаются следующие премии: первая премия — 500 рублей, вторая премия — 400 рублей, третья премия — 350 рублей; поощрительная премия (начинающему автору) — 250 рублей.

ЖУРНАЛ ПРИГЛАШАЕТ

**ЧИТАТЕЛЕЙ ПОДПИСЫВАТЬСЯ
НА НАШЕ ИЗДАНИЕ
НЕПОСРЕДСТВЕННО В РЕДАКЦИИ.**

***Это вам обойдется
почти в два раза дешевле,
чем в почтовом отделении,
и гарантирует получение
дополнительных
подарочных изданий вроде тех,
о которых говорится
на стр. 380.***

**Обращайтесь за справками по тел. 434-94-52
к секретарю редакции Ольге Викторовне Платохиной.**

Московский журнал международного права
Лицензия серии ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 03.09.99 г. Формат 60 × 88 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.печ.л. 24,0. Уч.-издл. 26,4.
Тираж 1100. Изд. № 4 — МЖМП/99. Зак. № 577. Цена 50 руб.

Отпечатано с оригинал-макета Редакционно-издательского отдела
МГИМО (У) МИД РФ в типографии ГФ "Полиграфресурсы",
101429, Москва, ул. Петровка, 26.

**Вы можете подписаться на наш журнал и на журнал
 “Международное право — International Law” по следующим адресам:
 You may subscribe to our journal and to the journal
 “Международное право — International Law” in the following offices:**

LIBERIA EDEST — EDIZIONI ESTERE VIA CAIROLI 12/4 16124 GENOVA — ITALIA	Италия Italy
Kubon & Sagner Buchexport—import GmbH D-80328 Munchen	Германия Germany
Slavica. Export-Import ul.Batumi, m.21 02—760 Warszawa Poland	Польша Poland
Prvni novinova spolecnost, a.s. Hvozdanska 5—7 148 31 Praha 4 CZECHIA	Чехия Czechia
Pinkus GmbH Munstergasse 12 CH-8001 Zurich 1 Switzerland	Швейцария Switzerland
Victor Kamkin Bookstore Inc. 4956 Boiling Brook Parkway Rockville MD 20852, USA	США USA
Panorama of Russia PO Box 44-1658 Somerville, Massachusetts 02144, USA	США USA
NAUKA LTD. 2-30-19, Minami-Ikebukuro, Toshima-ku, Tokyo, 171 Japan	Япония Japan

Во всех отделениях связи, а также

НПО “ИНФОРМ-СИСТЕМА” Россия, 113447, Москва, Севастопольский пр-т, 11а Тел. (095) 127-91-47; 129-61-84	Россия Russia (подписка оптовая, т.е. более 1 экз.) (the wholesale subscription that is more than 1 copy)
---	---

Московский журнал международного права

Подписаться на «Московский журнал международного права» на второе полугодие 1999 года можно в любом отделении связи.

Индекс издания — 70893. Стоимость подписки по каталогу (без доставки):

на № 3 и 4 — два номера — 48 руб.

Наценка за доставку определяется отделениями Минсвязи.

На «Московский журнал международного права» («Moscow Journal of International Law») на английском языке можно подписаться:

Россия — 121019, г. Москва Г-19, а/я 32

НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.

телефон 737-89-61; телефакс 737-89-62

E-mail: nestpub @ dol.ru

США и Канада — 1318, 15th Street, Oregon City
Ore., 97045 USA
Tel./Fax: 503 650 0559

или через каталоги таких подписных агентств, как «Книга Сервис» (Россия); EBSCO (1998-99 Periodicals for Law Libraries); Dawson UK Ltd.

Цена одного номера на английском языке — 30 \$ США,
подписка на полгода — 60 \$ США; на год — 120 \$ США.

Moscow Journal of International Law

ISSN 0869-0049

9 770869 004006

00